

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ»

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

21–24 ноября 2019 г.

Санкт-Петербург, ГУАП/Saint Petersburg, SUAI

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ЧАСТЬ 1

УДК 316.324.8

ББК 87.3

C28

C28 Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: ГУАП, 2019. – 255 с.

ISBN 978-5-8088-1411-0

ISBN 978-5-8088-1412-7 (Ч. 1)

В сборник вошли тезисы докладов, представленные в Организационный комитет конференции в электронном виде.

УДК 316.324.8

ББК 87.3

ISBN 978-5-8088-1411-0

ISBN 978-5-8088-1412-7 (Ч. 1)

© Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

О КОНФЕРЕНЦИИ	11
СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА».....	12
СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ТЕЗИСОВ СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА».....	13
ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	14
<i>Орлов С. В.</i> ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ	14
<i>Абрамов А. А.</i> ПАПА РИМСКИЙ ФРАНЦИСК О ПРОБЛЕМАХ БИОЭТИКИ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСЛАНИЕ «HUMANA COMMUNITAS».....	17
<i>Агапудов Д. В.</i> ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	19
<i>Адуло Т. И.</i> УЯСНЕНИЕ СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОСТИ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ	22
<i>Арутюнян К. С.</i> РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ.....	25
<i>Атаян А. М., Баловнев Д. А.</i> О ПРОБЛЕМЕ ТРАНСГУМАНИЗМА КАК ИДЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	27
<i>Атаян А. М., Третенко А. В.</i> КРИПТОАНАРХИЗМ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	30
<i>Бежашвили М. Л.</i> ЧЕЛОВЕК-МАССА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	33
<i>Гильманов Д. Р.</i> ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	36
<i>Горохов П. А.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧЕЛОВЕКЕ БУДУЩЕГО» В МИРОВОЙ ФАНТАСТИКЕ	39
<i>Державина Н. Ф.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	43
<i>Думов А. В.</i> КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ.....	45
<i>Захаров Е. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОГО ОРГАНИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....	48
<i>Захарова Л. Н.</i> ЧЕЛОВЕК «ОЦИФРОВАННЫЙ» КАК РЕАЛЬНОСТЬ.....	50
<i>Зубарева С. С.</i> ПОКОЛЕНИЕ МИЛЛЕНИУМА – БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	53
<i>Ирхин Ю. В.</i> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОСТМОДЕРНИЗМА И НЕОМОДЕРНИЗМА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ	55
<i>Канашевич Н. М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	58
<i>Карнаух В. К.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЙ РЕЖИМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ	61
<i>Ковалёв Д. В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	64

<i>Косенков А. Ю.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА: СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРИСТИКА, РИСКИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	67
<i>Костин Н. О.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ	70
<i>Кошетарова Л. Н., Лосинская А. Ю.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: МОДЕЛИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	72
<i>Крайнов А. Л.</i> ЦИФРОВОЙ ТОТАЛИТАРИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	74
<i>Кудашов В. И.</i> ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНЫХ САМОУПРАВЛЯЕМЫХ СИСТЕМ	77
<i>Куликова О. Б.</i> ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ	80
<i>Лойко Л. Е.</i> ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	84
<i>Малышев Ю. М.</i> ПОИСК ИСТИНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	87
<i>Меньшикова Л. В., Левченко Е. В.</i> ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	91
<i>Мифтахова Р. Г.</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. БЛАГО ИЛИ ЗЛО	94
<i>Наумова Т. В.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СЦЕНАРИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	98
<i>Оконская Н. К.</i> ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ КОММОДИФИКАЦИЕЙ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ НАУКИ	101
<i>Павловская О. А.</i> СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	104
<i>Пекарникова М. М.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	107
<i>Приходько Ф. С.</i> ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ	110
<i>Савина И. А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ДОКУМЕНТОВЕДА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	113
<i>Салохин Н. П.</i> ПАРАДИГМА САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	115
<i>Соснина Т. Н.</i> СТАТУС ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПРОДУКТА (ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)	117
<i>Ставропольский Ю. В.</i> ЦИФРОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РЕСУРСОВ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	120
<i>Столь А. Б.</i> ПРОБЛЕМА БЫТИЯ И ЗНАНИЯ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	122
<i>Фортунатов А. Н.</i> ЦИФРОВАЯ ТОЛПА И ЦИФРОВОЙ ГЕДОНИЗМ: ПОСТБЫТИЙНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	125
<i>Хидиятов Н. Б.</i> НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ В. И. ВЕРНАДСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ И ЕЕ ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	128

<i>Циплакова Ю. В. А. НЕСС И Ф. ГВАТТАРИ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ</i>	131
<i>Яковлева Л. С. ФЕНОМЕН СЕЛФИ КАК ФОРМА ТРАНСФОРМАЦИИ НАРЦИССИЗМА ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....</i>	134
ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ.....	136
<i>Лосев К. В., Михайлов В. В., Яковлев А. В. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИН-ФОРМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАКСИМ: ОПРАВДАНИЕ ИМПЕРИИ.....</i>	136
<i>Бойчук С. С. ПАРАДОКСЫ АНТИЧНОГО ЛОГОСА И АППОЛЛОНИЧЕСКАЯ МЕРА БЛАГОРОДНОГО МУЖА ИЛИ ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ О ДОБРОДЕТЕЛИ СПАРТИАТЫ.....</i>	140
<i>Бочарников В. Н. МЕТАФОРА ФИЛОСОФСКОГО КУБА И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В СОЦИАЛЬНОМ ЗЕРКАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОСТИ</i>	143
<i>Вольнов И. Н. НАУКА И ИСКУССТВО: КРАСОТА КАК НАУЧНЫЙ ПРИНЦИП</i>	146
<i>Зайцев И. Н. ДЕГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА.....</i>	148
<i>Львов А. В. ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ</i>	150
<i>Малик Ю. С. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ</i>	152
<i>Минабутдинов И. В. ГЛОБАЛЬНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: КОНЦЕПЦИИ ИРВИНА ЯЛОМА.....</i>	155
<i>Пазовский А. М. ОБРАЗ И ПОЧЕРК: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ И ИХ АНАЛИЗ</i>	157
<i>Петрук И. Г. ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ИСКУССТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ</i>	160
<i>Рожкова К. Л. КОНЦЕПТ АУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОИЗВЕДЕНИЮ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ.....</i>	163
<i>Тюгашев Е. А. ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО ЖИТЬ: ИДЕЯ ЭЛЕКТРОННОГО СУПЕРСЕРВИСА.....</i>	166
<i>Щепановская С. В. АЛЬТЕРНАТИВА МИФОТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОЛОС АРХАИЧЕСКОГО РАЗУМА.....</i>	169
<i>Яковлева Е. Л. ПРОБЛЕМАТИЗИРУЯ СЮРРЕАЛИСТИЧНОСТЬ МЕДИАОБРАЗА ..</i>	173
ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА	
ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	176
<i>Исаев Б. А. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И ВЕРОЯТНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ.....</i>	176
<i>Багнюк В. Е. ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....</i>	178
<i>Быльева Д. С. ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-КОНСОЛИДАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАУКИ И ФЛЕШМОВОВ.....</i>	181
<i>Васильев М. В. НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕОПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА</i>	184
<i>Ващенко А. В. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРНА</i>	188
<i>Восканян С. С. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ</i>	192
<i>Гурбатов Т. А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 21 ВЕКЕ</i>	194

<i>Гуторов В. А.</i> ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКА: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА	197
<i>Игнатъева И. Ф.</i> ГЕОЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	200
<i>Имкина Е. С., Кузьмина В. М.</i> ЭТАПЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ РОССИИ В МИРОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ	203
<i>Костирев А. Г.</i> «ПОСТПОЛИТИКА» В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ	206
<i>Кравченко В. И.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	208
<i>Кузьмина В. М., Молодова А. С.</i> ОЦЕНКА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	211
<i>Лойко А. И.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПАРАДИГМА ИНДУСТРИИ 4.0	214
<i>Мальцев К. Г., Ломако Л. Л.</i> АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ИМПЕРСКОГО ПОРЯДКА	216
<i>Миронова С. В., Фролов А. А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	219
<i>Нестерова И. Е.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ	222
<i>Нефедов С. А., Куцаенко Е. И.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	224
<i>Плющ А. Н.</i> ЗАДАНИЕ СМЫСЛА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ «УМНОЙ» СИЛЫ	226
<i>Пономарева Н. С.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ИНДИИ И ПАКИСТАНА. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	230
<i>Сидоренко В. П.</i> ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА НКВД В ОБОРОНЕ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (К 75-ЛЕТИЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ГОРОДА)	233
<i>Сирота Н. М.</i> МОДЕЛИ МИРОПОРЯДКА И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ	237
<i>Скорнякова С. С.</i> СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	240
<i>Соколов А. В., Беляков А. А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	242
<i>Сомин И. Д.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ И ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА	245
<i>Стерликова А. А.</i> ВЛИЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛОВ И КИНО	247
<i>Тяпин И. Н.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	249
<i>Франц В. А.</i> «МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	252

CONTENTS

<i>Orlov S. V.</i> THE PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY AS A RESEACH PROJECT	14
<i>Abramov A. A.</i> POPE FRANCIS ON BIOETHICAL AND HI-TECH ISSUES: 'HUMANA COMMUNITAS' MESSAGE	17
<i>Agapudov D. V.</i> TECHNICAL ASPECTS OF THE TRUTH IN THE INFORMATION SOCIETY	19
<i>Adulo T. I.</i> CLARIFICATION OF THE ESSENCE OF SOCIALITY IS THE KEY TO UNDERSTANDING THE GLOBAL PROBLEMS OF MODERNITY	22
<i>Arutyunyan K. S.</i> ADMINISTRATIVE CONCIOUSNESS DEVELOPMENT IN THE SHERE OF SOCIAL SYSTEM INFORMATIZATION.....	25
<i>Atayan A. M., Balovnev D. A.</i> THE PROBLEM OF TRANSHUMANISM AS AN IDEA OF HUMAN NATURE MODERNIZATION BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES	27
<i>Atayan A. M., Tretenko A. V.</i> CRYPTOANARCHISM AS A FORM OF REALIZATION OF FREEDOMS PERSONALITIES IN THE INFORMATION SOCIETY	30
<i>Bezhiashvili M. L.</i> MASS-MAN IN A MODERN SOCIETY	33
<i>Gilmanov D. R.</i> KNOWLEDGE ECONOMY AND THE HUMAN FACTOR: TERRITORIAL FEATURES	36
<i>Gorokhov P. A.</i> PHILOSOPHICAL THOUHTS ABOUT THE "MAN OF THE FUTURE" IN THE WORLD SCIENCE FICTION	39
<i>Derzhavina N. F.</i> TRANSFORMATION OF HUMAN MEMORY IN INFORMATION SOCIETY	43
<i>Dumov A. V.</i> CATEGORY OF COMPLEXITY IN CONTEXT OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF INFORMATION	45
<i>Zakharov E. A.</i> CHARACTERISTICS OF THE CITY AS A SOCIO-CULTURAL ORGANISM IN THE DIGITAL ERA.....	48
<i>Zakharova L. N.</i> HOMO DIGITAL AS REALITY.....	50
<i>Zubareva S. S.</i> MILLENNIALS IS THE FUTURE OF THE DIGITAL SOCIETY.....	53
<i>Irkhin I. V.</i> INTERDISCIPLINARY APPROACH TO ANALYSIS OF POSTMODERNISM AND NEOMODERNISM IN DIGITAL SOCIETY	55
<i>Kanashevich N. M.</i> THE FORMATION OF INFORMATION SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS	58
<i>Karnauh V. K.</i> INFORMATION SOCIETY: A NEW MODE OF WORKING TIME	61
<i>Kovalyev D. V.</i> TRANSFORMATION OF CONSCIOUSNESS IN THE INFORMATION SOCIETY.....	64
<i>Kosenkov A. Y.</i> SPIRITUAL SPHERE OF MODERN SOCIETY DIGITAL TRANSFORMATION. ITS ESSENCE, CHARACTERISTICS, RICKS AND NEW CHALLENGES.....	67
<i>Kostin N. O.</i> ECOLOGICAL THINKING AND ECOLOGICAL BEHAVIOR	70
<i>Koshetarova L. N., Losinskaya A. Y.</i> VIRTUAL REALITY: MODELS OF SUBJECT-OBJECT INTERACTION.....	72
<i>Krainov A. L.</i> DIGITAL TOTALITARISM AS A RESULT OF INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT	74
<i>Kudashov V. I.</i> INFORMATION SOCIETY IN THE CONTEXT OF COMPLEX SELF-GOVERNING SYSTEMS	77
<i>Kulikova O. B.</i> SCIENTIFIC OBJECTIVITY IN THE IDEAL OF JUSTICE CONTEXT	80
<i>Loiko L. E.</i> CHANGES IN CULTURE OF INFORMATION SOCIETY.....	84

<i>Malyshev Y. M.</i> THE SEARCH FOR TRUTH IN THE SPACE OF MODERN CULTURE WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.....	87
<i>Menshikova L. V., Levchenko E. V.</i> THE INFLUENCE OF INFORMATION SPACE ON HUMAN COGNITIVE ACTIVITY	91
<i>Miftakhova R. G.</i> ARTIFICIAL INTELLIGENCE. BENEFITS AND RISKS	94
<i>Naumova T. V.</i> ECOLOGICAL VECTOR IN POSTINDUSTRIAL SOCIETY DEVELOPMENT SCENARIOS	98
<i>Okonskaya N. K.</i> CONTRADICTIONS BETWEEN COMMODIFICATION AND COMMERCIALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE EPOCH OF THE TRANSDISCIPLINARITY OF SCIENCE.....	101
<i>Pavlovskaya O. A.</i> SOCIO-HUMANITARIAN BASES OF TRANSITION TO INFORMATION SOCIETY.....	104
<i>Pekarnikova M. M.</i> EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE ERA OF VIRTUAL COMMUNICATION	107
<i>Prikhodko F. S.</i> ELECTRONIC CULTURE OF INFORMATION SOCIETY: NEW OPPORTUNITIES AND POTENTIAL RISKS	110
<i>Savina I. A.</i> PROFESSIONAL QUALITIES OF A RECORD MANAGER GLOBAL INFORMATION SOCIETY	113
<i>Salokhin N. P.</i> SELF-GOVERNMENT PARADIGM IN CONTEXT OF RUSSIAN CULTURAL TRANSFORMATIONS	115
<i>Sosnina T. N.</i> PRODUCT LIFE CYCLE STATUS (PHILOSOPHICAL ASPECT)	117
<i>Stavropolsky J. V.</i> DIGITAL PUBLICATIONS IN THE ASPECT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND RESOURCES IN CULTURAL AND HISTORICAL RESEARCH	120
<i>Stol A. B.</i> THE PROBLEM OF BEING AND KNOWLEDGE OF THE SUBJECT IN MODERN CULTURE	122
<i>Fortunatov A. N.</i> DIGITAL CROWD AND DIGITAL HEDONISM: POST-BEING IN INFORMATION SOCIETY	125
<i>Khidiyatov N. B. V. I.</i> VERNADSKY'S SCIENTIFIC THEORY IN THE CONTEXT OF MODERNITY AND ITS PHILOSOPHICAL COMPONENT	128
<i>Tsiplakova Y. V. A.</i> NESS AND F. GUATTARI: TWO VIEWS ON THE PROBLEM OF HUMAN BEING IN ECOLOGICAL PHILOSOPHY	131
<i>Yakovleva L. S.</i> THE PHENOMENON OF SELFIE AS A FORM OF TRANSFORMATION OF PERSONALITY NARCISSISM IN INFORMATION SOCIETY	134
<i>Losev K. V., Mikhailov V. V., Yakovlev A. V.</i> SPATIAL IN-FORMS OF IDEOLOGICAL MAXIMS: JUSTIFICATION OF THE EMPIRE.....	136
<i>Boychuk S. S.</i> THE PARADOXES OF THE ANTIQUE LOGOS AND THE APOLLONIC MEASURE OF A NOBLE MAN OR WHAT SPARTANS CAN TELL ABOUT VIRTUES.....	140
<i>Bocharnikov V. N.</i> METAPHOR OF THE PHILOSOPHICAL CUBE AND ANTHROPOLOGICAL CODE IN THE SOCIAL MIRROR OF MODERN INFORMATION SOCIETY	143
<i>Volnov I. N.</i> SCIENCE AND ART: BEAUTY AS A SCIENTIFIC PRINCIPLE	146
<i>Zaitsev I. N.</i> DEHUMANIZATION OF SOCIAL MEDIA	148
<i>Lyvov A. V.</i> NON-MATERIAL CULTURE DOES NOT EXIST	150
<i>Malik Y. S.</i> AESTHETIC VIEWS IN THE PARADIGM OF THE GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY	152

<i>Minabutdinov I. V.</i> GLOBAL COMPATIBILITY: IRVIN D. YALOM'S CONCEPTS	155
<i>Pazovskiy A. M.</i> IMAGE AND HANDWRITING: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTIFICATIONS IN DOCUMENTARY PHOTOGRAPHY AND THEIR ANALYSIS	157
<i>Petruk I. G.</i> PROBLEMS OF PHENOMENOLOGY OF ART IN THE INFORMATION SOCIETY	160
<i>Rozhkova K. L.</i> THE CONCEPT OF AURA IN RELATION TO A WORK OF ART IN THE WORK OF WALTER BENJAMIN: PROBLEM POINTS.....	163
<i>Tyugashev E. A.</i> PHILOSOPHY AS THE ART OF LIVING: THE IDEA OF AN ELECTRONIC SUPERSERVICE	166
<i>Shchepanovskaya S. V.</i> ALTERNATIVE OF MYTHCREATIVE THOUGHT TO INFORMATION SOCIETY AS A GLOBAL VOICE OF ANCIENT MIND.....	169
<i>Iakovleva E. L.</i> SURREALISTIC MEDIA IMAGE AND ITS PROBLEMS	173
<i>Isaev B. A.</i> SOCIAL STRUCTURE OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY AND PROBABILITY OF REVOLUTION	176
<i>Bagnjuk V. E.</i> THE FEATURES OF GEOPOLITICS OF INFORMATION SOCIETY	178
<i>Bylieva D. S.</i> THE POSSIBILITIES OF INTERNET CONSOLIDATION ON THE EXAMPLE OF CIVIL SCIENCE AND FLASHMOBES	181
<i>Vasilev M. V.</i> NEW PRINCIPLES OF GEOPOLITICS IN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY	184
<i>Vaschenko A. V.</i> COLD WAR IN THE STYLE OF POSTMODERN.....	188
<i>Voskanyan S. S.</i> SOCIOPOLITICAL ASPECTS OF MASS MEDIA DEVELOPMENT	192
<i>Gurbatov T. A.</i> THE FUNCTIONING OF POLITICAL INSTITUTIONS AND PARTY-POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA IN THE 21 CENTURY.....	194
<i>Gutorov V. A.</i> EDUCATION AND POLITICS: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ANALYSIS.....	197
<i>Ignatieva I. F.</i> GEOECONOMICS AS A NEW ELEMENT OF INFORMATION SOCIETY GEOPOLITICS	200
<i>Imkina E. S., Kuzmina V. M.</i> STAGES OF RUSSIA'S INVOLVEMENT IN WORLD INTEGRATION PROCESSES	203
<i>Kostyrev A. G.</i> 'POST-POLICY' IN THE NETWORK SOCIETY	206
<i>Kravchenko V. I.</i> POLITICAL CULTURE AND SPECIFIC OF ITS TRANSFORMATION IN THE INFORMATION SOCIETY.....	208
<i>Kuzmina V. M., Molodova A. S.</i> ASSESSMENT OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE COUNTRIES OF EUROPE AND THE MIDDLE EAST.....	211
<i>Loiko A. I.</i> PERSPECTIVES OF GLOBALIZATION: PARADIGM INDUSTRY 4.0.....	214
<i>Maltsev K. G., Lomako L. L.</i> ANTI-TERRORIST WAR AS A CONSTITUTIVE ELEMENT OF THE POST-MODERN IMPERIAL ORDER.....	216
<i>Mironova S. V., Frolov A. A.</i> TRANSFORMATION OF FORMS OF POLITICAL PROTEST IN DIGITAL CONDITIONS: REGIONAL ASPECT.....	219
<i>Nesterova I. E.</i> THE MAIN TENDENCIES OF RUSSIA'S COOPERATION WITH THE STATES OF AFRICA IN THE MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM OF COORDINATES.....	222
<i>Nefedov S. A., Kutsaenko E. I.</i> INFORMATION PRIVILEGES OF THE POLITICAL ELITE.....	224
<i>Plyushch A. N.</i> CREATING POLITICS CONCEPTS AS A TOOL OF "SMART" POWER.....	226

<i>Ponomareva N. S.</i> GEOPOLITICAL CONFLICT OF INDIA AND PAKISTAN. PAST, PRESENT AND FUTURE	230
<i>Sidorenko V. P.</i> INTERNAL TROOPS OF THE NKVD IN THE DEFENSE OF THE BESIEGED LENINGRAD (TO THE 75TH ANNIVERSARY OF LIFTING THE BLOCKADE OF THE CITY)	233
<i>Sirota N. M.</i> MODELS OF WORLD ORDER AND NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA	237
<i>Skornyakova S. S.</i> NETWORK RESOURCES OF “SOFT POWER” IN THE GEOPOLITICAL SPHERE	240
<i>Sokolov A. V., Belyakov A. A.</i> USAGE OF METHODS OF POLITICAL ANALYSIS IN THE EPOCH OF INFORMATION TECHNOLOGIES	242
<i>Somin I. D.</i> EMPIRE TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF MODERNITY AND DIGITAL SOCIETY	245
<i>Sterlikova A. A.</i> INFLUENCE OF RUSSIAN MEDIA ON THE FORMATION OF HISTORICAL IMAGES IN PUBLIC CONSCIOUSNESS: ON THE EXAMPLE OF TELEVISION SERIES AND MOVIES	247
<i>Tyapin I. N.</i> GEOPOLITICAL PROBLEMS OF POST-SOVIET RUSSIA: PAST, PRESENT, FUTURE	249
<i>Frants V. A.</i> SOFT POWER OF THE CULTURE OF POLITICAL PROTEST: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY	252

О КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые коллеги!

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Институтом философии НАН Беларуси, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом) приветствует вас на Седьмой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества».

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философских, культурологических, социологических, политологических и психологических аспектов теории постиндустриального (информационного) общества, её оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем:

- новый взгляд на фундаментальные проблемы философии – концепции материи (бытия), развития и человека – в эпоху информационного общества;
- роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;
- русская философия и проблемы информационного общества;
- политика и геополитика в информационном обществе;
- компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;
- изменения в культуре и искусстве информационного общества;
- современные проблемы развития науки и образования.
- творчество в условиях информационного общества;
- человеческое творчество и эвристики искусственного интеллекта.

Желаем всем активного творческого сотрудничества!

Оргкомитет

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Антохина Юлия Анатольевна – ректор ГУАП – председатель оргкомитета.

Посев Константин Викторович – и. о. проректора по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор – заместитель председателя оргкомитета.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП – заместитель председателя оргкомитета.

Быданов Виктор Евгеньевич – заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета), кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Максимович Валерий Александрович – главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор (по согласованию).

Внутских Александр Юрьевич – заместитель декана по научной работе философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, главный редактор научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Семёнов Сергей Николаевич – кандидат философских наук, директор Центра профессионального творчества Консорциума «Нефтегазовый центр» (ООО МИП Уфимского государственного нефтяного технического университета) (по согласованию).

Гусман Леонид Юрьевич – заведующий кафедрой истории и философии ГУАП, доктор исторических наук, доцент.

Исаев Борис Акимович – Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Выжлецов Геннадий Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор Института философии СПбГУ (по согласованию).

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Секацкий Александр Куприянович – кандидат философских наук, доцент, главный редактор журнала «EINA: Философия. Религия. Культура».

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ТЕЗИСОВ СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Лосев Константин Викторович – и. о. проректора по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор – главный редактор.

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Орлов Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: orlov5508@rambler.ru

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Попытки теоретически осмыслить информационное общество постоянно наталкиваются на необходимость решения новых фундаментальных философских проблем, порожденных этой эпохой.

Ключевые слова: информационное общество, труд.

Orlov Sergei Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY AS A RESEARCH PROJECT

Abstract. The attempts to understand information society always result in some new philosophical problems, the modern stage of civilization development causes.

Keywords: Information society, labour.

В XIX веке К. Маркс предсказал формирование общества «всеобщего», или «научного» труда. В конце XX века появились характеристики нынешней ступени развития цивилизации как «общества знаний» (Д. Белл), постэкономического общества (В. Иноземцев), информационного общества (Е. Масуда), «информационального общества» (М. Кастельс), «научно-образовательного общества» (А. И. Субетто). Во всех этих характеристиках явно прослеживается фундаментальная философская проблема – взаимосвязь материального и духовного в общественном развитии. Касаются ли изменения в обществе только (или: прежде всего) сферы знания и информации, которую одни исследователи считают материальной, другие – нематериальной? Каков баланс, взаимодействие материальных и духовных процессов в информационном обществе, не требует ли новый этап общественного развития неких уточнений наших представлений о взаимосвязи материального и идеального, а вслед за этим – наших концепций социальной и общей философии в целом?

Крупное уточнение и переосмысление фундаментальных понятий онтологии и теории познания уже происходило во время кризиса в физике на рубеже XIX-XX веков. В это время, как известно, была открыта новая форма материи – поле, что привело к появлению новых версий философских учений о материи и сознании. Э. Мах попытался вообще упразднить проблему взаимопревращения материального и идеального, постулировав существование «элементов мира», которые в одних связях выступают как физические, в других – как психические элементы (сарказм В. И. Ленина по этому поводу: «ничьи ощущения»). А. Эйнштейн, преодолевший кризис в физике, опирался на материалистические представления о материи, существующей независимо от человеческого познания. Аналогичную точку зрения о существовании независимой от нас «объективной реальности», которую ученые познают, разделяет ряд ведущих современных физиков [см., напр.: 1, с. 132, с. 147].

Современный кризис в науке и философии науки обусловлен не столько открытиями в естественных науках, сколько формированием в результате целенаправлен-

ной человеческой деятельности особого типа реальности – информационной, виртуальной реальности. Различные исследователи рассматривают ее как материальную, как духовную, как особые состояния материи и духа или, наконец, как особую реальность, отличающуюся от первых двух [см.: 4]. Нами была предложена трактовка виртуальной реальности как специфической сферы объективной реальности, которая внешне похожа на субъективную реальность и обладает свойствами, напоминающими главные свойства духовной реальности – квазиидеальностью и квазисубъективностью [см.: 3]. В любом случае не вызывает сомнений, что сохраняются большие различия в понимании информации и виртуальной реальности. Без их теоретического осмысления и преодоления вряд ли возможно построение философской концепции, адекватно описывающей фундаментальные черты информационного общества.

Не менее спорным остается вопрос об изменениях природы человеческого труда в информационную эпоху, связанный с концепциями взаимодействия материального и идеального. Еще в философии советского периода была популярна точка зрения, что в обществе будущего физический труд будет вытесняться умственным трудом. Несколько позже разработаны представления о возникновении новых форм труда, существенно меняющих человеческую личность и человеческую деятельность. Так, компьютерный труд пытаются охарактеризовать как современную форму всеобщего труда, возникновение которого было замечено еще К. Марксом [см.: 2]. Тем не менее вопрос о природе труда в информационную эпоху, о его влиянии на человеческую личность и общество еще далек от своего решения.

Неясность в вопросе об изменениях трудовой деятельности и человеческой личности, происходящих под влиянием информационных технологий, приводит к распространению ряда упрощенных стереотипов. Так, одна из участниц дискуссии на пленарном заседании Санкт-Петербургского цифрового форума 29 августа 2019 г. выразила мнение, что в современном обществе человек все чаще получает информацию, просто нажимая кнопки на электронных устройствах, и поэтому «общество умнеет, а отдельные люди глупеют». Присутствующий на заседании первый заместитель главы администрации Президента РФ С. В. Кириенко выразил несогласие с такой трактовкой и пояснил свою точку зрения: труд и технологии усложняются, человеческая личность тоже. Процесс труда и работы с информацией по своему содержанию не сводится к отдельным простым операциям, и возможность быстрого получения информации сама по себе вовсе не ведет к деградации личности.

Философское осмысление информационного общества должно, с нашей точки зрения, охватывать по меньшей мере три важных уровня научного анализа: уровень чувственного познания, теоретический уровень и уровень практической деятельности.

На уровне чувственного познания наиболее очевидные проблемы связаны с психологией восприятия мира человеком, новой системой взаимодействия в повседневной жизни, функционирующей через схемы «человек – человек» и «человек – техника». Тут требуется, в частности, философское осмысление индивидуального познания и его изменений в цифровую эпоху. Если И. Кант исследовал проблему взаимосвязи материального и идеального мира (вещь-в-себе и явление), то теперь в эту связь добавляется еще мир виртуальный, похожий в чем-то и на материальный, и на духовный. Проблемы, поставленные Кантом, в информационном обществе усложняются.

На уровне теоретического исследования философия может объяснить воздействие виртуальной реальности на изменения, происходящие в экономике, информатике и в других областях. Образую единую систему, общество каким-то образом целостно реагирует на революцию в информационных процессах. Приведет ли это к новой корректировке теорий общественного развития, или они остаются безразличны к глубинным сдвигам в социальной системе?

На уровне практической деятельности назрела необходимость глубокого анализа изменений процесса труда на основе подходов философии, экономики, социологии,

психологии и других наук. Если раньше существовал материальный и духовный труд, то как теперь с ними связан труд по созданию виртуального продукта – всеобщий труд, компьютерный труд, труд в сфере информатики и т. п.? Социальная структура общества и расстановка классовых сил прямо связаны с уровнем развития человека и технологий материального производства, то есть с характером труда. Показательно, что крупнейший специалист по информационному обществу, Мануэль Кастельс, последние годы занимается изучением социальных движений («бархатные революции», «арабская весна»), истоки которых он видит во многом в информационных технологиях и последствиях их распространения.

Таким образом, к настоящему времени объективно сложилась потребность во всестороннем – в том числе и философском – исследовании информационного общества. Как часто бывает в науке, формирование и реализация этого исследовательского проекта происходит стихийно и по существу напоминает своеобразный вариант краудсорсинга. Скорость и глубина реализации такого проекта будет зависеть во многом от субъективных факторов – осознания заинтересованности в его осуществлении, выделения необходимых личных и общественных ресурсов, умения опереться на опыт науки прошлого – в том числе на историю философии – и способность выдвинуть новые продуктивные идеи.

Библиографический список

1. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физики в поисках самых фундаментальных законов природы. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М. – 2008. – 256 с.
2. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики: монография. – Пермь. – 2013. – 268 с.
3. Орлов С. В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные законы развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1. – С. 12–25 [Электронный ресурс]. URL: <http://fikio.ru/?p=2056> (дата обращения 01.10.2019).
4. Соснина Т. Н. Определение понятия «виртуальность». Анализ терминологического статуса // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2017. – № 2. – С. 11–19 [Электронный ресурс]. URL: <http://fikio.ru/?p=2566>

Абрамов Александр Александрович

аспирант

Московская духовная академия Русской православной церкви

Email: nyresidence@gmail.com

ПАПА РИМСКИЙ ФРАНЦИСК О ПРОБЛЕМАХ БИОЭТИКИ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСЛАНИЕ «HUMANA COMMUNITAS»

Аннотация. Ватикан стал одним из первых религиозных объединений, где должным образом оценили масштаб и значение происходящих перемен в области новейших технологий, равно как и антропологические угрозы последних. Понтификат Папы Франциска характеризуется особым вниманием к биоэтическим проблемам и вопросам искусственного интеллекта и нейронауки. Послание «Humana communitas» 2019 года стало попыткой сформулировать культурно-теологический синтез католического подхода к возникающим проблемам техногенной цивилизации.

Ключевые слова: биоэтика, искусственный интеллект, нейронаука, Ватикан, Папа Франциск, антропология, Католическая церковь, послание «Humana communitas».

Abramov Alexander Alexandrovich

Postgraduate student

Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church

POPE FRANCIS ON BIOETHICAL AND HI-TECH ISSUES: 'HUMANA COMMUNITAS' MESSAGE

Abstract. Vatican was among the first religious entities to identify real meaning of drastic changes taking place in the technological area as well as to face anthropological challenges to the humanity. Pope Francis pays special attention to the bioethics, AI and neuroscience issues viewed as both jeopardy and enhancement chance. 'Humana communitas' Message of January, 2019 seeks to provide a synthetic approach to the discussed matters.

Keywords: bioethics, AI, neuroscience, Hi-Tech, Catholic Church, Pope Francis, 'Humana communitas' Message

Послание «Humana communitas» («Человеческая община») было направлено 11 февраля 2019 года Папой Римским Франциском президенту Папской Академии в защиту жизни по случаю 25-летия со дня ее основания. Это один из основных новейших так называемых учительных документов Католической Церкви, посвященных изучению вопросов прогресса точных наук и биомедицины, экспоненциального роста технологий и их воздействию на современный мир. Названный спектр вопросов и относится к тематике занятий Академии, одним из первых президентов которой был всемирно известный генетик, один из открывателей механизма заболевания синдромом Дауна Ж.Лежён.

Послание не является первой и единственной попыткой Ватикана подвергнуть критическому анализу строй современной технократической и техногенной цивилизации. Так, ранее Иоанн Павел II в документе «Vitae mysterium» 1994 года призывал к тому, чтобы наука и техника были поставлены «на службу человеческой личности и ее основополагающим правам», тем самым способствуя «достижению всецелого блага человека» [1,3]. Сам Франциск в свете серьезности происходящих прорывов в таких областях как генетика, нейронауки, биохимия и др., неоднократно указывал на безотлагательность «активизации изучения и обсуждения последствий подобной эволюции общества в технологическом смысле, чтобы сформулировать такой антропологический синтез, который бы соответствовал высоте этого эпохального вызова» [2].

«Humana communitas» фиксирует критическое положение во взаимоотношениях между личностью и человеческой общиной, в чем понтифик видит глобальную причину грозящих человечеству опасностей: речь идет об «антикультуре равнодушия к сообществу: враждебной к мужчинам и женщинам и поддерживающей союз со всевластием денег» [3:2,6,8]. Антитеза такой смертоносной антикультуре, которую формулирует документ, такова – складывание единой глобальной биоэтики, в рамках которой должным образом были бы отражены идеи ценности человеческого единства и понимание возникающих новых угроз: «Новая универсальная этическая перспектива, внимательно относящаяся к темам творения и человеческой жизни, – вот цель, к которой мы должны стремиться в культурном плане» [3:4,10]. Как полагает глава Католической Церкви, выработанная в результате широкой дискуссии с научным сообществом этическая модель позволит «избежать сведения жизни либо к понятию исключительно биологическому, либо к универсальному, абстрагированному от отношений и истории» [3,9]. В этом контексте особое значение приобретает дискуссия о соотношении прав и обязанностей человека в социуме, исполненном различий как межмежкультурного и межрелигиозного свойства. Поиск универсальных критериев «глобальной» биоэтики, однако, никоим образом, по мысли Франциска, не отменяет, а, напротив, стимулирует необходимость разрабатывать «аргументацию и язык», которые нужно использовать в междисциплинарном диалоге [3,11].

Практическую значимость имеют главы послания, посвященные новым технологиям, которым Ватикан дает определение «возникающих и сходящихся» [3,12]. К их числу относятся информационные и коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и робототехника. «Красная линия» здесь, как полагает Папа, проходит следующим образом: «Даже человеческое тело поддается таким вмешательствам, которые могут изменить не только его функции и характеристики, но также и способы его взаимоотношений, на личном и социальном уровне, все больше и больше подвергая его воздействию логики рынка» [3,12]. Хотя в указанных отрывках «Humana communitas» и не обсуждается непосредственное воздействие тех или иных технологий на общественный и бытовой уклад (как, впрочем, и не содержится алармистских заявлений), общий гуманистический вектор послания Франциска прослеживается вполне ясно. Обращаясь к ученым, объединенным в Папскую Академию жизни, понтифик ставит задачу «понять эпохальные преобразования, возникающие на этих новых рубежах, как ориентировать их на службу человеческой личности, уважая и поддерживая ее чувство собственного достоинства» [3,12].

Таким образом, послание «Человеческая община» дает острую оценку текущей действительности дезинтегрированного общества; намечает программу складывания консенсусной универсальной биоэтики в полемике с господством рынка; предлагает программу антропологического осмысления результатов развития новейших технологий при признании безусловного приоритета достоинства человеческой личности.

Библиографический список

1. Иоанн Павел II. Motu proprio (личное послание) Vitae mysterium, 11 февраля 1994 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academyforlife.va/content/dam/pav/documents/Vitae%20Mysterium_ENG.pdf (дата обращения 22 октября 2019 года).
2. Франциск. Обращение к участникам общего собрания членов Папской академии в защиту жизни, 5 октября 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academyforlife.va/content/dam/pav/documents/papi/papa-francesco/address_PAV_GA_2017_en_.pdf (дата обращения 22 октября 2019 года).
3. Он же. Humana communitas. Послание президенту Папской академии в защиту жизни по случаю 25-летия со дня ее учреждения, 11 февраля 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/letters/2019/documents/papa-francesco_20190106_lettera-accademia-vita.html (дата обращения 22 октября 2019 года).

Агапудов Денис Викторович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: denis11992@yandex.ru

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации понимания ключевых гносеологических категорий – истины, знания, познания, научной рациональности в информационном обществе; показано завершение периода развития общества, когда истина имела не только гносеологические, но и аксиологические характеристики (истина-благо).

Ключевые слова: истина, рациональность, постиндустриальное общество, техносфера.

Agapudov Denis Viktorovich

Postgraduate student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

TECHNICAL ASPECTS OF THE TRUTH IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article focuses on the problem of understanding transformation of the main epistemological categories – truth, knowledge, cognition, scientific rationality in the information society. The end of the period of development of society is shown, when the truth had not only epistemological, but also axiological characteristics (truth-good).

Keywords: truth, rationality, post-industrial society, technosphere.

Философия охватывает отношение человека к миру, теоретическое описание которого оказывается неполным без учёта его технического мироотношения, неизменно обладающего трансцендентальностью. Именно эту мысль выразил М. Хайдеггер в работе «Вопрос о технике»: «Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [7, с. 225]. М. Хайдеггер выделяет два основных значения техники в античной философии: во-первых, τέχνη – название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства, что относится к «про-из-ведению», к ποιησις («поэтическое»); во-вторых, τέχνη стоит рядом ἐπιτήμη, что означает знание в самом широком смысле этого слова, умение ориентироваться, разбираться в чем-то. М. Хайдеггер пишет: «Знание приносит ясность. В качестве проясняющего оно есть раскрытие потаенности» [7, с. 270]. Аристотель проводит различие между ἐπιτήμη и τέχνη, где τέχνη – вид «истинствования», ἀληθεύειν [1]. Таким образом, этимология слова τέχνη раскрывает то, что «не само себя про-изводит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе» [7, с. 277]. Например, человек, строящий дом или корабль, или выковылаивающий жертвенную чашу, выводит «про-из-водимое из потаенности» соответственно четырем видам: заранее собирает образ и материал корабля, и дома, и способ ее изготовления. Решающая суть τέχνη заключается тем самым вовсе не в операциях и манипуляциях, не в применении средств, а в качестве раскрытия – τέχνη и оказывается «произведением» [7, с. 278].

Таким образом, в техническом мироотношении объектом-доминантой является преобразуемая человеком природа, а объектом-посредником – все средства преобразования. В технике отражены, сняты, представлены в очевидном единстве природное и человеческое начало. Как бы техника ни усложнилась, природное и челове-

ческое остаётся сплавленным в ней и в этом сплаве обременёнными друг другом. Техника (и в смысле набора инструментов, и как технология – техника в действии) оказывается границей субъекта и объекта, материя и форма обнаруживается на обеих её полюсах: природный материал приобретает положенную субъектом форму, а субъективность выступает в форме вещи. М. Гурина заявляет, что «философия должна заставить себя взять в качестве объекта своего рассмотрения то, что происходит здесь и теперь» [3, с. 25], поскольку, современная философия может изучать технику в ее конкретном развитии, чего, конечно же, была лишена античная традиция.

Стремительное развитие техники в современном обществе актуализирует сложный спектр мировоззренческих вопросов: что такое техника как феномен? Каковы формы и пределы ее воздействия на человеческое бытие? В чем проявляется общественная обусловленность техники? Является ли она благом для человечества или таит в себе непредвиденные роковые предопределения? Нам же хотелось бы добавить к этим многочисленным вопросам еще один: как соотносится понятие техники (τέχνη) и истины (ἀληθείαι) в современной философии?

В информационном обществе, наступление которого провозгласили «классики» концепции «постиндустриального общества» О. Тоффлер, З. Бжезинский, Е. Масуда, Х. Маклюэн, Дж. Нейсбит и др., мир познается человеком и трансформируется в зависимости не только от глубины и качества наших знаний, но и под влиянием «техносферы». «Демассификация цивилизации, отражением и усилением которой являются средства информации, влечет за собой огромный скачок объема информации, которой мы обмениваемся друг с другом. И этот рост объясняет, почему мы становимся «информационным обществом», – считает О. Тоффлер [5, с. 450]. Общество, по О. Тоффлеру, развивается на основе «техносферы», которая неразрывно связана с другими сферами общества: социосферой, инфосферой, психосферой [5, с. 523]. Техника словно «вторгается» в жизнь человека, во-первых, через посредство результатов её применения, во-вторых – в силу того, что схемы технического действия выходят далеко за пределы техносферы, определяя сам характер отношения человека к миру.

В данном контексте, философско-теоретическое осмысление техники становится особенно важным в эпоху информационного общества (постиндустриального общества), поскольку новый, «технотронный» этап развития общества [2, с. 202] (З. Бжезинский) определяется не социальными революциями, а научно-техническим прогрессом. Таким образом, техника есть ни что иное как человек, обращённый «вовне», в преобразуемый им мир. Историчность техники неотделима от историчности человека, от эволюции его ценностных и деятельностных установок, детерминирующих его ориентацию в мире. Если охарактеризовать технику в категориях, то она окажется не только вещью для нас в буквальном значении этого термина, а «средством полагания субъектом объекта, а следовательно, и средством полагания субъектом самого себя» [6, с. 31].

В настоящее время актуализируется исследование иных аспектов рациональности, выходящих за рамки традиционных описаний науки. Данное изменение конкретных проявлений рациональности связывается: с многомерностью, многоуровневостью феномена сознания и с наличием символического, ненаглядного характера постижения реальности; с отказом от определенности в доскопальном смысле; нелинейностью стиля мышления; с динамичностью бытия, на основе которого возможно онтологическое конструирование и синтез. Указанные характеристики в силу своей неоднозначности не могут быть строго регламентированы, четко обозначены и структурированы, поскольку каждая эпоха, каждый индивидуальный жизненный мир привносит свою самость, свою специфику в процесс становления рациональности, обретения ею своего типа [4, с. 118].

Таким образом, истина в информационном обществе предстает как «единое целое» представлений о технике и познании, при этом соотносительность различных типов научной рациональности оказывается самой сущностью культуры. Понятие истины

как «относительного» в культуре приобретает новый оттенок, как постоянного построения и сознания новой ценности в момент соотнесения этих фрагментов реальности. Истина, как культурная ценность, порождается лишь в системе взаимоотношений различных типов рациональности, в системе соотношений с «иным себе», поскольку невозможна культура, замкнутая на себя и лишенная возможности самоопределения.

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения – 15.09.2019)
2. Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – 307 с.
3. Гурина М. Философия. Учеб. пособие: Пер. с фр. – М.: Республика, 1998. – 540 с.
4. Соболяникова Е.Н. Нормативное измерение гуманитарного знания в современном образовании // Вестник ЛГУ им.А.С.Пушкина. – 2019. – № 1. – С.114-121.
5. Тоффлер О. Третья волна. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 784 с.
6. Федяев Д.М. Техническое мироотношение (сущность, модификации, эволюция): Автореф. дис. доктора философских наук: 09.00.01. – Екатеринбург, 1993. – 44 с.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Адуло Тадеуш Иванович

доктор философских наук, профессор

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: tadoul@mail.ru

УЯСНЕНИЕ СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОСТИ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Философская категория «социальность» является базовой для раскрытия сущности социума, человеческой истории и глобальных проблем современности. Именно поэтому она должна стать важнейшим объектом теоретического анализа для философов и ученых-гуманитариев в целом.

Ключевые слова: социология, социальность.

Adulo Tadeuch Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

CLARIFICATION OF THE ESSENCE OF SOCIALITY IS THE KEY TO UNDERSTANDING THE GLOBAL PROBLEMS OF MODERNITY

Abstract. Philosophical category “sociality” is the base one for disclosure of the essence of society, human history, and global problems of modernity. Therefore, it should become one of the most important objects of theoretical analysis for philosophers and scholars in the humanities in general.

Keywords: sociology, sociality.

В современной философской литературе не так часто используется категория «социальность», и к тому же она представлена, как правило, семантически размытой. Между тем, данная категория является одной из ключевых в философской науке. Социальность – это «система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса» [1, с. 42]. Начиная с античности, данная категория прошла длительный путь в становлении и развитии, аккумулировав в своём содержании многовековой опыт философской рефлексии социального бытия. Поэтому без уяснения её сущности, и, тем более, без использования её в процессе мыслительной деятельности не представляется возможным уяснить ход человеческой истории, в том числе на её современном этапе.

Не уделяется должного внимания данной категории и в учебном курсе «Социальная философия». Да и сама дисциплина под названием «Социальная философия» требует своеобразного «переформатирования». До сих пор философы так и не разобрались с её объектом и предметом, как и с её методологическими основаниями и принципами. Всё это негативно сказывается на её когнитивном потенциале и имидже. Не способствует имиджу социальной философии также заложенная в учебные программы и учебники типология социально-философского знания в виде трёх **равноценных**, не взаимодополняющих, а фактически взаимоисключающих моделей – рефлексивной, валюативной и постмодернистской [2, с. 253–255]. Социальная философия как «правопопеемница» исторического материализма, казалось, должна была бы представлять собой предельно общую философскую теорию, раскрывающую сущность, движущие силы и направленность исторического процесса, т.е. выступать в качестве философии истории. Но предложенная типология, с одной стороны, нацеливает эту дисциплину на «научное познание», поиск ответов на проблемы «совершенно необходимые для полноценного понимания социальности и антропной реаль-

ности», «доступные только философскому уму и недоступные нефилософской гуманитаристике, обществознанию в исторической науке» [2, с. 253], а с другой стороны, если исходить из валюативной трактовки социальной философии, её продуктом «являются не истинные **знания** о мире, а общезначимые **мнения** о нём» [2, с. 254]. Наконец, социальная философия предстает и как своеобразный тип мышления, превращающий «философию в некий синтез культурологии, искусствоведения и собственно искусства – искусства яркой и образной «мысли о смыслах» с немалыми элементами интеллектуальной игры» [2, с. 256].

Что можно сказать по поводу предложенной типологии социальной философии и в особенности ее валюативного типа? Вполне понятно, что философское осмысление истории в качестве одного из компонентов способно включать и «общезначимые мнения» [2 с. 254], оно в состоянии также давать адекватную ценностную оценку историческим событиям и т.п. Но, создавая подобную типологию «социального знания», мы тем самым делаем семантически размытым само это понятие. Об этом приходится говорить в силу того, что социальная философия в современном её виде не только не выступает в качестве надёжной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою главную функцию – не выступает в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом. Как-то исподволь на постсоветском пространстве взяла на себя эту миссию теоретическая социология. В частности, в социологических энциклопедиях утверждается, что социология – это «наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов» [3, с. 497]. Социальная философия же определяется, в широком смысле, как «раздел философии, включающий рассмотрение качественного своеобразия общества (отличие от природы, отношение к государству, религии, морали, духовной культуре), его целей (общественных идеалов), генезиса и развития (социальной истории), судеб и перспектив» [4, с. 468]; в узком смысле – как «раздел общей социологии, одно из ее направлений, содержащее исследование названных проблем с помощью категорий теоретической социологии и пограничных с ней научных дисциплин – политической экономики, антропологии, психологии, культурологии и т.д.» [4, с. 468] (курсив наш. – Т.А.).

В данном случае теоретическая социология представлена как дисциплина, занимающаяся исследованием более общих проблем по сравнению с социальной философией, т.е. как своего рода метатеория по отношению к последней, поскольку именно её категориями вынуждена пользоваться социальная философия. Но если теоретическая социология представлена как более общая дисциплина, категории которой необходимы социальной философии, то, в таком случае, исследованием каких вопросов должна заниматься социальная философия?

В современной литературе встречается и другой вариант решения проблемы, когда предмет социологии и социальной философии отождествляются. Но ведь не могут же две различные дисциплины иметь один и тот же предмет исследования.

В зарубежной философской и социологической мысли тоже нет единства: одни ратуют за создание теории, способной дать более-менее полное знание об общественных процессах, другие – придерживаются прямо противоположной точки зрения, третьи – занимают промежуточную позицию. «Я вовсе не хочу сказать, – отмечает известный английский социолог Э. Гидденс, – что освещение, понимание и объяснение реальных причин и фундаментальных свойств человеческого поведения лежит за рамками целевого назначения социальной теории. Я полагаю, что задача установления и обоснования всеобъемлющих правил и принципов – специально не говорю «законов» – является только одним из ее приоритетов» [5 с. 3].

Таким образом, требуется уточнение предмета и объекта исследования социальной философии. Но есть и другой вариант. Возможно, следовало бы создать и ввести

в учебные программы вузов философскую дисциплину под названием «Философия истории» с понятным, исходя из самого названия, кругом вопросов и проблем, исследованием которых она должна была бы заниматься. Кстати, в номенклатуре специальностей Украины есть специальность «Социальная философия и философия истории», по которой ведется подготовка аспирантов и докторантов и осуществляется защита диссертаций.

Библиографический список

1. Адуло Т.И. Социальность как объект философского осмысления / Т.И. Адуло // Философские исследования. – Минск : Беларуская навука, 2018. – Вып. 5. – С. 29–49.
2. Момджян К.Х. О кризисе фрагментации в современной философии / К.Х. Момджян // Этнос, нации, ценности: социально-философские исследования / Науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М.: «Канон» РООИ «РЕАБИЛИТАЦИЯ», 2015. – С. 251–261.
3. Осипов Г. В. Социология / Г. В. Осипов; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов // Социолог. энцикл.: в 2 т. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2. – С.497–498.
4. Давыдов Ю. Н. Социальная философия / Ю. Н. Давыдов; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов // Социолог. энцикл.: в 2 т. – М.: Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 468–469.
5. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации / Э. Гидденс. – М.: Академ. проект, 2005. – 525 с.

Арутюнян Каринэ Сергеевна

кандидат философских наук, доцент

Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина

Email: carin-dop@yandex.ru

РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Аннотация: Цель данной статьи – проанализировать, обосновать и выявить специфику влияния информатизации на становление и развитие управленческого сознания, а также роли сознания в принятии управленческих решений в условиях глобальной нестабильности.

Ключевые слова: управление, сознание, управленческое сознание, Интернет, информатизация.

Arutyunyan Karine Sergeevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin

ADMINISTRATIVE CONSCIOUSNESS DEVELOPMENT IN THE SHERE OF SOCIAL SYSTEM INFORMATIZATION

Abstract: The purpose of this article is to analyze, prove and reveal specific impact of the informatization on formation and development of the administrative consciousness. It studies the important role of consciousness in taking management decisions in the conditions of the global instability.

Keywords: management, consciousness, administrative consciousness, internet, informatization.

В настоящее время резко возрастает информационная насыщенность социума, происходит бурное развитие и активное внедрение средств информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества. Данный процесс принято называть информатизацией общества, а современный этап развития общества – информационным обществом. Информационное общество характеризуется целым спектром принципиально новых качеств, ранее не характерных для общества других типов. В частности, в условиях общества нового типа происходит трансформация традиционных ценностей, где появляются новые ценности, которые признаются общественным и индивидуальным сознанием и обществом в целом. Отмеченные процессы закономерно оказывают существенное влияние на социальную систему, которая на современном этапе общественного развития становится одной из самых важных сфер человеческой деятельности, теснейшим образом связанной со всеми другими областями общественной жизни.

Анализ ситуации в сфере информатизации общества и развитии управленческого сознания необходим для того, чтобы понять, насколько современное общество готово к процессам информатизации и управлению данными процессами, которые обусловили переход человеческой цивилизации на принципиально новый этап своего развития.

Несомненно, информатизация общества отражает принципиально новый этап развития взаимоотношений человека и техники, где связующим звеном выступают элементы управления. С другой стороны, общество сегодня не готово к реализации процессов информатизации, поскольку отдельные составляющие этих процессов вызывают существенные негативные последствия, способные привести к самым непредсказуемым результатам (вплоть до полного разрушения социальных систем), а также слабого развития управленческого сознания у менеджеров, способных управлять социальной системой.

На современном этапе развития российского социума назрела необходимость развития управленческого сознания в условиях информатизации общества. Однако развитие управленческого сознания и результат эффективного управления может быть реализован только при условии наличия методологических подходов к его осуществлению. Такие подходы должны базироваться на определенных образовательных моделях и могут в реальном времени осуществлять прогнозирование возможных последствий принимаемых управленческих решений.

Вопросы развития управленческого сознания в условиях информатизации глобального общества недостаточны изучены, но актуальность и изучение данного вопроса определяется современными требованиями. По утверждению Г. Минцберга и П. Друкера [1, 5], «управление – работа каверзная, потому что нет стандартного набора успешных действий, подходящих к любой ситуации». Реальная практика и решение различных проблем будут отличаться в зависимости от обстоятельств. Эффективное управление – это всегда управление по обстоятельствам, или ситуационное управление» [4, с. 61].

Информационная среда – это среда, которая отличается от реальной среды, в этой среде действуют, возможно, другие, отличные от привычных нам законы (мало того, могут нарушаться законы логические). Данная среда требует от нас определенных интеллектуальных и управленческих усилий. Отличительной чертой современных информационных технологий является их способность не только производить некий предназначенный для употребления продукт, но и, что гораздо важнее, оказывать косвенное влияние на формирование и развитие управленческого сознания для принятия не только управленческих решений, но и уметь управлять в условиях социального риска.

Но в условиях сети Интернет – сознание человека зачастую оказывается совершенно бессильным и не только перестает быть контролирующей ситуацию инстанцией, но и само становится игрушкой в руках неведомых ему сил. Управленческое сознание – это форма общественного сознания, отражающая процесс отношений менеджера с объектом управления в условиях управленческого риска [2, с. 57]. Включаясь в информатизацию, управленческое сознание трансформируется, а Интернет является лишь порождением сознания современного человека, и поэтому он выступает не столько как определяющий управленческое сознание, сколько как *определяемый управленческим* сознанием феномен [3, с. 231]. Отношение «управленческое сознание – информатизация социальных систем» является отношением соответствия: Интернет как форма информационной реальности является средством формирования управленческого сознания. Поскольку информатизация социальных систем влечет за собой трансформацию самых различных сторон жизни индивида и общества, то важным в настоящее время представляется определение гносеологических, аксиологических, социальных границ формирования управленческого сознания. Разработка методологических основ по каждому из указанных аспектов создает предпосылки для более подробного исследования роли управленческого сознания в условиях информатизации социальных систем как явления социальной реальности.

Библиографический список

1. Друкер П. Наука инновации // Креативное мышление в бизнесе. Классика Harvard Business Review / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 148–164.
2. Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние интернета на сознание и структуру знания. М., 2004. С. 57–73.
3. Катречко С.Л. Специфика философского дискурса // Философия в современном мире: опыт философского дискурса. М., 2003. С. 230–233.
4. Кунц Г., ОДоннелл С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Пер. с англ. Т. 1. М.: Мир, 1981. 494 с.
5. Минцберга Г. Требуется управленцы, а не выпускники МВА. Жесткий взгляд на мягкую практику управления и систему подготовки менеджеров / Пер. с англ. М.: ОлимпБизнес, 2008. 544 с.

Атаян Ануш Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент

Email: amatayanspb@mail.ru

Баловнев Даниил Александрович

студент

Email: DAN-balovnev@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

О ПРОБЛЕМЕ ТРАНСГУМАНИЗМА КАК ИДЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В работе рассматриваются основные философские проблемы трансгуманизма при создании киборгов. Подобная перспектива уже на этапе проектирования неизбежно порождает массу проблем философского и гуманитарного характера, в особенности в сферах этики, биоэтики, эстетики и философии права. Проводится разграничение потенциально возможных научных проектов создания кибер-человека в соответствии с критерием конечной цели и философской идеи подобного проекта. Делается вывод о том, что проекты, цель которых – модернизация человеческой природы, должны находиться под строгим этическим и правовым контролем.

Ключевые слова: трансгуманизм, киборгизация.

Atayan Anush Mikhailovna

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Balovnev Daniil Alexandrovich

Graduate student

The Herzen State Pedagogical University of Russia

THE PROBLEM OF TRANSHUMANISM AS AN IDEA OF HUMAN NATURE MODERNIZATION BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The article considers the basic philosophical problem of transhumanism in cyborg creating. Such a perspective generates many philosophical and humanitarian problems, primarily in the fields of ethics, bioethics, aesthetics and philosophy of law. The distinctions between potential research projects of cyber-human creations in accordance with the criteria of philosophical idea of this project are made. The authors reach the conclusion that the projects, the goal of which – modernization of human nature, have to be under strict ethical and legal control.

Keywords: transhumanism, cyborgization.

В современном философском дискурсе крайне актуальной темой представляется рассмотрение философских проблем научных проектов по созданию так называемого кибер-человека – как синтеза человека и высоких технологий.

В широком смысле слова киборг – это продукт биоинженерии, соединения человека и механизма (бионического протеза, искусственного органа, микроципа и т.п.), человеко-машинный гибрид. В философском смысле слова понятие «киборг» можно охарактеризовать как продукт технократического мировоззрения, идею изменения с помощью техники самой природы человека и её синтеза с продуктами техногенной цивилизации. Подобная перспектива уже на этапе проектирования неизбежно порождает массу проблем философского и гуманитарного характера, в особенности в сферах этики, биоэтики, эстетики и философии права.

Можно выделить два типа подобных проектов «киборгизации».

Первый тип человеко-машинного гибрида можно охарактеризовать как обусловленный необходимостью подобного медицинского вмешательства с целью восстановления утраченных по какой-либо причине естественных функций биологического

организма (потере конечности, потере жизнеспособности органа и т.д.). В эту категорию киборгов можно включить лишь лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ), для которых установка технического и/или цифрового имплантата является единственным возможным способом возвращения к полноценной жизни.

Серьёзнейшие вопросы и возражения философского, этического и правового характера вызывает вторая группа кибер-проектов, проектов «киборгизации», не имеющих для реализации никаких медицинских показаний, а обусловленная идеей создания сверхчеловека: идеей дополнения или даже полной замены нормальных частей тела автоматизированными устройствами, дополняющими биологические функции, или идеей приспособления человеческого организма к новой цифровой реальности.

Сегодня на Земле уже существуют реальные киборги – абсолютно здоровые люди, установившие в своё тело цифровые имплантаты без каких-либо медицинских показаний, а просто ради эксперимента или обретения способностей, недоступных обычному человеку, в том числе улучшающие его профессиональные способности. Например, крупнейший специалист в области технической кибернетики Кевин Уорвик, стал первым киборгом на планете. В 1996 году изобретателю на несколько дней вживили в срединный нерв руки кремниевый микрочип, благодаря передатчику, выведенному в предплечье, господин Уорвик мог открывать двери, включать и выключать свет и компьютер в своем университетском офисе практически силой мысли. [4] Профессор-киборг из Англии недавно присоединился к «России 2045», общественному проекту по радикальному продлению жизни при помощи роботизированных и кибернетических систем. [5]

Другой пример – уже сегодня российские разработки позволяют людям, использующим протезы, оплачивать покупки и даже раздавать Wi-Fi [6]. Или известен случай «чипизации» госслужащих в Мексике, когда генеральный прокурор и 160 сотрудников прокуратуры вживили RFID-чипы, что давало им доступ к служебной базе данных расследований и позволяло сразу определить их местонахождение в случае их хищения с преступными целями. [7]

Эти проекты и любые им подобные выявляют массу философских проблем.

Проблема правовой регуляции процесса развития кибер-проектов является первостепенной по важности.

Мало вероятно, что у кого-то могут возникнуть сомнения в том, что любая процедура медицинского характера не может быть осуществлена без добровольного согласия лично пациента.

С цифровыми протезами и имплантатами организм человека может становится частью интернета-вещей (англ. Internet of Things, IoT), т. к. датчики и чипы могут сканировать и передавать информацию о состоянии здоровья через интернет без ведома и участия человека. А IoT неразрывно связан с технологией Big Data (большие данные), и поэтому охрана персональных данных, передаваемых «киборгом» будет попадать в круг общих, нерешенных пока, связанных с этим проблем. [1]

В настоящее время философско-правовой проблемой является отсутствие в правовых актах и международных документах, регулирующих правовые вопросы в сфере медицины, конкретного положения о «киборгизации», хотя уже возникает необходимость его создания на международном уровне.

Решение усовершенствовать биологические функции своего тела с помощью биотехнических средств должно быть осмысленным и независимым от чьей бы то ни было воли (в т.ч. и родительской). Принцип добровольного согласия в случае «киборгизации» не может иметь никаких исключений.

Серьёзнейшая этическая проблема при проектировании кибер-человека возникает в связи с очевидным покушением на человеческую природу, если понимать такую как самоценность. Проблема возникает не столько когда технократическое мировоззрение стремится помочь лицам с ОВЗ, а тогда, когда его проектом является изменение природы всякого человека.

Все подобные проекты зачастую игнорируют в своих прогнозах именно человеческий фактор, хотя бы как границу своих амбиций. Порой создаётся впечатление, что авторам подобных проектов даже в голову не приходит простая мысль о том, что немалому числу людей (в особенности верующим различных религиозных конфессий) может показаться крайне аморальной сама идея неестественного изменения человеческой природы, особенно столь грубым способом [2].

Для целых эпох в истории человечества (Античности, Возрождения) была неоспорима ценность естественного, здорового тела. Античная скульптура или живопись Микеланджело – превосходные образцы запечатления подобной ценности в памяти поколений. Весьма небезосновательно один из самых выдающихся исследователей современного общества Фрэнсис Фукуяма предостерегает: «Существуют достаточно разумные причины уважать естественный порядок вещей и не считать, будто люди способны так легко улучшить его путём непродуманного вмешательства... То же верно и относительно природы человека». [3]

Даже если перспектива неестественной модификации человека неизбежна, человечеству следовало бы относиться к ней с огромной осторожностью. Ни один учёный не может дать точный прогноз относительно того, к каким неожиданным последствиям может привести массовое появление в обществе киборгов. Никто сейчас не может уверенно оценить все возможные физиологические и психические последствия «киборгизации» хотя бы с чисто биологической точки зрения, не говоря уже о социально-культурной.

Таким образом, в соответствии с принципами фундаментальных прав человека на личную неприкосновенность и фундаментальными принципами биоэтики, крайне необходимо поставить под строгий правовой и этический контроль вторую группу проектов по «киборгизации».

Библиографический список

1. *Савельев А.И.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2015. №1. С. 43–66.
2. *Сергеев, С.А., Сергеева, З.Х.* Что сказал бы Сократ о нашей постчеловеческой перспективе: мысленный эксперимент. /Управление устойчивым развитием. – 2017 – №4. – С. 56 – 63.
3. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
4. *Проект «Киборг».* / Кевин Уорвик. / Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://settleretics.ru/prilozhenija/novosti-nauki/51-project-cyborg> (дата обращения 13.10.2019).
5. *Профессор-киборг из Англии присоединился к «России 2045».* Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://vz.ru/information/2011/12/13/546410.html> (дата обращения 13.10.2019).
6. *Современные киборги и производство будущего: как отметили День московской промышленности* // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/news/item/46370073/> (дата обращения 13.10.2019).
7. *Прокуроры Мексики вживляют себе чипы-имплантаты* // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/prokurory_meksiki_vzhivlyayut_sebe_chipyimplantaty (дата обращения 13.10.2019).

Атаян Ануш Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент

Email: amatayanspb@mail.ru

Третенко Арина Владимировна

студентка

Email: arina-tretenko@rambler.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

КРИПТОАНАРХИЗМ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В работе рассматриваются новый способ реализации свобод личности в информационном обществе через применение криптографических методов – криптоанархизм. Изучаются причины, способствующие его возникновению, и предполагаются последствия его влияния на общественные и экономические отношения. Делается вывод о том, данное явление требует дальнейшего изучения и теоретического осмысления, ведь в его основе лежат не столько мотивы противостояния, сколько мотивы сохранения и защиты свобод личности.

Ключевые слова: свобода, криптоанархизм.

Atayan Anush Mikhailovna

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Tretenko Arina Vladimirovna

Graduate Student

The Herzen State Pedagogical University of Russia

CRYPTOANARCHISM AS A FORM OF REALIZATION OF FREEDOMS PERSONALITIES IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. This article discusses a new way to realize individual freedoms in the information society through the use of cryptographic methods – cryptanarchism. The reasons for its occurrence are studied, and the consequences of its influence on social and economic relations are assumed. It is concluded that this phenomenon requires further study and theoretical understanding, because it is based not so much on the motives of confrontation, but on the motives for preserving and protecting individual freedoms.

Keywords: freedom, cryptanarchism.

Сегодня на фоне повсеместной информатизации человечество вошло в новую фазу развития, которую можно охарактеризовать как информационное общество (постиндустриальное), пришедшее на смену индустриальному. Оно открывает новые возможности и создает новые вызовы, и поэтому требуется философский анализ и осмысление тех явлений и процессов, с которыми мы сталкиваемся на данном этапе.

Чаще всего выделяется четыре характеристики постиндустриального общества: агностицизм, прагматизм, эклектизм и, как следствие, анархо-демократизм. Анархизм противопоставляет любой социальной и политической иерархии свободную личность. Свобода – одна из основных философских категорий, характеризующих сущность человека и его существование. Наряду с проблемой свободы личности, тема власти является одной из центральных в истории философской мысли и современной политологической теории. Практически все философы пытались дать обоснование своего понимания свободы, путей и средств ее достижения в реальной жизни. Свобода – важнейшее проявление человеческой природы. Наибольший вклад в изучение феномена свободы внесли такие мыслители как Макс Штирнер, М. А. Бакунин, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев и Жан-Поль Сартр.

Существует два философских взгляда на понятие свобода.

Сторонники первого подхода, идущего из античности, сквозь Средневековье и Новое время, в лице К. Маркса, Г. В. Ф. Гегеля, Б. Спинозы, а также стоиков – рассматривают свободу как «вынужденную необходимость».

Второй подход отличается тем, что свобода понимается не как осознанная необходимость, а как осознанная возможность.

Особое место среди философских концепций свободы занимает анархизм. Сама философия анархизма является, по своей сути, философией свободы. Начиная разговор о философии анархизма, нельзя не упомянуть имя Макса Штирнера, автора книги «Единственный и его собственность». [4]. Несмотря на то что, слово «анархизм» в ней не звучит, Штирнера можно выделить как одного из первых анархических философов. В первую очередь, потому что ценности, о которых он говорит (личность, свобода) и его стиль мышления (адогматизм, несистемность) – анархические. П. В. Рябов, известный исследователь истории анархизма, по праву называет Макса Штирнера величайшим певцом личности. [3].

Штирнер не был революционером, он был бунтарем, утверждающим новые ценности своей жизни. В настоящее время путь, предложенный Штирнером, является одним из немногих оставшихся средств преодоления отчуждения. Более того, следование ему – важнейшее условие формирования новых типов коммуникации в современном обществе. В мире массовой культуры не остается места для настоящей жизни, под прикрытием любви, долга, человеком часто манипулируют, при этом у людей даже не возникает желание разобраться в том, настоящие ли их ценности или навязанные извне.

Стремление к выживанию, жизнеобеспечению и развитию было свойственно человеку с древнейших времен, но лишь в современном мире информационных технологий и социальных сетей у него появилась возможность наиболее ярко продемонстрировать глубинные аспекты своей природы.

Для большинства пользователей интернет, создав иллюзию свободы, стал способом выплескивания любых накопленных знаний и эмоций, создал видимость комфортных условий для приятного времяпровождения, возможности расслабиться и отвлечься от повседневных дел, либо рассматривается как средство получения информации, не всегда положительного свойства.

Наиболее глубоко проблема тайны переписки и неприкосновенности личной жизни рассматривается практиками: программистами-криптоанархистами, и требует, на наш взгляд, глубокого теоретического осмысления.

Криптоанархизм – форма мировоззрения, согласно которой использование методов криптографии для защиты свободы личности, которая нарушается путем слежки, является наиболее эффективным инструментом.

Цель криптоанархистов можно обозначить как создание некоего коллективного краудфандингового проекта, глобального независимого интернет-провайдера, который будет являться коллективной собственностью и реализовываться через спутниковый интернет, а также пиринговые фемсоты. В изначально закриптованный и анонимизированный интернет будет имплементирована расчётная система, в которой гарантией выступит репутация пользователей. Понятие криптоанархии предложили Тимоти Мэй. Питер Ладлоу в книге «Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии» первым вводит термин «криптоанархизм» [2].

Криптоанархизм вместо законодательных механизмов и принципов социальной борьбы за свободу слова, тайну личной переписки, использует криптографию. Децентрализация, защита приватности, право на доступ к информации – результаты развития криптоанархизма на сегодняшний день.

Криптоанархизм лежит в русле четвёртой промышленной революции, когда развитие технологий позволяет избавиться от посредников, где главным преимуществом становятся снижение стоимости транзакций и отсутствие контроля. Власть опасается, что криптоанархизм способен не только уничтожить финансовую систему, тради-

ционную экономику и систему управления государством, но и лишить правительство всех остальных функций, а следовательно – сделать его ненужным элементом в новом обществе. [1].

Криптоанархизм – хорошо или плохо? Мы не ставим себе цель ответить на этот вопрос в данном исследовании. Мы лишь подчеркиваем, что криптоанархизм – это неотъемлемое явление, которое уже существует в современном мире, имеет свои цели и планомерно идёт к их достижению, и, следовательно, должно быть подвергнуто адекватной критике.

В ближайшем будущем технологии позволят людям общаться, заниматься бизнесом, заключать контракты, а их взаимодействие нельзя будет отследить из-за криптографии – это уже становится возможным благодаря смарт-контрактам и блокчейн-платформам. Со временем это изменит характер государственного регулирования и сущность понятия доверия и репутации.

Государства видят угрозу в криптографии и начинают относиться к ней с осторожностью вместо того, чтобы меняться вслед за обществом, но остановить процесс проникновения технологии во все сферы жизни уже невозможно. Развитие криптографии может обернуться новой мировой научно-технической и социально-политической революцией, отобрав у правительства такие функции, как эмиссия валюты, управление судебной и выборной системой.

Подводя итог, необходимо отметить, что такой величайший дар как способность творить, то есть создавать качественно новое, присущ лишь внутренне свободной личности. Внутренняя свобода, метафизический бунт – вот что является двигателем и неотъемлемой частью прогресса. И новые технологии создают новые инструменты для реализации этих свобод личности.

Библиографический список

1. Беркана А. Кто такие криптоанархисты и нужно ли нам их бояться? –2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rb.ru/longread/cryptoanarchy/> (дата обращения 15.10.2019).
2. Ладлоу П. Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. –2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.life/bookreader.php/102912/Ladlou_-_Kriptoanarhiya%2C_kibergosudarstva_i_piratskie_utopii.html/ (дата обращения 15.10.2019).
3. Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма. М., 2007.
4. Штирнер М. Единственный и его собственность (с приложением: М. Штирнер в философской литературе). Харьков, 1994.

Бежиашвили Мария Леонидовна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: enanapiter@gmail.com

ЧЕЛОВЕК-МАССА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Идея «человека-массы», предложенная испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом в его работе «Восстание масс», приглашает к интересному размышлению о способе понимания человека, который получил ряд преимуществ с индустриальным и технологическим развитием. Развитие, которое принесло современность, но в то же время дало начало неизвестному в нашей истории феномену: понятие массы.

Ключевые слова: массовая культура, Ортега-и-Гассет.

Bezhiashvili Mariya Leonidovna

Postgraduate Student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

MASS-MAN IN A MODERN SOCIETY

Abstract. The idea of "mass-man", proposed by the Spanish philosopher José Ortega y Gasset in his work "The Revolt of the Masses", invites you to an interesting reflection on the way of understanding a person who has received a number of advantages due to industrial and technological development. The development that brought modernity, but at the same time has given rise to an unknown phenomenon in our history: the concept of mass.

Keywords: mass culture, José Ortega y Gasset.

Практически все разговоры о «массовой культуре» восходят к работе философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», одной из его наиболее важных книг, возможно, самой читаемой и переведенной на наибольшее количество языков. Ортега был первым, кто дал очень основательную и развернутую формулировку того, что представляет собой этот феномен, и чем он опасен. Практически все разговоры о «массовой культуре» (уже общеупотребительное выражение) восходят к этой работе Ортеги. Ни одно из исследований массовой культуры не обходится без упоминания Ортеги. Но часто дело ограничивается именно упоминанием. Он был первым и в некоторых отношениях единственным, кто задумался о подлинной сущности этого нового для европейской цивилизации феномена, который назвал «человек-масса». Дал очень основательную и развернутую формулировку того, что представляет собой это явление *и чем оно опасно для европейской культуры* [2]. Книга, которую предварили несколько эссе и статей, написанных Ортегой в течение нескольких лет до публикации «Восстания масс», строится вокруг невероятного предчувствия: верховенство элиты закончилось; масса, освободившаяся от зависимости от верхушки, решительно вторгается в жизнь, полностью нарушая тем самым гражданское мужество, культурные ценности, манеру социального поведения. Книга написана в момент сильного роста коммунизма и фашизмов, синдикализма и национализмов, а так же первых ростков поп-культуры массового потребления. Предчувствие Ортеги показывает одну из основных черт современной жизни [4]. Согласно мышлению этого философа, приблизительно с XX века технологические, научные и исторические изменения начинают происходить очень быстро, и ритм жизни начинает ускоряться гораздо быстрее, чем раньше. Это было беспрецедентное явление. Однако индивидуальная и коллективная жизни человека не развиваются в той же манере. Человек узнает всё больше, и создается всё больше, но это знание и создание затрагивают большинство людей. Человек-масса возникает как реальность, как результат разницы между про-

грессом эпохи и прогрессом человека. Понятие «массы» не относится лишь к рабочему классу. Проблема гораздо шире, так как понятие массы не количественное, а качественное, кроме того, качество это индивидуальное, которое обязательно обладает социальной величиной [3].

Человек-масса, о котором говорит Ортега, включает в себя как мужчин, так и женщин разных социальных классов, превращая их в коллективного человека, которым они стали, отказавшись от своей суверенной индивидуальности, чтобы приобрести от коллектива, чтобы стать всего лишь «частью племени». Масса в работе Ортеги это совокупность индивидуумов, которые больше таковыми не являются. Они перестали быть свободными и мыслящими людьми, чтобы раствориться в коллективе, который думает и действует за них скорее под воздействием условных рефлексов (эмоции, инстинкты, страсть), чем руководствуясь разумом. Для Ортеги человек-масса не равен сам себе, он находится посреди пути между невеждой и мудрецом, считает, что он знает, но не знает, и не знает то, что должен знать. Когда исчезает духовная сила, поддерживаемая церковными институтами, согласно Ортеге, должна возникнуть культурализация общества на основе морали, которая предлагает моральный идеал для жизни. Однако 20 век воспользовался исчезновением духовной силы (духовности), чтобы заменить её материальной, направив это чувство в политику, и существует очень маленькая разница между религиозным фанатиком и фанатиком политическим [3].

По мнению философа, в XX веке происходит явление, которое и определяет современную европейскую жизнь. Это явление – полный захват массами общественной власти. Поскольку масса, по определению, не должна и не способна управлять собой, а тем более обществом, – речь идет о серьезном кризисе европейских народов и культур, самом серьезном из возможных. В истории подобный кризис разражался не однажды. Его характер и последствия, известны. Известно и его название. Он именуется восстанием масс.

Развитие средств обработки и передачи информации, возрастание скорости информационных процессов, а во второй половине XX в. невиданная их интенсификация привели к становлению нового типа организации общества, его функционирования и управления. Система средств массовой коммуникации обеспечила новую и эффективную связанность общества, унифицировала его жизнедеятельность и психологию, тем самым сформировала основу для утверждения специфического феномена массовой культуры.

Человек все чаще представляет себе действительность не в соответствии со своим личным восприятием, а через отражение ее в СМИ, через образ этой действительности, сформированный ими.

Сознание массового человека насквозь структурировано немногими, настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, определяющий и регламентирующий реакции, оценки, поведение публики.

Массовый человек, появившийся как продукт информационного общества, в результате модификации его сознания становится условием сохранения и воспроизведения этого общества, ибо поддерживает и воспроизводит и систему ценностей, и систему власти. В этом назначение массового человека и причина культивирования его характерных качеств правящей элитой. Происходит как бы самоорганизация и самоуправление общества в результате сращения человека и информационных сетей в единых технологиях общей системы [1].

Библиографический список

1. Климова Л.Е. Массовый человек как феномен массовой культуры: его свойства и характерные черты // Сайт SuperInf. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3751 (дата обращения: 06.10.2019).

2. Транскрипция лекции культуролога, преподавателя МГУ Комкова О.А. «Человек-масса» Хосе Ортеги-и-Гассета: как отказ от мысли и свободы стал нормой // Сайт Моноклер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monocler.ru/chelovek-massa-jose-ortega-y-gasset/> (дата обращения: 06.10.2019).

3. El Hombre Masa según Ortega y Gasset. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://filosofia.laguia2000.com/filosofia-contemporanea/el-hombre-masa-segun-ortega-y-gasset> (дата обращения 06.10.2019).

4. Vargas Llosa M. La rebelión de las masas. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elpais.com/diario/2005/12/04/opinion/1133650807_850215.html (дата обращения: 06.10.2019).

Гильманов Дамир Радикович

студент

Башкирский государственный университет

Email: gilmanoffkrok@mail.ru

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье подчеркивается важность человеческого фактора в развитии экономики знаний. Делается вывод о том, что степень влияния человеческого фактора на экономику знаний имеет территориальные особенности.

Ключевые слова: человеческий фактор, экономика знаний, территориальные особенности, неэкономика.

KNOWLEDGE ECONOMY AND THE HUMAN FACTOR: TERRITORIAL FEATURES

Gilmanov Damir Radikovich

Student

Bashkir State University

Abstract. The article emphasizes the importance of the human factor in the development of the knowledge economy. It is concluded that the degree of influence of the human factor on the knowledge economy has territorial features.

Keywords: human factor, knowledge economy, territorial features, neo-economics.

Человек играет главную и единственную роль в технологической революции. Если раньше движущей силой развития государств была индустриальная и сырьевая экономика, то на сегодняшний день, в условиях неэкономии XXI века, ставка делается на развитие человеческого капитала, на новые информационные технологии, на интеллектуальные ресурсы, наукоемкие процессы, с помощью которых можно добиться качественного экономического роста. Однако размещение человеческого капитала дифференцировано и зависит от территориальных особенностей развития населения, инновационного сектора, экономики в целом. Поэтому исследования пространственных аспектов развития экономики знаний весьма актуальны.

Целью исследования является анализ территориальных проявлений влияния человеческого фактора на происходящую технологическую революцию. Применены методы, которые принято называть формализованными – описательные, экономические, метод аналогий и т.п. Важным методологической основой изучения инновационных процессов является территориальный подход [0, 0, 4].

Генри Форд, живший в период с XIX по XX вв., говорил: «Нельзя же видеть фактического прогресса в том, что там, где наши предки пользовались водою и ветром, мы пользуемся моторами. Признак истинного прогресса был бы в ответе на вопрос: какое влияние оказывает на нас эта замена? Общество, которое пользовалось водяными колесами или ветряками, было ли лучше или хуже нынешнего? Было ли оно более возвышенно в обычаях и нравах? Уважало ли оно более закон, вырабатывало ли оно более высокие и сильные характеры?» [6, с. 35].

Роберт Бакмен писал: «Наступила эпоха компаний, ориентированных на знания (knowledge-driven). И, в этой ситуации, впереди оказывается тот, кто сумел сконцентрировать в рамках своей организации неформализованный интеллектуальный опыт и понял, как передавать его от одного сотрудника другому» [8, с. 77].

В неэкономии основным носителем ценности является человек, владеющий информацией, знаниями, навыками, опытом, а стоимость информации уже зависит от сферы услуг, предоставляемой в нем самой информации.

У. Черчилль говорил: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Это высказывание четко дает понять, что владеющий определенными знаниями и сведениями человек имеет несомненное преимущество над другими людьми. Так, у стран с мощным инновационным потенциалом и наибольшим вкладом в человеческий капитал наибольшие перспективы. Территориальная организация инвестиций в человеческий капитал определяет пространственную структуру экономики знаний.

В рамках UNDP (The United Nations Development Programmer) в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. предлагается тема «На пути к обществу, основанному на знаниях» [10]. Термин «экономика знаний» появляется и в высказываниях различных политиков, например, бывшего британского премьер-министра Тони Блэра: «Экономика знаний – это, на самом деле, вся экономика. Нет «новой экономики», это просто вся экономика трансформируется информационными технологиями», это экономическая революция [9].

Последние 20 лет все больше внимания в мировой практике уделяется развитию так называемой «экономики знаний». Некоторые современные экономисты вообще считают, что сейчас основные перспективы развития связаны с экономикой знаний. Принципиально новым является то, что в экономику стали включать не только сами технологии, а весь механизм производства знаний, т.е. экономика знаний – это не только экономика производства [5].

Новая экономика или неэкономика – это создание воспроизводимых ресурсов: научно-инновационных технологий, мобильных и электронных коммуникаций, нематериальных активов. Новая экономика сходится с процессами глобализации на мировом рынке, а также с ростом конкуренции и пространственной дифференциацией мирового хозяйства.

Роль человека в новой научно-технологической революции демонстрирует американский инженер и изобретатель Илон Маск. Маск – сооснователь компании PayPal. Это крупнейшая дебетовая электронная платежная система, которая позволяет пользователям оплачивать счета и покупки, отправлять и принимать денежные переводы. В марте 2012 г. компания PayPal демонстрировала новое устройство называющиеся PayPal Here, позволяющее рассчитываться с помощью мобильного телефона. Таким образом, в современном мире важно максимально оптимизировать время и денежные ресурсы, затраченные в любых сферах.

В 2002 г. Маск создает компанию SpaceX, которая разрабатывает, создает и запускает сверхтехнологичные ракеты, а также космические аппараты. Этот проект, в прямом смысле слова, совершает революцию в космических технологиях, создает наиболее доступные космические ракеты. В 2012 г. компания SpaceX создает космический корабль SpaceX Dragon, которая становится первым и единственным космическим судном, способным возвращаться и доставлять грузы обратно на Землю. В 2003 г. Илон Маск с командой создает компанию под названием Tesla, в которой производят электромобили и внедряют различные виды приспособлений для хранения электрической энергии. Совсем недавно компания Tesla разработала и создала самую большую во всем мире литий-ионную батарею, которая в течение часа может обеспечивать электроэнергией около 30 тыс. домов.

Интернет, возобновляемая энергия и космос – три сферы, которые в ближайшие годы ждут серьезные изменения [7]. Не будем забывать также и про таких выдающихся личностей как Билл Гейтс, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Стив Возняк, благодаря которым США выходит в лидеры по инвестициям в человеческий капитал.

Таким образом, экономика знаний базируется не на приватизации промышленных предприятий, не на сырьевой экономике, а на научно-технических открытиях. Созданные к настоящему моменту новые технологии интегрировались в нашу жизнь настолько сильно, что большую часть времени мы их эксплуатируем.

Для наиболее эффективной реализации человеческого капитала должны быть созданы и эффективно функционировать соответствующие для этого институты. Государство должно контролировать не только сам процесс структурной перестройки

экономики, оно также должно вкладывать ресурсы в человеческий капитал (образование, наука, медицина, культура, социальные сферы). Особенно важны медицинские и демографические параметры развития человеческого капитала [1].

В современных условиях неэкономике нелегкой задачей является создание устойчивого механизма, который способен трансформировать знания в капитал, то есть сократить длительность этапа превращения изобретений и открытий в интеллектуальную собственность.

Человеческий капитал рассматривается как один из основных факторов инновационного развития в развитых странах. География инноваций, прежде всего, зависит от уровня социально-экономического развития стран.

Библиографический список

1. Закирова А. И. Здоровье населения России: медицинские и демографические аспекты // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: матер. всеросс. науч. конф. «Вторые Макасовские чтения». – Москва: МПГУ, 2017. – С. 405-410.

2. Закиров И. В. Взаимодействие внешнеэкономических инновационных кластеров и вузов в зарубежных странах // Торговля, предпринимательство и право. – 2017. – № 2. – С. 44-48.

3. Закиров И. В. Роль вуза во внешнеэкономическом региональном кластере: зарубежный опыт // Модернизация высшего образования в России: опыт истории и векторы развития: матер. междунар. науч.-метод. конф. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 272–277.

4. Закиров И. В. Территориальный подход в исследованиях внешнеэкономических связей // Известия РАН. Сер. географ. – 2018. – № 2. – С. 27–36.

5. Сергеев В. М. Экономика знаний. Роль образования и науки в современном мире // Сайт Международного института гуманитарно-политических исследований. – URL: http://www.igpi.ru/center/seminars/party_6-09_02/party_6-09_02-sergeev.html (дата обращения 01.09.2019).

6. Форд Г. Международное еврейство – Киев: Витязь-Л, 2008. – 208 с.

7. Ashley Vans, Elon Musk: Tesla, SpaceX, and the Quest for a Fantastic Future. – 2016.

8. Robert H. Buckman. Building a Knowledge-Driven Organization. – McGraw-Hill, 2004.

9. Андросюк К.В. Происхождение видов... многогранное понятие экономики знаний – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mnogogrannoe-ponyatie-ekonomiki-znaniy> (дата обращения 01.09.2019).

10. United Nations development programme Russia. – URL: <http://www.unrussia.ru/en/agencies/united-nations-development-programme-undp> (дата обращения 01.09.2019).

Горохов Павел Александрович

доктор философских наук, профессор

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы

при Президенте РФ, филиал в Оренбурге

Email: erlitz@yandex.ru

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЧЕЛОВЕКЕ БУДУЩЕГО»
В МИРОВОЙ ФАНТАСТИКЕ**

Аннотация. В лучших произведениях мировой фантастики можно найти не только картины светлого будущего, но и философски осмысленные негативные тенденции современного общества, деформирующие физический и духовный облик человека. Среди этих тенденций преобладают безудержное потребление, тотальный контроль бессовестной и бесчеловечной государственной власти, прогрессирующий индивидуализм.

Ключевые слова: футуризм, будущее.

Gorokhov Pavel Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Professor

Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg

**PHILOSOPHICAL THOUGHTS ABOUT THE “MAN OF THE FUTURE”
IN THE WORLD SCIENCE FICTION**

Abstract. In the best works of world science fiction, you can find not only pictures of a brighter future, but also philosophically meaningful negative trends in the modern society that distort the physical and spiritual appearance of humans. Uncontrolled consumption, total control by unscrupulous and inhuman state power, and progressive individualism predominate among these trends.

Keywords: futurism, future.

Физический и духовный облик «человека будущего» часто привлекал внимание писателей-фантастов, стремившихся предугадать грядущее и приподнять в своих произведениях завесу, отделяющую настоящее человечества от его загадочного будущего. Как и многие другие мастера художественного слова, фантасты редко философствуют намеренно и профессионально, если под «профессионализмом» в философии понимать абстрактное осмысление действительности, выраженное в категориях. Но если понимать философию как особую форму человеческой культуры, объединяющую в себе художественный и научный подходы в поисках ответов на великие и вечные загадки бытия, то тогда фигура любого крупного писателя-фантаста будет небезынересна для историка философии.

Цель настоящего исследования – вычленить философско-антропологические идеи и представления из произведений классиков мировой фантастической литературы, продемонстрировавших значительный пророческий потенциал и предвидевших многие сюжетные ходы современной и грядущей истории человечества.

Перевод произведений мировой литературы на язык систематической понятийной философии – довольно трудная, но отнюдь не невозможная задача. Именно писатели и поэты, демонстрируя дар социального и научного предвидения, ставят проблемы, до которых еще не додумались ученые и политики. Эти проблемы еще не обозначились явно, но их ростки уже видны, хотя и не осознаются людьми. Большинство проблем, которые мы сейчас называем глобальными, обозначили и сформулировали именно писатели-фантасты: истощение природных ресурсов, техногенное загрязнение окружающей среды, угроза уничтожения биосферы, грядущий атомный апокалипсис. Все это было предсказано пять-семь десятков лет назад в произведе-

денях таких мастеров фантастики, как Айзек Азимов и Роберт Шекли, Рэй Бредбери и Пол Андерсон, Иван Ефремов и Александр Казанцев.

Обратимся к предсказаниям фантастов о возможной эволюции человека, прежде всего, к тем физиологическим изменениям, которые могут произойти с *homo sapiens*. Внешний облик «человека грядущего» занимал фантастов, начиная со времен Герберта Уэллса, который посвятил этой проблеме несколько научно-популярных работ, в том числе эссе «Человек миллионного года» и «Контурь будущего». В своем первом романе «Машина Времени» он нарисовал жуткую картину грядущего человечества, которое оказалось разделенным на две расы. Уэллс полагал, что социальные противоречия его эпохи вполне могут привести к революционным физиологическим изменениям. В романе «Война миров» интересны выводы Уэллса о грядущей эволюции «человека разумного», который рано или поздно превратится в огромную голову с развитыми щупальцами – высокоорганизованный мозг, начисто лишенный всех привычных для нас эмоций.

Из отечественных фантастов наиболее интересными в плане грядущей физической эволюции человека представляются мысли К.Э. Циолковского, являвшегося другом и учеником Н. Ф. Федорова и автором нескольких научно-фантастических произведений, и писателя Сергея Павлова. У Циолковского люди утратят телесную природу, превратятся в плазменную субстанцию и уйдут в космос, а Павлов в романе «Лунная радуга» описал мутантов «экзотов» – сверхлюдей, которые уходят от обычных людей в космос.

В нашу эпоху меняется физический облик людей. За годы технического прогресса человек переложил на хитроумные машины тяжелый физический труд. С одной стороны, это – неоспоримое благо. С другой стороны, в немыслимой ранее степени выросли гиподинамия, ожирение, мышечная дистрофия и прочие заболевания. Видимо, грядущие успехи клонирования отдельных органов, которые прогнозируют ныне ученые, сделают менее фантастичными произведения о киборгах – гибридах «естественного» человека и техногенных деталей. Вот только будет ли такой «человек с запчастями» человеком в полном смысле этого слова? С другой стороны, металлические штыри в костях, титановые суставы и трансплантация органов никого уже не удивляют.

Иван Ефремов в своей масштабной картине общества коммунистического будущего, нарисованной в романе «Туманность Андромеды», изобразил гармонично развитых людей. Прекрасная телесная форма полностью соответствует у них высоко развитому духовному и интеллектуальному содержанию. Оптимистично рисует грядущее человечество в своей фантастико-приключенческой трилогии «Люди как боги» Сергей Снегов, в котором показано светлое будущее цивилизации.

Духовное улучшение человечества – проблема не только животрепещущая, но и жизненно важная для выживания человеческой цивилизации. Рисуя будущее человечества и изменения, на которые обречен человек, фантасты пытались показать эволюцию человеческого духа и интеллекта. Английский писатель Олаф Стэплдон создал в 1930 году эпическую сагу о будущем «Последние и первые люди», предсказав судьбу человечества на два миллиарда лет вперед. Эта книга стала известнейшим произведением английской социально-философской литературы первой половины XX века.

Большинство фантастов в своих пророческих картинах человеческого будущего подтвердили частичную правоту выводов Жана Жака Руссо, к которому он пришел в конкурсном сочинении «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов»: науки «еще более опасны по тем результатам, к которым они приводят».

Результаты гипертрофированного, одномерного развития науки и техники без крепкой нравственной основы описали многие классики мировой фантастики. Нарисованные ими картины на исходе второго десятилетия XXI века представляются пророческими. Например, Александр Казанцев в романе «Фаэты» (1971) показал обре-

ченный на гибель социальный строй, политические лидеры которого, вооруженные передовой наукой и техникой, приводят всю планету к ядерному апокалипсису.

Провидческий дар Рэя Брэдбери поражает во многих его произведениях. Писатель часто рисовал сумрачные видения автоматизированного, обезчеловеченного мира. В антиутопии «451 градус по Фаренгейту» звучит тревога за судьбу человечества и нашей планеты, искреннее желание найти выход из постиндустриального и постмодернистского тупика, в котором оказался *homo sapiens*.

В современной философской фантастике преобладает именно негативное, критическое начало. Оптимистических прогнозов по поводу будущего высказывается все меньше и меньше. Существующий порядок вещей, весь хаос современности проецируется в будущее и со страниц фантастических романов на человека фактически смотрит его настоящее, лишь изрядно гипертрофированное. И все же именно Брэдбери демонстрирует в своих произведениях веру в лучшие человеческие качества, которые не сможет уничтожить технический прогресс. Спасение для «человека будущего» он видит в семье, в традиционных ценностях любви, сострадания, взаимопомощи.

Человечество до сих пор не может найти «золотую середину», позволяющую проплыть между Сциллой безудержной агрессии и Харибдой безмускульной толерантности. Терпимость хороша, когда она не размывает духовно-нравственных основ человека. В романе Станислава Лема «Возвращение со звезд» показано человечество, которое сумело избавиться от родимых пятен прошлого: агрессии, войн, преступлений. Но вернувшийся со звезд астронавт с удивлением обнаруживает, что жить в таком мире ему невыносимо скучно. Даже эмоции оказались под запретом. Раздумья Лема схожи с мыслями Иммануила Канта, который полагал присущую людям агрессивность и «необщительное общение», необходимыми качествами для создания цивилизации и правового государства.

Фантастам часто хочется верить, что человек будущего не только избавится от недостатков, но и приобретет новые возможности, кажущиеся сегодня сверхчеловеческими. Над проблемой расширения интеллектуальных возможностей человека размышляли не только братья Стругацкие, Рэй Брэдбери и Айзек Азимов, но и современный ирландский писатель Алан Глинн в романе «Темные поля».

А. Азимов некогда отмечал, что проблемы, которые писатели-фантасты поднимают в фантастике, становятся впоследствии насущными проблемами для всего человечества. Философское постижение человека всегда происходит не просто через реконструкцию его сущностных характеристик, но через осмысление его актуального и потенциального бытия в мире. Лучшие писатели фантасты своим творчеством доказывали правоту тезиса Макса Шелера «Человек – это в известном смысле все».

Материальная жизнь, во многом освобожденная от власти духа, стала развиваться по своим, сугубо механическим и обездушенным законам, перед которыми современный человек оказался беззащитным. Но к каким бы дальнейшим чудесам ни привело дальнейшее развитие техники, всегда лишь у человека будут существовать функции, которые нельзя заменить компьютерами. Ведь любовь, уважение и взаимопонимание не являются техническими проблемами.

Фантасты предупредили человечество о грядущей невозможности межиндивидуального общения, которая приведет к утрате человеком своего духовного мира. В лучших произведениях мировой фантастики предсказаны абсолютизированные до крайности негативные тенденции современного общества, деформирующие человеческую природу. Среди этих тенденций трагически лидируют нивелирующее людей безудержное потребление, тотальный контроль бессовестной и бесчеловечной государственной власти, прогрессирующий индивидуализм.

Некогда Николай Бердяев написал: «Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?» Да, многие утопиче-

ские идеи не без успеха реализовали за прошедшее столетие всемирной истории, – в том числе и те, осуществление которых должно было изменить человеческую природу насильственно в направлении, желательном для утопистов и социальных вивисекторов. И самое страшное, если реальностью станет та утопия, о которой Джордж Оруэлл писал в романе «1984»: «Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно. И помните, что это – навечно. Лицо для растапывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества, для того чтобы его снова и снова побеждали и унижали».

Очень не хотелось бы, чтобы этот мрачный прогноз окончательно стал явью – тем более, в нашей стране.

Державина Наталья Фёдоровна

бакалавр философии, лаборант

Государственный академический университет гуманитарных наук

Email: pickegul@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Объектом исследования являются трансформации памяти человека в условиях информационного общества. Целью является демонстрация концептуальных изменений в структурах памяти, вызванных переходом к новому общественному и техническому укладу, а также исследование принципов «масштабирования» памяти, полученных с опорой на системный подход.

Ключевые слова: память человека, информационное общество, методология, системный подход.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МД-178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения»).

Derzhavina Natalya Fyedorovna

Bachelor of Arts, Assistant of Faculty of Philosophy

The State Academic University for the Humanities

TRANSFORMATION OF HUMAN MEMORY IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The object of research is the transformation of human memory in information society. The goal is to demonstrate the conceptual changes in the memory structures caused by the transition to a new social and technical structure, as well as to study the principles of “scaling” the memory obtained using a systematic approach.

Keywords: human memory, information society, methodology, systems approach.

Философские вопросы имеют характерную черту: обращаясь к предельным основаниям, они по своему существу не меняются и в то же время не имеют универсальных ответов. В частности, поэтому философия как таковая в разные эпохи демонстрирует различные подходы к их решению. Невозможность найти однозначный ответ порождает тенденцию к поиску новой постановки вопроса. Иными словами, к смене методологии, в том случае, если нам не по душе прежние методы решения философских вопросов, или по каким-то соображениям нас не устраивают ответы. Довольствоваться в настоящем ответами прошлого становится все сложнее по мере накопления частной информации в конкретных областях знания, затрагивающих объекты философского вопрошания. И поскольку новое знание лишает нас возможности апеллировать к прежним решениям, которые для своего времени считались удовлетворительными, нам остается вновь обратиться к методу.

Так мы оказываемся в ситуации, которая едва ли отличается от ситуации, скажем, Канта, Декарта, Августина или Аристотеля. Каждый из них, да и не только они, сталкивались с вопросами, ответы на которые были в том или ином виде даны их предшественниками, причем ответы эти оказывались, во-первых, разными до антимичности, и, во-вторых, не устраивающими новых мыслителей. Нынешних исследователей отличает большее количество предшественников, однако мы все так же продолжаем искать новые формулы для вопросов, заданных тысячелетия назад.

Один из универсальных вопросов, на который человек по-разному отвечал в разные эпохи, – это вопрос о том, как именно мы познаем? Нет нужды в настоящем

время специально останавливаться на динамике формулировок этого вопроса. Важнее то, какую методологическую систему мы можем применить к нему сегодня.

Поскольку познание теснейшим образом связано с памятью, имеет смысл остановиться на исследовании именно этой способности. Память – одна из важнейших психических функций, в том числе и в особенности для человека. Она делает возможным восприятие, сохранение, извлечение/обработку и, наконец, отсеивание информации. В пределе память формирует принципиальную возможность познания сверх ощущения. Она продлевает восприятие, позволяя сознанию выделиться из природной неразделенности, отделить «Я» от прочего за счет расширения возможностей самоидентификации. В то же время память обеспечивает единство сознания и организует мышление.

Однако, несмотря на свою фундаментальную значимость, память (не как содержание, а как механизм) подвергалась изменениям, в том числе действительно глобальным, в течение истории развития человека как вида. Можно выделить два настоящие коренных изменения, связанных с процессами памяти у человека. Оба они связаны с конкретными этапами культурной эволюции. Первое связано с возникновением письменности и шире – возможности сохранять информацию (знание) безлично. Сохранение таким образом перестает играть ведущую роль, уступая место обработке. С переходом к технологической эре появилась возможность отчасти делегировать во вне также и обработку.

Как именно в таком случае можно рассматривать память, учитывая современные тенденции, налагающие на исследования свой характерный отпечаток? Ключевым в таких условиях становится системный подход, поскольку он позволяет упорядочивать экспоненциально возрастающий объем накапливаемых данных. Поэтому, с одной стороны, память следует не только функционально, но и содержательно рассмотреть как специфическую систему динамически масштабируемых модулей, находящихся в иерархическом взаимодействии друг с другом. Это позволит выявить, во-первых, прояснить принципы ее устройства, и, во-вторых, определить границы перехода от накопления знания к его генерации. С другой стороны, изменения памяти в связи с переходом к информационной стадии развития общества, может быть исследовано в разрезе взаимодействия внешнего и внутреннего ее механизмов.

Библиографический список

1. Винник Д.В. Сознание за пределами мозга истоки аргументации радикального экстернализма // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. №2 (10). [Эл. доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-za-predelami-mozga-istoki-argumentatsii-radikalnogo-eksternalizma> [Дата обращения: 01.10.2019].
2. George A. Miller. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. // The Psychological Review, 1956, vol. 63, pp. 81–97. [Эл. доступ] URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Miller> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека // Ред. Н.О. Фомина. М.: 1974. 550 с.
4. Величковский Б. Б. Рабочая память человека. Структура и механизмы / Б.Б. Величковский. М.: 2015. 247 с.
5. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Т.П. Зинченко. СПб., 2002. 320 с.
6. Герасимов И.Г., Яшин А.А. Ионно-молекулярная модель памяти. Ассоциативная и эмоциональная память и производство информации в системе памяти // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. № 4. [Эл. доступ] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ionno-molekulyarnaya-model-pamyati-assotsiativnaya-i-emotsionalnaya-pamyat-i-proizvodstvo-informatsii-v-sisteme-pamyati> (дата обращения: 01.10.2019).

Думов Александр Витальевич

студент

Сибирский федеральный университет

Email: avdumov@inbox.ru

КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Автором осуществляется исследование значения категории сложности в современном философском осмыслении информации. Компаративное рассмотрение атрибутивной и функциональной концепций информации становится основанием для постановки вопроса о необходимости выработки стратегии философского исследования проблематики информационной реальности с учетом «комплексной» онтологичности феномена информации.

Ключевые слова: сложность, категории.

Dumov Alexander Vitalyevich

Student

Humanitarian Institute of Siberian Federal University

CATEGORY OF COMPLEXITY IN CONTEXT OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF INFORMATION

Abstract. The author studies the significance of the category of complexity in modern philosophical understanding of information. Based on a comparative analysis of information concepts, the author concludes that it is necessary to create a strategy for philosophical research of information talking into account its ontological complexity.

Keywords: complexity categories.

На сегодняшний день философия информации является одной из важнейших отраслей философского знания, поскольку существует необходимость во многообразном осмыслении феноменов всеобъемлющей информационной реальности. Л. Флориди, один из видных современных зарубежных специалистов в области философского осмысления информационной реальности, прогнозирует становление философии информации в качестве первой философии нашего времени [1, р. 14]. И даже если мы предпочтем занять более умеренную позицию в отношении роли философии информации, то мы не можем не признать большого значения ее формирования в качестве единой сферы исследовательского развития представителей различных отраслей философского знания, среди которых в первую очередь следует назвать эпистемологию, антропологию и этику.

Одной из важнейших категорий философии информации является сложность. Несмотря на то, что осмысление вопросов познания сложности и онтологической специфики сложных системных образований началось сравнительно недавно (нач. XX века), концепты, предвосхищающие интерес к проблематике сложности, мы можем обнаружить практически в каждый период становления философского знания. Именно это позволяет ряду авторов говорить о том, что сама философия обладает «чувствительностью» к сложности [2, р. 117]. Можно сказать, что в категории сложности воплощается вечный философский вопрос о соотношении единства и многообразия в постигаемом мире. Не менее актуальной является и задача исследования данного вопроса в его применении к процессам и явлениям информационной реальности.

Исторически сложившиеся в отечественной философии информации направления – функциональное и атрибутивное – также не обходят стороной категорию сложности, напротив, используют ее в качестве фундаментальной в построении своих теоретических систем. Следует отметить, что несмотря на существующие между

данными концептуальными направлениями противоречия, им присуще единство на эпистемологическом уровне: они основаны на принципах теории отражения. Но если сторонниками атрибутивного подхода из положения о всеобщности отражения делается вывод о всеобщности информационных процессов, то функционалистами признается существование информации только в рамках высокоорганизованных систем.

Сложность фигурирует в дефинициях информации, предлагаемых как тем, так и другим подходом. Для представителей атрибутивной концепции характерно представление об информации как «отраженной сложности» [3, с. 158]. Под сложностью здесь имплицитно понимается структурное разнообразие, оцениваемое в качественных и количественных параметрах. В свою очередь, функциональный подход рассматривает организационную сложность системы в качестве необходимого условия ее вовлеченности в информационные процессы. В таких системах сложность выступает в качестве необходимого свойства того, что В. С. Тютхин называет неинвариантной упорядоченностью элементов [4, с. 26]. Сложность интерпретируется функционалистами как свойство системной структуры, определяющее количество элементов и качественные особенности их дистрибуции.

Следует сказать, что в понятийно-категориальном аппарате обеих концепций существует частичное отождествление трех концептов – организации, сложности и упорядоченности. В случае с атрибутивной теорией этот ряд может быть дополнен и понятием информации ввиду существования вышеуказанной дефиниции. Все они контекстуально определяются как разнообразие элементов, свойств, либо отношений [4, с. 223]. Нельзя не обратить внимание на внутреннюю противоречивость этих теоретических систем: указания на невозможность отождествления исследуемых феноменов периодически перемежаются с их частичным слиянием, либо отождествлением, которому будто бы невозможно противостоять.

Парадигмальные границы теории отражения скрывают сущностную особенность информационной реальности, которая являет себя в противостоянии атрибутивной и функциональной концепции. Внимание на этой особенности сосредотачивает французский философ и теоретик сложного мышления Э. Морен в работе «Метод: природа природы». Он отказывается от формирования конкретных дефиниций информации, организации и сложности, указывая на их соотносительный, релятивный характер. Информация представляет собой на фундаментальном уровне физический феномен, тогда как первопричиной возникновения информационных процессов является функционирование самоорганизующихся образований; в свою очередь, увеличение информационного разнообразия осуществляется на антропосоциальном уровне [5, с. 432]. И в этом состоит несомненное преимущество предлагаемого им подхода: информация может быть понята лишь в соотношении различных онтологических уровней, на которых она реализуется.

Первым шагом к познанию сложности может стать признание того, что в природе, обществе и наших знаниях о них существуют различные уровни реальности объекта и субъекта и, соответственно, не сводящихся друг к другу модусов их взаимодействия [6, р. 24]. Становление и развитие философии информации, таким образом, оказывается возможным на основании диалога концепций и течений, направленного на формирование образа познания сложной природы информации. Возникновение конфликтов интерпретаций, противоборства теоретических моделей и способов понимания, безусловно, неотъемлемо от процесса развития диалога, но причиной возникновения подобных ситуаций не должны становиться искусственно установленные теоретические ограничения, угнетающие естественное развитие познания, его содержательное и формальное многообразие.

Библиографический список

1. Floridi..L. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2011. 405 p.

2. Heylighen F., P. Cilliers, and C. Gershenson. Complexity and Philosophy, in: Jan Bogg and Robert Geyer (ed.), Complexity, Science and Society, (Radcliffe Publishing, Oxford), 2007. pp. 117–134
3. Урсул А. Д. Информация и мышление. М.: Знание, 1970. – 50с.
4. Тьютин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Наука, 1972. – 256с.
5. Морен Э. Метод. Природа природы / пер. и вступ. ст. Е. Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488с.
6. Nicolescu B. Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of the Included Middle and Complexity //Transdisciplinary Journal of Engineering & Science. Vol. 1, No:1, (December, 2010), pp. 19-38.

Захаров Егор Александрович

студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ

Email: egorzahar17@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОРГАНИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Доклад посвящается изучению трансформации культурных и социальных аспектов городской жизни в современном информационном обществе. Рассматриваются изменения подходов к исследованию города. Дается оценка влиянию цифровых технологий на функционирование городских пространств.

Ключевые слова: урбанизация, «умный город».

Zakharov Egor Aleksandrovich

student

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CHARACTERISTICS OF THE CITY AS A SOCIO-CULTURAL ORGANISM IN THE DIGITAL ERA

Abstract. The report deals with the transformation of both cultural and social aspects of city life in modern information society. Changes in the approach of city studies are addressed. Assessment of the influence of digital technology on the functioning of urban environment is provided.

Keywords: urbanization, "smart city".

По данным ООН на 2014 год, число жителей городских районов от общего населения Земли составляет 54%, а к 2050 году ожидается рост числа городских жителей до 66% [1]. Число мегаполисов также продолжает расти. Данные факторы, а также повсеместная информатизация, в том числе и в городских пространствах, призывает исследователей переосмыслить старые подходы к изучению социальной среды в городах и изобретать кардинально новые. Цель настоящей работы: рассмотреть изменения в функционировании городских систем в контексте современности.

К. Маркс и Ф. Энгельс стали одними из первых исследователей городского образа жизни, однако предметом их изучения было бедственное положение пролетариата и последствия ему сопутствующие, а не жизнь людей в городе в целом. Исследования социально-культурной жизни городов продолжались стараниями таких исследователей, как Ч. Бут, Г. Зиммель, М. Вебер, Р. Парк, Л. Вирт, М. Фуко. Российских ученых также интересовал процесс социального развития городов. Им занимались Н.П. Анциферов, И.М. Гревс, П. В. Миронов, Ю.М. Лютман, Б.В. Марков и другие.

Несмотря на разнообразие подходов, большинство исследователей рассматривали город с экономической или градостроительной позиции, в их работах город определялся как особый способ социальной организации людей на определенной территории. Особые культурные аспекты городского населения стали выделяться как отдельный предмет изучения только с появления терминов «урбанизм» и «урбанистика» в эссе Л. Вирта «Урбанизм как образ жизни» в 1938 году. В 1970-х годах городская антропология начала возникать как отдельная дисциплина. По состоянию на сегодняшний момент признается, что антропология города должна изучаться с помощью междисциплинарного подхода, однако до сих пор не выработана единая методология для ее исследования [2].

С появлением цифровых технологий социокультурная составляющая человеческого общества начала меняться невероятными темпами.

Концепция умного города подразумевает гибридное пространство, одновременно объединяющее реальное и виртуальное. Благодаря использованию информационных систем в городской инфраструктуре каждое действие горожан находит отклик в цифровом пространстве, формируя объем «больших данных» для последующего теоретического изучения и практического применения.

Кроме того, повсеместная цифровизация общества приводит к росту коммуникаций как между самими жителями, так между ними и властью, то есть между «низом» и «верхом». Таким образом, сами горожане становятся непосредственными участниками процесса принятия решений [3].

Стоит заметить, что и сам образ жизни людей изменился за последние несколько лет. Компьютеризация и роботизация трансформируют рынок труда, а умные дома и «интернет вещей» преобразовывают человеческий быт.

Однако далеко не каждый город вводит в эксплуатацию «умные системы», далеко не каждый житель может позволить себе умный дом. Несмотря на то, что информационная эра безусловно повлияла на городской социум, степень этого влияния варьируется от случая к случаю.

В то время как раньше ученых волновали способы оптимизировать городскую инфраструктуру и улучшить социальное положение населения, сегодня исследователи также занимаются вопросами субкультур, моделями жизни в городе, социальными связями и отношениями людей друг с другом, эстетикой городских пространств и ее влиянием на психологическое благополучие человека. Таким образом, в системе изучения проблематики городского общежития большее внимание стало уделяться социологической и антропологической сторонам вопроса. Возросшая популярность урбанистики указывает на то, что цифровая эпоха способствовала появлению в людях интереса к преобразованию окружающей среды в ту, которая будет для них комфортна.

Вышеуказанные изменения, которые продолжают происходить с обществом, говорят о том, что появление информационных технологий привело к кардинальным преобразованиям городского образа жизни, способствовало увеличению затрагиваемого исследователями перечня проблемных аспектов, повысило уровень заинтересованности горожан к организации лучшего городского пространства.

Библиографический список

1. По данным ООН, увеличивается городское народонаселение: сегодня более половины населения мира проживает в городах, а к 2050 году число горожан увеличится на 2,5 млрд. человек // Информационный центр ООН в Москве. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-onn-uvlichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir>.

2. *Шабавев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.

3. *Catherine Tumber.* *Unreal cities?* // The Nation. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.thenation.com/article/unreal-cities/>.

Захарова Людмила Николаевна

доктор философских наук, профессор

Тюменский государственный институт культуры

Email: zaharova40@mail.ru

ЧЕЛОВЕК «ОЦИФРОВАННЫЙ» КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Цифровая цивилизация изменила стиль жизни современного человека. С помощью «цифры» происходит общение с близкими людьми, чтение книг, просмотр новостей, планирование будущего. Меняются ценности человека, процесс познания, отношение к бессмертию.

Ключевые слова: технизация, бессмертие.

Zakharova Lyudmila Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Professor

Tyumen State Institute of Culture

HOMO DIGITAL AS REALITY

Abstract. Digitalization has changed the life style of modern people. In a digital form, people communicate, read, watch the news and plan their future. The process of cognition, people's values and their attitude to immortality are modifying.

Keywords: technicalization, immortality.

Прогнозы футурологов относительно стиля жизни человека XXI века были следующие: человек будет ассоциировать себя не с трудовой деятельностью, но досуговой: «я вожу мотоцикл», или «я собираю марки».

Но реальность оказалась несколько иной. Современный человек часто ассоциирует себя с маркой смартфона и с группами в сети, нарушая прогнозируемые схемы. Несмотря на некоторую неожиданность, процесс изменения стиля жизни и других современных социальных феноменов вполне закономерный. Для общества в любую историческую эпоху свойственен определенный набор средств коммуникации. Как правило, преобладает один из её видов, с которым и ассоциируют эпоху. Это может быть устное слово, как в эпоху Сократа, письменные записи философов научных школ, как в Академии Платона. Начиная с раннего Возрождения, средством коммуникации становится печатное слово, «Галактика Гуттенберга», и продукт её – книги, журналы, газеты. В конце 19, начале 20 века произошла революция в средствах коммуникации с помощью радио, телевидения. Средства общения, коммуникации изменяются путем революции, («культура – это взрыв», по выражению Ю.Лотмана). В зависимости от этих революций меняются и социальные процессы в обществе.

В настоящее время также проходит революция в средствах коммуникации, которая означает наступление «цифровой цивилизации», иной тип развития общества, в котором на смену аналоговым и линейным формам коммуникации приходят цифровые, электронные. Они не только определяют характер и направленность деятельности человека и социума, но влияют на цели и смыслы человеческой жизни и деятельности. Новые средства коммуникации формируют цифровую культуру, которая обозначается на нескольких уровнях: материальном (вещи, гаджеты, технологические системы), символическом (знаки, языки, формы общения), социальном (институты, профессии, объединения), ментальном (идентичность, стереотипы), ценностном (предпочтения).

Человек со смартфоном находится везде: в автобусе и метро, поезде, даже на лекциях и в кинотеатре. Так происходит общение с близкими людьми, чтение книг, подготовка к экзамену, просмотр новостей, планирование будущего. Все эти действия были и раньше, но сейчас все происходит по-другому, с помощью «цифры».

Вместе с последней маркой смартфона меняются ценности человека, его желание и возможности не отстать от века – значительных событий, их оценки, стремление участвовать в этих событиях.

Как же влияет новая цифровая цивилизация на познавательный процесс человека? Изменился процесс приобретения знания. В силу того, что появилась возможность «скачивания» информации и кажущаяся легкость доступа к ней, обострилась проблема оригинальности художественных и научных текстов. Существует соблазн присваивать себе чужие мысли («я так же думаю!»).

Легкость «добывания» информации нарушает логику достижения истины. Происходит подмена ума информированностью. Конечно, ум развивается на основе знаний и памяти, но знания и память – это ещё не ум. Информация, которую дает человеку Интернет, еще не делает его умнее, она делают его осведомлённее, возможно, зрудированнее.

Появился новый вид догматизма. Был догматизм, распространённый в периоды культа личности. Догматизм мышления основывался на том, что человек думал так, как думала авторитетная личность, точнее никак не думал, а повторял чьи-то слова, взгляды, убеждения.

Новый догматизм – повтор из сетей. Можно слышать, как взрослый человек ссылается в доказательство своей правоты: «Так написано в Интернете!» Что же говорить о ребенке!

Догматические утверждения сменяют друг друга и в общественной психологии. В девяностые годы была догма «рынок решит наши проблемы». Сейчас история повторяется: «проблемы будут решены с помощью цифровизации» (экономики, образования, культуры, человека). Но истина не определяется тем, как считает кто-то, даже если он владеет цифровой технологией. Не определяется верой, авторитетом автора, распространённостью взглядов. Истина определяется только одним – соответствием предмету и независимостью от субъекта. Проблема истинности знания осложняется в настоящее время еще и тем, что возникла ситуация, когда реальные вещи буквальным образом появляются из некоего аналога мира идей, подобного пространству эйдосов Платона. Идеальный мир начинает восприниматься как сама неоспоримая объективно существующая реальность. Это одно из обстоятельств, влияющих на увлеченность компьютерными играми, а также на рост преступности среди любителей этих игр, причиной которых является смешение материальной и идеальной реальности.

Появилась новая трактовка «вечной» темы бессмертия человека. В «доцифровой» период бессмертие связывалось с трансляцией культурных ценностей последующим поколениям людей, передачей генотипа детям.

Об этом век назад говорил М.Вебер в знаменитой работе «Наука как призвание и профессия». Человек культуры, включенный в цивилизацию, постоянно обогащающаяся идеями, знанием, проблемами, может «устать от жизни», но не может пресытиться ею. Ибо он улавливает лишь ничтожную часть того, что вновь и вновь рождает духовная жизнь, притом всегда что-то предварительное, неокончательное, и поэтому для него смерть – событие, лишенное смысла. Так считал М.Вебер, ссылаясь при этом на Льва Толстого. Проблему бессмертия некоторые современные авторы решают по-другому, считая, что бессмертие – это «оцифровка». В какой степени человек себя оцифрует, в такой степени он станет бессмертным. Чем большую часть поступков и воспоминаний человек сумеет оцифровать, тем ближе он подойдет к бессмертию. «Душа» – это любого рода «живая» информация, которую можно найти и передать дальше. При этом не учитывается, какого рода эта информация, ведь она может нести для будущих поколений ни благо, но разрушение и ненависть.

Никакая «живая информация» не может заменить уникальное явление природы, культуры, социума, каковым является человек. В «цифровой цивилизации» основную

роль должна играть не техника, сколь совершенной она бы ни была, а человек. Сохранение, развитие каждого отдельного человека как личности – это условие выживания всего человечества. Такие качества человека как долг, стыд, совесть, не оцифруешь, они воспитуемы социумом и усилиями самого человека.

Между тем человек не стал еще центром «цифровой цивилизации» в настоящее время. Поэтому сохранение и развитие человека, его уникальных качеств остаётся главной целью современности, как об этом писал основатель Римского клуба, ученый, гуманист А.Печчеи в книге «Человеческие качества» в середине XX века. Мысли эти актуальны и сегодня. Лучшие качества человека не должны исчезнуть в новой цивилизации.

Зубарева Светлана Сергеевна

преподаватель

Донской государственный технический университет

Email: zubareva.ss@yandex.ru

ПОКОЛЕНИЕ МИЛЛЕНИУМА – БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Стремительное развитие цифрового общества обусловило возникновение новой генерации людей, способных соответствовать вызовам и возможностям цифровой эпохи. «Цифровое поколение» обладает рядом уникальных характеристик, определяющих характер их взаимодействия с окружающим миром и обществом в целом. Решения, принятые молодым поколением, предопределяют направленность Общества 5.0 в экономическом, технологическом и духовном развитии.

Ключевые слова: цифровой глобализм, общество 5.0

Zubareva Svetlana Sergeevna

Lecturer

Don State Technical University

MILLENNIALS IS THE FUTURE OF THE DIGITAL SOCIETY

Abstract. The rapid development of the digital society has led to the emergence of a new generation of people who are able to meet the challenges and opportunities of the digital era. The "digital generation" has a number of unique characteristics that determine the nature of their interaction with the outside society and world. Youth decisions will predetermine the orientation of Society 5.0 in economic, technological and spiritual development.

Keywords: digital globalism, society 5.0.

Общество XXI века стремительно развивается в направлении цифрового глобализма. Цифровые технологии, в настоящее время, проникли в большинство социальных институтов и повсеместно сопровождают жизнь современного человека. Под влиянием цифровизации трансформируются существующие социальные структуры и создаются новые, что обуславливает формирование будущего цифрового общества. Степень понимания и восприятия цифровой культуры зависит от принадлежности к определенной социально-демографической группе. Так, наиболее восприимчивым к социокультурным трансформациям и тенденциям тотальной цифровизации является поколение «Digital Natives» [1, с. 23]. Представители данного поколения, люди, рожденные на рубеже XX-XXI веков, характеризуются высоким уровнем вовлеченности в информационные-коммуникационные технологии и новые медиа. Цифровая социализация данного поколения происходила в уникальных условиях: конвергенции цифровой и аутентичной культур, виртуализации пространства, глобализации и культурной интеграции. Определенно, это существенным образом отразилось на мировоззрении и ценностных ориентациях молодых людей, что в том числе определило возникший нравственно-ценностный, духовный кризис современного общества. Исследователи, рассматривая поколение XXI века, поднимают вопрос о его отношении к различным социальным процессам, в том числе в рамках концепций «Homo economicus», «Homo consumericus» и «Homo Ethicus», «Homo informaticus», которые наглядно демонстрируют вектор развития человека и общества, и свидетельствуют о текущей антропологической революции [2, с. 54].

Наблюдаемые тенденции в обществе и технологиях предопределяют возникновение суперинтеллектуального социума – Общества 5.0, будущим которого является современная молодежь, люди, способные обеспечить глобальную конкурентоспособность и национальную безопасность страны. Однако возникает вопрос о духовной

жизни нового поколения, находящегося на грани виртуального и реального миров, под влиянием интенсивной интеграции западной культуры и растущей роли капитализма. Согласно исследованиям, ценности молодых людей уже имеют индивидуалистическую направленность, направлены на удовлетворение и достижение личностных потребностей и целей. Тем не менее, в случае если цели Цифрового поколения совпадут с глобальными целями, то Общество достигнет масштабного развития.

Библиографический список

1. *Тапскотт Д.* Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. Киев: INT Пресс, 2014. 403 с.
2. *Яковлев Л.С.* Цифровые технологии в контексте антропологической революции // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 52-62.

Ирхин Юрий Васильевич

доктор философских наук, профессор

Российский государственный гуманитарный университет

Email: irkhine@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОСТМОДЕРНИЗМА И НЕОМОДЕРНИЗМА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Анализируются достижения и противоречия в генезисе современного постмодернистского дискурса, роль неолиберальных ценностей в его развитии. Автор рассмотрел новый подход к изучению общества и политики: неомодернистский дискурс с доминантой консервативных ценностей, выделил и систематизировал черты неомодернизма: историзм, патриотизм и здоровый национализм, популизм, транзакционализм, реализм в мировой политике.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, неомодернизм, неоконсерватизм, популизм.

Irkhin Iouri Vassilyevich

Doctor of Philosophy, Professor

Russian State University for the Humanities

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO ANALYSIS OF POSTMODERNISM AND NEOMODERNISM IN DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article analyses the achievements and contradiction in the genesis of the modern postmodern discourse, the role of neoliberalism values in its development. The author discusses new approaches to society and politics studies: the neomodern discourse with dominated neoconservative values, reveals common features of the neomodern approaches: historicism, patriotism, healthy nationalism, populism, transactionalism, realism in world politics.

Keywords: postmodernism, metamodernism, neo-modernism, neoconservatism, populism.

Междисциплинарное, сравнительное изучение и понимание роли и генезиса политико-культурологических и философских дискурсов постмодернизма и неомодернизма является важным для общественных дисциплин. Весьма актуальна разработка этих вопросов в рамках проблематики «Философия и культура информационного общества» [2].

Междисциплинарный подход к анализу дискурсов постмодернизма и неомодернизма позволяет четче выделить их принципы, особенности формирования и генезиса.

Постмодернизм сформировался в последней трети XX века и затем прошел в своем генезисе ряд этапов. В его методологии и теориях акцентируется внимание на особенностях и смыслах общества постмодерна. Среди них:

- повышение роли постматериальных ценностей, массовой культуры развлечений и эстетизации повседневной жизни в «обществе потребления»;
- рассмотрение социального мира как изменяющегося текста или интертекста, где сложно определить автора;
- политико-управляющее значение информационных и психологических символов, кодов, смыслов, симулякров, рекламы, разнообразных индексов, кодексов и рейтингов влияния в глобально-локальном обществе;
- сопряженность с ценностями, дискурсом неолиберализма.

В целом постмодернизм предполагает расширение возможностей политического и культурного проектирования вследствие бурного развития интегрированных коммуникаций и их воздействия на сознание и предсознание людей.

Современные СМИ, «фабрики мысли», общественные организации становятся конструкторами идентичностей, стремятся к «захвату символов» и управлению через их посредство. Запрограммированные опросы общественного мнения определяют политику, тесты – стиль рекламы, телеметрия – содержание программ телевидения. Легитимацию власти во многом определяют пресс-центры и пресс-бюро, зависящие от олигархических или иных структур.

Классическая постмодернистская парадигма претерпевает некоторые изменения в связи с цифровым генезисом общества, дополняется «метамодернизмом». Для последнего характерны:

– расширяющаяся виртуализация пространства социальных взаимодействий, когда виртуальный мир замещает реальность и появляются новые возможности манипуляции массовым сознанием как со стороны власти и современных СМИ, так и со стороны индивидов, особенно в логике сетевого взаимодействия, а также при использовании различных информационных цифровых платформ (инстаграм, фейсбук, гугл и др.);

– целенаправленное конструирование привлекающих социальные взаимодействия технообразов, создаваемых в сетевом пространстве одними пользователями и изменяемых другими, в результате чего сам объект живет независимо от автора [1].

Постмодернизму и метамодернизму оппонирует новый политико-культурологический подход – неомодернизм.

Важными причинами формирования неомодернизма явились обостряющиеся противоречия между неолиберальными элитами и интересами общества, ухудшающееся положение масс. Подвергнут сомнению «неолиберальный социальный контракт» – между элитами и трудящимися, в силу которого положение последних (в США, ЕС) улучшалось каждое новое их поколение. Избрание в органы власти популистских лидеров (президентов США, Бразилии, Украины и др.), растущая популярность популистских и умеренно националистических организаций и массовых выступлений – все это активно формирует политическую повестку развития многих стран мира. Неомодернизм использует ценности неоконсерватизма.

Для «неомодернизма» характерен ряд принципов [3].

1. Актуализация историзма – апелляция неомодернистов к историческим и культурно-цивилизационным корням. Это связано как с усилением национализма и этноцентризма во многих государствах, так и с попыткой найти новое идеологическое оправдание существующей политической системы; обосновать неомодернистский реализм после десятилетий доминирования постмодернистского исторического релятивизма. Неомодернизм тяготеет к актуализации патриотизма, роли права народов и этносов на самоопределение; поддерживает здоровый национализм, выражающийся в сохранении национальной и цивилизационной идентичности государств, наций и этносов [4].

2. Принцип транснационализма – отказа от «универсальных ценностей» и «общих интересов» в пользу жесткой ориентации на национальные приоритеты и взаимодействие с другими субъектами с точки зрения обычной экономической выгоды. Логика неомодерна и популизма предполагает сотрудничество зарубежных стран, а не конфронтацию с другими государствами с иными цивилизационными ценностями и национальными интересами.

3. Признание холизма внешней политики, как явления, не подчиненного узким экономическим или иным частным интересам, но сводящего отдельные внешнеполитические ориентиры и тренды к единому целому и учету национальных интересов. Для неомодернистов вопрос о демократии и авторитаризме опосредуется вопросом о границе между порядком и хаосом в международных отношениях, национальной и внутренней политике. Широко используются лозунги и практика различных видов популизма как средства решения политических проблем. Проблемы неолиберальной постдемократии предлагается решать с позиций неоконсерватизма и нового популизма.

Междисциплинарный подход к анализу современных политико-культурологических дискурсов помогает лучше ориентироваться в современном сложном и противоречивом развитии цифрового общества, его культуры, философии и политики. Выделение и сравнение понятийного и ценностного аппарата постмодернизма, метамодернизма и неомодернизма, особенностей их понимания и значения в общественных науках, применения в политической практике – актуальная исследовательская междисциплинарная задача.

Библиографический список

1. Ирхин Ю.В. Мир – это текст с картинками // Независимая газета. НГ Сценарии. – М., 2019. №5.
2. Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докл. – СПб.: ГУАП, 2018. – 280 с.
3. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии // Под общ. ред. М.Е. Родионовой. – М.: Кнорус, 2018. – 370 с.
4. Irkhin Yu. V. Metamorphoses of the Postmodern Discourse and Current Challenges Neomodernism // Political Science Issues. Academic Journal. – Moscow. LLC «Publishing House «Science Today», 2019. №2. – pp. 97-103.

Канашевич Надежда Михайловна

кандидат исторических наук, профессор

Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Email: Darya.adigezalova@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Стремительное развитие в мире информационно-коммуникативных технологий уже во многом определило развитие Беларуси? Что открывает возможность получения конкурентных преимуществ, для страны с малой открытой экономикой.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, Республика Беларусь.

Kanashevich Nadezhda Mikhailovna

PhD (History), Professor

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

THE FORMATION OF INFORMATION SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. Has the rapid development in the world of information and communication technologies already largely determined the development of Belarus? If it is so, this fact opens the possibility of obtaining competitive advantages for an open economy.

Keywords: information society, information and communication technologies, Republic of Belarus.

Беларусь уверенно продвигается по пути информатизации. В стране интенсивно формируются правовая основа и государственная политика информатизации, национальная информационно-коммуникационная инфраструктура. По данным Белстата уже в 2016 г. доля валовой добавленной стоимости сектора ИКТ в ВВП страны составила 4,5 %, экспорта информационных услуг – 18,5 %. [1, с. 27]. Законодательная основа для «белорусской силиконовой долины» – Парка высоких технологий (ПВТ), была заложена в сентябре 2005 года. Сегодня отрасль характеризуется сложностью реализуемых проектов и глобальной сетью поставки. По объему экспорта информационных услуг на душу населения Республика Беларусь занимает лидирующие позиции в регионе Центральной и Восточной Европы. В 2015 году экспорт таких услуг составил более 87 долларов США на человека (против 23,5 долл. в 2010 г.), что в несколько раз превысило аналогичные показатели в России и Украине [2, с 6].

Отмечаются продвижения белорусских ученых по самым передовым направлениям развития ИКТ – искусственного интеллекта, больших чисел, технологии блокчейн [3]. Получил мировое признание ряд разработок в IT-индустрии, созданных при участии белорусских специалистов. Массовая многопользовательская онлайн-игра World of Tanks добилась рекорда, зарегистрированного Книгой рекордов Гиннеса, благодаря самому большому в истории количеству игроков, одновременно собравшихся на одном сервере. Программа для занятий спортом All-inFitness, входит в топ самых скачиваемых программ в десятках стран мира. Авторы программы Viber, успешно конкурирующей на мобильном рынке с Skype, – израильтяне, но все ее программные разработки осуществляются в Беларуси. Среди значимых достижений белорусских специалистов в IT-индустрии называют также нейронные сети AIMATTER, стартап FaceMetrics, мобильное приложение Flo и др.

В Беларуси успешно функционирует ряд общегосударственных и ведомственных информационных систем, позволяющих оказывать телекоммуникационные и инфор-

мационные услуги на основе технологий широкополосного доступа. Среди наиболее значимых и уже реализованных общегосударственных проектов: первая очередь системы Межведомственного электронного документооборота государственных органов между государственными органами и организациями; Общегосударственная автоматизированная информационная система (ОАИС), оказывающая услуги государственным органам, организациям и гражданам на возмездной и безвозмездной основах.

По уровню «коммуникационной вовлеченности» граждан Беларусь находится среди лидеров на постсоветском пространстве. Интернет-технологии интенсивно внедряются не только в среде так называемого поколения «Z», но и в повседневную жизнь большинства белорусов. По данным республиканского опроса «Национальные электронные и печатные СМИ в общественном мнении белорусских граждан», проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента (ИАЦ) в мае 2017 г интернет-пользователями в 2017 году являлись 68,1% совершеннолетних жителей страны [4, с. 8]. Об интенсивности вовлеченности белорусских пользователей в интернет-среде свидетельствует и то, что подавляющее большинство (88,8%) обращаются к Глобальной сети практически ежедневно, а каждый десятый (9,8%) – несколько раз в неделю. Наиболее высокая доля ежедневных пользователей Сети наблюдается среди молодежи (95,9%) и граждан 30–39 лет (92,7%). У старших возрастных групп этот показатель постепенно снижается: для 40–49-летних – 86,7%, для 50–59-летних – 79,7%, в группе от 60 лет и старше – 76,4%, соответственно [4, с.9].

Социологи отмечают тенденцию увеличения с каждым годом востребованности сотовых телефонов и смартфонов в качестве средств доступа в Сеть и сокращение доли применяющих для этого персональные компьютеры, что свидетельствует об усилении мобильности граждан и желании постоянно находиться онлайн. Выход в Интернет уже позволяет белорусским гражданам решать ряд задач. Интернет используют в качестве средства коммуникации 69% респондентов, в большей степени молодежь до 30 лет и респонденты от 60 лет и старше, как средство передачи разнообразных сведений – 55,9% опрошенных, прежде всего, молодежь, горожане, мужчины. Для молодежи Сеть – это средство дистанционного обучения (41,2%), возможность найти новых знакомых, единомышленников (38,4%), способ оставить комментарии, вести блог (33,9%). Сеть предоставляет возможность развлечения для 48,6% участников опроса, преимущественно молодежи, покупок товаров или услуг – 45, 8 % респондентов (чаще это молодежь и горожане) [4, с. 12-13].

Успехи Беларуси в области информатизации фиксируются в различных международных рейтингах. В глобальном рейтинге Международного союза электросвязи по развитию информационно-коммуникационных технологий республика поднялась с 50-го места в 2010 году на 36-е в 2015 году, опередив все страны СНГ по степени готовности к информационному обществу [2, с. 6].

Движение к информационному обществу отвечает цели достижения конкурентных преимуществ и вхождения в систему глобального разделения труда такой страны, как Беларусь – с открытой малой экономикой, не имеющей значительных природных ресурсов, но обладающей относительно высоким уровнем развития человеческого потенциала и достаточно развитой материальной базой для проведения исследований в отдельных ведущих областях современного фундаментального и прикладного знания.

Библиографический список

1. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; предс. ред. колл. И.С. Кангро. – Минск: 2017 – 105 с.

2. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://shod.belta.by/programma> (дата доступа: 20.09.2019).

3. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» / официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата доступа: 21.09.2019).

4. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск: 2018 – 180 с.

Карнаух Владимир Кузьмич

доктор философских наук, профессор

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Email: karnauh_vk@mail.ru

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО:
НОВЫЙ РЕЖИМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ**

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ режимов рабочего времени в индустриальном и постиндустриальном обществах. Режим рабочего времени характеризуется, исходя из четырех параметров: продолжительности работы, хронометража; интенсивности рабочего времени (темпа) и степени временной автономии индивидов в течение рабочего дня.

Ключевые слова: режим, рабочее время, автономия рабочего.

Karnauh Vladimir Kuzmich

Doctor of Philosophy, Professor

The North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

INFORMATION SOCIETY: A NEW MODE OF WORKING TIME

Abstract. The article presents a comparative analysis of working time regimes in industrial and post-industrial societies. The mode of working time is characterized, proceeding from four parameters: duration of work, timekeeping; intensity of working time (pace) and degree of temporary autonomy of individuals during the working day.

Keywords: regime, working hours, working autonomy.

На современном этапе общественного развития рабочее время стало одной из актуальных тем в политической повестке дня и является центральным вопросом в организации повседневной жизни. При этом важно учитывать те изменения, которые с ним произошли.

Отличительными особенностями режима рабочего времени в индустриальном производстве были восьмичасовой рабочий день, работа в дневное время, свободные выходные дни.

С 1970-х годов условия труда изменились и подорвали как традиционную занятость на полную ставку, так и стандартные трудовые отношения. Привычный индустриальный режим рабочего времени был заменен на постиндустриальный режим.

Новый, постиндустриальный режим рабочего времени характеризуется флексибилизацией, переходом от индустриального к постиндустриальному режиму рабочего времени. В новом постиндустриальном обществе он обычно характеризуется дерегулированием коллективных норм, диверсификацией продолжительности и структуры рабочего времени, увеличением интенсивности работы, сжатием времени, размытием границ рабочего и свободного времени.

Расширение сферы услуг бросило вызов промышленному труду и практике индустриального рабочего времени. Происходящие изменения представляют собой часть гибкой специализации рынков продукции, которая отходит от тейлоровских принципов массового производства и принимает новую модель поставки товаров «точно в срок».

Уменьшение значения коллективного регулирования и единых временных структур, нормализация нестандартного рабочего времени рассматриваются как аспект перехода от фордистской к постфордистской эпохе.

Историческая тенденция к сокращению и нормализации рабочего времени прекратилась в 1970-е годы, и постепенно утвердилась гибкая производственная парадигма

Новая экономика, в которой доминируют услуги, принимает аналогичные гибкие формы использования рабочей силы. Услуги производятся и потребляются в одном акте. Они не могут храниться как продукты производства. Соответственно штатное расписание организации обслуживания должно следовать за потоком клиентов, что приводит к гибкому использованию рабочего времени.

Постиндустриальный режим рабочего времени связан с новой экономикой, характеризующейся глобализацией, 24-часовым функционированием финансовых рынков, информатизацией и созданием сетей в разных часовых поясах.

Эти практики могут быть охарактеризованы, исходя из четырех следующих параметров: продолжительность работы, хронометража; интенсивности рабочего времени (темпа) и степени временной автономии индивидов в течение их рабочего дня. Все эти измерения рабочего времени существенно изменились с появлением постиндустриального рабочего времени.

Исследуя продолжительность рабочего времени, следует отметить, что длительное рабочее время физически, психологически и социально связано с неблагоприятными прямыми и косвенными последствиями для сотрудников. Кроме того, продолжительные рабочие часы могут привести к нездоровому поведению и общему упадку сил. Ненормированный рабочий день неблагоприятно влияет на личные отношения в семье, приводит к сокращению времени, уделяемого детям.

Другой крайностью выступает очень короткий неполный рабочий день. Он часто ассоциируется с такими неблагоприятными условиями, как отсутствие возможностей для карьерного роста и защиты, ограниченными возможностями для обучения на рабочем месте.

При рассмотрении хронометража рабочего времени важно учитывать, что современное общество движется в сторону экономики, функционирующей 24 часа в сутки. Последнее означает, что все больше людей в будние дни работают за пределами часов дневного времени.

Если в индустриальном обществе нестандартные рабочие графики традиционно использовались в производственном секторе, то теперь распространение работы в секторе услуг увеличило спрос на нестандартные рабочие часы.

Нестандартные сроки работы, обеспечивая экономию, часто оказываются выгодны с точки зрения компании, но потенциально неудобны для сотрудников; они сокращают время на семейную и социальную жизнь и могут иметь неблагоприятные последствия для здоровья.

В современных условиях повышается интенсивность работы, нарастает ее темп. Одним из свидетельств изменения временного режима является чувство цейтнота и временного «голода», которые могут рассматриваться в качестве новых социальных проблем в постиндустриальном обществе. Давление времени, воспринимаемое на работе, возросло в большинстве европейских стран в течение последних десятилетий и связано с интенсификацией труда.

Нехватка времени может нанести вред здоровью и благополучию сотрудников. Давление времени увеличивает негативные эмоции сотрудников, стресс и усталость. Эти реакции могут перекинуться на семейную жизнь, увеличить конфликт между работой и семьей за счет ограничения возможностей сотрудников выполнять семейные обязанности.

Еще одной характерной чертой нового режима рабочего времени выступает степень временной автономии индивидов в течение рабочего дня. Индивидуальный контроль рабочего времени предполагает возможность удовлетворения потребностей сотрудников, предоставляя им автономию в отношении времени начала и окончания их работы, смены, перерывов, выходных, праздничных дней и общего количества рабочих часов. Исходя из этого, гибкость в работе выступает как возможность принимать решения, влияющие на то, когда, где и на какой срок работник занимается рабочими задачами. Можно предположить, что автономия обладает потенциалом

выступать в качестве буфера против негативных последствий длительного, давящего или нестандартного рабочего времени. Неблагоприятные последствия для здоровья, вероятно, будут меньше, если человек сможет выбрать, следует ли работать в определенную смену или в дополнительные часы.

Автономия рабочего времени связана с благополучием человека. Контроль над рабочим временем помогает людям уравновесить их рабочие обязательства с личной жизнью. Кроме того, автономность может предотвратить перегрузку от работы и помочь восстановить силы.

Библиографический список

1. *Тоффлер Э.* Третья волна – М.: АСТ, 2010. – 795 с.
2. *Карнаух В. К.* Волны цивилизации. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 92 с.
3. *Beck U.* The Brave New World of Work. Cambridge: Polity Press, 2000. – 202 p.

Ковалёв Дмитрий Викторович

аспирант

Вологодский государственный университет

Email: 3482041@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В условиях стремительно развивающегося глобального общества существенно возрастает интерес к проблемам трансформации личности и сознания. В статье на основе анализа философского и психологического опыта изучения проблемы трансформации сознания получают осмысление основные личностно-психологические и социокультурные особенности развития человека глобального мира.

Ключевые слова: человек, глобализация, информационное общество, трансформация сознания, идентичность.

Kovalyev Dmitriy Viktorovich

Postgraduate Student

Vologda State University

TRANSFORMATION OF CONSCIOUSNESS IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. In rapidly developing global society, the interest in the problem of consciousness transformation significantly increases. In the article, the analysis of philosophical and psychological experience in studying the problem of consciousness transformation is made. The main personal, psychological and sociocultural features of person's development in the global world are defined.

Key words: person, globalization, information society, transformation of consciousness, identity.

Бурный рост информационных технологий, технологизация многих общественных процессов, упрощение и стандартизация культуры обусловили формирование на рубеже XX–XXI вв. человека новой формации – человека глобального мира [1]. Роль техники как средства существования человека превращается в фактор конструирования не только бытия человека, но и его культуры, общества и сознания. Комплементарность процесса глобализации предполагает рассмотрение данного явления в контексте взаимосвязи различных его аспектов: экономических, политических, социальных, культурных, технологических, экологических и т.п. [3, с. 199].

Появляется необходимость в проведении специального исследования – психосоциологического осмысления глобализации, ее рассмотрение через призму психологии восприятия человеческим сознанием происходящих в мире глобальных процессов, трансформация и изменение образа мыслей и действий человека под влиянием этих процессов. В философском осмыслении нуждаются проблемы влияния информационных технологий на сознание человека, их взаимосвязь. Здесь необходимо учитывать специфику познания сознания и одновременно пытаться разграничить внутреннее и внешнее содержание личности. Кроме того, необходима трактовка самого понятия трансформация применительно к сознанию. Трудности в исследовании данного состояния психики заключаются в том, что сознание невозможно представить как отдельную вещь или явление, его сущность скрыта от человека. И в то же время сознание присутствует в каждой нашей мысли, образе, чувстве, оно существует только во взаимосвязи с ними [4, с. 16]. Мы называем мир образов, представлений и понятий о мире вокруг нас идеальным. Способом

существования сознания является действие человека с бытием. Знание становится объектом деятельности, деятельность в этом случае рассматривают как одну из форм активности сознания. Деятельность существует в двух основных ипостасях – практически-чувственном преобразовании природы или общества, и духовной трансформации внешнего мира в сознании человека.

Индивид, продвигающий идею об «отсутствии любого прогресса и непрерывности в развитии человека, его бессмысленности», появился именно в ходе глобализации. Человек начал забывать о внутреннем богатстве личности. Однако у всего, что не развивается, есть шанс исчезнуть. Возможно ли остановить или изменить происходящую трансформацию сознания современного человека и, не отказываясь от современных достижений общества, не проиграть, а даже выиграть в личном развитии?

Отвечая на заданный вопрос, прежде всего, необходимо рассмотреть базовые теоретические подходы к трансформации сознания. Понятие «трансформация» (от лат. «transformis» – превращенный, преображенный, измененный) – это латинский синоним Логоса, сущности, который понимался Платоном в качестве праформы всяких вещей, а Аристотелем – как оппозиция материи, вместе с которой он составляет неразрывное структурное единство.

В рамках современных психологических и философских подходов к исследованию человеческой личности трансформация определяется как преобразование в соответствии с определенными правилами, переустройство человеческого сознания [2, с. 34]. Трансформационная теория личности базируется на концепции качественной перестройки самой структуры личности. На смену прежнему модусу бытия приходит другой, меняется «системообразующий фактор» – формирующий личность. Человек «перерастает» себя прежнего, подвергает принципиальной ревизии взгляды на жизнь, начинает руководствоваться новыми, более совершенными. Можно сказать, что, в конечном счете, задача человека – пройти через определенного рода кризисные ситуации развития («священный огонь» в трактовке А.Ф. Лазурского).

Несколько позже проблемы трансформации личности в терапевтической практике вплотную стал изучать швейцарский психиатр и педагог К.Г. Юнг (1875-1961), введя понятие индивидуации. Индивидуация – естественный, органический процесс. В ней раскрывается наша сокровенная природа и главный путь каждого из нас. Как писал Юнг, «это то, что дерево делает деревом».

Важно отметить, что в традициях зарубежной и отечественной психологии и философии рубежа XIX–XX вв., идеи трансформации личности не вызывают никаких сомнений. Л.П. Карсавин так размышлял о сущности динамики человеческой личности: «...подобно тому, как вино не портится, а продолжает жить своей собственной жизнью после смерти винограда, становясь тем лучше, чем больше оно живет, и в бессмертном духе человеческого продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра или зла после смерти тела, мозга и сердца и прекращения деятельности души».

Трансформацию сознания рассматривают как результат информатизации пространства, как способность свободно выразить мысли и суждения с осознанием ответственности за каждое сказанное слово. [5, с. 89]. Негативным последствием «информационной передозировки» является неспособность человека воспринимать и обрабатывать весь объем полученной информации, что в свою очередь приводит к ошибкам в анализе и интерпретации различных явлений или событий. Таким образом, процессы, происходящие в современном информационном обществе, изначально нацеленные на оптимизацию деятельности человека и облегчение его жизни, на самом деле приводят к обратным результатам – к стандартизации, «усреднению» отдельных личностных и профессиональных качеств, снижению творческого потенциала, снижению качества информационного обмена между людьми, и как следствие – обесцениванию коммуникации [3, с. 201]. Коммуни-

кативная идентичность личности теперь определяется таким типом общения, как сетевая коммуникация, которая, в свою очередь, становится фактором формирования «виртуальной личности». В информационном пространстве есть другая интерпретация идентичности, которая предполагает систематизацию социокультурных различий, т. е. предлагает такую модель взаимодействия внутри общества, которая устраивает все социальные группы. Таким образом, происходит стандартизация, «упрощение» способов самоидентификации, утрата человеком свободы проектирования собственной идентичности [2, с. 35].

Все вышеперечисленные факторы глобализации, оказывающие влияние на формирование сознания личности, становятся причиной самоизоляции личности, страха. Кризис идентичности и поиск идентичности действуют как тенденции, дополняющие друг друга. Увеличение значимости роли человека в информационном обществе объективно обусловлено тем, что информация и ее высшая форма – знание – становятся главным объектом воздействия в этом обществе. Эти изменения едва ли обратимы. Однако использование высоких технологий не должно мешать человеку оставаться человеком и развивать свои «человеческие» умения и навыки, такие как движение и творчество, а также любить и бережно относиться к природе [1]. Прибегая к помощи оборудования или техники в повседневной жизни, необходимо, чтобы этот процесс был контролируемым.

Библиографический список

1. Бревде Г.М. Индивидуация, трансформация сознания и функции бессознательного [Электронный ресурс] / Г.М. Бревде // Психологическая газета: проф. инт. изд.; глав. ред. А.С. Губанова. – СПб.: 2007. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/2074>.
2. Гавриленков А.Ф. Трансформация религиозного сознания в условиях глобализации / А.Ф. Гавриленков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 34-38.
3. Заяц, З.В. Сознание человека в эпоху техногенной глобализации / З.В. Заяц, Н.З. Алиева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 (ч. 3). – С. 199-201.
4. Зинченко, В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15-37.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2017. – 464 с.

Косенков Александр Юрьевич

аспирант

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: sanya.kosenkov.94@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА: СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРИСТИКА, РИСКИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация: внедрение цифровых технологий в институты духовной сферы приводит к их цифровой трансформации, связанной с реорганизацией структуры институтов, их виртуализацией, возрастанием зависимости от функционирования технических систем, а также процессом вытеснения человека искусственным интеллектом.

Ключевые слова: цифровизация, духовная культура.

Kosenkov Alexander Yuryevich

Postgraduate Student

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus

SPIRITUAL SPHERE OF MODERN SOCIETY DIGITAL TRANSFORMATION. ITS ESSENCE, CHARACTERISTICS, RICKS AND NEW CHALLENGES

Abstract. The introduction of digital technologies in the institutions of the spiritual sphere leads to their digital transformation associated with the reorganization of the structure of institutions, their virtualization, increasing dependence on the functioning of technical systems, as well as the process of crowding out humans by artificial intelligence.

Keywords: digitalization, spiritual culture.

Облик современной цивилизации, следующей по пути технического прогресса, меняется в процессе внедрения технологий искусственного интеллекта, блокчейн, интернета вещей, больших данных, а также вследствие распространения интернета и развития технологий связи. Посредством цифровых технологий, интегрированных в социум, повышается производительность труда, минимизируются издержки, появляются новые информационные каналы, быстрее удовлетворяются информационные потребности индивида, повышается эффективность функционирования технических систем, создается комфортная интеллектуальная среда. Однако анализ социальной реальности на данном этапе технологического развития демонстрирует, что цифровизация приводит к более масштабным трансформациям: происходит реорганизация социальных институтов, трансформируется социальная структура, вырабатываются новые социальные нормы и модели поведения, появляются новые культурные практики, происходит виртуализация жизни общества и индивида. Данный процесс, если рассматривать его в социально-философском ракурсе, может быть определен как цифровая трансформация – процесс изменения структурных элементов реальности, происходящий в результате интеграции в социальные и технические системы цифровых технологий и созданных посредством их физических или виртуальных цифровых продуктов (веб-сайт, облако, платформа, цифровая копия, цифровой двойник, робот и пр.).

Процессы цифровизации приводят к цифровым трансформациям духовной сферы общества. Интеграция цифровых технологий в институты духовной сферы приводит к их реорганизации: переходу от вертикальных к горизонтальным и сетевым моделям управления (прежде всего, вследствие создания цифровых платформ), появлению новых структурных элементов (отделов кибербезопасности), корректировке

внутренних нормативно-правовых актов и пр. В результате распространения интернета и вовлечения в виртуальное пространство все большего количества пользователей, происходит процесс «переноса» структурных элементов института из физического в виртуальное пространство (процесс виртуализации). Это, в свою очередь, кроме реорганизации структуры институтов, приводит к появлению новых информационных каналов, их включению в глобальное пространство и функционированию по сетевым принципам. Как замечает, к примеру, Х. Кэмпелл, религиозные институты наполняются технологическими структурами и характеристиками интернет-среды: нивелирование традиционных иерархий, возможность мгновенной коммуникации и получение немедленного ответа, расширение доступа к сакральному и приватной информации [1, р. 68].

Процессы цифровизации направлены на создание цифрового продукта, с которым субъект может взаимодействовать посредством компьютерного устройства вне пространственных и временных ограничений. Цифровой вид сегодня обретают музейные экспонаты, учебники, газеты, журналы, а возможности цифровых технологий позволяют создать цифровой двойник научной лаборатории или провести виртуальную экскурсию. Цифровые копии занимают мало «физического» места, могут копироваться, быстро передаваться на другие компьютерные устройства и мгновенно репрезентироваться. В результате цифровизации институты духовной сферы становятся для индивида более доступными, но взаимодействие с ними технически опосредованно. Цифровые копии уступают физическим артефактам по эстетическому, эмоциональному воздействию и, кроме того, оказываются включенными в ускоряющиеся информационные потоки, зачастую воспринимаемые индивидом поверхностно и опосредованно.

Обратная сторона цифровизации институтов духовной сферы – возрастание их зависимости от компьютерных устройств и сети интернет. Сегодня выход из строя технических систем может привести к различным последствиям: временному прекращению деятельности института, потере больших объемов информации и пр. В таких условиях актуальным является развитие систем кибербезопасности и законодательства в данной сфере. Кроме того, следствием чрезмерной «технологизации» институтов духовной сферы является изменение характера взаимодействия с ними индивида: посещение музея, проведение научного эксперимента и даже молитва, которые можно рассматривать как уникальные, сформировавшиеся веками социально-культурные практики, становятся технологически опосредованными и обретают черты электронной коммуникации.

Новым вызовом для цифрового общества становится замена человека интеллектуальными техническими системами. Повышение уровня автоматизации и внедрение искусственного интеллекта, согласно данным Всемирного экономического форума, приведет к потере 7,1 млн. рабочих мест в 15 крупных экономиках в течение следующих пяти лет, в то время как технологический прогресс принесет всего 2 млн. новых рабочих мест [2, с. 209–210]. Однако оценить вызовы десубъективации институтов духовной сферы достаточно сложно. С одной стороны, сокращение рабочего времени и исключение человека из трудовых процессов может способствовать повышению интереса индивида к творчеству и более активному его включению в деятельность институтов духовной сферы. С другой стороны, искусственный интеллект может выполнять образовательные и исследовательские функции, а в перспективе им могут быть заменены журналисты, библиотекари, экскурсоводы и представители других профессий. Вопрос о том, каким образом духовные институты будут функционировать без человека (или с его минимальным участием), сегодня остается открытым и требует осмысления.

В заключении стоит отметить, что вышеназванные характеристики свидетельствуют о том, что процессам цифровизации и цифровых трансформаций институтов духовной сферы не может быть дана однозначная оценка. С одной стороны, внедре-

ние цифровых технологий позволяет значительно лучше выполнять институтам функции накопления, передачи, трансляции культурного опыта, а также функцию коммуникации института с индивидом и другими институтами. С другой стороны, чрезмерная технологизация институтов (зависимость, прежде всего, от компьютерных устройств и сети интернет) и виртуализация несут риски для их функционирования.

Библиографический список

1. Campbell, H. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society / H. Campbell // Journal of the American Academy of Religion. – 2012. – Vol. 80, № 1. – P. 64–93.
2. Хуатэн, Ма Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн [и др.]. – Москва: Интеллектуальная литература, 2019. – 250 с.

Костин Николай Олегович

магистрант

Папский Университет Иоанна Павла II

Email: nikolay.kostin19@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена одной из самых острых проблем современности – проблеме охраны экологии. Для решения данной задачи необходимо выяснить, какая из существующих моделей экологического мышления и поведения может справиться с данной задачей в условиях современного общества цифровых технологий. В статье проводится различие между понятиями «экологическое мышление» – теоретической установкой и «экологическое поведение» – практической реализацией принципов экологической этики. На основании данных критериев приводятся примеры существующих экологических моделей, показана их применимость / неприменимость к современным реалиям. В качестве оптимального решения предлагается экологическая модель, содержащаяся в молодежном субкультурном движении Straight Edge.

Ключевые слова: экология, эгалитаризм, субкультура, straight edge.

Kostin Nikolay Olegovich

Graduate Student

The Pontifical University of John Paul II

ECOLOGICAL THINKING AND ECOLOGICAL BEHAVIOR

Abstract. The article is devoted to one of the most acute problems of our time – the problem of environmental protection. To solve this problem, it is necessary to find out which of the existing models of environmental thinking and behavior can cope with this task in the modern society of digital technologies. The article makes a distinction between the concepts of "environmental thinking" – a theoretical setting and "environmental behavior" – the practical implementation of the principles of environmental ethics. Based on these criteria, examples of existing environmental models are given, their applicability / inapplicability to modern realities is shown. As an optimal solution, we propose an environmental model contained in the youth subcultural movement Straight Edge.

Keywords: ecology, egalitarianism, subculture, straight edge.

В настоящее время экологическая проблематика, в связи с ее актуальностью, занимает важное место и в естественно-научных, и в экономических, и в гуманитарных исследованиях. Также принято говорить отдельно о экологической политике какого-либо государства. В связи с этим, экологический дискурс возник в эгалитарной мысли. Возникший изначально в естественных науках, этот пласт исследований перешел в сферу гуманитаристики. В рамках гуманитарных наук было создано теоретическое осмысление проблем экологии. На данный момент существуют несколько теорий, на которых мы подробнее остановимся ниже.

Мы будем использовать два основных понятия: «экологическое мышление» и «экологическое поведение». Экологическое мышление – совокупность этических принципов, связанных с отношением человека к природе. Это теория. Яркие примеры этого явления – экософия Арне Нэсса (отдельно можно брать пласт т. н. «глубинной экологии») и экотеология. Экологическое поведение – практическая реализация теоретических принципов, т. е. осознанные поступки индивида/группы, направленные на сохранение и защиту экологии. Цель данной работы – проиллюстрировать одну из современных моделей экологического поведения на примере существующего

молодежного субкультурного движения. Наша задача – показать действенную, рабочую систему, но не претендующую на универсальность.

Если говорить о теоретических подходах, «экологическом мышлении», то мы имеем два ярких и различных по содержанию примера:

- 1) Экософия Арне Нэсса (в совокупности со всем пластом «глубинной экологии»);
- 2) Экотеология.

Говоря кратко, оба примера имеют плюсы в области теории. Экософия Арне Нэсса имеет то, что он называет «lifestyle», т. е. поведенческую стратегию, согласную с теоретическими положениями. Однако минус состоит в том, что практика, «lifestyle» Нэсса, разработана для скандинавских стран, с учетом экологической политики этих государств, структуры экономики и менталитета граждан. Это не универсальная модель и не стоит ожидать того, что она будет действительно работать в других регионах.

Экотеология – удивительный синтез богословских положений и экологической проблематики. В рамках экотеологии мы видим удивительное соединение богословских компонентов (в первую очередь, разных церковных традиций) и современной экологии. Однако, по мнению многих самих экотеологов, данные теоретические положения сильно отдалены от практики.

Не претендуя на универсальность решения, можно предложить другую концепцию, однако вовсе не из привычной академической сферы. Данный феномен носит название «Straight Edge» (сокращенно-символически используется аббревиатура SxE).

Говоря кратко, движение Straight Edge возникло в русле музыкального (а в дальнейшем – и субкультурного) преобразования панк-рок музыки в 80-е годы XX в. Из-за изменения стилистики: более тяжелое звучание, ускоренный темп композиции, иное построение текстов, возникает новый музыкальный стиль – хардкор-панк (хардкор).

Данное движение неразрывно связано с субкультурой хардкор-панка и, соответственно, с теми идеями, которые он включает в себя: индивидуализм, веганизм, антифашизм, зоозащита, забота об экологии. В данном вопросе для нас особенно важны последние аспекты – зоозащита и забота об экологии. Идейное разнообразие Straight Edge несколько затрудняет его описание как системы экологического мышления и поведения. Однако эта система экологического мышления и поведения – целостная, теория здесь не отделена от практики.

Кошетарова Людмила Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Email: ljudmila-k2002@mail.ru

Лосинская Анна Юрьевна

кандидат философских наук

Email: annal_72@mail.ru

Тюменский государственный институт культуры

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: МОДЕЛИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются различные модели виртуальной реальности: традиционно-фантазийная, модель прямого контакта, техногенная модель. Различные модели задают разные варианты субъект-объектных взаимодействий, на чём и может быть основана их классификация.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальная реальность, модели виртуальной реальности, субъект-объектные взаимодействия.

Koshetarova Lyudmila Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Losinskaya Anna Yurevna

PhD (Philosophy)

Tyumen State Institute of Culture

VIRTUAL REALITY: MODELS OF SUBJECT-OBJECT INTERACTION

Abstract. Various virtual reality models are considered: traditional fantasy, direct contact model, technogenic model. Different models use different versions of subject-object interactions, on which their classification can be based.

Keywords: virtuality, virtual reality, virtual reality models, subject-object interactions.

На сегодняшний день предлагается различать понятия «виртуальность» и «виртуальная реальность». Под первым понимаются идеи, фантазии и мысли субъекта, не отражающиеся нигде, кроме его воображения. Под вторым – реальность, выражаемая через чувственно-эмоциональное восприятие, опосредованное техническими средствами или не опосредованное [1]. Виртуальность – это субъективное идеальное, а виртуальная реальность – объективированное идеальное, т. е. доступное для восприятия сознанием другого субъекта. Следовательно, виртуальная реальность может быть представлена в виде нескольких моделей.

Исторически первой можно считать *традиционно-фантазийную модель*, которая зародилась еще в период первобытного общества, когда люди поклонялись стихиям, тотемам и силам природы, объясняя их с помощью мифов и сказаний. Сегодня эта модель представлена в различных видах искусства (литература, живопись, киноискусство и т. д.), в играх (словесных, настольных, живых сюжетно-ролевых). Произведение искусства явлено зрителю в реальном времени и в реальном месте (книга, спектакль, картина, кино), однако воспринимающий человек погружается в сюжет, «проживает» его, включаясь в него своим сознанием, т. е. виртуально.

Вторую виртуальную модель можно назвать *моделью прямого контакта*. Она напрямую связана с первобытной магией и религиозным культом (медитации, молитвы, ритуалы, шаманские практики и т. п.). К.Г. Юнг связывал такие действия с понятием «коллективное бессознательное». Рассматривая себя как часть окружающей природы, первобытный человек считал себя незримо связанным со всеми людьми, животными, природными стихиями и космическими объектами. В наше время виртуальная модель прямого контакта реализуется в религиозных и экстрасенсорных ритуальных, а также различного рода медитативных практиках.

Третья модель виртуальности – техногенная, является порождением информационного общества. Это виртуальная реальность, выражаемая через чувственно-эмоциональное восприятие сознания. Например, просмотр кинофильмов в формате 3-D, 4-D, 7-D или погружение в компьютерную реальность с помощью виртуального шлема и перчаток, программных компьютерных игр, реализуемых через сеть интернет в режиме on-line. А также виртуальная реальность, выражаемая через чувственно-рациональное восприятие – пользователи аккаунтов онлайн-сервисов, виртуальных личных кабинетов, страниц социальных сетей.

Рассмотренные модели виртуальной реальности задействуют разные варианты субъект-объектного взаимодействия. Опираясь на методологию Ю.В. Ларина [2; с. 74–75], связывая описанные модели с категориями форм бытия и функционирования культуры, можно реконструировать следующую систему.

Традиционно-фантазийная модель реализует человека как субъекта, ограниченного в своей деятельности лишь собственными представлениями (ценностями). Разумеется, представления субъекта коррелируют с общественными (характерными для той эпохи / культуры / социального слоя, которыми субъект воспитан). Однако в этих рамках представления индивида практически свободны.

Техногенная модель реализует человека как объективированного субъекта, опосредованного техническими средствами или техническими нормами. Компьютер, игровое программное обеспечение, перчатки и шлем виртуальной реальности – это артефакты, обеспечивающие чувственно-эмоциональное взаимодействие. Здесь субъект может быть ограничен технической мощностью оборудования, условиями компьютерной программы, целью игры. А в рамках чувственно-рационального взаимодействия человек как объективированный субъект ограничен нормами социального сетевого взаимодействия. Именно это происходит в социальных сетях, аккаунтах онлайн-сервисов, банков, госуслуг и т. п. При этом бывает сложно разделить собственно технические нормы и социальные нормы, реализуемые техническими средствами.

Модель прямого контакта реализует человека как одновременно субъективированного объекта и объективированного субъекта, выраженных синкретично и нераздельно. Например, находясь в процессе медитации, молитвы и тому подобных культовых действий, человек задействует тело как артефакт (объект), а личное сознание (субъект) объединяет с коллективным бессознательным. В процессе такого единения он подчиняется известным ритуальным правилам, а внутри них относительно свободен, может выбирать различные способы действий.

Таким образом, модели виртуальной реальности могут быть рассмотрены исходя из различий субъект-объектных взаимодействий. На этом может быть основана их классификация.

Библиографический список

1. Кошетарова, Л.Н. Флукутации виртуальности: модели виртуальной реальности в контексте культурной динамики / Л. Н. Кошетарова, Л. Ю. Лосинская // Ценности и смыслы. – 2019. – № 1(59). – С. 62-77.
2. Ларин, Ю.В. Онто-логика культуры: Монография / Ю.В. Ларин. – Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2004. – 164 с.

Крайнов Андрей Леонидович

кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова

Email: krainoval@sgau.ru

ЦИФРОВОЙ ТОТАЛИТАРИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Начиная от разработки цифровых стандартов и заканчивая их внедрением в различные цифровые гаджеты, десятки игроков рынка информационных услуг следят за миллионами пользователей, анализируя каждый их шаг в Интернете. С одной стороны, это способствует развитию рекламы и маркетинга, с другой, служит реальной угрозой, если базы данных с такой информацией будут использованы со злым умыслом. Монополизация цифрового рынка крупными игроками может привести к цифровому тоталитаризму. В связи с этим возникает вопрос о степени свободы индивидуума в информационном обществе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, свобода, тоталитаризм, контроль.

Кrainov Andrei Leonidovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov

DIGITAL TOTALITARISM AS A RESULT OF INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract. Starting from the development of digital standards and ending with their introduction into various digital gadgets, dozens of players in the information services market monitor millions of users, analyzing their every step on the Internet. On the one hand, it contributes to the development of advertising and marketing, on the other hand, it is a real threat if databases with such information will be used with malicious intent. The monopolization of the digital market by large players can lead to the lack of the right to choose certain digital services or gadgets, i.e. to digital totalitarianism. In this regard, the question arises about the degree of freedom of the individual in information society.

Keywords: artificial intelligence, freedom, totalitarianism, control.

Информационные технологии (ИТ) на заре своего становления были призваны сделать человека свободным. Глобальная информационная сеть Интернет является наиболее ярким воплощением этой свободы. С помощью нее стираются не только географические границы между пользователями, но возникает возможность реализации многих проектов, которые в офлайне было бы совершенно не просто и намного затратнее осуществить. Социальные сети, онлайн-блоги и прочие онлайн-сервисы способствуют не только безграничной коммуникации между людьми по всему миру, но являются площадками самореализации, поиска работы, самообразования, досуга, ведения бизнеса и электронной коммерции.

В последнее время в сфере информационных технологий четко наметилась тенденция их монополизации крупнейшими мировыми игроками, с одной стороны, и попытка государственного регулирования ИТ-сферы, с другой. Сами по себе эти тенденции обусловлены вполне объективными процессами. Первая во многом связана с борьбой за рынки сбыта и конечных пользователей, вторая продиктована чрезмерным злоупотреблением мошенников открытостью и анонимностью глобальной сети Интернет и связанных с ней сервисов.

Вследствие борьбы за удержание контроля над потребителем невольно происходит навязывание ему жестких правил, регламентирующих пользование информационными технологиями, что в конечном итоге приводит к цифровому тоталитаризму,

который проявляется в лимитировании деятельности человека в Интернете. Наиболее ярким примером цифрового тоталитаризма является китайский Интернет, представляющий «вещь в себе», отрезанный от всех мировых сервисов и контролирующий любую активность своих пользователей [1]. Большой китайский файервол фильтрует все пользовательские поисковые запросы, содержание которых несет какую-либо опасность для морально-этических и политических ценностей Китая, немедленно извещающая надлежющие органы безопасности о подобной активности. Согласно Я.В. Лексютинной, в Китае создан один из самых жестких режимов фильтрации информации в Интернете: по признаку политического контента (например, выражение мнений, противоречащих официальной позиции, освещение вопросов прав человека, свободы слова, прав национальных меньшинств, религиозных движений) [2, с. 203].

Пример с китайским вариантом контроля пользовательской активности в интернете заставляет задуматься, какую стратегию выбрать для дальнейшего развития ИТ-рынка: стратегию цифрового тоталитаризма или нечто иное, более либеральное и не столь совершенное. На первый взгляд возникает вопрос о целесообразности такой постановки проблемы, ссылаясь на то, что Поднебесная является исключением из правил и ссылаться на китайский опыт некорректно. Но, к сожалению, нельзя упускать из вида тот факт, что сегодня именно Китай является мировым лидером в ИТ-сфере [3], и его опыт реализации контроля за деятельностью в ней человека основан на серьезнейших разработках в сфере искусственного интеллекта, сетей 5G, интернета вещей, камер распознавания лиц/мимики/речи и т.д. Таким образом, китайский цифровой тоталитаризм есть следствие развития ИТ-сферы в Китае, а если учесть, что данные новшества придут в другие развитые страны, то перед ними рано или поздно встанет выбор модели их реализации.

Не секрет, что апогеем развития ИТ-сферы будет являться создание искусственного интеллекта (ИИ), а то государство, которое первым его создаст, согласно словам В.В. Путина, станет властелином мира [4]. Основной вопрос заключается в том, – как будет использован данный ресурс контроля и влияния. Можно выделить три варианта реализации технологий искусственного интеллекта:

1. Для «анализа гигантских объемов информации», как видит его применение Президент РФ [4]. Это самый безопасный и перспективный способ применений ИИ, который важен для системы принятия решений и прогнозирования, а также для любых сфер деятельности, оперирующих огромными данными;

2. Для подавления инакомыслия и тотального контроля за гражданами на основе полноты знаний о них, что успешно реализуется в КНР (система социального кредита) [5, с. 113];

3. Искусственный интеллект выйдет из-под контроля человека и одержит победу над человечеством, воплотив в жизнь сюжеты из фильмов «Матрица», «Терминатор» и т.п. На данный момент мало кто задумывается о подобном сценарии развития событий, тем не менее, такой вариант не исключен. Создание самообучающихся нейронных сетей и ИИ на их основе может превратить робота-андроида в независимое самосознающее существо, то есть превратить его из объекта научных исследований в социального субъекта. Достаточно вспомнить робота Софию, получившую гражданство Саудовской Аравии в 2017 году и обещавшую уничтожить мир [6].

Какой бы из обозначенных вариантов в конечном итоге не возобладал, следует иметь в виду, что всех их объединяет такая имманентная сущность информационных технологий, как тотальный контроль или цифровой тоталитаризм. Любая файловая система (база данных или операционная система) есть четко структурированное и самоконтролируемое образование, в противном случае она перестанет функционировать. Эта модель цифрового тоталитаризма, обеспечивающая четкую и бесперебойную работу ИТ, обязательно перенесется на общество, если общество будет перегружено различными ИТ-устройствами (например, камерами распознавания лиц), органично интегрированными в социальную систему и обладающими зачатками

искусственного интеллекта. То есть напрашивается вывод о том, что цифровой тоталитаризм есть неизбежное будущее социума, полагающегося во всем на информационные технологии и искусственный интеллект.

Любая попытка «проиндексировать людей» с помощью последнего слова техники, под благими предлогами социологических и прочих исследований, предотвращений терроризма или экстремизма, – есть априорное вмешательство в личную жизнь человека и игнорирование презумпции невиновности. В цифровом обществе каждому индивидууму присваивается электронный идентификатор, который отслеживается всеми цифровыми устройствами, призванными обеспечивать наблюдение и контроль за обществом.

Таким образом, на основе последних тенденций, касающихся ограничения деятельности человека в интернете и тотальным контролем за ним, имеющих место в ряде современных государств, следует задуматься о дальнейшем пути развития информационных технологий и возможных последствиях для общества, которые могут наступить при усилении цифрового тоталитаризма. Оптимальной представляется стратегия сдерживания тотальной информатизации всех сфер человеческой жизни на уровне открытого Интернета и различных баз данных необходимых для нужд общества. Роботизация и автоматизация всех сфер социума может привести к глобальной социальной депрессии, выраженной такими факторами, как увеличение безработицы, боязнь пользоваться Интернетом из-за глобальной слежки, боязнь того, что твои электронные данные (например, электронный паспорт, содержащий всю информацию о человеке: персональную, банковскую, биометрическую, прочую) будут взломаны и использованы злоумышленниками.

К сожалению, нельзя дать универсальное решение складывающейся проблемы, но при внедрении любых технических и технологических новшеств в области ИТ и ИИ следует помнить, что сущность информационных технологий заключается в тотальном контроле, как над ними самими, так и над теми, кто их будет использовать.

Библиографический список

1. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Лексютина Я.В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // Общество и государство в Китае. 2015. Т.45. №1. С.202-212;
3. Китай становится лидером в сфере IT-решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.if24.ru/kitaj-stanovitsya-liderom-v-sfere-it-reshenij/> (дата обращения: 15.09.2019).
4. Путин заявил, что монополист в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20195301440-vn88Z.html (дата обращения: 15.09.2019).
5. Буткевич С.А. Система социального кредита в Китайской народной республике в зеркале криминологии // Вестник уральского юридического института МВД России. 2019. №1. С.111-116.
6. Робот София – самый совершенный робот-гуманоид с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://robo-sapiens.ru/stati/robot-sofiya/> (дата обращения: 15.09.2019).

Кудашов Вячеслав Иванович

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет
Email: vkudashov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СЛОЖНЫХ САМОУПРАВЛЯЕМЫХ СИСТЕМ

Аннотация. В работе показывается сложность современного информационного общества с точки зрения взаимодействия его элементов, структуры, динамики и представление о его развитии. Для его описания могут быть полезны комплексный системный подход, кибернетика и синергетика. Развитие современных технологий может привести к упорядочиванию социальной жизни, формированию нового алгоритма развития, связанного с большими возможностями прогнозирования, а распространение сложных социально-технологических саморегулируемых и самоуправляемых систем будет иметь фундаментальные и неоднозначные последствия, которые приведут к появлению новых проблем.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, прогнозирование, синергетика, самоорганизация.

Kudashov Vyacheslav Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor
Siberian Federal University

INFORMATION SOCIETY IN THE CONTEXT OF COMPLEX SELF-GOVERNING SYSTEMS

Abstract. The work shows the complexity of modern information society in terms of the interaction of its elements, structure, dynamics and the idea of its development. An integrated systems approach, cybernetics and synergetics, may be useful to describe it. The development of modern technologies can lead to the streamlining of social life, the formation of a new development algorithm associated with great forecasting capabilities, and the spread of complex social and technological self-regulatory and self-governing systems will have fundamental and ambiguous consequences that will cause new problems.

Keywords: information society, information technology, forecasting, synergetics, self-organization.

Информационное общество обычно определяется как постиндустриальная стадия человеческой истории, где распространение информации и знаний играет значительную экономическую, политическую и культурную роль. Новые цифровые технологии, такие как компьютеры, Интернет и медиа-сети вызвали существенные изменения, которые можно назвать масштабной информационной революцией. Но знания и информационные технологии (в широком смысле) всегда играли решающую роль в социальном развитии. В истории человечества можно указать на несколько информационных революций до эпохи собственно «информационных технологий»: например, возникновение символической коммуникации, появление письменности и математического исчисления, полиграфия, телевидение. Даже часы и часовые пояса могут рассматриваться как новая информационная технология. Все эти нововведения, материализованные в объектах и распространенные сетевым образом, расширили координацию и стандартизацию человеческого поведения.

Таким образом, можно утверждать, что глобализация, информатизация и поддержка технологических изменений коренным образом взаимосвязаны и глубоко взаимозависимы, а «информационное общество» – это современная стадия этих преобразований. В этом смысле нынешняя информатизация и глобализация – это

исторический этап усиления координирующих процессов. И хотя сети взаимодействия сейчас стали более сложными и комплексными, их сущность остается той же: они позволяют людям координировать свои усилия и опираются на материальные технологические системы. Какой бы тип общества мы ни рассматривали, информация – это ядро его структуры и функционирования. Информацию понимают как содержание сообщений, передаваемых между отдельными лицами, группами, странами, нациями, учреждениями и организациями. Это также мера значимости сообщений для тех, кто решает проблемы и принимает решения на основе некоторого объема данных, которые собираются, обрабатываются и хранятся. Чем чаще люди сознательно и ответственно решают, планируют или прогнозируют, тем больше информации входит в их знания, идеи и теории.

Информационное общество является сложной системой с точки зрения его элементов, структуры, динамики, а также представлений о его будущем развитии. Достаточно непросто поэтому однозначно описать и спрогнозировать этот комплексный феномен как самоорганизующуюся и развивающуюся систему. Хотя многие информационные процессы являются сложными и неупорядоченными, в структуре информационного общества выделяют некоторые реальные механизмы, которые можно найти и успешно описать с помощью сложных теорий или упрощенных моделей. Наиболее известны комплексный системный подход, кибернетика и синергетика, которые преобладают в междисциплинарных исследованиях динамики таких сложных природных и социальных явлений. Они могут помочь описать и спрогнозировать изменения систем, где контроль и связь являются важными элементами его структуры и функционирования. Термин «система» описывает структурные свойства всех типов целостности (физической, биологической, психологической, социальной, технологической или культурной, как естественной, так и искусственной), чьи элементы динамически взаимодействуют в рамках данной целостности. Информация является мерой организации системы, уменьшающей энтропию по отношению к вероятности ее внутренних состояний. Их эффективность и способы, которыми они контролируют и управляют функционированием системы, определяют баланс системы или ее гомеостаз.

Информация, циркулирующая по коммуникационным сетям, может легко передаваться и использоваться отдельными лицами и группами. Но ни прогнозирование, ни отслеживание всех информационных эффектов, которые проявляются в информационном сетевом обществе, практически невозможно. Несмотря на то, что такое фиксирование всех потоков сложной информации социальных систем теоретически маловероятно, ее практическая роль очевидна, и есть острая необходимость в этом. Системный подход и синергетика обращают наше внимание на то, что обработка информации и коммуникация являются сложными явлениями, которые сейчас реализованы многими, зачастую непредвиденными путями. Прогнозирование того, что произойдет в сетевом обществе, теоретически невозможно в долгосрочной перспективе. Тем не менее, можно ожидать некоторых важных информационных эффектов, которые могут встречаться в «узлах сети», которые будут (используя химическую терминологию) поглощать, метаболизировать и синтезировать информацию.

В последнее время опубликовано много работ, посвященных прогнозам развития новых технологий. Большинство исследований связано с анализом развития отдельных крупных направлений, таких как нано-, био- или информационные технологии, а также новых направлений, таких как наномедицина, клонирование, нанороботы и др. О том, какие технологии будут ядром следующего этапа развития общества, можно лишь предполагать, но уже понятно, что нынешняя фаза научно-информационной революции неуклонно ведет к самому широкому использованию сложных самоуправляемых систем. Имеются в виду системы, которые могут регулировать свою деятельность самостоятельно, отвечая на изменения окружающей среды благодаря соответствующим встроенным программам и интеллектуальным компонентам, и действуют при минимальном вмешательстве человека или полном его

отсутствии. Это может привести к тому, что социальная жизнь станет более упорядоченной, стохастические моменты будут играть меньшую роль, начнет формироваться иной алгоритм развития, который будет связан с большими возможностями прогнозирования и меньшими масштабами колебаний, но зато и с более медленным движением. Кроме того, сильное воздействие может оказать процесс киборгизации и изменения биологической природы человека, что повлияет на все сферы жизни [1].

Распространение таких сложных социально-технологических саморегулируемых и самоуправляемых систем будет иметь фундаментальные и неоднозначные последствия, которые приведут к появлению новых проблем. Решение этих проблем зависит от правильного использования информационных технологий, вызывающих синергетический эффект между тремя основными акторами информационного общества: отдельными лицами или группами, технологиями и институтами. Познавательные способности любого человека или группы, а также потребности в информации и знаниях, независимо от технологических форм, не будут успешно реализованы, если они не поддерживаются такими социальными институтами, как образование, наука, СМИ или даже сферой развлечений. Поведение и функционирование любых элементов в сложной социальной системе характеризуется многими степенями свободы их реализации. В современных либеральных, демократических, рыночных информационно насыщенных обществах число акторов, а, следовательно, и возможных направлений отдельных и групповых действий резко увеличивается: они образуют так называемые аттракторы, которые являются моделями, описывающими функционирование информации в обществе.

Библиографический список

1. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. – 424 с.

Куликова Ольга Борисовна

кандидат философских наук, доцент

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина

Email: kulickovaolg@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация. Концепт справедливости рассматривается в смысловой связи с научными принципами, прежде всего объективностью, которая предстает суперстратегией научного познания. Проект науки следует считать своеобразной экспликацией утопических представлений эпохи Нового времени о справедливом обществе, где науке отведено одно из ключевых мест. В научных принципах заключены обязательства науки по поиску истины. Это придает особую значимость фундаментальному научному познанию. Прикладная ориентация современных научных исследований может привести к утрате наукой ее идентичности и социокультурных функций.

Ключевые слова: познание, объективность.

Kulikova Olga Borisovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin

SCIENTIFIC OBJECTIVITY IN THE IDEAL OF JUSTICE CONTEXT

Abstract. The concept of justice is considered by the author in its semantic relationship with the scientific principles, primarily with objectivity, which is viewed as a scientific superstrategy. The project of science should be considered as a kind of explication for utopian ideas of the Modern age about a just society where science plays a major role. The scientific principles contain the science's commitment of search for truth. In this light, fundamental science is of particular importance. Therefore, the mostly applied nature of contemporary research may cause science to lose its identity and sociocultural functions.

Keywords: cognition, objectivity.

Наука зарождалась параллельно с альтернативными ей способами миропознания и духовными практиками, которые в эпоху Возрождения вполне равноправно пробивали себе дорогу в оппозиции к традиционному богословию. На вопрос о том, почему науке удалось «победить» в споре с ними однозначно вряд ли возможно ответить [см.: 2, 3, 4, 6, 7, 8]. Следует признать, что наука не могла возникнуть спонтанно из массива человеческих когнитивных актов в их кумулятивном историческом разветвлении. Наука как проект некоего совершенного, безупречно построенного процесса познания вызревал в общем комплексе духовных идеалов, находясь с ними в определенной смысловой координации.

Идеал-проект научного познания, конечно же, находился в сопряжении со многими значимыми социальными идеалами, а в особенности с моделями совершенного устройства общества – социальными утопиями. Утопия как деятельность коллективного воображения, развивалась первоначально в форме мифотворчества, но начиная с эпохи Просвещения, становится «доминирующим способом видения будущего, заменив предшествующие традиционные пророчества, предсказания и астрологию» [1, с. 30]. Утопии Нового времени в единстве с основными культурными тенденциями становятся демистифицированными, секуляризированными, сциентистски ориентированными. Проект науки (научного познания) являлся нередко их значимым компонентом. Особенно показательна в этом плане «Новая Атлантида» Ф.Бэкона.

Все утопические построения так или иначе имели общую инвариантную идею, обосновывавшую необходимость совершенствования человеческого мира – идею

справедливости. Она относится к числу так называемых *самополагающихся*. Представления о справедливости оказали специфическое влияние на все ключевые культурные тренды, включая, конечно же, и науку. Фундаментальные установки научной деятельности, то есть принципы научного познания не могли сформироваться и утвердиться в отрыве от этих влияний.

Речь идет о таких принципах, или *критериях научности* познания, которые отличают его от других способов духовного освоения мира. Имеются в виду *объективность, рациональность, системность, доказательность*. Они образуют своеобразный первый (не подлежащий пересмотру и отмене) «пояс» научных установлений. Достаточно часто помимо них признаются также требования *обоснованности и открытости*, в которых эксплицированы особые аспекты этих первых. В совокупности все они выступают предписаниями для профессиональных действий научных субъектов.

Объективность предстает не просто научным принципом, а *суперстратегией научного познания*, соединяющей в себе онтологические и методологические компоненты научно-познавательной деятельности. Объективность неизменно диктует ответственное отношение к познаваемому, что определяет непрерывную рефлексивность, необходимую критичность и должную аксиомичность познавательных действий. Здесь можно в полной мере принять тезис Дж. Холтона о том, что «воля к объективности» составляет самую суть подлинной науки» [16, с. 48].

Глубинная связь установок объективности и представлений о справедливости вполне прослеживается в реальной истории науки, что выступает своеобразным оправданием ее существования. Справедливость как понятие находится, как известно, в этимологической связи с понятием правды, а значит, и в связи с установками объективности.

Помимо этого для справедливости как идеи характерно специфическое сочетание эгалитаристских и коллективистских установок. На эту особенность концепта справедливости обращал внимание, как известно, и В.С.Соловьев. В «Оправдании добра» он подчеркивал, что требования справедливости несут в себе «нечто безусловное и единое для всех» [13, с. 55] и совпадают с основным принципом нравственности [13, с. 165-170].

В свою очередь, Ст. Тулмин, обращаясь к проблемам становления концепта справедливости, отмечал, что именно со времен Сократа справедливость стала мыслиться не как следование воле сильного, но как соответствие неким общим (рациональным) принципам. Более того, «в качестве теоретической проблемы исследование “беспристрастной рациональной точки зрения” было одним из исходных пунктов всей традиции западной философии» [14, с. 58]. И философы показывали образцы того, «как можно решать социальные и политические разногласия, обращаясь к общим принципам, а не прибегая к голому насилию» [14, с. 59].

Данная традиция сохранила свою значимость и в последующих учениях о справедливости. Это относится в первую очередь к наиболее известной концепции Дж. Ролза. Он в контексте своей базовой доктрины политического либерализма отмечает, что теория справедливости должна быть наиболее значимой частью более широкой теории рационального выбора [12, с. 30]. Справедливость как идея имеет вполне очевидные *рациональные* корни. Она репрезентирует установки рациональности в сфере морали. В связи с этим она предстает интегральным нормативом, имеющим отношение ко всем видам практик, включая научное познание.

Дж. Ролз, что особенно важно для задач нашего исследования, утверждает также (и здесь с ним нельзя не согласиться), что идея справедливости в качестве своеобразного каркаса имеет, в свою очередь, понятие *честности* [11, с. 47]. Последнее уже напрямую отсылает к принципу объективности.

Идея *истины (правды, достоверности)*, как известно, стала мейнстримом в становлении *всемирно-исторического проекта «Наука»* именно как совершенного

познавательного предприятия. Истина в этом проекте полагалась способом *единения человеческого духа на сущностном уровне* – возвышения его до степени всеохватывающего знания. Именно кодекс истины, указывающий на то, ради чего производится научное знание, наделяет последнее статусом всеобщего и необходимого, что особо подчеркивал И.Кант. Архитектоника (в кантовском смысле данного понятия [5, с. 486]) науки состоит в следовании ключевой идее истины. Причем стоит отметить, что И.Кант главной целью науки считал достижение всеобщего блаженства [5, с. 496], что можно рассматривать кантовской метафорой истины в ее универсальном смысле.

Эта интенция была воспринята коллективным субъектом научной практики. По авторитетному мнению Е. А. Мамчур, хотя истинность и объективность [научных теорий] выступают лишь «кантовским регулятивным принципом познания», но без него «сама научная деятельность потеряла бы смысл». И даже если как таковое понятие истины самими учеными не употребляется, «идеал достижения истины в научном познании работает» [10, с. 225].

Учредители и члены первых европейских научных академий вначале, как известно, не получали систематического вознаграждения за свою деятельность, а потому бескорыстие и искренняя заинтересованность в разгадывании секретов природы были вполне естественны для ее участников. Таким образом, научно-познавательные нормы приобретали почти сакральный характер. В европейской культуре была создана особая традиция со строгими правилами, которой, по выражению «научного анархиста» П.Фейерабенда, и были переданы основные права в области познания [15, с. 39-40]. Предназначением науки как уникальной социально-когнитивной практики стал поиск Истины, что было выражением безусловного и общего блага, что и было заключено в ее принципах.

Утверждение принципов любой практики, их последующая действенность обусловлены своеобразием так называемых стартовых условий, то есть тем, какие именно установки, цели и ценности закладывались в ее основание «инициаторами». Эти лица неизбежно, как отмечает Дж. Ролз, «должны прежде собраться вместе, чтобы обдумать, как сформировать эти практики в первый раз», «выявить те принципы, на основании которых должны оцениваться... сами практики» [11, с. 41]. Они должны иметь «приблизительно сходные потребности и интересы, или потребности и интересы, тем или иным образом дополняющие друг друга, так что между ними возможно плодотворное сотрудничество; и допустим, что они достаточно равны по силе и способности, чтобы гарантировать, что в нормальных условиях никто из них не сможет доминировать над другими». [Там же] Такие принципы – «принципы оценивания» – используются участниками как нечто должное «при критике организации их общих дел» [11, с. 45], и «каждый знает, что он связывает себя этим принципом на будущее», каждый заранее должен принять твердое обязательство по его поддержке [11, с. 46]. Эти обязательства могут быть приняты, безусловно, только на началах добровольности.

Удивительно точно Ролз, не имея даже в виду конкретно научную деятельность, указал на те обстоятельства, которые способствовали становлению научных академий. В частности, он подчеркнул: «Процедура, по которой предлагаются и принимаются принципы, представляет ограничения, аналогичные тем, которые имеют место в условиях существования нравственности, в результате чего рациональные и взаимно незаинтересованные личности вынуждены действовать разумно» [11, с. 42]. То есть принципы эти одновременно есть и границы самой практики, и мера свободы для ее агентов, поскольку они придают определенность действиям участников.

Принципы научного познания, на которые стали ориентироваться их члены, не могли не содержать эти послы, выражавшие одновременно и когнитивный, и социально-нравственный смысл. Принципы и нормы, закрепленные в той или иной формулировке уставами первых научных академий, явились своеобразными обяза-

тельствами нарождавшейся науки перед человеческим обществом, человеческим миром. Все это предполагало и предполагает своеобразную и постоянную «поверку» действий научных субъектов на соответствие этим обязательствам. Научно-познавательная деятельность не может не быть «системой с рефлексией» [9, с. 213].

Понимание не только задач конкретного исследовательского плана, но и интегрального смысла своего участия в научной практике является необходимостью для того, кто называется ученым. Участники этого процесса имеют обязательства в первую очередь перед Истиной в ее общечеловеческом смысле, каким бы утопичным ни казалось желание достичь ее. Точно так же утверждение устоев справедливости всегда представлялось проблемой, а представления о ней было больше несбыточным (утопическим) идеалом. Однако мечта о ней и вера в нее неизменно воспроизводились в различных версиях национальных культур. Все это характерно и для науки, ориентированной на поиск объективного знания и существующей постольку, поскольку есть вера в нее – и у тех, кто ею занимается, и у тех, кто только в той или иной мере пользуется ее плодами.

Библиографический список

1. Быданов, В.Е. Сциентистский утопизм в России и историцизм позитивистской эсхатологической идеологии // Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Центр истории идей, 2000. С. 28–34.
2. Визгин, В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени // Философско-религиозные истоки науки / Отв. ред. П.П.Гайденко. М.: Мартикс, 1997. 319 с.
3. Йейтс, Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 528 с.
4. Йейтс, Ф. Розенкрейцерское Просвещение. М.: Алетейа, Энигма, 1999. 496 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
6. Касавин, И.Т. Спутники и попутчики науки (Средневековье и Новое Время) Предисловие // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV вв. / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. М.: Ин-т филос. РАН, 1996. 445 с.
7. Косарева, Л. М. Проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 128–135.
8. Косарева, Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 360 с.
9. Кузнецова, Н.И. Научная рефлексия как объект историко-научного исследования // Проблема рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука. 1987. С. 213-221.
10. Мамчур, Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям современной эпистемологии) М.: Иф РАН, 2004. 242 с.
11. Ролз, Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1 (52). С. 35-60.
12. Ролз, Дж. Теория справедливости. Новосибирск: НГУ. 1995. 513 с.
13. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с. С. 47–548.
14. Тулмин, Ст. Человеческое понимание / Пер. с англ. З.В.Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
15. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания: Пер. с англ. А.Л.Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
16. Холтон, Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.

Лойко Лариса Егоровна

кандидат философских наук, доцент

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Email: larisa.loiko@tut.by

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: рассмотрены изменения в культуре информационного общества. Показано влияние компьютерных технологий на становление креативной индустрии, в том числе в Беларуси. Предметом анализа стала тенденция взаимодействия форм общественного сознания в рамках парадигмы коммуникативного действия.

Ключевые слова: интернет-журналистика, конфиденциальность, мониторинг, защита данных.

Loiko Larisa Egorovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus

CHANGES IN CULTURE OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article discusses changes in the culture of information society. The influence of computer technologies on the formation of the creative industry, Belarus in particular, is shown. The subject of the analysis is the tendency of interaction of public consciousness forms within the framework of communicative action paradigm.

Keywords: Internet journalism, privacy, monitoring, data protection.

Информационное общество трансформировало основные сегменты культуры – экономику, политику, право, искусство. Изменения, имевшие место во второй половине XX в., создали феномен постиндустриального общества. С ним ассоциируется глобализация. Ее социально-философское осмысление осуществлено Р. Робертсоном [2].

По мере реализации парадигмы информационного общества специалисты активно обсуждали ее социальные издержки – компьютерную и игровую зависимость, могаичное мышление, теневую экономику. Осмысление закономерностей становления культуры информационного общества актуализировало практическую задачу формирования правовой культуры в пространстве Интернета, правовых гарантий цифровой экономики и деятельности средств массовой информации.

Интернет журналистика формировалась в юридически неконтролируемой сфере «всемирной паутины». Обратной стороной ценности свободы творчества и отсутствия правового контроля стали издержки этой свободы, которые экстраполировались на деятельность журналистов. Среди них – фейк-технологии, которые подрывают имидж средств массовой информации и доверие к продуктам авторского журналистского творчества.

В этих условиях задача институционализации интернет журналистики соответствует трансформации традиционных периодических изданий и телевидения в медиа-холдинги. Эти структуры активно используют технологии электронной рекламы. Новостные сайты обновляются по критериям оперативности, доступности, мобильности.

Правовая парадигма деятельности медиа структур в сетевом формате актуализировала проблемы информационной безопасности. Они связаны с конфиденциальностью, мониторингом, защитой данных.

Проблема наличия у одной и той же технологии возможности приносить пользу и вред создала дилемму двойного применения. Она свойственна любой технологии. Юристы нашли способы извлечения пользы при одновременной минимизации вреда

конкретных технологий. Пример дает служба Street View, обеспечивающая доступ в интернете к трехмерным фотографиям городского пространства. Она предоставляет информацию о расположении улиц, домов и позволяет планировать свободное время. Вместе с тем, фотографии могут трактоваться как посягательство на конфиденциальность владельцев домов, помогать террористам и грабителям.

Чаты и пиринговые сети, с одной стороны, обеспечивают общение людей на больших расстояниях. А с другой стороны, чаты способствуют организованной преступности, поскольку обеспечивают общение территориально распределенных преступных элементов. Пиринговые сети создают условия для незаконного распространения материалов, охраняемых авторским правом.

Разработчики программных систем вынуждены сочетать задачи защиты уязвимых групп пользователей, их конфиденциальность и свободу выбора. Зачастую свобода выбора детерминирована игровыми сайтами. Доступ к частной информации обеспечивается пользователями интернета, которые раскрывают конфиденциальную информацию о себе, не задумываясь о возможных последствиях.

Креативная индустрия мотивирует организации передавать часть IT-процессов сторонним исполнителям. Это дает возможность служащим работать дома. Формируются сложные корпоративные сети, в пространстве которых доверие играет ключевую роль. Интеллектуальные дома оборудуются микрочипами, которые в автономном режиме общаются между собой и со своей штаб-квартирой.

Облачная инфраструктура организации создала механизм аренды персональных компьютеров на почасовой основе. В результате пересекаются периметры их безопасности. Исчезают границы между организациями, которые становятся одновременно связанными и фрагментированными. Если компания передает сторонним исполнителям обработку данных, то возникает вопрос о том, кто конкретно отвечает за поддержку конфиденциальности ее заказчиков.

Функциональность системы определяется сервисами, которые объединяются в крупные приложения, выполняющие функции конечного пользователя. Становится трудным определение субъекта ответственности за недостоверность окончательных результатов. В этих условиях возникла потребность в точной классификации рисков. Разработаны методики управления рисками. Рекомендация гласит: если неизвестны последствия каких-либо действий, то эти действия производить не следует.

В депериметризованном пространстве риски не определяемы формальными методами. Можно воспользоваться гуманитарными критериями этики. Но категории этики не во все индивидуальные сознания интегрированы.

Выделяются три класса атак, которые хакер может произвести на стороне клиента. Это атаки с кражей полномочий, атаки с обрывом канала, атаки с манипулированием контентом. Для противодействия каждому из классов атак необходимы средства и методы правовой защиты. Требуют решения многие вопросы, касающиеся демаркации сфер деятельности, ответственности, информационной безопасности.

В настоящее время понятие креативной индустрии получило юридический статус. Это позволило ввести в правовое поле многие виды творческой деятельности, которые ранее относились к искусству, поэтому не регулировались и не развивались в виде городской инфраструктуры [1]. Данное обстоятельство не шло на пользу городам, в которых с началом эпохи информационного общества возникли проблемы занятости.

Новому типу креативных предпринимателей потребовались доступные с точки зрения арендной платы площади, например, здания цехов. В Минске на улице Октябрьской были сосредоточены предприятия, построенные в XIX в. Производители ушли из цехов, а торгово-развлекательная индустрия не увидела в расположении этой улицы аргумент достаточный для ведения бизнеса. Но когда городские власти юридически закрепили право людей креативной индустрии на эти площади, транс-

формировались не только промышленные здания, но и улица приобрела новый вид и статус. Получила обоснование социальная реклама, поскольку она интегрирована в деятельность краудплатформ.

Библиографический список

1. *Matsevich I.* The Challenges of Creativity: Cultural Industries and Cultural Policy in Europe. Минск: Экономпресс, 2010. – 83 с.
2. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. Sage, London, 1992. – 211 p.

Мальшев Юрий Михайлович

кандидат философских наук

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Email: uramal1958@mail.ru

ПОИСК ИСТИНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Создание искусственного интеллекта рассматривается как экзистенциальное продолжение человека – квинтэссенция техники и технологического «постава» определённой культуры, закономерный этап техногенного освоения сущего.

Ключевые слова: искусственный интеллект, разум.

Malyshev Yury Mikhailovich

PhD (Philosophy)

Independent researcher, St. Petersburg, Russia

THE SEARCH FOR TRUTH IN THE SPACE OF MODERN CULTURE WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract: The creation of artificial intelligence is considered as an existential continuation of man – the quintessence of technology and technological paradigm of a certain culture, a natural stage of technological development of being.

Keywords: artificial intelligence, mind.

Создание полноценного искусственного интеллекта (сокращённо ИИ) – чрезвычайно сложная междисциплинарная проблема, затрагивающая основы существования человека и общества [1; 2, с. 313–358]. Её решение предполагает разные подходы, которые осуществляются параллельно [3]. Основным направлением развития сегодня является ИИ, который опирается на нейроинформатику [4]. Однако сущность создаваемого остаётся нераскрытой [5, с. 14]... К этому следует добавить, что разработка ИИ – многомиллиардная отрасль, которая практически никак не контролируется законодательными актами [6, 59-ая мин.].

Обозревая мировую историю в её развитии, можно сказать, что в настоящий момент идёт широким, многомерным фронтом, максимально возможным в условиях современного технологического и геополитического укладов, создание полноценного ИИ – условно *локального*, антропоморфного, наиболее близкого и понятного нам по природе, и *нелокального*, распределённого, сетевого, одним из направлений которого является Интернет самообучающихся, совершенствующихся и взаимодействующих вещей с перспективой создания самостоятельной цифровой системы – самоорганизующейся и самоопределяющей. В связи с этим возникает масса вопросов, в том числе мировоззренческих, но прежде всего – осознание, что ИИ может быть угрозой, которая перекроет все остальные угрозы вместе взятые! Если он появится не в России, то нам придётся бессильно вспомнить участь американских индейцев или несчастных тасманийцев и готовиться к загону в рекреации – цифровой концлагерь, с тотальным доминированием победившей культурволи! Это – сверхценность, которая открывает дорогу не только во Вселенную, но и к абсолютной власти в этой Вселенной! Недальновидное игнорирование научно-исследовательских работ, элементов перспективных технологий, способных в будущем привести к созданию полноценного ИИ, тотальное отрицание самой возможности последнего, приведёт в очередной застой и безнадёжное научно-техническое отставание! Да, это сверхсложная, но теоретически решаемая задача. Доказать, что ИИ, подобный человеческому или превосходящий его, в принципе не может быть создан, невозможно. В соответствии с принципами научного познания и деятельности ИИ будет создан

сознательно или возникнет спонтанно, универсальным путём самоорганизации в информационных потоках, в динамике ноотехносферы – таков «постав» техногенной цивилизации. Возможности интеллектуального управления безграничны, информационное движение материи не остановить! Важно понять, осознать *создание полноценного ИИ* как *исторический процесс*, непосредственно не наблюдаемый, осуществляющийся постепенно. *Процессуальность* может сыграть злую шутку над закоренелыми консерваторами всех мастей и метафизиками.

Создание ИИ является закономерным этапом техногенного овладения сущего – при помощи различных инструментов и техники, которые появляются во внешнем мире как продукт рефлексии и вынесения во внешний мир человеком собственных функций [7, с. 149; 8], как стремление «опредметить», передать во внешний мир самое ценное, что у нас есть, – наше *сознание* со всем богатством, блеском и нищетой его содержания, сделать его всевозможным, в частности, бессмертным [8]. В процессе стихийных или сознательных попыток создания иной мыслящей сущности, как возможного своего продолжения (или *отрицания*, по Гегелю, или *преодоления*, по Ницше), приходит понимание экзистенциальной открытости человека, незавершённости его возможных проекций в будущее, готовности и возможности перехода в иные формы существования, жизни и деятельности, вплоть до «лучистого человечества» (Циолковский) и дальше [9].

Подход со стороны *принципов*, которыми будет руководствоваться ИИ, выводит нас на проблему реконструкции регулятивов его деятельности. Среди таковых выделяются следующие: в *гносеологии* ИИ будет руководствоваться *принципами научного познания*, в *онтологии* – *научными законами и закономерностями*, в *аксиологии* – «обеспечивать преимущества своего существования», полагаем, будет основополагающим стержнем, задающим всю «систему ценностей» ИИ. В *этике* – вопрос открыт, поскольку неизвестно, какая из этик окажется ближе по духу создателям-программистам в решающий момент?.. В *эстетике*, очевидно, предпочтения будут отданы математическим канонам, критериям красоты: пропорциям, соотношениям, «золотым сечениям», числовым последовательностям, обладающим рядом необычных свойств (вроде чисел Фибоначчи), фрактальной геометрии и т.п. Возможно, будут попытки привнести и национальные, этнокультурные особенности, предпочтения создателей, которые затем будут «безжалостно» удалены, как субъективные особенности, внедрённые в объективно развивающееся искусственное сознание – появление последнего будет «окном» в *мир иного онтологического, гносеологического и аксиологического типа*.

По умолчанию считается, что разум – это благо. «И чем больше его, тем лучше». Нехватка интеллекта (или по-русски ума) – мучительное ощущение, особенно если думаешь об этом в ущерб всему остальному [4, 16-17 мин.]. В той или иной мере осознание того, что интеллект и продуцируемые им знания могут быть главной движущей силой, источником власти и могущества, в истории присутствовало всегда, но сегодня это проявляется особенно. Некоторые участники современной геополитической борьбы пытаются решить все накопившиеся проблемы – экономические, политические, социальные, духовные – за счёт создания *ИИ*, который унаследовал бы *их* культуру, *их* идеалы и связанные с ними ценности, *их* «правду жизни» и право неограниченно быть и господствовать не только здесь, на Земле, но и в космосе, и далее везде, во всех доступных и возможных регионах, фрагментах и модусах существования. Ставки подняты как никогда высоко. Успех полностью «обнулит счётчик» в конкуренции земных цивилизаций и культур, а по своим возможностям, значимости и последствиям будет соизмерим с появлением человека на Земле! При этом следует учитывать геополитическую составляющую исторического процесса. «Мировая элита» озабочена прежде всего удержанием власти и сохранением собственности. Современные капитализаторы, сконцентрировавшие в своих руках огромные средства для «финансирования суперменеза», стремятся во что бы то ни стало получить бессмертие, всемогущество, стать «Богом». Идут последовательно

и параллельно, снося всё на своём пути, не брезгуя ничем и «не кладя все яйца в одну корзину»... Но для широких кругов общечеловеческой перспективы, связанные с ИИ, представляются как общечеловеческие [4; 10]. Как возможность решить «вечные» или основные мировоззренческие вопросы с помощью ИИ [4, 42 мин.].

За последние 20 лет наблюдается колоссальный прогресс в области автоматизированного формирования рассуждений: от решения задач с сотнями переменных до задач с миллионами переменных! На суперкомпьютерах осуществляются симуляции возникновения и развития общества, Вселенной. Возникло ощущение недоступности машинных путей формирования рассуждений и ответов для человека. Выходом из ситуации становится использование других машин для создания пояснений к таким ответам, которые были бы доступны нашему сознанию. «Даже если нашего интеллекта будет недостаточно для понимания готовых ответов, то машины будут способны разъяснить их нам» [4, 28-29 мин.]. То есть, в познавательном процессе между объектом и субъектом познания появляется ключевой посредник, от которого теперь зависит не только текущий результат познавательной деятельности и его представление, но и постановка следующих задач и долгосрочных целей. Появляется новое понятие: *«техногенная составляющая истины»*. Спрашивается, какова её роль и значение в современном познавательном процессе? До каких пределов она может и должна нарастать? Чем она отличается от «естественной истины», полученной традиционным путём человека познающего? Проявится ли здесь изоморфизм истины и в какой мере? Можно ли доверять истине, имеющей такую составляющую?

Обсуждение данной проблематики в России имеет свои особенности. Сможет ли человек без ИИ стать сверхчеловеком, взять под контроль законы существования сущего, осуществить экспансию в Космос, космическую инженерию, проникнуть и освоить микро- и субмикромир, создать новые с наперёд заданными свойствами и отношениями, законами и закономерностями – абсолютно устойчивое художественно-техническое произведение и неограниченно долго продолжать «сверхжизнь» в сверхчеловеческом сообществе [11, с. 572–581; 2, с. 313–358], стать человеком космическим, осуществить заветную мечту и Проект русских космистов [9]? *Насколько надёжен человек как биосоциокультурное существо в долгосрочной перспективе существования и развития разума, сознания и культуры?*

Сегодня речь идёт не только о создании на базе условно *нижнего* (физической реальности) *высшего* (компьютерной виртуальной реальности с элементами «квази-идеальности» и «квазисубъективности») [5] – такие попытки предпринимаются давно несмотря ни на какие формально-логические запреты и политические предупреждения), но и о *переносе* содержания сознания, его свойств и отношений, в частности, функций, – на техногенный носитель, более устойчивый к деструктивным воздействиям и легко обновляемый. По сути, речь идёт об ИИ как новом феномене и действительно радикальном субъекте, главном *акторе* будущего исторического действия. Возникла проблема, обозначенная как *постчеловеческое* или «зачеловеческое» будущее... Но возникает и судьбоносный для нас, русских, момент. *Чей* это будет ИИ, зеркалом какого общества он будет, *какие, чьи* идеалы и связанные с ними ценности будут заложены в его искусственное сознание и, соответственно, *какую* или *чью* «правду жизни» он будет продуцировать как общеобязательную, «всеобщую»? Что будет с Русским миром, если синтез человеческого интеллекта с машинным произойдёт на Западе [12] или на Востоке?..

Библиографический список

1. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М., 2014. – 352 с.
2. Малышев Ю.М., Семенов А.Г., Семёнов О.П. Феномен мироздания: за и против. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та Петра Великого, 2016. – 582 с.

3. Мегамшины мышления. URL: <http://spkurdyumov.ru/video/megamashiny-myshleniya> (дата обращения 29.12.2015).
4. Выдающиеся умы об ИИ (с участием Илона Маска) // "Пожар в обезьяннике" Ното скептицизм. Опубликовано 19.04.2019 в 19:30. URL: https://vk.com/public48343340?z=video-48343340_456239085%2Fdf588c345552b1b5f9%2Fpl_-48343340_-2.
5. Орлов С.В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1(11). – СПб: ГУАП, 2016. – С. 12–25.
6. «Вы доверяете компьютеру?» (2018). URL: <http://kinoserv.net/10209-vy-doveryaete-kompyuteru-2018.html> (дата обращения 19.02.2019).
7. Флоренский П.А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 149–162.
8. Тимур Шукин. Субстрат-независимый разум как закономерный результат НБИК-конвергенции. URL: <http://www.2045.ru/articles/29719.html> (дата обращения 05.04.2012).
9. Малышев Ю.М., Семенов А.Г., Семёнов О.П., Сергеев В.М. Русский космизм как проект. В 3 т. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та Петра Великого, 2018.
10. Стратегическое общественное движение «Россия 2045». URL: <http://www.2045.ru/expert/281.html> (дата обращения 29.04.2012).
11. Бранский В.П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.
12. Илон Маск: Презентация Neuralink (17.07.2019) // "Пожар в обезьяннике." Ното скептицизм. Опубликовано 20.07.2019 в 23:22 через YouTube. URL: https://vk.com/public48343340?z=video-48343340_456239090%2F2e7abaff4ca1800067%2Fpl_wall_-48343340.

Меньшикова Лариса Владимировна

доктор психологических наук, профессор
Новосибирский государственный технический университет
Email: melavl@mail.ru

Левченко Евгений Васильевич

священник
Храм во имя святого апостола Андрея Первозванного, Новосибирск
Email: pevl@narod.ru

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассматривается проблема деструктивного влияния современного информационного пространства на познавательную деятельность человека. Подчеркивается необходимость научной рефлексии последствий этого процесса. Обращается внимание на наличие информационных шумов, ослабление роли интуиции и уменьшение влияния некоторых исходных мотивирующих факторов (в частности, переживания удивления).

Ключевые слова: интернет, информационный шум.

Menshikova Larisa Vladimirovna

Doctor of Psychology, Professor
Novosibirsk State Technical University

Levchenko Evgeny Vasilevich

Cleric, archpriest
Novosibirsk Church of St. Andrew

THE INFLUENCE OF INFORMATION SPACE ON HUMAN COGNITIVE ACTIVITY

Abstract. The problem of destructive influence of modern information space on cognitive activity of the person is considered. The necessity of scientific reflection of the consequences of this process is emphasized. Attention is drawn to the presence of information noise, the weakening of the role of intuition and the reduction of the influence of some initial motivating factors (in particular, the experience of surprise).

Keywords: Internet, information noise.

Многие исследователи, анализирующие современное состояние информационного пространства с его бурным ростом и масштабом проникновения во все сферы жизни, считают, что человечество стоит на пороге информационной катастрофы. Эта катастрофа связана прежде всего с психологическими проблемами невозможности человека вместить такой объем информации, выработать критерии отличия необходимых и полезных сведений от информационных шумов, более того – это связано с проблемой сохранения внутренней целостности человека и его гармонии с окружающим миром. Виртуальная реальность, возникшая в жизни человечества в последние десятилетия, это некое новое неизвестное предыдущим поколениям пространство бытия, подчиняющееся своим законам, которые не вполне понятны и пока слабо изучены. Но уже сейчас их негативное воздействие на психику человека и его образ жизни с беспокойством отмечают многие ученые. В научных публикациях обсуждается деструктивное воздействие информационной реальности, которое проявляется в развитии различных форм психологической зависимости от нее, в формировании клипового мышления, ослаблении памяти, преобладании процесса восприятия над процессом переработки информации, снижении активности целеполагания и показателей креативности. Своеобразный «сон наяву», зависание в информа-

ционном потоке и получение от этого положительных эмоций, замещающие реальную жизнь, способствуют формированию пассивной жизненной позиции. Сам контент многих сообщений в Интернете, пронизанный установками потребительского общества, формирует у людей потребительскую психологию. Все это особенно опасно для детей и молодых людей, у которых еще нет собственного отношения к жизни и недостаточно сформировано самосознание.

Осваивая возможности порожденного им самим нового способа существования в потоке разнородной информации, человек смело вступил на неизведанную территорию, несущую для него как любознательного от природы существа много увлекательного и интересного, но наряду с этим таящего и опасности, о которых он пока только догадывается, но не имеет четкого представления. Поэтому на данном этапе развития информатизации различных сфер деятельности так актуальна научная рефлексия, связанная с анализом психологических последствий этого процесса и обсуждением проблемы психологической безопасности человека в условиях агрессивного влияния информационной среды.

Одним из основных вопросов, на который, на наш взгляд, необходимо найти ответ, является вопрос о том, как меняется сам процесс познания в условиях обогащенной информационной среды, который опосредствован активным использованием интернет-технологий. В гносеологии одним из центральных всегда был вопрос о соотношении понятийного и интуитивного знания. На основе понимания особой роли этих двух видов познания действительности оформились два направления: конструктивизм и интуитивизм, отношения между которыми были разными в разные периоды развития философии и психологии: от противопоставления и отрицания важности одного из них до понимания их взаимодополнительности и необходимости в процессе построения идеальных моделей познания. Интуитивное познание предполагает непосредственное восприятие фактов самим человеком без интерпретаций, привнесенных другими. Система высшего образования (что, в частности, показали наши эмпирические исследования [1]) преимущественно формирует логическое понятийное мышление, хотя необходимость отталкиваться от реальных наглядных фактов и явлений в какой-то мере осознается, что проявляется, в частности, в дидактическом принципе наглядности обучения. Однако сам процесс обучения все-таки сводится к овладению уже готовыми, общепринятыми формами научной интерпретации явлений (изучение научных закономерностей и описаний, открытых другими).

В информационной среде интернета мы по большей части имеем дело с чужими субъективными моделями интерпретации фактов и событий, в некоторых случаях непреднамеренно или преднамеренно искаженными носителями этой информации. Не случайно так остро стоит проблема выработки критериев отличия истинной информации от ложной в интернет-пространстве. Известный американский исследователь К. Э. Шеннон ввел понятие информационного шума, указывая на то, что весь процесс транспортировки сообщения от коммуникатора к реципиенту проходит на фоне помех, которые затрудняют передачу информации. Во многих случаях пользователь информации интернет-пространства имеет дело не с объективными данными, а с информационными шумами, он лишен возможности непосредственного живого восприятия реальности. Нам представляется, что именно это в наибольшей степени деформирует естественные механизмы познавательной деятельности человека и помещает его в искусственную среду, лишая живого контакта с чувственно-предметным миром. О роли такого контакта и важном значении непосредственного познания писал известный русский философ С. Л. Франк: это «...тихое, лучшее знание, в котором истина дана живо, конкретно и которое сущностно отличается от понятийного знания, ...непосредственное сознание реальности есть первичный гносеологический факт, перед которым должна склониться всякая теория. Истинное познание есть всегда откровение, которое, правда, никому не может быть принудительно навязано, но вместе с тем своим высшим светом необходимо озаряет душу и по су-

ществу отлично от тусклого, мерцающего света вымыслов, создаваемых человеческим произволом» [2]. Этот «тусклый, мерцающий свет вымыслов» и ложных ориентиров наполняет информационную среду, поглощая внимание и энергию пользователей интернет-пространства.

Постоянное пребывание в такой среде притупляет способность отличать объективные сведения от ложных. Человек, «перекормленный» хаотичной информацией, теряет способность удивляться новому, что пагубно отражается на его интеллектуальном поведении, поскольку именно с удивления начинается любой творческий процесс, о чем писали многие философы и психологи.

Состояние удивления – это некое особое переживание, потрясение самой души человека, таящее в себе подобно сжатой пружине побудительную силу, мотивацию, готовую стать началом познавательной деятельности и поддерживающую ее потом на всех этапах. Это не просто внешний толчок, но это живительный источник мышления [3]. Сам момент «интеллектуального созерцания» является важнейшей частью познавательной деятельности. Большое количество разнообразных сведений и легкость их получения в современном информационном пространстве лишает человека способности удивляться и устраняет необходимость совершать интеллектуальное усилие, связанное с созерцанием.

Оценивая позитивную роль информационных технологий в различных сферах жизни и, в частности, в учебном процессе, следует учитывать и их возможное негативное влияние на формирование интеллекта человека. Чтобы достаточно полно представлять все стороны этого явления необходимо обращаться не только к конкретным технологиям и дидактическим методикам, но и к философско-психологическому анализу возможных последствий такого обучения и, в целом, к рассмотрению роли и места информационной реальности в жизненном мире современного человека.

Библиографический список

1. *Меньшикова Л. В* Прикладное значение концепции индивидуальности Б. Г. Ананьева // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28, № 5. – С. 70–80.
2. *Франк С. Л.* Гносеология Гете // Живое знание. – Берлин, 1923. – С. 37.
3. *Элен П.* Удивление – пафос философской мысли // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / под. ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 74–89.

Мифтахова Рамиля Габдулхаевна

кандидат филологических наук, доцент

Башкирский государственный университет

Email: miftahovar@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. БЛАГО ИЛИ ЗЛО

Аннотация. Развитие искусственного интеллекта несомненно облегчает решение многих проблем, но в то же время может привести к социально-негативным последствиям. В статье рассмотрены достоинства и риски, связанные с повсеместным внедрением искусственного интеллекта.

Ключевые слова: менеджмент, этика, криминалистика, медицина.

Miftakhova Ramilya Gabdulhaevna

PhD (Philology), Associate Professor

Bashkir State University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE. BENEFITS AND RISKS

Abstract. Giving power to machines will ease out many problems, but at the same time it can create some destruction. The article deals with the benefits and risks of artificial intelligence.

Keywords: management, ethics, criminalistics, medicine.

Мощность, память и производительность вычислительных машин стремительно растут, теперь дело за алгоритмами. По мнению специалистов, ближайшие пять лет ожидается резкое вторжение искусственного интеллекта и машинного обучения в повседневную жизнь. Какова же стоимость такого прогресса? Действительно ли общество нуждается в нем? Кто это решает? Обычно социальные и экономические структуры нацелены на содействие расширению возможностей. Но когда, благодаря инновациям, тысячи людей потеряют работу или у них не будет даже шансов ее получить, о каких возможностях можно говорить. Такая тенденция уже началась. Вадим Кулик, зампредрправления Сбербанка, рассказал о замене трех тысяч юристов, занятых составлением судебных исков на роботов [см.: 1]. К.Форд считает, что автоматизация освобождает рабочих от рутинного, непосильного труда, и они могут претендовать на более интересную работу. Но ведь не у всех есть соответствующая квалификация или интеллект, и, наконец, люди могут переживать стресс от необходимости переходить на более ответственную и сложную работу. Некоторые опасаются, что автоматизация в будущем полностью освободит человека от необходимости работать. На самом деле, большинство людей просто любят работать, работа их организует и помогает обретать цели в жизни, профессия помогает самоопределиться. Исходя из этого, можно предположить, что, забирая работу без получения на то согласия рабочего, у него забирают достоинство.

Внедрение искусственного интеллекта увеличит потребность в высококвалифицированных специалистах, способных администрировать и разрабатывать новые системы. Вместе с тем, востребованность специалистов с низкой квалификацией будет снижаться. Некоторые специальности, с большой вероятностью, будут преобразованы: учителя, врачи, бухгалтеры и др. Представители Общероссийского народного фронта (ОНФ) уже выступили с инициативой в адрес Министерства труда и социальной защиты законодательно разрешить штатным сотрудникам работать удаленно.

Отдельно следует отметить работу менеджеров. Их работа также кардинально изменится. Это связано с тем, что информационные технологии способны выполнять не только задачи, поддающиеся автоматизации, но и административные задачи. Более того, делают они это быстрее, лучше и с меньшими затратами.

Согласно статистике, представленной Вегардом Колбернсрудом в Harvard Business Review [см.: 2], более половины своего рабочего времени менеджеры тратят на административную работу и задачи управления, например, ищут замену сотрудникам, которые ушли в отпуск, заболели или внезапно уехали в командировку.

Журналисты издания Ассошиэйтед пресс после применения программы искусственного интеллекта увеличили количество написанных статей с 300 до 4400 за один квартал, таким образом, повысив свои доходы и освободив время для интерпретационной и исследовательской деятельности. Ожидается, что, благодаря приложениям искусственного интеллекта, у менеджеров будет больше времени на суждения. Многие решения принимаются ими исходя из внутренних ощущений и опыта. Прогнозы часто основываются на видении, интуиции, воображении менеджера, его способности импровизировать, а не просто применять правила; он дает оценку исходя из своих знаний в конкретной области и интуиции в форме вероятностных показателей, уверенности в своих оценках или степени точности. Поэтому искусственный интеллект в данном случае предназначен для помощи в принятии решений, а не для замены человека. Способность объединять и реализовывать отдельные творческие идеи в коллективе также не под силу современным технологиям. Соответственно, в данной сфере необходимо рассматривать искусственный интеллект не как соперника, а как помощника. Нет смысла соревноваться с искусственным интеллектом. Несмотря на то, что машина не может рассуждать как человек, она может помочь в принятии решений как коллега через разговорный интерфейс. Ученые полагают, что искусственный интеллект в конечном счете, будет дешевле, эффективнее и более беспристрастен в своих решениях, чем человек. Такой прогноз не должен служить поводом для беспокойства, он лишь говорит о том, что работа менеджеров будет сосредоточена на тех аспектах, что не доступны для машины. Одно дело составить отчет о доходах, и совсем другое дело составить обращение, которое вовлечет в работу и озадачит весь персонал, – это доступно только человеку. Машина может отслеживать графики и ресурсы, но разработка стратегии безоговорочно остается за человеком.

Молодым людям свойственно бороться за такую перспективу, которая бы обеспечила им независимость. Однако, по данным правительства Великобритании, с 1991 г. по 2014 г. количество людей, владеющих собственной квартирой или домом, сократилось почти в 2 раза с 67 % до 36 %. У бизнеса есть законный интерес в продвижении технологий искусственного интеллекта, они позволяют сокращать расходы, разрабатывать новые продукты и обещивать более точный прогноз; к тому же в первую очередь предполагается заменять рабочие места, умственно не стимулирующие или не приносящие удовлетворение. Большая часть работы, обычно выполняемая для потребителя, постепенно переносится на самого потребителя. И здесь опять пересекаются аргументы «за» и «против» внедрения искусственного интеллекта. Кто выигрывает от того, что потребитель тратит больше времени на выполнение цифровых задач при получении услуги или товара?

Дети с раннего возраста пользуются приложениями искусственного интеллекта – Google Assistant, Алиса, Alexa, Siri, и одно только их присутствие значительно влияет на воспитание детей. Более того, ученые полагают, что в будущем в программы закодируют «мораль». Возникает вопрос «Чью мораль?». У людей разных культур, религий, стран и классовой принадлежности совершенно разные нравственные ценности. Кто будет решать какая мораль «правильная»?

Искусственный интеллект с каждым днем увеличивает сферы влияния и тем самым качественно преобразует различные сферы общественной жизни. Высоко и коммерческое давление. Все больше прорывных компаний конкурируют с традиционными корпорациями. Согласно публикациям Форбс, компании Uber и Lyft успешно разрабатывают беспилотные автомобили, а машины с искусственным интеллектом из проекта Waymo проехали более пяти миллионов километров по общественным

дорогам. Tesla в этом плане превзошла своих конкурентов, ее беспилотники преодолели уже более 300 миллионов километров. Одновременно развиваются и смежные отрасли: компания Waze создала программное обеспечение, объединившее около пятидесяти миллионов водителей для совместной работы. Данные технологии повысят производительность труда и избавят водителей от бессмысленного вождения, существенно понизив стоимость транспортировки. Все это в корне меняет нашу жизнь.

Искусственный интеллект внедряется и в криминалистику. Так, система автоматического распознавания походки, недавно разработанная китайской компанией Уотрикс, уже используется службой безопасности в провинции Ксинджанг для наведения порядка. По мнению китайского писателя и комментатора Ши Шузи (Shi Shusi), использование биометрического распознавания в целях поддержания социальной стабильности и управления обществом является устойчивой тенденцией. По мере развития технологий автоматического распознавания голоса и лица, уходит в прошлое необходимость снятия отпечатков пальцев. Запущены проекты по автоматизации работы над юридическими документами. А некоторые суды в США используют искусственный интеллект при вынесении приговора или решения об условно-досрочном освобождении.

Однако можно ли полностью доверяться машине и бездумно вводить инновации? Преимущества технологий неоспоримы, но остается много вопросов: будет ли искусственный интеллект получать разрешение на поиск и использование персональных онлайн данных, прослушивание телефонных разговоров, как и кем эта процедура будет регулироваться. Если искусственный интеллект будет обвинителем, как вызывать его в суд для дачи показаний; как юридически доказать, что искусственный интеллект не прав при вынесении обвинения; как узнать, что программа искусственного интеллекта не подверглась кибератаке. И таких вопросов к искусственному интеллекту в системе правосудия много.

Также есть сомнения по поводу применения инновационным технологий, применяемых на выборах и предвыборных кампаниях. Если все будет строиться вокруг алгоритмов, как узнать, что ими никто не манипулирует.

Человек стремится к максимальным удобствам, высоким стандартам жизни, качественной медицине. Но где та тонкая грань между удобствами и зависимостью? Антони Дельгадо, представитель Форбс, предлагает в качестве решения проблемы идею о том, чтобы правительственные системы искусственного интеллекта были с открытым исходным кодом, тогда их можно будет проверить на наличие встроенной предвзятости.

Что касается рекламы, искусственный интеллект также намерен проводить нацеленную, персонализированную кампанию на качественно новом уровне. Рекламные приложения уже способны предопределить, какого рода реклама эмоционально влияет на покупательское поведение. Алгоритмы машинного обучения изучают наше поведение и узнают о нас порой больше, чем мы знаем о себе. На современном этапе нельзя игнорировать влияние искусственного интеллекта на развитие общества. Однако, если мы хотим иметь конкурентное преимущество и подготовиться к этим изменениям, то время еще есть.

Итак, искусственный интеллект – благо или зло? Благо, потому что допускает меньше ошибок, принимает правильное решение, может работать в небезопасных условиях, работает 24 часа. Зло, потому что требует больших инвестиций, создает зависимость человека от машины, отнимает рабочие места.

Искусственный интеллект имеет огромный потенциал, он становится умнее человека, и нет никакой уверенности в том, как он поведет себя в дальнейшем. Ранее человек не создавал ничего, что могло бы сравниться с его разумом. В лучшем случае, мы будем свидетелями собственной эволюции. Человек стал управлять планетой не потому, что он самый сильный, быстрый или большой, а потому что он самый

умный. Если искусственный интеллект будет умнее, не станем ли мы управляемы? И, если искусственный интеллект будет принимать решение везде и во всем, то какова будет роль человека-гражданина, и где будет его слово, и будет ли оно, а может и гражданина не будет, а будет только потребитель.

Библиографический список

1. Как Сбербанк внедряет роботов, увольняет сотрудников и закрывает офисы. URL: <https://versia.ru/kak-sberbank-vnedryaet-robotov-uvolnyaet-sotrudnikov-i-zakryvaet-ofisy> (дата доступа 01.09.2019)
2. How Artificial Intelligence Will Redefine Management URL: <https://hbr.org/2016/11/how-artificial-intelligence-will-redefine-management> (accessed 01 September 2019).

Наумова Татьяна Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Московский государственный технический университет гражданской авиации

Email: naumova_0211@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СЦЕНАРИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Теория постиндустриального общества в ее классической интерпретации первоначально была сосредоточена на экономических, геополитических, социальных, финансовых критериях и не принимала во внимание природные основания общественного развития. Стремительное преобразование природы, в том числе за счет внедрения инновационных биотехнологий, превосходит адаптационные возможности человека и опережает темпы социальной рефлексии наблюдаемых реалий и возможных последствий. В условиях трансформации биологических основ человеческой цивилизации и отсутствия экологических императивов социального развития эволюционные преимущества человека становятся неочевидными.

Ключевые слова: биотехнологии, экология.

Naumova Tatiana Vladimirovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Moscow State Technical University of Civil Aviation

ECOLOGICAL VECTOR IN POSTINDUSTRIAL SOCIETY DEVELOPMENT SCENARIOS

Abstract. The theory of postindustrial society in its classical interpretation was initially focused on economic, geopolitical, social, financial criteria and did not take into consideration the natural foundations of social development. The rapid transformation of nature, including the introduction of innovative biotechnologies, exceeds the adaptive capacity of man and outstrips the pace of social reflection of the observed realities and possible consequences. In the conditions of human civilization biological bases transformation and the absence of ecological imperatives in the social development, the evolutionary advantages of the humankind become obscure.

Keywords: biotechnology, ecology.

Постиндустриальная ступень социальной эволюции обозначила многие противоречия. Уже очевидно, что стремительное разрушение среды обитания человечества, причем разрушение, которое инициируется социумом, стало явным и даже угрожающим его биологическому существованию. Господствующая система представлений о мире, месте и роли человека в природе и обществе не соответствует новым реалиям бытия.

Классик теории постиндустриализма Д. Бэлл акцентировал внимание на научном знании, как необходимой составляющей функционирования общества: «университет или какая-либо другая форма институционализации знания будет центральным институтом в последующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и знания» [1].

Известный американский футуролог Дж. Нейсбит и немецкий социолог Н. Луман основным трендом постиндустриальной цивилизационной модели позиционировали кроме научных также технические и технологические достижения. Современное общество по Луману – продукт не только осознанных последствий научно-технологических новаций, но и результат наращивания исследовательских возможностей самого научного знания. Нейсбит к характеристике постиндустриального будущего добавляет трансформацию национальных экономик в мировую, смену централизации

на децентрализацию, переход от иерархичных технологий к сетевым, отказ от краткосрочных проектов в пользу долгосрочных и от представительной демократии в пользу непосредственной. Рассуждения американского философа Э. Тоффлера также сфокусированы на технологическом прогрессе как основе радикально нового этапа научно-технической и социальной эволюции [2, 3].

Заметим, что речь идет об экономических, геополитических, социальных, финансовых критериях. Вне дискурсивного поля теоретиков постиндустриализма остались природные основания развития общества. Однако в эпоху цивилизационного перелома, перехода к новой постиндустриальной формации под угрозой оказалось не только человеческое здоровье и естественные экосистемы, но также экономические и политические интересы разнообразных социальных общностей. Экологические взаимосвязи в природно-социальных системах принципиально отличаются от частных видов (физического, химического, биологического) взаимодействий в системах иного порядка, поскольку демонстрируют интегративный тип, в котором наряду с вещественно-энергетическими присутствуют информационные потоки [4, с. 944]. Технологии информационного этапа социальной эволюции вывели биологическую эволюцию человека на принципиально новый уровень. Экологические аспекты социоприродного взаимодействия, их влияние на социальные процессы приобрели глобальные масштабы.

Эти идеи созвучны с мнением автора концепции «общества риска» У. Бека, который указывал на взаимопроникновение природного и социального, определял нашу эпоху как эпоху конца противопоставления общественного и природного и замечал, что природа превращается в продукт постиндустриального общества [5]. Однако, превращение протекает столь стремительно, что общество не успевает осмыслить и спрогнозировать последствия этого процесса. Убедительной иллюстрацией этому являются стремительно развивающиеся и активно внедряемые в практику биотехнологии: генная инженерия, 3D-биопринтинг и др. Человек создает новую природу, стирает границы между объектами биосферными и искусственными, изменяя при этом природу биологическую. На смену первой эпохе генезиса биосферы, сформировавшей человека и глобальное человеческое общество, пришла вторая – эпоха социально-биосферного переворота, когда развившееся общество не только подчиняет себе биосферу, но и берет на себя природотворческие функции.

Вопрос о пределах допустимого вмешательства человека в природно-биологические процессы постепенно становится одной из основных философских и этических проблем. Остается актуальной необходимость в осознании и обосновании границ человеческой экспансии в мир природы, ограничений экономического роста и лимитов природопользования, поскольку от этого зависит, выживет ли наша цивилизация и если да, то в какой форме.

В ходе своей эволюции человек смог обеспечить себе эволюционные преимущества, минимизировав для себя значение естественного отбора. Но здоровье людской популяции не стало лучше, в ней накапливаются наследственные патологии. Биологическая эволюция человека продолжается, и если судить по наблюдаемым тенденциям, то уже в ближайшем будущем она будет реализована через манипуляции с человеческим геномом. Пойдут ли новые технологии во благо человека будущего?

Социальные трансформации, наметившиеся во второй половине прошлого века, связанные с переходом от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну, потребовали осмысления происходящих общественных изменений и оценки перспектив дальнейшего развития [6, С.77]. Вследствие своего уникального географического положения, особого геополитического статуса и, наконец, исключительного национального характера Россия может и должна стать мировым лидером процессов экологизации современного общества. Отечественные фило-

софы призывают к проектированию экологической социальности, экологизации российского общества: «...жизненный мир российского человека необходимо вписать в более широкий бытийный контекст – Природу, Космос, Вселенную. Это мир, в котором мы живем, дышим, наблюдаем, радуемся бытию, непосредственному общению с природой» [7, С.57].

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
2. Нейсбит Д. Мегатренды / Пер. с англ. М.Б. Левина. М: ООО. «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с.
4. Naumova T. Safe Socio-natural Evolution on the Back of Environmental Risks // Proceedings of the International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018). Moscow, March 29-30, 2018. Atlantis Press publ., vol.283. pp. 943-947.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/ Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
6. Наумова Т.В. Методологические основания оптимизации процедуры управления рисками// Научный вестник МГТУ ГА. 2014, № 209. С. 77-82.
7. Резник Ю.М. К экологии жизненного мира человека // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / отв. ред. д. ф. н., проф. И. К. Лисеев. М.; СПб: Нестор-История, 2018. 344 с.

Оконская Наталья Камильевна

доктор философских наук, профессор

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Email nataokonskaya@rambler.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ КОММОДИФИКАЦИЕЙ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЕЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ НАУКИ

Аннотация. В статье представлена проблема навязанного трансдисциплинарностью науки соревнования высшего образования и экономики в области производства товаров и услуг. Когда получение прибыли преобладает над производством качественных образовательных услуг (коммерциализация отношений в образовании), общественно необходимый труд теряет гуманитарные скрепы, человеческий капитал вымывается и из экономики, и из научной сферы. Выход видится в укреплении взаимосвязи высшего образования и науки.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, высокие технологии, человеческий капитал, коммодификация, коммерциализация.

Okonskaya Natalia Kamilevna

Doctor of Philosophy, Professor

Perm State Research Polytechnic University

CONTRADICTIONS BETWEEN COMMODIFICATION AND COMMERCIALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE EPOCH OF THE TRANSDISCIPLINARITY OF SCIENCE

Abstract. The article presents the problem of the competition of higher education and the economy imposed by transdisciplinarity of science in the sphere of goods and services production. When profit making prevails over the production of quality educational services (commercialization of relations in education), socially necessary labor loses humanitarian bonds, human capital is washed out both from the economy and from the scientific sphere. The way out is seen in strengthening the relationship between higher education and science.

Keywords: transdisciplinarity, high technology, human capital, commodification, commercialization.

Постановка проблемы и варианты ее решения включают четыре взаимосвязанных теоретических момента.

1. Трансдисциплинарность как подчинение науки интересам экономики и политики.

В периоды неустойчивости экономического развития отдельных территорий политические структуры подчиняют интересы научной сферы (по подготовке и восполнению человеческого капитала) непосредственно экономическим отношениям распределения, обмена, для покрытия дефицита эффективности производств государственной и частной сфер. Такие трансдисциплинарные перегибы способны преуменьшить неотъемлемые ценности классического образования: фундаментальность, профессионализм, автономность. Образование, лишённое фундаментальности, оказывается незащищенным, переставая быть «чисто научной сферой» через рейтинговое соревнование с экономикой, навязанное политическими институтами, в частности через систему финансирования и реформирования объектов науки и образования.

2. Высокие технологии в их связи с уровнем жизни населения.

Все значимые кризисы современности выступают кризисами перепроизводства, когда переизбыток материальных благ довлеет над автономными системами произ-

водства (страдают мелкий и средний бизнес как поставщики основной массы рабочих мест; инфраструктура; человеческий капитал и др.). При этом цивилизация продолжает обеспечивать приемлемые условия выживания для всех слоев и страт населения, что с XIX века воспринимается человеком как непреложное качество общественной жизни. Создает иллюзия, что это изоблие будет длиться вечно. Однако оно может рухнуть при разрыве гуманитарных связей. Так, в своей работе «Восстание масс» философ Хосе Ортега-и-Гассет предупреждает, что «легко достижимые блага держатся на определенных и нелегко достижимых человеческих качествах, малейший недобор которых незамедлительно развеет прахом великолепное сооружение» [4, с. 319]. Не через машины, механизмы, а с помощью слабых сигналов, – слабых по мощности, температуре, напряжению, – решаются особо острые кризисные проблемы в эру информатики: «слабое человеческое слово способно приводить в действие мощные армии. Информатизация всех отраслей человеческой деятельности – это прежде всего выявление возможностей управления с помощью слабых сигналов...» [1, с. 26]. Однако разрыв гуманитарных связей, агрессивность социальной среды заставляет человека делать ставку на технико-технологические инновации в попытках сохранить статус и престиж своей деятельности. «Взамен внутренней работы по самоопределению, результатом которой является знаковое воспроизводство мира в целом, человек стимулируется извне. Наиболее действенным стимулом к такому повороту в судьбе является включение в конкурентную борьбу с использованием новейших технологий...» [2, с. 18].

Разрыв гуманитарных связей и избыточность высоких технологий в России приводят к парадоксальному понижению уровня жизни при росте экономических показателей производства. «Если сила технизированного человечества станет главным вектором развития, то человек может потерять установку на культурное развитие», которое «... требует соединенности умственного труда с физическим в каждом участнике общественного процесса» [5, р. 76]. Обеспечить сохранность и воспроизводство гуманитарных связей общества может такой социальный институт, как высшее образование в единстве с наукой через воспроизводство человеческого капитала.

3. Человеческий капитал в науке и в экономике.

Человеческий капитал особым образом соединен с главным элементом производительных сил, с самим человеком, его способностями и потребностями. Взамен капитала, выступающего в виде денег, являющегося по сути особой формой отчужденного общественного труда, в современном мире набирает силу куда более пластичная форма всеобщего труда, человеческий капитал. Он выступает составным элементом активной социальной группы, включенной в производственный процесс.

Основную массу ВВП все же производят современные капиталисты-работодатели, и суждение о человеческом капитале по количеству наемных работников было бы чрезмерным расширением понятия «человеческий капитал». Предлагаем ввести критерий такого участия наемного работника в производстве прибыли мелкого или среднего бизнеса, когда работодатель предпочитает выплачивать долю прибыли как денежное вознаграждение особо ценному работнику, превышая сумму стоимости его рабочей силы. В том случае, если работник получает лишь заработную плату, он не может считаться человеческим капиталом, так как для обеспечения себя средствами для жизни он отдал внаем вплоть до отчуждения от себя и свои способности, и свои потребности. Реализация интересов экономического господствующего класса предполагает в этом случае ущемление интересов наемных работников, обострение антагонистических противоречий, в частности, в виде резко возросшей дифференциации уровня жизни и здоровья людей, составляющих человеческий капитал. В общественном сознании активизируется мифотворчество «в рамках старой дилеммы: "либо умственный труд – либо физический труд". Однако именно эта упрощенная трактовка закрывает, с нашей точки зрения, возможности описания как природы всеобщего труда в информационном обществе, так и тех специфических новых характе-

ристик материального мира в целом, тех особенностей его развития, которые становятся заметны в постиндустриальную эпоху» [3, с. 15-16].

4. Коммерциализация и коммодификация в образовательных практиках.

Образование, выступая сферой знаниевых услуг (коммодификация образования в условиях рыночной экономики), стало неотъемлемым элементом эпохи информатизации, поскольку имеет явные информационные преимущества по отношению к любым другим социальным институтам общества. Однако рынок может подавлять (через коммерциализацию) меру образовательных услуг, уничтожая сущность образования в угоду ценообразованию отдельных экономически выгодных инновационных практик. В свете лоббирования идей инновационных технологий, коммерциализации, маркетизации начинает преобладать функциональный подход. Разрыв сущности (культуры разума) и функций, узко направленных на обслуживание рецессий в экономике, угрожает зачеркнуть информационные преимущества науки и образования как ведущих элементов культурной подсистемы общества. Уже сегодня статусная роль университетов определяется их экономической ролью и той экономической выгодой, которую получают университеты и регион. Начиная преобладать сугубо экономические методы оценки качества и эффективности образования (в частности, метод PEST-анализа – политического, экономического, социального и технологического аспектов его влияния).

Таким образом, можно заключить, что наука в условиях трансдисциплинарности оказывается в крайне противоречивых условиях снижения финансирования, ловушек идеологизации через навязывание интересов ограниченной когорты социальных групп (бизнесменов, омбудсменов) всему высшему образованию путем коммерциализации рынка труда под эгидой его коммодификации. Вырваться из этих противоречий могут лишь наиболее творческие коллективы преподавателей-студентов, возглавляемые неформальными лидерами. Именно такие условия могут стать основой восстановления гуманитарных связей в обществе через сохранение ведущих ценностей и традиций высшего образования и науки.

Библиографический список

1. *Игнатъев М.Б.* Кризис как имманентное свойство сложных социально-экономических систем //Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2013, № 1(1). С. 25–45.
2. *Оконская Н.К., Ермаков М.А., Резник О.А.* Специфика методологии мышления в информационном обществе //Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2016, № 4(14), С. 14-23.
3. *Орлов С.В.* Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2013, № 1(1). С. 10–24.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
5. *Trushkov Y.Y., Okonskaya N.K.* "Dust in the eyes". Converging technologies // Middle-East Journal of Scientific Research 21 (1): 76-83, 2014.

Павловская Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: olga.pavl@tut.by

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация: В контексте современного транзитивного общества рассматривается проблема соотношения формационного и цивилизационного подходов, обосновывается необходимость кардинального поворота вектора социального развития с производственно-технологических параметров на критерии социогуманитарного плана.

Ключевые слова: цивилизация, общественно-экономическая формация, гуманистические ценности, духовная культура, духовно-нравственный мир человека.

Pavlovskaya Olga Alexandrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

SOCIO-HUMANITARIAN BASES OF TRANSITION TO INFORMATION SOCIETY

Abstract. In the context of a modern transitive society, the problem of the correlation of formational and civilizational approaches is considered; the need for a cardinal turn of the vector of social development from production and technological parameters to the criteria of the socio-humanitarian plan is substantiated.

Keywords: civilization, socio-economic formation, humanistic values, spiritual culture, spiritual and moral world of man

В условиях перехода к информационному обществу отчетливо обозначается главное противоречие социально-гуманитарного характера. С одной стороны, основным продуктом капиталистического производства является *человек-товар*, говоря словами К. Маркса, «*товар, обладающий сознанием и самостоятельной деятельностью*», но в то же время он предстает «как существо и духовно и физически обезчеловеченное» [1, с. 574], то есть лишенное богатства *человеческих* чувств, *человечности* чувств, в духовно-нравственном плане ограниченное, изуродованное существо. С другой – остро ощущается и последовательно осознается жизненная потребность в *очеловечивании* самого человека, что актуализирует поднятые в свое время К. Марксом проблемы обретения «*истинно человеческой сущности*», «*общечеловеческой эмансипации*», «*обратного отвоевания человека*» [1, с. 588, 592, 598], то есть последовательное снятие негативных проявлений отчуждения и самоотчуждения человека посредством расширения и углубления процессов присвоения и самоприсвоения человеком достижений материальной и духовной культуры, их преобразование в свою личную культуру и на основании этого творческое, свободное, ответственное развитие своей личностной природы, обогащение своего внутреннего мира, своих человеческих чувств, совершенствование своих отношений с людьми, окружающим миром [2, с. 403-404].

Процесс *очеловечивания* человека во всем богатстве его духовно-культурных проявлений как жизненно необходимая потребность и естественноисторическая закономерность может плодотворно исследоваться в тесной взаимосвязи формационного и цивилизационного подходов. Если формационный подход преимущественно ориентирован на анализ общественно-экономического базиса как объективной основы социально-исторического развития, то цивилизационный подход акцентирует внимание на состоянии духовно-культурного потенциала социума, на раскрытии ценностно-

креативных процессов, механизмов и форм их индивидуального и общественного проявления и совершенствования.

На наш взгляд, с позиций цивилизационного подхода следует говорить о начале формирования новой общемировой цивилизации, которую можно условно называть *информационно-гуманистической*, принимая во внимание, с одной стороны, возрастающую роль информационных ресурсов в современных социальных трансформациях, революционный характер воздействия новейших технологий на общественную и индивидуальную жизнь, с другой – повышение роли человека как творческого субъекта, активное включение духовной культуры в процесс социальных перемен. О возникновении в современном мире нового типа цивилизационного развития говорит и В. С. Стёпин, указывая на необходимость изменения базисной системы ценностей техногенной цивилизации: «Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному» [3, с. 99].

Выведение информационно-гуманистической цивилизации в качестве основополагающего концепта в теоретическом осмыслении перспектив социального развития дает возможность: во-первых, значительно обогатить в содержательном плане разрабатываемые проекты информационного (постиндустриального) общества как будущей формации, во-вторых, не только показать роль культурного фактора в качественном преобразовании современного общества, но и подчеркнуть то, что данный фактор становится ведущим и определяющим в этом процессе и способен кардинальным образом видоизменить существующее положение вещей.

Рассматривая вопрос о соотношении формационного и цивилизационного процессов, можно утверждать: если ранее, на предыдущих этапах истории, в структурах социума основополагающим был экономический базис, он детерминировал и играл первостепенную роль в образовании различных культурно-цивилизационных форм, то с вступлением человечества на информационный путь развития открывается новая социальная перспектива, когда цивилизационный фактор не просто усиливается, а превращается в решающую и направляющую силу, способную последовательно преодолевать стихийность и непредсказуемость объективного по своей природе социально-экономического процесса. На основании этого можно считать, что именно формирование новой, информационно-гуманистической, цивилизации должно предварять (предвосхищать) реальное вступление социума в новую общественно-экономическую формацию.

Приоритет цивилизационного компонента в процессе качественного преобразования современного общества можно объяснить и тем обстоятельством, что индустриализм (капитализм) как стихийно разворачивающийся процесс при всех масштабных материально-технических достижениях значительно «проигрывает» в духовно-нравственном отношении, что отрицательным образом сказывается и на состоянии общественных отношений, и на природе самого человека. По существу индустриальное общество в социально-моральном плане подошло к весьма опасной критической черте. Поэтому для изменения ситуации необходим кардинальный поворот вектора социального развития с производственно-технологических параметров на критерии социогуманитарного плана. Это открывает широкие возможности для осмысления и практического воплощения духовно-нравственного потенциала мировой и национальной культуры, активизации творческих усилий субъектов в лице конкретных людей и социальных групп, направленных на достойную самореализацию и совершенствование. «Если развитие общества на прежней индустриальной стадии, – пишет Б. С. Ерасов, – было основано на объединении естественно-научного, и в первую очередь технического, знания с материальным производством, с деятельностью

“трудящихся”, то перспективы постиндустриального общества зиждутся на соединении социально-гуманитарного и экологического знания, с одной стороны, и вечных истин морально-религиозного характера – с другой – с деятельностью нового общественного субъекта – жителей» [4, с. 458–459]. Следует особо подчеркнуть, что процесс формирования новой цивилизации, как никогда ранее в истории, непосредственно связан с реальным воплощением в жизни людей *гуманистических* ценностей.

Таким образом, современная ситуация отчетливо показывает, с одной стороны, переход на путь информационного развития, что создает широкие возможности для проявления креативных способностей людей и освоения новейших технологий, с другой – наличие структур и процессов индустриального общества, которые сохраняют еще свою экономическую мощь, но в то же время содержат определенные диспропорции и деструктивный потенциал, которые тормозят процесс социально-гуманитарного развития. В этих условиях уже недостаточно только декларирования приверженности духовно-нравственным ценностям, чрезвычайно остро встает вопрос о поиске конкретных путей и механизмов их освоения и реализации на уровне массового сознания в контексте предотвращения различного рода военно-политических конфликтов и утверждения идей мира, согласия и сотрудничества в международной жизни.

Библиографический список

1. *Маркс, К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – С. 517–642.
2. *Павловская, О. А.* Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы / О. А. Павловская. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 578 с.
3. *Стёпин В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
4. *Ерасов, Б. С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

Пекарникова Маргарита Марковна

кандидат экономических наук

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: margarita.pekarnikova@gmail.com

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация: Большинство разговоров в настоящее время происходит с использованием различных мессенджеров, что с неизбежностью приводит к существенному изменению эмоциональной сферы человека. С одной стороны, мы постоянно доступны для беседы, с другой стороны – текстовое общение притупляет способность к сопереживанию и возрастает уровень нарциссизма.

Ключевые слова: интернет, эмоциональный интеллект.

Peckarnikova Margarita Markovna

PhD (Economics), Associate Professor

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE ERA OF VIRTUAL COMMUNICATION

Abstract: At the present time most of the conversations take place using various instant messengers, which inevitably leads to a significant change in the emotional sphere of humans. On the one hand, we are constantly available for conversation, on the other hand, text communication dulls the ability to empathize and the level of narcissism increases.

Keywords: Internet, emotional intelligence.

Наши контакты с друзьями становятся менее эмоциональными, отфильтровываясь смайликами и текстовыми сокращениями мобильного телефона. Парадокс в том, что мобильный телефон позволяет все время быть на связи, но формирует ложную уверенность, что обмен текстовыми сообщениями – это и есть душевное общение.

Люди во все времена были склонны искать контактов с другими людьми, держаться вместе, объединяться в группы. Стремление вступать в различные группы отчасти мотивированно неутоленной жадой контакта, близости и принадлежности. Резкое увеличение количества групп членства может быть связано с растущей мобильностью людей, разрушением традиционных общностей людей. Как правило, люди используют Интернет посредством множества способов: они регистрируются в различных социальных сетях и десятках онлайн-услуг, подписываются на множество информационных лент, ведут блоги, расставляют теги и т.д. Сеть стала важной частью работы, учёбы или социальной жизни. Однако развитие технологий меняет не только способ взаимодействия с миром, но и меняет сознание человека, его способ мысли и чувствования. Спокойное, целенаправленное и сосредоточенное линейное мышление уступает дорогу новому, желающему и способному принимать и раздавать информацию в виде коротких, не связанных между собой и иногда дублирующих друг друга кусочков – чем быстрее, тем лучше [5].

К. Керделлан и Г. Грезийон в своей монографии «Дети процессора. Как интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых» ещё в 2006 г. отметили, что современные родители с помощью современных гаджетов справляются не только с капризами ребенка (утешают и отвлекают) и используют их для развития, но и освобождают время для себя – для работы и личной жизни, не задумываясь о последствиях такого поведения. [3]. Какими же вырастут эти дети? Активное использование технических средств приводит к изменениям и в эмоциональной сфере. Современные дети с трудом переживают скуку, привыкая к высокой стимуляции в вир-

туальном мире, реальный мир перестает их удивлять и вдохновлять на исследования. Возникает, так называемый, страх упущенной выгоды (FOMO – fear of missing out – страх что-то пропустить). Жизнь других, представленная в социальных сетях, выглядит как более насыщенная событиями, яркая, и, сравнивая свою жизнь с жизнью других, нередко делают выводы не в свою пользу: «Может я действительно что-то пропускаю в этой жизни?» Это и есть страх упустить нечто важное.

Непрерывное повествование в социальных сетях о своих мимолетных мыслях, текущих планах, местонахождении, выкладывание селфи, повышает эгоцентризм и создает иллюзию, что близкие не понимают его так, как друзья в сети.

Достаточно часто у современных подростков встречается ситуация, когда «я знаю, что надо делать», разбивается о собственное же «не хочу» (ведь картинка в сети всегда интереснее реальных действий), и превозмочь это он не в силах. Это можно рассматривать как еще одно изменения в эмоциональной сфере и признаком неразвитого эмоционального интеллекта.

Эмоциональный интеллект – это способность воспринимать чужие и собственные эмоции как ценные сигналы, управлять эмоциональными потоками и собственной мотивацией с целью повышения индивидуальной эффективности и эффективности организации. В научный обиход термин «эмоциональный интеллект» был введен в 1990 году американскими психологами Питером Сэловеем и Джоном Мэйером, которые и разработали первую модель эмоционального интеллекта. Под эмоциональным интеллектом авторы понимали «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий» [2].

Как правило, выделяют четыре группы навыков, входящих в эмоциональный интеллект:

- первая группа – восприятие эмоций – способность распознавать свои эмоции и эмоции других людей (в процессе непосредственного общения, в литературных произведениях и фильмах), способность точно выражать эмоции и эмоциональные потребности, способность находить различия между искренним и неискренним проявлением эмоции;

- вторая группа – эмоции как катализатор мышления – способность включать эмоции при выполнении мыслительных операций, способность использовать эмоции для лучшего запоминания и принятия решений, способность использовать изменения настроения, чтобы оценивать различные точки зрения, способность применять эмоции в процессе создания чего-либо нового;

- третья группа – понимание эмоций – способность понимать, как одна эмоция может быть связана с другой, способность осознавать, что вызвало данные эмоции и что может за этим последовать;

- четвертая группа – управление эмоциями – способность быть открытым, эмоциональным проявлениям как положительным, так и отрицательным, способность исследовать причины появления определенных эмоций, способность вызывать определенные эмоциональные состояния, продлевать их и выходить из них, способность управлять своими эмоциями, способность помогать другим справляться с их эмоциями.

Так, например, Д.В.Люсин предлагает свою модель эмоционального интеллекта, который он трактует как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [4]. Способность к пониманию эмоций означает, что человек может распознать наличие эмоции у себя или у другого человека, может идентифицировать и называть их, понимает причины, вызвавшие конкретную эмоцию, а также последствия, к которым она приведет. Способность к управлению эмоциями предполагает контроль интенсивности эмоций и их внешних проявлений, а также способность произвольно вызвать у себя ту или иную эмоцию.

И.Н. Андреева отмечает, что высокоразвитый внутриличностный эмоциональный интеллект способствует естественности эмоциональных проявлений и позитивному

самоотношению, которые, в свою очередь, дают возможность устанавливать глубокие и тесные взаимоотношения с другими людьми [1].

Разработчики текстовых мессенджеров, с помощью которых происходит большая часть общения, активно продвигают возможность передачи текущего эмоционального состояния с помощью различных стикеров, анимаций и рисования картинок. Однако это все равно не может являться эквивалентом реальных переживаний. Только внимательное отношение к реальным эмоциям способствует управлению своими эмоциями и эмоциями других людей, а также позволяет нам решать проблемы, улаживать конфликты и добиваться успеха в современной жизни.

Библиографический список

1. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Междунар. научно-практ. конференция, 26–27 ноября 2004 г., г. Смоленск: В 2 ч. Ч. 1. Смоленск, 2004.
2. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: искусство управлять людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 302 с.
3. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора. Как интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. Екатеринбург: У-Фактория, 2006 272 с.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. М.: Изд-во «ИП РАН», 2004. С. 29–39.
5. Николас Дж. Карр. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. М.: Изд-во «BestBusinessBooks», 2012. 256 с.

Приходько Фёдор Степанович

кандидат философских наук, доцент

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Email: prihodko.fedor@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Аннотация. Определяются основные факторы, обусловившие появление электронной культуры, дается характеристика этому явлению, его месту и роли в жизнедеятельности современного социума. Анализируются растущие возможности, которые предоставляются современному обществу и индивиду по мере развития электронной культуры. Обосновывается необходимость развития электронной культуры. Выявляются проблемы и риски, связанные с распространением этого типа культуры. Формулируются предложения по их минимизации.

Ключевые слова: Интернет, свобода, информационные войны.

Prihodko Fiodor Stepanovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Belarusian State Agricultural Academy

ELECTRONIC CULTURE OF INFORMATION SOCIETY: NEW OPPORTUNITIES AND POTENTIAL RISKS

Abstract. The main factors that led to the emergence of electronic culture are determined, the characteristic of this phenomenon, its place and role in the life of modern society is given. The article analyzes the growing opportunities that are provided to modern society and the individual with the development of electronic culture. The necessity of electronic culture development is proved. The problems and risks associated with the spread of this type of culture are identified. Proposals for their minimization are formulated.

Keywords: Internet, freedom, information war.

Вхождение в информационную эпоху обусловлено превращением науки и инноваций в движущую силу социального развития; существенным возрастанием значения информации относительно других ресурсов, быстрым внедрением и обновлением телекоммуникационных и компьютерных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества; виртуализацией образа жизни, превращением СМИ, «информационных потоков» в главный фактор трансформации сознания большинства; формированием электронно-цифровой культуры у большинства членов общества; возникновением сетевого сообщества. Создав «вторую природу» – мир вещей, современный человек сотворил «третью» – мир виртуальных явлений – своеобразный синтез сознания и высоких информационных технологий. Благодаря последним сформировалась особая культура – электронная, или цифровая. Она представлена совокупностью результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения IT-инноваций, характеризуется формированием единого информационного пространства, формой виртуального выражения, дистанционной технологией, либеральностью контента [1, с. 78]. Электронная культура накладывает свой отпечаток на межличностную коммуникацию, образование, досуг, творчество. Она превращается не только в посредника между человеком и миром, но сама становится реальностью, меняющей внутренний мир человека, восприятие им окружающего мира. Новый тип культуры глубоко трансформирует сознание, сложившиеся навыки и стиль мышления, вооружает новыми методами решения проблем в функционировании разных областей профессиональной и общественной деятельности.

По мере развития высоких технологий перед человеком открываются новые возможности: становятся легко преодолимыми масштабы пространства и времени, языковые барьеры, оказывается доступным безграничный мир цифровой информации и т.д. Большие возможности для коммуникаций в информационном пространстве многими используются для расширения диапазона общения, установления полезных контактов и дружеских связей, счастливых знакомств. У личности расширяются границы свободы, создаются отсутствующие ранее возможности самовыражения и самоутверждения, прямого участия в различных сферах общественной, экономической и культурной жизнедеятельности, приобщения к высоким ценностям культуры благодаря возникшим электронным музеям, библиотекам, архивам, всевозможным выставкам произведений искусства и т. д.

Вместе с тем, электронная культура порождает острые, неизвестные доселе проблемы, для решения которых требуются усилия философов, социологов, педагогов, психологов. Так, повышенная открытость содействует появлению малозначимых, ничтожных коммуникаций, разного рода информации, негативно влияющей на моральное состояние личности, дезориентируя ее и погружая в состояние неопределенности и скепсиса. Неограниченной свободой самовыражения и словесного самоутверждения, создаваемой электронной культурой, пользуются вульгарные, низкие, разнузданные субъекты, в изобилии выставляя в Интернете свои пошлые, грязные «откровения» [2, с. 55–56]. Становится возможной манипуляция сознанием в интересах определенных политических или социальных субъектов, использующих средства массовых коммуникаций.

Коммуникационная революция, в результате которой роль информационных технологий многократно возросла, породила новый тип войн – информационных войн, ставших ключевым средством достижения внешнеполитических целей многих государств. Информационная война против России и Беларуси нацелена на разрушение их союза, деформацию системы ценностей народов обоих государств. Практическое применение результатов исследований в области поведенческих и управленческих наук сделало возможным осуществление контроля над сознанием граждан, манипулирование ими. С помощью современных компьютерных сетей можно собирать разнообразную информацию о политических пристрастиях, общественной активности, финансовых делах, состоянии здоровья граждан и т.д. Быстрый и беспрепятственный доступ к собранной обширной информации о гражданах или организациях может использоваться (и используется) заинтересованными политическими структурами, чтобы вызвать желательное поведение людей, сформировать определенный образ мыслей.

Политическая и моральная дискредитация оппонента (противника), обман, пропаганда, дезинформация стали главными средствами достижения геополитических целей многих государств. Противостоящая сторона представляется преступной: на государства навешиваются ярлыки – «империя зла», «страна-изгой», «страна-разбойник», граждане изображаются сборищем аморальных, агрессивных типов, деградировавших элементов.

Проблемы электронной культуры подталкивают к мысли о необходимости более глубокого осмысления и изучения закономерностей влияния информации на человека, его внутренний мир, на общественное сознание в целом, на все человечество, на индивидуальные и общественные взаимоотношения с окружающей информационной средой, с тем, чтобы минимизировать негативные воздействия информационной среды на человека. Новое научное направление – информационная экология и призвана решать эти проблемы.

Развитие электронной культуры – закономерный процесс мирового масштаба, наши страны – Россия и Беларусь – вовлечены в него, и у нас нет альтернативы. А это означает, что мы должны, с учетом специфики своих стран, всемерно развивать, совершенствовать, творчески модифицировать свою электронную культуру.

Ее блага уже вкусило большинство наших сограждан и они уже не откажутся от телевизора, мобильных телефонов, компьютера, Интернета, от своих электронных карт и т.д. Известно, какие огромные средства вкладывают в развитие этих областей науки и технологии США, Западная Европа, Япония, Китай и другие страны. Ситуация такова, что стратегические интересы наших стран настоятельно требуют огромных усилий, чтобы не допустить отставания, нужно сконцентрировать материально-финансовые и интеллектуальные, творческие ресурсы для решения этой стратегической задачи.

Библиографический список

1. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
2. Дубровский Д.И. Электронная культура. Кто против? // Философские науки. 2017. № 2. С. 50–57.

Савина Инна Александровна

кандидат педагогических наук, доцент

Кубанский государственный технологический университет

Email: ININA_2002@rambler.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ДОКУМЕНТОВЕДА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современном глобализирующемся информационном обществе происходит переоценка специалистов по документационному обеспечению управления. Требования к таким специалистам подразделяются на два вида, выделяя профессиональные и личные качества. В современных условиях такие специалисты (документоведы) должны владеть методами, обеспечивающими обычный (традиционный) и электронный (цифровой) документооборот.

Ключевые слова: документоведение, профессионализм, информация.

Savina Inna Aleksandrovna

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Kuban State Technological University

PROFESSIONAL QUALITIES OF A RECORD MANAGER GLOBAL INFORMATION SOCIETY

Abstract. In modern information society, there is a reassessment of document management specialists. The requirements for such specialists are subdivided into two types, highlighting professional and personal qualities. In modern society, such specialists (record managers) have to be familiar with the methods that ensure the usual (traditional) and electronic (digital) document circulation.

Keywords: document science, professionalism, information.

В начале XXI в. мир вступил в новую фазу развития информационного общества – эпоху глобального информационного общества. Мировое сообщество проявляет исключительный интерес к проблемам построения глобального информационного общества. Во многих странах мира в настоящее время идет процесс перехода к новой социально-экономической формации, глобальному информационному обществу, которое будет представлять собой совокупность национальных информационных инфраструктур. В ряде стран и на международном уровне в последние десятилетия появились государственные и межгосударственные программы, непосредственно нацеленные на развитие информационного общества, на превращение этого процесса в глобальный.

С середины 1990-х гг. в России и по сегодняшний день, в условиях формирования глобального информационного общества, произошла резкая переоценка специалистов по документационному обеспечению управления (ДОУ). Руководители все чаще стали осознавать, что доверить информационно-документационное и организационное обслуживание своей деятельности фирмы в целом можно только профессионально обученному специалисту. Степень овладения системой знаний, умений и навыков в области документоведения определяет квалификацию документоведа. Документоведа высшей квалификации готовят вузы. Они выпускают специалиста, в совершенстве владеющего процессами и операциями документоведческой деятельности, имеющего четкое представление о значении и роли своей деятельности в развитии общества. Требования к документоведу можно разделить на два вида: требования к профессиональным и личным качествам. Деловые и личные качества при выполнении определённой работы проявляются в тесном взаимодействии и до-

полняют друг друга. Можно без преувеличения сказать, что качество и эффективность работы аппарата управления во многом определяется уровнем профессиональных знаний документоведа, его умение четко выполнять свои обязанности, освобождая руководителя от нерациональной траты времени. Профессиональные качества включают, следующие умения документоведа, когда он:

- разрабатывает, внедряет и обеспечивает функционирование единого в организации технологического процесса документирования и работы с документами и документной информацией на основе использования современных автоматизированных технологий (составление, оформление документов, учет, регистрация, контроль исполнения, справочно-информационная работа, хранение);
- планирует, организует и совершенствует деятельность службы документационного обеспечения управления, осуществляет контроль за состоянием делопроизводства в организации;
- разрабатывает унифицированные формы документов, системы документации, таблицы документов различного назначения и уровня управления, классификаторы документной информации;
- принимает меры по упорядочению состава документов и информационных показателей, сокращению их количества и оптимизации документопотоков организации;
- участвует в отборе документов, передаваемых на государственное хранение, организации текущего хранения и экспертизе ценности документов;
- принимает участие в постановке задач проектирования, эксплуатации и совершенствовании (в части информационного обеспечения) автоматизированных информационных систем и систем управления, а также в разработке новейших информационных технологий, базирующихся на применении компьютерной техники, проектировании и актуализации баз и банков данных;
- изучает и обобщает передовой отечественный и зарубежный опыт в области ДОУ, разрабатывает нормативно-методические документы по вопросам ДОУ;
- подготавливает предложения по обеспечению эргономических условий труда, рационализации рабочих мест работников службы ДОУ;
- принимает участие в работе по подбору, расстановке и повышению квалификации кадров службы ДОУ.

Особые качества, включенные в профессиональные, это обязанности документоведа выполнять функции по бездокументному обслуживанию. В частности: организация приема работников и посетителей; телефонное обслуживание; подготовка командировок; организация презентаций и специальных приемов гостей; стенографирование; контроль за праздничными и юбилейными датами; обработка почты; машинописные работы; сбор деловой информации и ее реферирование; сбор материалов для докладов и речей руководителя; ведение табеля учета рабочего времени.

В современных условиях документоведа должны владеть методами, обеспечивающими обычный (традиционный) и электронный документооборот, знать архивное дело. Они владеют методами создания документов с использованием различных стилей описания и их оформлении. Они хорошо знают действующие стандарты и нормативные материалы в области создания документов, что особенно важно в период перестройки, реформ, внедрения международной системы качества и вхождения России в международное информационное пространство, где глобализационные процессы доминируют в современном мире, и главным условием жизни и деятельности человека, благополучия государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информационным ресурсам, умению создавать, перерабатывать и использовать информацию при отсутствии временных, пространственных, политических, правовых границ.

Салохин Николай Павлович

кандидат философских наук, профессор
Омский государственный технический университет
Email: salokna@yandex.ru

ПАРАДИГМА САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Становление гражданского общества современной России приобрело затяжной характер. Социальное развитие сдерживается противоречие культурных норм посттоталитарно-авторитарного, либерально-монетаристского, рационально-правового, национального и гражданско-демократического характера. Последние утверждают в обществе положительные качества, демонстрирующие перманентное гносеологическое расширение.

Ключевые слова: самоорганизация, самоуправление, саморазвитие.

Salokhin Nicolay Pavlovich

PhD (Philosophy), Professor
Omsk State Technical University

SELF-GOVERNMENT PARADIGM IN CONTEXT OF RUSSIAN CULTURAL TRANSFORMATIONS

Abstract. The paper deals with the prolonged establishing of civic society. Social development is restricted by the antagonism of post-totalitarian – authoritarian, liberal–monetary, rational-legal, traditional-national and civic –democratic regulations, the latter forming positive characteristics in society, which demonstrate permanent epistemological extension.

Keywords: self-organization, self-management, self-development.

Россия продолжает трансформационный выбор. Продуктивное решение задач сочетания демократизма гражданского общества, эффективности социально ориентированной рыночной экономики и динамизма равномошной и равноответственной единицы общества, способной быть субъектом развития, не мыслимо вне развитых коммуникаций самоорганизации и самоуправления.

Со времени Аристотеля активный суверенный индивид признаётся и теоретиками и практиками решающим субъектом общественного развития. Непрерывность прогресса требует гармонии упорядочивающих действий государства и спонтанных инициатив индивидов, действующих на основании собственных гносеологических схем, собственных ресурсов и под собственную ответственность. Трансформирующееся общество многократно расширило возможности личности в экономических процессах и в социально-преобразующей деятельности. Современная система управления, как соответствующая содержанию социального контекста, обязана быть субъект-субъектной. Множественность в разработке, обсуждении, принятии авторитетных решений и осуществлении контроля исполнения нуждается в массовом и активном гражданине. Только преодолевший собственную частичность индивид способен быть единицей общества. Саморазвитие индивида утверждается включением в коммуникации самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления. Этот процесс не может быть изолированным. Он происходит в неравновесной социальной среде эпохи трансформаций, испытывающей культурное влияние разнонаправленных тенденций как посттоталитарно-авторитарного характера или либерально-монетаристских, так и рационально-правовых, национальных и гражданско-демократических. Последние утверждают общество на пути положительных преобразований, демонстрируя перманентное гносеологическое расширение. Базовым элементом достижения социаль-

ного равновесия является постоянный диалог властного субъекта и общества и субъект-субъектные связи солидарного сотрудничества сторон.

Концептуализация института самоуправления, возродившаяся в социальной практике России в конце XX века, далека от завершения и в наше время. Отсутствие в стране развитой индивидуальной культуры субъектного характера не только тормозит социальное развитие, но и препятствует успеху трансформационных процессов.

Детерминация жизни и деятельности человека достигает крайней точки, размытая возможности индивида как субъекта общественного развития, как личности. Необходимость перемен очевидна как на общесоциальном уровне бытия, так и на индивидуально-личностном. Это требует от теории и практики управления возвращения индивида в аутентичное состояние как неотъемлемого элемента не только социального мира, но и природы в целом. Ответ заключён в скорейшем преодолении состояния частичного человека-функции. Разочарование в характере и содержании трансформаций порождают в сознании россиян нигилизм и апатию. Однонаправленные действия преодоления кризиса в рамках онтологии верховного субъекта управления до сих пор не увенчались успехом.

Слабость гражданских институтов и привычная культура детерминированной жизни оправдывают субъект-объектную схему управления: по поручению общества государство определяет условия бытия индивидов и даёт им команды к исполнению, наделяя некоторыми ресурсами и полномочиями. Современное общество в условиях острого дефицита ресурсов удовлетворения потребностей развития личности, побуждает государственный субъект переходить от односторонних субъект-объектных коммуникаций в управлении к полисубъектным отношениям, отвечающим гносеологии прогресса.

Персональная и коллективная свобода человека гражданского общества выражает субъект-субъектную природу современной культуры. Способность к самоорганизации и саморазвитию характеризует переход индивида на уровень бытия единицы социального, самостоятельно воплощающей собственную гносеологию, спонтанную и неопределённую по характеру и ограниченную лишь имеющейся в распоряжении ресурсной базой. Общество и личность, нуждаясь в саморазвитии, стремятся совершенствовать базовые связи единицы социального, вступая в противоречие с гносеологией субъекта управления. Различие культурных оснований усложняет понимание единицей управления и единицей общества социальных ценностей. Во-первых, они вариативны до такой степени, до какой способны быть источником роста, во-вторых, конкретные ресурсы – труд, территория, единица социального etc. – источник ограниченный, но определяющий возможности развития индивида, административно-территориального образования, региона и страны в целом.

Соснина Тамара Николаевна

доктор философских наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С. П. Королёва

Email: tnssau@bk.ru

**СТАТУС ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПРОДУКТА
(ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. Статус продукта анализируется с учётом наличия природного и социального начала, процессуальной и вещной составляющих.

Ключевые слова: продукт, производство.

Sosnina Tamara Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Professor

Samara National Research University

PRODUCT LIFE CYCLE STATUS (PHILOSOPHICAL ASPECT)

Abstract. The status of the product is analyzed taking into account the presence of natural and social origin, procedural and material components.

Keywords: product, production.

Человечество использует огромное количество продуктов естественной и искусственной природы, которые являются сложными образованиями, развёрнутыми в пространстве-времени.

Продукты естественной природы способны самовосстанавливаться, сохранять динамическое равновесие и подключаться к глобальным биогеохимическим циклам. Продукты искусственные, антропогенные, таким качеством не обладают. Меняя алгоритм естественных систем природы, они становятся причиной региональных и глобальных катастроф.

Исходной «точкой» философского анализа продукта как сложной системы является наличие объективного и субъективного оснований с одной стороны; процессуальной и вещной составляющих, с другой. Оба качества иллюстрируются через прочтение координат полного цикла продукта с учётом энергетического и информационного параметров.

Начало процесса ассоциируется с моментом зарождения идеи о возможности и необходимости появления нового продукта, финал – с созданием его в реальности и приобщением по мере физического, морального износа к биогеохимическим циклам планеты. Другими словами, речь идёт о процессе, описываемом в модели «продукт природы... предмет труда... продукт природы». Эта «объёмная» в методологическом плане модель конкретизируется в четырёх других: две (стадии проектирования и производства) предшествуют появлению конечного продукта, две (стадии эксплуатации и утилизации) завершают практическое его использование.

В каждой из четырёх моделей фиксируется наличие объективного (материального) и субъективного (нематериального) начала. Первое присутствует как субстратно-вещественная сущность, второе – как живой и овеществлённый в средствах конкретный и абстрактный труд.

Процесс проектирования иллюстрирует поиск человеком (обществом) предметов природы, способных стать «материальным телом» будущего продукта и совокупных средств труда, при помощи которых становятся возможными всякого рода манипуляции. В рамках проектирования функционирует первая технологическая цепочка (человек – средство труда – предмет труда), в которой природа как ««ничто», существующее вне человека, «переводится» в состояние «нечто», не суще-

ствующее вне человека, так как последний сделал её объектом своей теоретической деятельности. В предмете труда проектировщика фиксируется движение мысли в понятиях, отражающих реальные манипуляции на всех последующих этапах становления продукта.

Процесс производства (добыча необходимого субстрата, его переработка, доведение до востребованных кондиций) завершается появлением реального изделия. [1]

Что связывает этапы проектирования и производства, делая их единым целым? Последовательно реализуемое в природном социальное начало – труд.

Каждый из простых элементов процесса труда теряет одни свойства и приобретает другие:

- человек взамен усилий интеллектуальных, психофизических, израсходованных в процессе труда, получает необходимые блага;

- средства труда, как искусственное «продолжение сущности человека», теряет часть исходных характеристик, но одновременно содействует получению человеком (обществом) благ;

- предмет труда, противодействуя человеку и средствам труда, приобретает параметры, которые в естественном состоянии им никогда не могли быть получены.

С методологических позиций предмет труда является уникальным элементом процесса труда как вечного, естественного существования цивилизации, ибо в нём и только в нём, запечатлеваются плюсы и минусы усилий человека и средств его деятельности.

Параметры предмета труда фиксируются в пространстве-времени и дают реальную картину изменений субстрата по мере движения к конечному продукту.

С одной стороны, в нём объективируется цель, с другой – нечто, ей не соответствующее, появляющееся «попутно с реализацией движущего мотива производства». Последняя доза социального вносит «искажения» в формирующийся продукт. Незапрограммированные свойства могут оказаться вредными, индифферентными или полезными по отношению к основному свойству (свойствам) продукта, делая его конкретной потребительной стоимостью.

Отношения между полезным свойством (свойствами) и вредным целесообразно считать мерой качества продукта. Если наблюдается обратное (вредные потребительские свойства действуют активно), качество продукта снижается, становится неустойчивым или исчезает вовсе.

Становление основного потребительного свойства с методологических позиций необходимо учитывать в сопряжении с сопутствующими. Поэтапный анализ предмета труда – процесса даёт возможность зафиксировать моменты, когда соотношение основного и сопутствующих свойств начинает меняться в нежелательную, с точки зрения цели, сторону, посредством точек запрета. [2]

Моделирование сложных объектов предполагает системность их конструирования, то есть воспроизведение нескольких вещественных цепочек, составляющих природную основу предмета труда → продукта труда.

Каждая технологическая цепочка состоит из двух модификаций. Одна (базовая) – результатом имеет появление запрограммированного продукта; другая – сопровождающая, фиксирует технологические отходы (представляет особый интерес в экологическом аспекте).

Основное качество моделирования состоит в возможности детальной конкретизации процесса производства, то есть иерархического его воспроизведения, начиная с «простой модели» до сложной, соответствующей архитектонике полного цикла продукта.

Такой продукт даёт возможность исследовать технологические модели в их статическом и динамическом, одномоментном и разномоментном состояниях, с учётом качественных и количественных, внутренних и внешних, горизонтальных и вертикальных, характеристик. [3]

Библиографический список

1. *Соснина Т.Н.* Предмет труда (философский анализ). Монография / Т.Н. Соснина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – 166 с.
2. *Соснина Т.Н.* Учёт технологических точек запрета и качества управленческих решений [Текст] / Т.Н. Соснина // Обозрение прикладной и промышленной математики: материалы II-го Всероссийского симпозиума по прикладной и промышленной математике. – 2001. – Т. 8. – С. 330.
3. *Соснина Т.Н.* Материальные и информационные потоки производства. Монография / Т.Н. Соснина. – Самара: изд. Самарского аэрокосм. ун-та, 1997. Том 1. – С. 243.

Ставропольский Юлий Владимирович

кандидат социологических наук, доцент,

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.

Н. Г. Чернышевского

Email: abcdoc@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РЕСУРСОВ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Сегодня в исторической науке цифровые публикации рассматриваются сквозь призму своих печатных предшественниц. Однако, с появлением новых онлайн-новых разновидностей, лишённых печатного эквивалента, само понятие о публикации стало более широким. Например, веб-сайты, базы данных, блоги, вики и т. п. подпадают под категорию публикаций.

Ключевые слова: цифровизация, книгопечатание.

Stavropolsky Julius Vladimirovich

PhD (Sociology), Associate Professor

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky

DIGITAL PUBLICATIONS IN THE ASPECT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND RESOURCES IN CULTURAL AND HISTORICAL RESEARCH

Abstract. Today in historical science, digital publications are viewed taking into account their printed predecessors. However, with the advent of new online varieties devoid of their printed equivalents, the very concept of publication has become broader. For example, websites, databases, blogs, wikis, etc. fall into a category of publications.

Keywords: digitalization, typography.

Обратимся к вопросу о том, что собой представляет цифровая публикация. Историкам искусства известно, о том, что представляет собой цифровое книгопечатание, в чём заключены его сложности, с чем сопряжены концептуальные проблемы. Будем говорить конкретно. Равноценна ли цифровая публикация печатной публикации?

Сегодня в исторической науке цифровые публикации рассматриваются сквозь призму своих печатных предшественниц. Однако, с появлением новых онлайн-новых разновидностей, лишённых печатного эквивалента, само понятие о публикации стало более широким. Например, веб-сайты, базы данных, блоги, вики и т. п. подпадают под категорию публикаций.

Многие историки искусства не считают данные форматы публикациями в том смысле, который они приписывают данному понятию. При этом большинство исследователей соглашались с тем, что границы стали более растяжимыми [1]. Основные англоязычные форматы библиографического цитирования, такие как Американская Ассоциация Современного Языка (MLA), Американская психологическая ассоциация (APA) и другие, молчаливо признали это расширение, разработав форматы цитирования для контента, обнаруживаемого на новых медийных платформах, в том числе на веб-сайтах, в блогах, твитах и вики. Это было сделано в ответ на возросшую потребность учёных ссылаться в своих работах на такие форматы.

Современные усилия в направлении цифровых публикаций в сфере истории искусства, при всей их инновационности, тем не менее, сохраняют ощущение публикации, укоренившееся в привычных нормах. Проще принять цифровую публикацию тогда, когда она может быть понята через традиционную метафорическую публикацию, и придумать пути включения данной разновидности научной деятельности

в сложившиеся оценочные системы. Оценивание цифровых ресурсов, таких как базы данных, либо онлайн-новых исследовательских проектов, выглядит менее чётким, ибо они исходят из данной метафоры.

Однако, при рассмотрении не с точки зрения формата публикации, но с точки зрения оценочных критериев, оригинальность, научность и затраты интеллектуальных усилий на реализацию цифровых ресурсов, либо исследовательских проектов, нередко равняются, либо превосходят усилия, затрачиваемые на печатную монографию. В данной связи, становится сложнее судить о том, почему одно признаётся более достойным науки, нежели другое.

Исследователи, занимающиеся сферой цифровой истории искусств, полагают, что цифровые исторические коллекции представляют собой валидную исследовательскую область внутри гуманитарных наук, придающую цифровой истории искусств достоверность, сопоставимую с привычной историей искусств [2]. Тем не менее, исследователи, занимающиеся цифровыми гуманитарными исследованиями, не медлят указать на то, что переход в направлении большей достоверности в традиционных гуманитарных исследованиях не завершился. Он продолжает совершаться.

Цифровые гуманитарии отмечают, что в сфере гуманитарных традиционных исследований, за счёт создания и использования зрелых и богатых цифровых исторических коллекций, исследователи создают новые научные формы. Традиционные гуманитарные исследования совместно с цифровыми гуманитарными исследованиями, раскрывают возможности, содержащиеся во взаимодействии технологий и нетехнологичных областей, для дальнейшего практического осуществления.

Библиографический список

1. *Ioannides M. et al.* Digital Heritage. Progress in Cultural Heritage: Documentation, Preservation, and Protection. – Basel: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – 777 p.
2. *Serra G., Tasso C.* Digital Libraries and Multimedia Archives. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – 27 p.

Столь Анатолий Борисович

кандидат философских наук, доцент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: anstol@mail.ru

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ И ЗНАНИЯ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В современной культуре проявляется проблема несоответствия бытия и знания субъекта. Знание не интегрируется в целостную структуру личности, сам субъект не обогащается знанием, не живет в нем, а лишь сохраняет и использует его.

Ключевые слова: рациональность, знание.

Stol Anatoly Borisovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ufa State Aviation Technical University

THE PROBLEM OF BEING AND KNOWLEDGE OF THE SUBJECT IN MODERN CULTURE

Abstract. We have the problem of the discrepancy between being and knowledge of the subject in modern culture. Knowledge does not integrate into the integral structure of the personality. The subject is not enriched with knowledge, does not live in it, but only preserves and uses it.

Keywords: rationality, knowledge.

Современная западная цивилизация в целом построена на принципе рационализма и ценности знания. Вместе с тем, приоритет знания в развитии культуры неожиданно может стать проблемой, когда возникает несоответствие или дисгармония между знанием и бытием субъекта. На данном этапе развития западного общества бытийная сторона человеческого существования оказывается неполной, ограниченной, проблемной. Можно сказать, что бытие человека в нашу эпоху отстает от его знания. Разрыв между знанием и бытием субъекта означает, что в человеке имеется несоответствие между интеллектом и жизнью, концепциями и его собственным состоянием личности. Иначе говоря, знания человека по отношению к его жизни начинают выступать в качестве чего-то внешнего. Человек накапливает знания, применяет их, но внутренне не меняется, качественного изменения его бытия не происходит. Бытийная, сущностная сторона человека остается неразвитой, имеет невысокое качество, и в этом проявляется неспособность личности объединить имеющееся знание со своим существованием. Подлинная мудрость, как глубокая внутренняя интеллигентность, стали редкостью в современном мире, поскольку эти качества требуют усилия, большой внутренней работы, и увязывания знания и бытия в одно целое, требует перехода человека со всеми его свойствами и качествами в новое, осознанное и контролируемое состояние.

Если знание является чем-то внешним для человека, то это означает, что оно существует не в качестве живого бытийного состояния, а в качестве объективированной интеллектуальной концепции. Такие концепции являются самой распространенной формой знания современного человека. Наше знание слишком часто оказывается лишь сухой интеллектуальной концепцией, рефлексивной схемой или моделью, и мы не можем жить в этом знании, не можем и не умеем ему соответствовать. Естественно, что любое знание мы переводим в рациональную общепонятную и общезначимую форму, но проблема заключается в том, что при этом мы сами просто утрачиваем источник знания, исчезает живая бытийная связь с этим знанием.

Э.Фромм в своей знаменитой книге ставил вопрос «иметь или быть?» [1] хорошо показал, что современный человек всегда выбирает обладание, в том числе это касается нашего вопроса. Современный человек имеет знания, но не живет в этом знании. Мы применяем наше знание в той или иной сфере деятельности, мы рефлекслируем над ним, мы, возможно, постоянно его углубляем, совершенствуем. Можно сказать, что такое знание может иметь как чисто умозрительную, так и практическую, прикладную форму. Но во всех названных случаях развитие этих форм знания порой происходит в отрыве от внутреннего бытийного состояния субъекта. Они остаются несогласованными между собой. Яркие примеры такого несоответствия имеются в любой социальной среде, это и современные деятели искусства, и представители научного сообщества, представители власти, бизнеса, даже большинство представителей многочисленных религиозных конфессий. В названных социальных группах несоответствие особенно заметно, потому что в этих группах люди выделяются своим социальным положением, связанным с их способностями, с их знанием. Довольно часто наблюдается разрыв между знанием ученого, мыслителя, религиозного деятеля и бытийным состоянием самих этих субъектов знания. Это не означает, что представители указанных особых сфер знания неискренни в своих устремлениях. Скорее, проблема в том, что современный человек на данном этапе развития цивилизации просто утрачивает способность объединять свою жизнь, свое бытийное состояние с имеющимся знанием, утрачивается сама способность быть целостной личностью. И, как следствие, в наше время крайне модными и популярными становятся различные психологические теории, которые чисто технически, без какого-либо духовного контекста, пытаются что-то подправить в человеке, избавить его от отдельных черт его натуры. Очень модным стало создавать новые учения на основе древних традиций, выбрасывая при этом сущность того или иного подхода к человеку, но применяя отдельные так называемые «техники», исправляющие или развивающие отдельные качества личности. То есть, как бы заранее предполагается, что человек есть механическое собрание разных свойств и качеств и можно так же механически его «подправлять» и совершенствовать.

В философской литературе факт разрыва между бытием и знанием субъекта уже неоднократно отмечался, исследовался в различных контекстах. Помимо работ уже упомянутого Э. Фромма, уместно обратиться к размышлениям на эту тему Н. Бердяева, М. Хайдеггера, М. Мамардашвили и многих других. Оригинально выглядит анализ этой ситуации у Г. Гурджиева в книге П. Успенского [2]. Идея Гурджиева заключается в том, что бытие человека дискретно, раздроблено на множество отдельных бытийных составляющих. Несмотря на приобретаемые знания, человек не становится цельным, его бытие остается случайным и механическим. С таким человеком, по выражению Гурджиева «все случается», а субъект по определению должен действовать иначе, источник его действий должен быть внутри, субъект не может действовать лишь по принципу отклика на внешние изменения. Данная ситуация является результатом несоответствия бытия человека и его знания.

Особенность такого положения человека в том, что он не распознает происходящих с ним метаморфоз, не узнает в них себя, не обнаруживает своего подлинного присутствия. А это означает, что какие бы события не происходили в жизни этого человека, каких бы социальных статусов или интеллектуальных, эмоциональных и прочих высот он не достигал, все это не дает истинного бытийного качества. Все происходящее остается чем-то внешним по отношению к подлинной личности, не развивает ее, не раскрывает ее бытийный потенциал.

Реальность, мышление, события у интегрированного или, иначе говоря, собранного субъекта имеют другое основание и другое качество. У такого рода субъекта бытие и знание неразрывны, между ними нет зазора, тем более пропасти. Такой субъект не производит и накапливает знания, а развивается, раскрывая знание по мере раскрытия своего бытийного потенциала. Собранный субъект в каждом аспекте

своей личности узнает свое бытие, сохраняет свое присутствие, что позволяет ему не распадаться, не выпадать из единства в бесконечную смену неконтролируемых эмпирических состояний. Такая целостность уже связана с подлинным состоянием знания, здесь уже происходит своего рода духовная алхимия, в которой все «мини-субъекты» переплавляются в единую личность, обладающую уже собственными подлинными качествами. Собранный субъект – это уже действительно осознанное и контролируемое состояние, в котором впервые открывается возможность истинной личностной целостности, ответственности, нравственности и мудрости.

Библиографический список

1. Фромм Э. Иметь или быть. М.: изд-во АСТ, 2016. 320 с.
2. Успенский П.Д. В поисках чудесного. СПб., 1992. 523 с.

Фортуатов Антон Николаевич

доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Email: anfort1@yandex.ru

**ЦИФРОВАЯ ТОЛПА И ЦИФРОВОЙ ГЕДОНИЗМ:
ПОСТБЫТИЙНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В работе современная электроника метафорически сравнивается с новым наркотиком, преподносимым как символ свободы, однако только порабащившим человечество. В современном обществе требуется лишь фиксация, заимствование чужих мыслей, а пути получения мыслей становятся неважными. Такое положение дел приводит к девальвации человеческой мысли, объективации субъективных взглядов. Данные явления приводят к появлению цифрового гедонизма и духовной пассивности. Новой опорой современного общества может стать труд, являющийся, помимо всего прочего, наградой и эстетическим полем деятельности для человеческого сознания.

Ключевые слова: цифровой гедонизм, антигуманизм, труд.

Fortunatov Anton Nikolaevich

Doctor of Philosophy, Professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University

**DIGITAL CROWD AND DIGITAL HEDONISM:
POST-BEING IN INFORMATION SOCIETY**

Abstract. In the work, modern electronics is metaphorically compared with a new drug presented as a symbol of freedom, but only enslaving humanity. In modern society, only fixing, borrowing other people's thoughts is required, and the ways of receiving thoughts become unimportant. This state of affairs leads to the devaluation of human thought, the objectification of subjective views. These phenomena results in the emergence of digital hedonism and spiritual passivity. A new pillar of modern society can be labor, which, among other things, is a reward and aesthetic field of activity of human consciousness.

Keywords: digital hedonism, anti-humanism, labor.

Эксперименты с изменением сознания, с воздействием на него ЛСД происходили в то же самое время, в которое осуществлялось становление информационных сетей, позже превратившихся в современный интернет. Протесты против повального увлечения электроникой в 1960-х годах, означавшего в сознании молодежи того времени новую степень контроля со стороны власти за личностью, удивительным образом сменились всеобщими восторгами в отношении компьютеров, быстро превратившихся в символ свободы, антитоталитаризма, революционного настроения. Метафора: новая электроника – это респектабельный наркотик (ЛСД) XX века – была инспирирована рядом целенаправленных пиар-акций, которые сменили негативную настроенность общественности в отношении ориентированных на военные цели вычислительных систем.

Мифологизация цифровой реальности в этом контексте стала вполне логичным продолжением социальной процедуры отделения человека от его бытийных условий, навязывания ему представлений о несуществующей жизни, символизации и метафоризации того, что может быть воспринято как проявление античеловечности.

Фиксация бытия с помощью мысли с тех пор постепенно вытеснялось на периферию сознательного поведения. Метаязык и метаэтика компьютерного освоения (исчисления) реальности состоит в том, что пользователь заведомо лишен возмож-

ности разобраться в алгоритмах, путях, ведущих от вопрошания к ответу, от исходной ситуации к результату. Конечная точка, выданная компьютером, есть точка абсолютной веры и – иллюзии. Бытие начало распадаться на отдельные интеракции, а мысли-«заготовки» послужили пластичным материалом для любых смысловых конфигураций.

Возникновение собственной мысли означает явление личности самой себе, в ее полноте и ценности. Как раз эта явленность эксплуатируется медиасистемами, поскольку многочисленные предложения и информационные стимулы, претендующие на эмоциональность и непосредственность, не предполагают усилия явленности, – личность словно оказывается сразу по ту сторону явления, не переходя границу между собой, как элементом мира, и собой, как само-данностью через мысль. Однако именно эта граница и есть, собственно, камень преткновения между бытием и небытием: ее преодоление есть акт борьбы с пространственно-временными ограничениями, превращения личности для себя самой в элемент мира, а мира – в элемент собственного сознания в контексте возникшей мысли.

Возникло пространство постбытийности, требующее от человека лишь мимолетных фиксаций своего состояния на фоне чужих откровений, заимствованных мыслей. Перепост анонимного текста сегодня становится актом самореализации. Все чаще эти тексты – плод искусственного интеллекта, робот-журналистики. Многозначность такого поступка символизирует сиюминутность, причудливость фиксации личности «здесь и сейчас», которая на мгновение остановилась в бесконечном интернет-серфинге.

В информационном обществе, в сетевой коммуникации у личности уже нет опоры на предзаданные состояния, на («врожденные») прото-мысли, которые сформированы средой, ожиданиями, практикой рефлексии. Хаотичность смены информационных «предложений» (раздражителей) абсолютна – на нее повлиять нельзя, разве что только перейдя в состояние офлайн, что равносильно социальной смерти. Стало быть, отсутствие внешней опоры диктует новое качество восприятия – легкого, необязательного, сиюминутно-хрупкого, не ориентированного на внутренний склад индивида.

Биг дата («большие данные») не только и не столько анализируют эмоциональный и когнитивный облик индивида, сколько предсказывают его будущие решения, а порой и принимают их за него. Человеку остается лишь «наслаждаться» хаотическими проблесками мысли, вернее, иллюзией мышления. Мысль девальвировалась до уровня иллюстрации технологии, и только в механическом множестве самопроявлений начинает проглядывать логика, заведомо недоступная человеческому разумению (ее, как откровение, демонстрируют социуму компилляторы).

Вместо технологий интерпретации первое место в социальных процессах начинают занимать технологии обобщения. Конфигуративность смыслов есть следствие перехода мысли в регистр множественного, но не коллективного мышления. Антиколлективность мысли в эпоху больших данных сопрягается со множественностью ее индивидуальных проявлений в разрозненных массах.

Таким образом, объективируется частное наблюдение и привнесение ассоциативно-эстетического компонента в якобы объективный контент. Возникает паразитическое сочетание сугубого субъективизма в понимании обобщенных данных и параллельного ему заволаговывающего, таинственного орнамента эмоциональных акцентов, составляющих повседневность социальной коммуникации.

Мысль концентрирует в себе два порой противоположных процесса – отражение и преобразование: восприятие окружающего мира, опыта, информации и одновременное преобразование всего воспринимаемого в акте мысли. Возможно, именно от этого, возникает сладостное упоение самим процессом мышления. Однако для него требуется время – человекоразмерное время, которое бы соответствовало психоритму индивидуального, личностного восприятия и воздействия. В современном информационном потоке ускорение информационных процессов есть не просто «невинное»

следствие увеличения емкости и проводимости линий связи и совершенства вычислительных инструментов. Это прежде всего акт антигуманного отчуждения мысли. Мысль, ориентированная на Я-и-на-окружение, тонет в мгновенных вспышках сообщений, которые, мерцая, сменяют друг друга, не позволяя наступить рефлексии по поводу них. Это очень похоже на «гипноз наоборот» в случае с восприятием телевизионного контента (в случае с ТВ глазные импульсы-саккады периодически попадают в «черное поле», в пространство между экранными кадрами, тем самым не доставляя информацию мозгу, в результате чего психологи фиксируют угасание когнитивной активности у зрителя, а в интернет-новостях – та же печальная картина, только с прямо противоположной технологической подоплекой: чрезмерное мельтешение информации отключает готовность прикладывать усилия для ее освоения).

Возникает новый вид антигуманизма – цифровой гедонизм. Отсутствие у личности возможностей проявить хоть какое-то усилие, чтобы реализовать свое право на понимание, оборачивается нравственной, душевной пассивностью, а стало быть, недоверием и закрытостью по отношению к Другому. Возникает антиколлективизм – скопище цифровых, безликих – безмысленных – социальных единиц, – вульгарутизм (от лат. *vulgus* [profañum] – [непосвященная] толпа). Социальная общность начинает возникать только тогда, когда становятся очевидными условия для выхода за границы этического прессинга со стороны технологий. В этом смысле WikiLeaks и Telegram похожи друг на друга не просто как контр-государственные сервисы, но как очаги смыслового неконформизма.

Презрение к человеку, питающее эту парадигму цифрового гедонизма, покоится на высокомерной уверенности идеологов-технократов, что праздность и отсутствие усилий есть тайная или явная цель любого человека. И именно в этой связи вычислительные системы берут на себя функции управления «умными вещами», интернетом вещей, оставляя людей в состоянии глуповатых школяров, неспособных к настоящему научению. Биг дата в полном соответствии с неклассическими принципами эпистемологии вновь и вновь подтверждают эту нехитрую этическую предпосылку.

Однако проблема состоит в том, что труд, в отличие от понимания его апологетами информационного общества, не исчерпывается лишь одними монотонными усилиями и бесконечной, стадной усталостью работа-человека. Он является еще и наградой, и феноменальным эстетическим полем, в котором разворачивается поистине нравственная картина становления человеческого Я. Именно труд, как самоцель, может стать новой этической опорой для приведения сознания «в порядок» после многочисленных экспериментов над ним со стороны политических и военных манипуляторов. Параллели с протестантской этикой очевидны. Только «спасение» теперь обретает более конкретные, бытийные формы.

Надежда на это есть. Человеческое сознание уже многократно пробовало на себе самые совершенные, самые бездушные эксперименты, призванные, казалось бы, навсегда загнать личность в прокрустово ложе идеологий (и технологий). XX век изобилует такими сюжетами: от изощренных приемов нацистской пропаганды до клонирования миллиардов людей с помощью телевидения. Однако эпоха техно-тоталитаризма в любых своих проявлениях вновь и вновь показывала свою недолговечность, вызывая недоуменное вопрошание потомков: как такое было возможно? Сознание вновь и вновь демонстрирует свою непросчитываемость и непредсказуемость.

Хидиятов Надир Бариевич

кандидат философских наук, доцент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: hidiyatov63@mail.ru

НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ В. И. ВЕРНАДСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ И ЕЕ ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Аннотация. В статье утверждается, что философская составляющая учения о ноосфере В. И. Вернадского не соответствует содержанию данного научного открытия колоссальной важности, имеющего значение для осмысления современных общественных и природных процессов.

Ключевые слова: ноосфера, становление, наука.

Khidiyatov Nadir Barievich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ufa State Aviation Technical University

V. I. VERNADSKY'S SCIENTIFIC THEORY IN THE CONTEXT OF MODERNITY AND ITS PHILOSOPHICAL COMPONENT

Abstract. The article claims that the philosophical component of V. I. Vernadsky's doctrine of the noosphere does not correspond to the content of this scientific discovery of colossal importance, which is important for understanding modern social and natural processes.

Keywords: noosphere, formation, science.

Научные предвидения оказываются порой парадоксальными с точки зрения своих оснований, которые их породили. Взгляд на историю с точки зрения зарождения, динамики и единства биогеохимических процессов на планете – взгляд «натуралиста» – позволил В.И. Вернадскому свести воедино крупнейшие социальные явления XX столетия и с твердой убежденностью уже в самом начале Великой Отечественной войны предсказать ее исход. Первая и вторая мировые войны, революция в России, революция в науке, кардинальные процессы в развитии производительных сил человечества, наконец, подход к обоснованию сущности техники с позиции геохимических же процессов, – все это Вернадским осмысливается в контексте приводных процессов становления ноосферы. Субъектом процесса является природный планетный процесс становления и активного развития «живого вещества» как решающего элемента биосферы. Процесс этот – геологический, где историческое время – момент сугубо подчиненный, хотя и выходящий сегодня на передний план через человека и его научную деятельность как проявление геологической же силы. Для философского осмысления проблемы отношения мышления и бытия, материи и сознания такое видение места и роли человека и сознания, можно сказать, является откровенно скандальным и принципиально сниженным. «Человек должен понять... что он не есть случайное, независимое от окружающего всем прошлым биосферы) свободно действующее природное явление, – убежденно отмечает Вернадский. – Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет». [1, с.21]. И далее: ««Взрыв» научной мысли в XX столетии подготовленного всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в ее строении... Процессы, подготовлявшиеся многие миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера, неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно, в ноосферу, т.е. что в истории народов, ее населяющих, произойдут события, нужные

для этого, а не этому процессу противоречание». [1, с. 40. – Курсивом везде выделено автором; полужирным шрифтом выделено мною – Н.Х.].

В итоге такой вывод: «Цивилизация «культурного человечества» – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, – не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее, геологически сложившейся организованности биосферы. ...страхи о возможности крушения цивилизации (в росте и в устойчивости ноосферы) лишены основания» [1, с. 40, 44].

То, что происходит сегодня в сфере коммуникаций, Вернадским предвиделось практически с буквальной точностью: «никогда не было в истории человечества сейчас наблюдаемой его вселенскости – с одной стороны, полного захвата биосферы для жизни, и, с другой стороны, отсутствия оторванности отдельных поселений благодаря быстроте сношений и передвижений. Сношения могут происходить мгновенно... Скоро можно будет сделать видными для всех события, происходящие за тысячи километров. Передвижения и переносы вещей могут быть теоретически ускорены в любой степени и темп их быстро растёт, как никогда раньше» [1, с. 44].

При этом для Вернадского очевидно противоречие между небывалым, но закономерным прогрессом научной мысли и философской и религиозной формами, в которых до сих пор научная мысль себя так или иначе осознавала, но которые должны быть преодолены. «Говорят о «кризисе науки» нашего времени. В действительности кризис идет в философии и религии **под влиянием взрывчатого подъема научного творчества**. ... Зерно выросло – в скорлупе, конечно, нужной и важной, (тесно) – кризис». [2, с. 578].

В философии и научной мысли К. Маркса Вернадский видит также противоречие между философской (некорректной, в конечном счете, ложной) формой и примененным научным методом. «Маркс был крупнейшим ученым, который в «Капитале» получил свои результаты точным научным путем, но изложил их на языке гегельянской философии, ... которая уже при их жизни не отвечала в основном научной методике и научным исканиям... Форма изложения у Маркса вводит читателя в заблуждение, будто оно получено им философским путем. В действительности, оно только так изложено, а в действительности добыто точным научным методом историка и экономиста-мыслителя, каким был в своей научной работе Маркс» [1, с.247]. «Методы научной работы в области экспериментальных наук и описательного естествознания и методы философской работы, хотя бы в области диалектического мышления, резко различны» [1, с. 249–250].

Учение о биосфере и ноосфере – научное открытие поистине колоссальное, сопоставимое, по Вернадскому, с учением Ч.Дарвина. Здесь выявляется другая сторона эволюционного процесса [См.: 2, с. 563]. Но само объективное явление, открытое и исследованное ученым, требует иного объяснения и развития в философской ее части, от чего научная часть только выиграет. Нельзя согласиться с тем жестким детерминизмом, с которым Вернадский судит о социальных процессах. То же предвидение, например, исхода 2-й мировой войны, никак не может быть понято как результат объективного научного прогноза. Сознание и человечество как субъект сознания превращаются у Вернадского в функциональное, пусть и высшее, проявление всего лишь геохимического процесса. Субъектность, активность сознания и человечества замещены субъектностью «живого вещества». Сведение мышления к функциональной роли геохимического процесса, пусть и планетарного масштаба – это явный редуccionизм и уход от сущности как раз научного понимания места и роли сознания как онтологического феномена. И причина такого сужения научного понимания сознания у Вернадского – в позитивистской трактовке взаимодействия философского и научного уровней мышления.

При этом материальное единство мира, укорененность жизни (в том числе разумной жизни) в структуре и содержании материальной действительности, истин-

ность познания мира сознанием, – эти философские тезисы, преломляясь соответственно содержанию учения о биосфере и ноосфере, получают свое законное подтверждение.

В XX столетии в работах Э.В. Ильенкова процесс развития научной мысли как воплощения конкретного, как «единства многообразного» поставлен и решен в принципиально иной форме, нежели это имело место в советском догматическом и абстрактном марксизме, с которым имел дело Вернадский. В методе восхождения от абстрактного к конкретному теоретическое мышление оказывается способным воссоздать движение простого, физически наличного явления. Оно раскрывает себя в единой и сложной системе разворачивающихся в пространстве и времени отношений и взаимодействий. Сложная динамичная объективная реальность как конкретное единое целое может быть воссоздана теоретическим мышлением именно таким образом. К.Маркс осуществил это относительно капиталистической системы общественного производства. Единый процесс становления и развития жизни на Земле может и должен быть исследован таким же образом.

Библиографический список

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271с.
2. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. – М.: Советская Россия, 1989. – 704с.

Циплакова Юлия Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Email: j.ceplakova@gmail.com

A. НЕСС И Ф. ГВАТТАРИ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Основная идея статьи раскрывает переход от утвердившегося в философии эпохи Нового времени антропоцентризма к иному пониманию природы человека. В экологической философии информационного общества конца XX в. произошёл ряд важных изменений, оказавших влияние на антропологию, этику и культуру, что нашло отражение в концепциях А. Несса и Ф. Гваттари.

Ключевые слова: преодоление антропоцентризма, экология.

Tsiplakova Yulia Vladimirovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

A. NESS AND F. GUATTARI: TWO VIEWS ON THE PROBLEM OF HUMAN BEING IN ECOLOGICAL PHILOSOPHY

Abstract. The main idea of the article reveals the transition from the established anthropocentrism in the philosophy of the modern age to a different understanding of human nature. In ecological philosophy of the information society in the late XX century, a number of important changes took place that influenced anthropology, ethics and culture (A. Ness and F. Guattari's conceptions).

Keywords: overcoming anthropocentrism, ecology.

В последней трети XX века происходит то, что представители некоторых философских направлений называют преодолением антропоцентризма в философии. Антропоцентризм, возникнув в мысли и искусстве эпохи Возрождения в рамках картины мира гуманизма, наибольшего развития достигает в новое время. Кризис позднего Возрождения, когда на смену оптимистическому взгляду на личность и творчество приходят разочарование и осознание слабости человека перед превратностями судьбы и социальных противоречий отрицательно сказался на гуманистических идеалах в целом, но антропоцентризм, в целом, сохранился, и остался востребован веком науки и Просвещения.

Кризис гуманизма Возрождения с сохранившимся антропоцентризмом впервые в новейшей истории сделал понятной проблематику экологии. Вся природа находится в подчинении человека, используется для удовлетворения его потребностей. Таким образом, формируется иерархическая картина мира, в которой природа занимает самое нижнее место, далее следуют творения человека, а на вершине иерархии находится сам человек. Человек выступает субъектом, а природа – объектом. Этические нормы распространяются только на межчеловеческое взаимодействие, природа из них исключается.

В середине XIX века герой Тургенева, Евгений Базаров скажет знаменитую фразу – «Природа не храм, а мастерская, а человек в ней работник». Здесь характерно все: и постановка человека на высший пьедестал, и то, что эту фразу сказал естествоиспытатель и нигилист, трагически погибающий в конце романа. Но о том, что нужно познавать, разрабатывать, видоизменять природу на благо человека, писал еще Ф. Бэкон. Эта смысловая общность заставляет выдвинуть гипотезу о том, что эмпиризм XVII века помимо прочего стал фундаментом для нигилизма, именно через раскрытие темы власти над природой эта преемственность реализовалась.

Тем не менее, новоевропейский антропоцентризм осознает свои границы, чувствует рамку. Он не исключает существование в рамках человеческой деятельности проблем экологии, практик, направленных на бережливое отношение к природе, поскольку природу необходимо сохранить для будущих поколений.

В информационном обществе второй половины XX – начала XXI вв. преодоление антропоцентризма, формирование нового понимания взаимосвязи человека с природой осуществляется на новом этапе в экологической философии или экософии.

Норвежский философ Арне Несс формулирует идею «глубинной экологии», в которой раскрывается новый образ человека. Этот образ раскрывается в следующих принципах:

1) Принцип взаимосвязи человека со всем живым. Организмы понимаются как звенья в единой биосферной среде. Данный принцип демонстрирует ценность жизни в целом, а не только человеческой жизни. Человек уже не провозглашается царем природы.

2) Принцип биосферного эгалитаризма, то есть равенства всех форм жизни. «Эколог же обладает укоренившимся уважением, или даже почитанием [всех] форм жизни. Он достигает понимания изнутри; того понимания, которое другие приберегают для собратьев и лишь некоторых форм жизни. Для эколога равное право на жизнь интуитивно является очевидной ценностной аксиомой» [3, с. 199].

3) Принцип разнообразия. «Разнообразие увеличивает потенциальные возможности выживания, возможности новых образов жизни, богатства форм. А так называемая «борьба за жизнь» и «естественный отбор» должны быть интерпретированы в значении способности сосуществовать и сотрудничать в сложных отношениях, а не способности убивать, эксплуатировать и подавлять. Экологический принцип «живи и дай жить другим» гораздо более сильный чем «или ты, или я» [3, с. 200].

4) Принцип сложности, а не усложнения. Это принцип существования сложных систем, которых гармонично сочетаются разнообразные элементы. Этот принцип противостоит фрагментации, дроблению деятельности существования человека, а подчеркивает его взаимосвязь со всем живым. «Он способствует созданию техники, не приносящей вреда окружающей среде, и «гибкости перспективных исследований (sofffuture-research)», вносящих большую ясность в уровень наших возможностей» [3, с. 201].

Еще одним важным мыслителем, стремившимся создать новый образ человека, во много преодолевающий антропоцентризм, был Феликс Гваттари. Он полагал, что человеку после двух мировых войн присуща фундаментальная детерриторизация, он нигде не закреплен, свободен от традиции, корней, авторитетов, становится транскультурным, транснациональным. «Экзистенциальные территории – тело, прирученная природа, семья или религия, – не стоят более на незыблемой почве, но цепляются за мир неустойчивых представлений, находящихся в постоянном движении» [2].

Экология и ее область, в связи с этим, по мнению Ф. Гваттари, существенно расширяется. Наряду с экологией окружающей среды возникает экология социальных отношений и экология человеческой субъективности. Философ подчеркивает, что развитие этих трех экологий в условиях детерриторизации возможно только на принципах отказа от возврата к архаичным религиозным нормам и бинарным оппозициям. Понятия «третий мир – развитые страны», «рабочий класс – буржуазия», «богатые – бедные», «мужчина – женщина», «запад – восток», «север – юг» и т.д. перестают что-либо объяснять. Значимым становится совсем иной ценностный конфликт.

Этот конфликт между тем, что с одной стороны человечество хочет изменить плохую экологию, но с другой стороны не может это изменение организовать. Государство чувствует этот двойной стандарт и в большинстве случаев признает свое бессилие. Поэтому экологическая проблематика переходит в область глобализма, когда, невзирая на принадлежность к той или иной группе отдельные («сингулярные») субъекты будут стремиться разрушить этот двойной стандарт, действуя поперек государственных структур.

«Общественная экософия будет состоять в развитии конкретных практик, нацеленных на модификацию или переизобретение способов сосуществования в паре, в семье, в городском контексте, в работе и т. п. <...> Придётся, однако, в прямом смысле слова реконструировать совокупность способов бытия-в-группе. И это подразумевает не только «коммуникационные» интервенции, но и экзистенциальные мутации, вызываемые силой субъективности» [1], – пишет Гваттари. Таким образом, он ставит вопрос о пути «культуры, созидания, переизобретения окружающей среды, обогащения модусов жизни и чувствительности» вопреки упадку, безволию и равнодушию, в котором оказались современные ему государства.

В постулировании трех экологий Гваттари появляется неожиданный парадокс: чтобы спасти человечество от экологической катастрофы, надо отказаться от антропоцентризма и начать осторожные эксперименты в сфере социальности, окружающей среды, и, в особенности индивидуальных отношений на микроуровне. Осмыслением и преодолением этого парадокса и занимается актуальная философия.

Библиографический список

1. *Гваттари Ф.* Три экологии. Ч.1. URL: <https://syg.ma/@lesia-prokopenko/fieliks-gvattari-tri-ekologhii-chast-1> (дата доступа 10.10.2019)
2. *Дьяков А.В.* Феликс Гваттари: шизоанализ и производство субъективности. Курск: КГУ, 2006. – 246 с.
3. *Несс А.* Поверхностные и глубинные, долгосрочные Экологические движения // История науки. Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2012. Т. 21, № 2.

Яковлева Лилиана Сергеевна

аспирант

Сибирский федеральный университет

Email: l.yakovleva128@gmail.com

ФЕНОМЕН СЕЛФИ КАК ФОРМА ТРАНСФОРМАЦИИ НАРЦИССИЗМА ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В работе рассматривается и анализируется феномен селфи как форма проявления трансформации нарциссизма личности. Утверждается, что развитие нарциссизма личности только набирает обороты, так как формы коммуникации в Интернете стремительно совершенствуются, а человек находит новые способы самопрезентации.

Ключевые слова: селфи, нарциссизм, самовлююлённость.

Yakovleva Liliana Sergeevna

Postgraduate Student

Siberian Federal University

THE PHENOMENON OF SELFIE AS A FORM OF TRANSFORMATION OF PERSONALITY NARCISSISM IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The paper considers and analyzes the phenomenon of selfie as a form of manifestation of transformation of personality narcissism. It is argued that the development of personality narcissism is only gaining momentum, as forms of communication on the Internet are rapidly improving, and people find new ways of self-presentation.

Keywords: selfie, narcissism, self-domination.

Селфи-фотографии стали крайне популярными в довольно короткий промежуток времени. Селфи (selfie) – новое слово, которое трактуется словарем Мэрриам-Вебстер как «фотография самого себя, сделанная с помощью цифровой камеры в основном для распространения в социальных сетях» [1]. Таким образом, возникновение селфи обусловлено возникновением фронтальных цифровых камер и социальных сетей, таких как Твиттер, Фейсбук, Инстаграм, Вконтакте и др. Самое первое селфи в мире – фото американца Роберта Корнелиуса, появилось оно в 1839 году. Роберт сфотографировал себя с помощью дагерротипа (прототипа первого фотоаппарата) [2]. Идея получила известность, но не имела популярности. Только с возникновением и развитием социальных сетей (2005–2011 гг.) – виртуального пространства для коммуникации селфи обретает мгновенную популярность. В России термин «селфи» чаще всего используют в контексте «самощелк» или «фотографический автопортрет». Особенностью данного автопортрета является то, что чаще всего он выполняется с расстояния вытянутой руки или через зеркало, и является способом самопрезентации себя в виртуальном пространстве, на таких площадках как facebook, vk и instagram.

Названия ряда иностранных изданий, все чаще обращаются к феномену селфи, обрисовывая его как яркую форму проявления нарциссизма, а также одиночества человека («у автора нет друга, который мог бы сделать его портрет»). Так J. Wortham отмечает, что selfie – это борьба человека за то, что бы предьявить себя окружающему миру, при этом, важно именно отразить себя «здесь и сейчас», донести до зрителя определенный момент своей жизни и свое отношение к нему, поскольку «фотография зачастую лучше любого текста» [3]. Феномен селфи стал предметом междисциплинарного изучения философии, антропологии, социологии, психологии и психиатрии.

В данном исследовании мы рассматриваем понятие «нарциссизм» как «проявление человеком патологической любви к самому себе» [4]. Нарциссическая личность – это личность, которая полностью поглощена собой. Человечество всегда было одержимо собой, а благодаря популярности селфи мы это увидели и осознали. Пытаемся ли мы через селфи определить собственную идентичность? Стали ли мы нарциссами? Есть ли разница между тем, как мы выглядим в Интернете и в реальности? Вызывает ли у нас сожаление публикация наших фото в социальных сетях и всегда ли нам приятно, когда нас отмечают на фотографиях? Пытаемся ли мы найти ответ на вопрос «Кто Я?» и задаем ли этот вопрос себе? Получить ответы на эти вопросы можно при философско-социальном исследовании.

Проблема исследования нарциссизма личности носит междисциплинарный характер, ей занимаются философы, социологи, психологи, политологи, педагоги. Ведущий психоаналитик современности Отто Кернберг считает, что «в норме нарциссизм – это состояние благополучия и удовлетворения от жизни, естественная функция личности, **жизнь** в целостности с самим собой, умение гордиться собой и выражать свои лучшие качества. При нормальном нарциссизме наше «я» окружено репрезентациями людей, которые нас любят, и мы получаем удовольствие от любовных отношений со значимым другим, радость от реализации в профессии, дружбе, семейных отношениях. При нарциссическом расстройстве репрезентации значимых других отсутствуют. Есть только грандиозное, но тотально одинокое «я» [5]».

В современном мире обращение к вопросу нарциссизма весьма актуально, так как нарциссизм в контексте прочтения, как любви к себе, но не в патологической форме, присущ всем людям без исключения. Вопрос заключается в том, с какой интенсивностью любовь к себе проявляется.

Селфи давно уже стал не просто развлечением, а отражением жизненных устремлений общества, маркером социальной заметности, формой проявления нарциссизма личности. Мы видим, что и с точки зрения английского языка слово «селфи» несет на себе оттенок самовлюбленности, так как оно очень похоже на «selfish» (пер. «эгоистичный»). Однако, автор не утверждает преобладания селфи в виртуальной самопрезентации, а только описывает вероятную ситуацию, которая может возникнуть, если селфи будет преобладать. Многие медиAPERсоны и лидеры мнений выставляют на всеобщее обозрение свои нарциссические склонности, и людям не терпится подражать их исключительности.

Исходя из этого, можно говорить, что наше исследование ставит вопрос не о свершившемся событии, а об альтернативе тому, к чему приведет нынешнее увлечение селфи. Селфи – феномен фотографического автопортрета, конструкт виртуальной самопрезентации личности, требующий дальнейшего углубленного исследования.

Библиографический список

1. *Merriam-Webster*. Selfie. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/selfie>
2. *Tompson, K.* Smarter Than You Think: How Technology Is Changing Our Minds for the Better / Penguin Press, 2013. – 352 p.
3. *Wortham J.* My Selfie, Myself // NY Times, 2013. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2013/10/20/sunday-review/my-selfie-myself.html?pagewanted=all&_r=0
4. *Nathan Schwartz-Salant.* Narcissism and Character Transformation: The Psychology of Narcissistic Character Disorders. / Inner City Books, 1982. – 190 p.
5. *Кернберг Отто Ф.* «Отношения любви: Норма и патология» / М.: Класс, 2018. – 340 с.

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Лосев Константин Викторович

доктор экономических наук, профессор

Email: k.losev@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Михайлов Вадим Викторович

доктор исторических наук, доцент

Email: batukom@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Яковлев Алексей Викторович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф.

М. А. Бонч-Бруевича

Email: alexxyyak@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИН-ФОРМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАКСИМ: ОПРАВДАНИЕ ИМПЕРИИ

Аннотация. В докладе предлагается оригинальная концепция изучения истории имперской идеологии и связанных с ней властных систем, основанных на использовании имперской территории. Показаны противоречия имперской идеологии современного либерализма и особенности отечественной модели «оправдания империи».

Ключевые слова: империя, власть.

Losev Konstantin Viktorovich

Doctor of Economics, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentations

Mikhailov Vadim Viktorovich

Doctor of History, Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentations

Yakovlev Alexey Viktorovich

PhD (History), Associate Professor

The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

SPATIAL IN-FORMS OF IDEOLOGICAL MAXIMS: JUSTIFICATION OF THE EMPIRE

Abstract. The paper proposes an original concept of studying the history of imperial ideology and related power systems based on the use of imperial territory. The contradictions of the imperial ideology of modern liberalism and the features of the domestic model of "empire justification" are shown.

Keywords: empire, power.

Экономическая теория капитализма как социальная теодицея (или, точнее, «империодицея», поскольку в понятие империи входит как материя социального пространства, так и «божественная» форма власти, эту материя определяющая) может работать только в разорванном имперском пространстве, предполагающем деление на «метрополию» и «колонии» или «доминионы». Как пишет П. Ослингтон, Адам Смит, полагавший, что его идеи имеют провиденциальное, а не объясняющее измерение [3, с. 193, 200], деликатно обходит вопрос о судьбе английского рабочего, которому именно провиденциально нет места в смитовской экономической империи, основанной на «теории богатств».

Классическая политэкономия, созданная на фоне и ради торжества английского империализма, может обходиться без вертикали власти именно поскольку имеется теоретически неакцентируемая пространственная разорванность, когда власть в колонии, с одной стороны, как бы обладает самостоятельностью, а, с другой стороны, общая линия власти (сугубо несубстанциональным, метафорическим образом) видится не вертикалью, каковой она все равно является сущностью, но пунктирно ниспадающей горизонталью. В разрывах безвластия возникает то, что западный человек называет либеральными ценностями, не ведущими к добру, но и не определяющими наказание за зло, неопределенными ни законодательно, ни морально внутри властного разрыва, но предполагающими личную ответственность за любую ошибку, которая тотчас же проявляется, как только гражданин снова вступает в пространство власти, права и легитимности, из которого он, впрочем, выходил сугубо «теоретически».

С одной стороны это означает возможность совершенно безудержной и аморальной (по аналогии с властью, можно сказать, абсолютной) колониальной эксплуатации, и ради нее – силового вторжения на любую чужую территорию вне (или в разрывах) собственной империи. Но, с другой стороны, социальные техники, регулирующие общественную позицию по отношению к «одноногой черной женщине-карлику», этому кошмару толерантного и политикорректного либерального сознания¹, возможны только при отсутствии вертикали власти, берущей на себя ответственность за этическую сторону гражданственности. Релятивизм как преступления, так и наказания, явленный либеральным сознанием, погружает личность в экзистенциальную тревогу, «болезнь к смерти», в «бытие и ничто». Либеральное сознание снова хватается за соломинку «экзистенциальной свободы», но в свободном падении нет ни верха, ни низа.

Чем выше взлетаешь, тем ниже падаешь... Властная вертикаль предполагает неопосредованную социо-пространственную и гео-пространственную реализацию народной мудрости. Пути из грязи в князи и наоборот не мешают ни сословные, ни имущественные, ни даже политические достижения личности.

При кажущейся беспринципности, волонтаризме, имперская властная вертикаль не является ни субъективной, ни диктаторской. Ее принципом является самый неуловимый мыслительный конструкт, а именно, понятие «меры». Реальный, т.е. образовательный и идеологический «аристотелизм» («кто преступает меру и безкусен, преступает ее... издерживаясь против должного» [1, с. 129]), ответственный за реализацию имперского проекта Александра Великого, показывает не только перспективы теоретической дихотомии «мера-безмерность», но и, в кантовском смысле практическую утвердительность, по сравнению с теоретическим скепсисом, меры как империльного принципа. Как показал Гегель [2, с. 463], мера (высшая сверхкачественная определительность) не меняет своего существа при переходе от одного качества к другому. Поэтому не стоит удивляться, что более качественная сущность

¹ Идеологема «самый защищенный в США субъект – одноногая черная лесбиянка», возникла в период борьбы республиканской партии против демократов в 2000 г. (Буш-младший против Клинтона). Республиканцы выиграли, однако, именно в их правление к визуальным идеологемам толерантного сознания присоединился не менее чудовищный политикорректный концепт «толстые» или «жирные» - «Fat». Парадоксы американских идеологических споров, которые можно назвать сюрпризами массового сознания, особенно ярко можно показать, если вспомнить, что сам термин «одноногая черная лесбиянка» возник после споров о том, должны ли владельцы кафетериев резать напополам порционные маффины из шоколадного бисквита, когда черные лесбиянки просили делать это (мода возникла в Мэриленде и прокатилась по всей стране). Один из владельцев сети общепита, отстаивая свои экономические права, сказал, что посетительницы должны брать по кексу каждая. Но он разрезал бы маффин без споров, если обе черные лесбиянки были бы сами «уполовиненными», скажем, одноногими. Спустя год противостояние перешло из области бытовой экономики в область высшей американской политики. В ходе присуждения Нобелевской премии по литературе С. Алексиевич за «памятник страданию и мужеству», кто-то из отечественных острословов пустил тему, что «одноногая черная лесбиянка» должна стать следующим нобелевским лауреатом.

обладает соответственно (то есть существенно) большей мерой. Но это же относится и к количеству, поскольку в мере снимается, в терминологии гегелевской диалектики, противоречие качества и количества.

Абсолютная по своему качеству власть должна обладать абсолютной мерой. Таким же образом, количественность, не переходя, вопреки утверждению марксистов, в новое качество, органически входит в меру, определяя рамки качественной абсолютности власти. Не случайно, Гегель называет меру необходимостью и судьбой, Немезидой и «народы поэтому почитали в мере нечто неприкосновенное и святое» [2, с. 421].

Власть как таковая, распределяясь между, или, скорее, над населением и территориями, определяется характеристиками как одного, так и другого, оставаясь для них мерой. М. Фуко писал: «...технология власти имеет дело не с обществом в точном смысле слова (или, во всяком случае, не с обществом в понимании юристов); и не с индивидом-телом. Оно ориентируется на новое тело: тело сложное, тело со множеством голов... Оно выражается понятием «население»... важна задача установления регулирующих механизмов, которые в проблематичной области глобального населения смогут установить равновесие, поддержать его, установить род гомеостаза» [4, с. 259]. Мера, будучи качественно-количественным единством, целокупностью, сводит население к единству личности, а территорию – к качественной вертикали уровня жизни, и получает как этические, так и экономические определенности, которые единственно могут стать проводниками власти.

Рай, Чистилище, Ад – Столица, Провинция, Каторга – близость поднебесной и подвластной территориальности не метафорична; теология, по сути, всегда реализуется в осуществлении власти. Также и религиозный Первородный грех напрямую связан с нарушением запрета, который казалось бы не имеет этической размерности. Лишь имя Центрального Древа, необъяснимо заключающего в себе познание Добра и Зла каким-то неделикатно догматическим образом включает этику в теологическую схему. Властный принцип, определяя наказание за нарушение закона, определяющего взаимоотношения личностей, более этически определен и эпистемологически познаваем.

Внутренний этический стержень (патриотизм, «катоновская» твердость, верность долгу (не в кантовском, но в созерцательном смысле)), а также «территориально-экзистенциальная» вертикаль (столица, провинция, «Сибирь») – вот те мерные принципы, которыми российская власть меряет свое подвластное.

Таким образом, иной, нежели экономически-либеральная, «империодичей» является собственно политическая, предполагающая властную этическую и территориальную ответственность, но лишенную количественных экономических «вознаграждений» за труд, регулируемый «мерно», зато нарушение меры погружает любого в испытание «Сибирью».

Борьба с коррупцией как социальным злом лежит не в юридическом пространстве, но в пространстве этико-социальной и, на уровне власти, политической территориальности. Русское «от тюрьмы не зарекайся» предполагает не только моральную равнозначимость, но и территориальную «взаимозаменяемость» «Острога» и «Дворца»: Ледяной дворец, в котором едва не замерзли «царственные» карлики-молодожены, находится в поле этой же гомологии.

Существуют ли «герои» имперской властной вертикали, как существуют «герои» либерального империализма? Авраам Линкольн или Мартин Лютер Кинг – все жертвы-фетиши либералистской идеологии – несомненно, несут на себе «печать» разорванности либерального сознания. Они «внетерриториальны», как и декларируемая ими идеология свободы. Так, Линкольн, спровоцировавший кровавую Гражданскую войну, не принадлежит ни Северу, ни Югу, но вновьобразующейся, но пока еще не образованной Америке. Мартин Лютер Кинг еще более «экс-территориален», поскольку его идеологема «I have a Dream» («мне снился сон» или «у меня была мечта»), даже не утопична (а-территориальна), а попросту есть неточное выражение внутреннего состояния индивидуальной психики.

Герои властной вертикали привязаны к земле и почве. Так, Иван Сусанин – самый наглядный пример героической «смерти за царя» посредством родной территории. Его возвышенный и безвозвратный для врага поход в глубину русской земли отнюдь не исключает его собственное возвращение. Ибо, если все враги сгнули, то кому было рассказать о его мученической смерти, кроме него самого? Логические неувязки сусанинского мифа показывают «внеэкономический» характер подвига – если Сусанин выжил, то зачем он рассказал о своей смерти? Власть, несомненно, богато одарила бы его, имея для этого абсолютные возможности. Но история о богатом боярине Сусанине не состоялась даже в качестве мифа.

Еще более «территориален» и «антиэкономичен», и при этом, логически завершен и непротиворечив другой миф – пограничный миф о борьбе с вертикалью власти – декабристский миф.

Выстроенные бездвижно под сенью памятника «Петру Первому от Екатерины Второй», в тени строящегося на государственном финансировании Исаакиевского собора, на Сенатской площади, стройные колонны бунтовщиков-дворян, принимают на себя огонь столичной артиллерии. Кажется, что для них нет места в этом символическом центре империи, да и сами они, словно бы считают, что их либеральная «внегосударственность» заставит исчезнуть правительственные ядра в русской земле, минуя мятежные тела, заявившие о себе как о не принадлежащих никакой власти. Эта теория не была подтверждена практикой – государственная артиллерия нанесла восставшим оппозиционерам существенный материальный урон, а выжившие рассеялись по столичным замощенным перспективам и болотным улицам. Но и это временное спасение в территориальной горизонтальности не позволило им избегать мести вездесущего, хотя и вертикально-сущего властного принципа, удивленно-возмущенного нелепым нарушением своей заповеди послушания. Власть еще более расширила горизонтальные устремления побежденных возмутителей гражданского спокойствия, и там, «во глубине сибирских руд», где еще не разгорелась искра углеводородного топлива, им светили тепло сердец верных жен, чье отношение к поверженным борцам с вертикалью власти, оказывается удивительно вертикальным, «где муж, там и дом (читай - рай)», а Каторга, как часть родной земли – не столь важна в ее экономической определенности.

Конечно, политическая «империодия» как практика реализации социально-территориальной вертикали власти, возможно, не столь оптимистична, как либеральный экономический «метрополиально-колониальный» империализм, однако, ее логика и этика не разорвана психологическими (и метафизическими) противоречиями, что и позволяет говорить о ней как о более реальной системе достижения гражданского согласия.

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4 тт. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – С. 53–294.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970. – 501 с.
3. Ослингтон П. Бог и рынок: «невидимая рука» Адама Смита // Христианское чтение № 1, 2015. 181-206 с.
4. Фуко М. Нужно Защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. – 312 с.

Бойчук Сергей Сергеевич

кандидат философских наук

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

Email: overbaring@mail.ru

ПАРАДОКСЫ АНТИЧНОГО ЛОГОСА И АПОЛЛОНИЧЕСКАЯ МЕРА БЛАГОРОДНОГО МУЖА ИЛИ ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ О ДОБРОДЕТЕЛИ СПАРТИАТЫ

Аннотация. Автор предлагает рассматривать античную философскую культуру аполлонического чувства меры, основанную на управлении эмоциями и самоограничении (духовных упражнениях и практиках «заботы о себе») в контексте антропологических оснований спартанской традиции «повелевать и подчиняться» как высшего проявления добродетели.

Ключевые слова: эллинизм, аполлоническое.

Boychuk Sergey Sergeevich

PhD (Philosophy)

Taras Shevchenko State University of Luhansk

THE PARADOXES OF THE ANTIQUE LOGOS AND THE APOLLONIC MEASURE OF A NOBLE MAN OR WHAT SPARTANS CAN TELL ABOUT VIRTUES

Abstract. The author considers the ancient philosophical culture of the Apollonian knowing of limits, based on the management of emotions and self-restraint (spiritual exercises and practices of «taking care of yourself») in the context of the anthropological foundations of the Spartan tradition of «command and obey» as the highest manifestation of virtue.

Keywords: Hellenism, Apollonian.

Со сверхчеловеческих высот становления духа Ницше посылал отравленные стрелы проклятия Сократу, обвиняя его в измене здоровым инстинктам эллинского гения крови и почвы. Козлоногий Пан греческой философии, принесший дельфийскую истину на улицу города, якобы разрушил безмятежный мир природной очевидности и заменил чечевичной похлебкой добродетельного знания уверенность аристократического первородства. Он носил в себе те особые слова, что нарушали ночной покой и разрывали сердце привычным и столь будничным олимпийским богам: словно зловредный вирус слова этого насмешливого, необузданного силена Марсия проникали в атлетическую плоть и начинали разлагать волю к жизни. Соблазненные миражом великого отказа, потомки неистового Ахилла и коварного Одиссея забывали животное безумие борьбы, хмельную радость исступления дионисийской пляски. Для того, чтобы раскрыть загадку Сократа, выдуманную или увиденную Фридрихом Ницше, и решить предложенное им уравнение соотношения греческого и негреческого, необходимо увидеть культурный контекст разворачивания дельфийского проекта в истории полисной цивилизации и непосредственно связанной с ним антропологией благородного мужа.

Ключом к этому послужит рассказ Плутарха о том, как один илот дерзко вел себя с Хариллом, племянником легендарного Ликурга; возмущенный недопустимым нарушением упорядоченного мироздания, спартиат сказал: «Если бы я не был так разгневан, я бы убил тебя» [2, с. 323]. Несмотря на кажущуюся легкость объяснения данной ситуации через обращение к логике знакового пространства «волшебной сказки», поощряющей милость эпических героев к слабым противникам, одно упоминание факта добросердечности и мягкости ни в малейшей степени не проясняет суть

дела. По все видимости, только благодушный морализатор, прощавший персонажам своих «Сравнительных жизнеописаний» такие «человеческие, слишком человеческие» слабости, мог поверить в благодетельную силу кроткого нрава, с легкостью способную остановить руку, занесенную для удара. Тем более, следует помнить, что сами участники данной коллизии пребывали по ту сторону добра и зла, жизни и смерти: первый, если верить доступным нам источникам, был обречен погибнуть от короткого меча спартанского «секретного патруля», второй представлял идеальную машину убийства, всей системой воспитания подготовленную рутинно отбирать чужие жизни.

Категорический императив убийства присутствует здесь как звездное небо над головой в виде «кастовой» дхармы кшатрия и как моральный закон внутри доблестного воина, столкнувшегося с недопустимым поведением низкого человека (так Одиссей, не колеблясь, бьет палкой Терсита, дерзнувшего высказаться на совете доблестных). Вся культура оправдывает и подталкивает справедливую десницу. Парадоксально, но требование возмездия опирается даже не столько на социальное измерение, а сколько является нравственным велением: как сообщает в сумме этики греческого мира первый энциклопедист Аристотель, «кого гнев охватывает из-за того, из-за чего следует, из-за тех, из-за кого следует, а кроме того, так, как следует, в должное время и на должный срок, тот заслуживает похвалы» [1, с. 136].

Таким образом, главный урок спартамца можно сформулировать в виде следующей максимы в духе лаконского немногословия и гномической мудрости семи великих: «недостойно убить в гневе», то есть нельзя, поддавшись инстинкту, животной части души, отринуть в себе разум как действительный и сущностный, субстанциональный и бытийный исток. Для начала, рекомендует традиция, следует подавить в себе эмоции и только потом, в состоянии спокойствия и духовного равновесия, сделать шаг. Фактически, здесь мы видим умонастроение, близкое по духу к даосскому пафосу стрельбы из лука, когда взшел на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью в сто жэней, и великой идеи «не-деяния», опирающейся на техники управления собственной психикой.

Идеал аполлонического чувства меры парадоксально совпадает с дао сохранения невозмутимости духа, с одной стороны, и конфуцианским идеалом гуманности, состоящим из умения владеть собой и восстановления правила «ли», с другой. Пространство тождества смыслов и культурных ценностей позволяет говорить об особой антропологической модели благородного мужа, призванной стать базисной, основополагающей для цивилизационных структур. Данная модель признается эталонной, как правило, в рамках традиционного общества, которое, в отличие от современности, постоянно провоцирующей страсти как источник получения прибыли и формирования властных/репрессивных пространств, испытывает панический страх перед животным в человеке. Причина этого стремления запретить бестиарность даже на уровне морской свинки в клетке культуры заключается в непередаваемом ощущении угрозы энтропийного распада, навязчивой идеей, сопровождающей и терзающей весь символический космос традиции. Прочувственная каждой клеточкой и ставшая несущей структурой антитеза высокого и низкого человека, многомудрого Одиссея и говорливого Тирсита, порочного эротика Сократа, преодолевшего в себе стихию страстей, и неспособного подняться над случайными неистинными аффектами завистливого Мелета, оказывается альфой и омегой антропологической картины мира. Грань, разделяющая эти два полюса, проходит по линии отношения к власти и подчинению, к первичной власти над собственным я – причине и условию иных вариантов управления.

Все многообразие вопросов тонкостей государственного устройства и принципов организации механизма правления преимущественно решается через формирование определенных этических и – что несравнимо важнее – психологических атрибутов личности, призванных обеспечить пространство должного и справедливого как закономерного результата диктата разума. При этом онтологическое доверие к челове-

ческому уму, «царскому империи», неограниченному диктатору, призванному сми- рить дурное своеволие страстей, совмещалось или, вернее, опиралось на абсолют- ное пренебрежение к индивидуальному в человеке и подавление всего того, что со- временное сознание с наивностью ребенка определяет в качестве психологического. Последнее допускалось исключительно в виде материала для преобразования твор- ческим усилием нуса-демиурга, отбросившего все случайное в себе и вступившего в борьбу со стихией внутреннего зверя (Ницше в контексте темы агона в гомеровском обществе говорит о тигре, также вполне возможно обращение и к более прозаичным образам).

Возвращаясь к тому, что послужило отправной точкой рассуждений и поисков, к сократическим медитациям бывшего базельского профессора классической фило- логии, отметим следующие. Осуществленная деконструкция эллинского мифа, ин- теллектуальный пируэт «разоблачения Греции» (Свасьян) и радикальной критики священных иллюзий выступает предчувствием, мистическим ожиданием новой сво- бодной мысли. Благодаря этому ложные и излишние сущности, избегнувшие встречи с режущей поверхностью бритвы Оккама, оказываются безжалостно уничтоженными философским молотом Ницше, а очищенные истоки обогащают будущее. Именно волей к подлинному объясняется дионисийская реконкиста Пелопонесского полуост- рова и развенчание Сократа – скалы, на которой построено здание дерзновения мыслить. Однако попытка переоценки ценности афинской повитухи знания позволяет увидеть генеалогию фундаментальной антропологической идеи преодоления стра- стей как условия доблести и мудрости. Система психического воспитания посред- ством «культуризации» внутреннего мира индивида, подавление всего недостойного, так полно воплотившаяся в постоянно отговаривающем от поступков даймонии и логическом обосновании этики, выражает общую интенцию традиционного общества опираться на личность, а не на формализированные институты и развернутые моде- ли внешнего диктата условной нормы.

Библиографический список

1. *Аристотель* Сочинения: в 4-х т. – Т. 4 / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 630 с.
2. *Плутарх* Застольные беседы / Плутарх. – Л.: Наука, 1990. – 592 с.

Бочарников Владимир Николаевич

доктор биологических наук, профессор

Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения

Российской академии наук

Email: vbcharnikov@mail.ru

МЕТАФОРА ФИЛОСОФСКОГО КУБА И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В СОЦИАЛЬНОМ ЗЕРКАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Философия – один из главных инструментов реализации познавательной и ориентационной функции человека в исторически меняющихся условиях общественного развития, где каждый этап предстает уникальным, имеющим всегда новое, аналогов которого нельзя найти в контексте обращения к прошлому. Рассматривается обусловленность человеческого развития сменой антропологических кодов, рассматриваемых в метафорическом представлении модели «философского куба».

Ключевые слова: человек, Абсолют, мировоззрение, знание.

Bocharnikov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Biology, Professor

Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

METAPHOR OF THE PHILOSOPHICAL CUBE AND ANTHROPOLOGICAL CODE IN THE SOCIAL MIRROR OF MODERN INFORMATION SOCIETY

Abstract. Philosophy is one of the main tools of cognitive and orientation functions realization of a person in historically changing conditions of social development, where each stage appears unique, always having something new; its analogues cannot be found in the context of reference to the past. The article deals with the conditionality of human development by the change of anthropological codes considered in the metaphorical representation of the "philosophical cube" model.

Keywords: man, Absolute, worldview, knowledge.

Человек – многомерное существо, и его «начинка» по своему предназначению, функциональности и применению настолько широко варьирует, что нет одинаковых людей, хотя в науках о человеке существуют многочисленные классификационные схемы и философско-теоретические обобщения. Для воспроизводства лишь основных идей следует написать книгу, но и если обратиться к фундаментальному средству человеческого познания – философии, мы соприкоснемся с многомерностью представлений о человеке [2]. Но чем и как возможно убедительно показать истинное предназначение человека во Вселенной? Что может являться свидетельством того, что каждый из нас не случайный гость на планете Земля?

От Платона мы приобрели возможность выстроить дихотомию проявлений, но не единства мира идей и мира вещей. Новая онтология возникает непосредственно из жизни и достижений науки, естествознание и гуманитарные науки продолжают в онтологической установке метафизике, единственно способной поднять «к сознанию» неразрешимые проблемы или иррациональные проблемные остатки вечных вопросов. Допустим, что у Человека **есть своя**, отличная от других живых существ, – **особая Миссия** пребывания на планете. В таком позиционировании наше переосмысление может результироваться процессом представления некой гипотезы, в составляемом тексте которой заявлено как есть ли, существует ли некий особый КОД человечества, в котором "зашифрована" как особость Человека среди живого, так и его функция, миссия, положение на планете Земля [1]. И если обязательность функционального присут-

ствия появления человека predetermined, возникает необходимость выстраивания убедительной гипотезы, позволяющей визуально обозначить, сопоставлять и последовательно раскрывать ее в объяснительном ключе к «философскому человеку».

Идея Абсолюта как всеобъемлющей основы, полноты бытия и непостижимости непознаваемого оказалось широко популяризированной и конкретизированной в научном и повседневном использовании в XX в., что позволяет рассматривать как идею отграничения, очерчивания предельности, всеохватности и полноты, установки определенного понятийного и смыслового поля. В условиях реальности, насыщенной понятиями информатики и повседневной практикой взаимодействия с технологиями и оборудованием компьютерного мира, вероятно, будет уместным обратиться к распространённым в таких условиях метафорам, обращаясь и применительно к самому человеку, прежде всего опираясь на идею технауки [3].

Мировоззрение представляет собой то ментальное, что основано на сочетании сознательного и бессознательного, рационального и интуитивного, идеального и материального, что позволило мне использовать стилизованный китайский образ тайци, ограниченный рамками ромба. Ромб (др.-греч. ῥόμβος, лат. *tombus*, в буквальном переводе: «бубен») – это параллелограмм, у которого все стороны равны. Это идеальная фигура, абстракция, символизирующая стремление к последовательному восхождению человека, но во многих культурах – это и обращение к земле, и, следовательно, к природе. Мировоззрение при передаче Другому раскрывается как система обобщенного знания, которое приобретает для человека значение собственного видения, сформированной основы действий, поступков и возможностей их рефлексии на обыденном, концептуальном и методологическом уровнях.

Знание является приобретенным, известным, используемым и определяемым человеком информационно-деятельным форматом, в то время как противоположность этому, – незнание, является лишь той абстракцией, за пределами которой невозможно охарактеризовать какую-либо конкретику. Где и как проходит граница между знанием и незнанием, и если одно из реальных очертаний дает географическое представление об Ойкумене, то в символическом смысле можно охарактеризовать фигурой креста с ее горизонтальной и вертикальной проекцией, встречающейся лишь в центре фигуры. Крест в христианстве – наиболее важный символ, что касается дохристианской эпохи человечества, известны изображения креста, вероятно, с момента знакомства человека с огнем, древнейшим способом которого является добывание огня с помощью трения, и символом могут быть перекрещенные палочки.

Этот символ вписывается в меньшую по величине, чем крест, окружность мировоззренческого круга человека и наряду с символическим объединением огня (крест) и солнца (круг) передает древнейшую способность и стремление человека к постижению и познанию, но собственные сущности взаимодействия знания и незнания далеко выходят за рамки человеческого восприятия и понимания. Принципиальным моментом является отнесение основного вопроса философии о соотношении идеального и материального, абсолютного и относительного, бытия и сознания в контексте формирования человеческого мировоззрения. По аналогии можно предположить, что физическое тело (*hardware*) человека, управляемое посредством сознания, оперирующего мозгом-компьютером, нуждается в регулярно обновляемом специализированном программном обеспечении (*software*).

Мировоззрение может быть реалистичным, если присутствует обращение к истинности и качеству, в усилении постижения имманентного, внутреннего, присущего тому или иному предмету, явлению или процессу, свойству, функции или закономерности, любому противопоставлению известного или неизвестного, что обращает нас к дихотомии представления знания и незнания. Квадрат, замыкающий и включающий все рассматриваемые фигуры, связан с числом четыре, персонализирует стороны света, основные элементы мира (огонь, воздух, земля, огонь), но, по нашему мнению, в философской интерпретации символизирует сочетание и попарное противопоставление четырех важнейших составляющих: природы и общества, культуры и духа.

Квадрат – это порядок, стабильность, взаимодействие, но в своих внутренних границах, и, напротив, контакт обеспечивается с противоположностью, что может быть основанием для рассмотрения также внешних взаимосвязей и образования противопоставления таких пар, как порядок (логос, Космос) – хаос; метафизика и наука; абстрактное и конкретное. Хочу здесь отметить, что если противопоставление природы и общества, является вполне тривиальным, как и их сопряженность и противоречивое взаимодействие, то противопоставление культуры и духа, здесь выполнено в целях разъяснения не проявленной до конца дихотомии. Возможно, что в обращении к первичным задачам философии – приобретению знания (поиск истины) и передачи его (образование, обучение) мы можем уверенно предположить, что философия была передана познавательная эстафета от мифологии, в ее развитии были выстроены контакты как другими формами познания (религия, искусство, наука), так и опыт бытийности, важно здесь воспроизвести смысл слова «любовь» как высшего чувства, состояния, доступного человека, при котором сокращается дистанция приближения к Абсолюту.

Куб является истиной, которая все время одинакова, как на нее ни посмотри. Это завершенность, стабильность, статическое совершенство, безукоризненный закон. Это также сложенный крест. И в то время как сфера в качестве изначального состояния олицетворяет циклическое состояние и движение, куб является финальной стадией этого цикла в неподвижности, и символически вписывается в круг, который в нашем случае оказывается в центре, вписанным в различные выше обозначенные фигуры. Грани, плоскости и точки крайние точки построения куба могут быть раскрыты во многих значениях, рассмотрены в деталях как философские категории и научные понятия, в нашем представлении мы обращается к смыслу и сути философии. И в этом обращении, опираемся на то, что хорошо известная этимология данного слова (любовь к мудрости), мы обращается к духовному смыслу слова «любовь» и его применению в данном случае, к процессу постижения знанию и мудрости данного процесса дихотомии.

Речевой оборот "Кубик (жребий) брошен" восходит к высказыванию Юлия Цезаря при переходе Рубикона в 49 г. до н.э., но предельно актуален и сейчас в информационную эпоху современного общества. Таким образом, для раскрытия гипотезы об особой функции человека предлагается метафора философского куба, в геометрии элементов которого закодирован функциональный смысл человеческого пребывания на планете. В обращении к истории философии можно воспринять, что философские системы, научные парадигмы и проекты, религиозные откровения и культурный мейнстрим сменяют друг друга, но все они вращаются вокруг одних и тех же проблем, не меняющихся с человеческим прогрессом или развитием, поскольку не затрагивается существенное содержание метафизических проблем.

От процесса моделирования возвращаюсь к началу своего сообщения, к той декларации о программной составляющей человека, в частности, обозначенный нами как антропологический код. Познание как важнейший элемент человеческого постижения возможен в представлении модели философского куба, таким образом могут быть введены и использованы и специализированный научный инструментарий, но в основе должен лежать междисциплинарный подход, а именно сплав философии с подходами естествознания и обществоведения, культурологии и метафизики, антропологии и синергетики.

Библиографический список

1. Бочарников В.Н. Проблемные шифры метафизики, информационный код человечества и живое вещество планеты // В сборнике: Практическая философия: от классики до информационного социума. Сборник материалов Всероссийской конференции. Под научной редакцией Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. 2018. С. 41-52.

2. Философская антропология. Человек многомерный. Под ред. С.А Лебедева. Учебное пособие студентов вузов. Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 351 с.

3. Юдин, Б. Г. Об этосе технонауки // Философские науки. № 12, 2010. С. 58–66.

Вольнов Илья Николаевич

кандидат технических наук, директор Центра технологической поддержки образования
Московский политехнический университет
Email: ilja-volnov@yandex.ru

НАУКА И ИСКУССТВО: КРАСОТА КАК НАУЧНЫЙ ПРИНЦИП

Аннотация. Красота рассмотрена как принцип поляризации сознания с выделением пар: интеллект-мышление, экономия-избыточность, монолектика-диалектика. Приведены примеры двух художников, в работах которых усматриваются новые научные принципы.

Ключевые слова: наука, красота.

Работа поддержана РФФИ (проекты 18-511-00008 и 18-511-00028).

Volnov Ilya Nikolaevich

PhD (Engineering), Director of the Center for Technological Support of Education
Moscow Polytechnic University

SCIENCE AND ART: BEAUTY AS A SCIENTIFIC PRINCIPLE

Abstract. Beauty is treated as the principle of polarization of consciousness, distinguishing the following contradictory pairs: intelligence-thinking, economy-redundancy, monolectics-dialectics. Examples of two artists are given, whose works demonstrate new scientific principles.

Keywords: science, beauty.

Неопределенность и непредсказуемость будущего усиливается. Технологическое ускорение, стимулированное большинством стран, преследует лишь экономические задачи. Ум перестает справляться с нарастающей информацией, эмоциональная сфера перегружена впечатлениями, а интуиция «зашумлена» сильными сигналами, на фоне которых становится невозможно делать тонкие различия между добром и злом, правдой и ложью, красотой и безобразием. Фраза Ф.М. Достоевского о красоте, спасающей мир, прямо относится к нашему времени. Красота возможно последняя надежда, опора и ориентир, в мире где ожидания не оправдываются, утеряны ценностные основания и сбиты все ориентиры. Чувство Красоты должно быть призвано, если человек не хочет уйти с исторической арены.

Красота поляризует сознание в трех сферах: рациональной, эмоциональной, интуитивной и задает в них второй полюс человеческой природы, не направленный на удовлетворение базовых биологических потребностей. Красота поляризует ум на интеллект и мышление. К интеллекту, направленному на материальное, понятное, простое, полезное и работающему с локальной информацией, добавляется мышление, стремящееся к идеальному, сложному, уникальному, благому и оперирующему смыслами, существующими пространственно. Мышление в науке монолектично и исключает противоречия. Красота поляризует мышление и к монолектике добавляется диалектика, как практическая работа с противоречиями. Отметим что условия для этого уже подготовлены: внутри науки – квантовая механика, вне ее – инженерия и философия. Принцип экономии научного мышления Красотою дополняется принципом избыточности, выраженным в искусстве и усматриваемым во всех научных революциях и в самой природе. Наука до сих пор не работала с принципом Красоты, с ней работало искусство, являясь провозвестником того нового, что позже переходило в науку и ей осваивалось. Приведем два примера изобразительного искусства, где уже проявлены некоторые новые принципы.

Первый пример – кузнецовское письмо (КП), новая орнаментально-пуантильная техника, примененная, как в современной православной иконографии, так и в светской

живописи [1]. КП – это точечная работа с цветом. Как известно, пуантилизм смешивает цвета в пространстве по типу всех со всеми. А так как цветных точек в КП много, получается огромное число цветовых сочетаний, сопоставимое с числом *гуэл* (10^{100}). Налицо избыточность цветовых сочетаний, в пределе – потенциальная бесконечность. КП апеллирует не только к фронтальной части зрительного поля, но и к периферической. Восприятие во всем зрительном диапазоне делает его целостным и порождает целостность работы сознания. Наконец, в КП отсутствует базовая категория зрительного восприятия – цветное пятно, оно заменено цветной точкой. Пятно как бы вывернуто в свою противоположность – точку, подобно тому как прямая перспектива картины, в иконе вывернута в перспективу обратную. Согласно о. П. Флоренскому это означает отвяжку восприятия от паттернов обыденного зрительного опыта и является условием восприятия Иного, которое в христианской традиции есть Мир Горний.

Второй пример – абстрактная живопись Светланы Калистратовой [1], художественную метафору которой мы проиллюстрируем на примере ограничений модельного подхода в науке. Согласно В.В. Налимову наши представления о реальности модельны, реальность не ухватывается одной моделью, и поэтому она описывается множеством моделей, количество которых постоянно увеличивается. Дальнейшее развитие науки через накопление модельных представлений без их качественного преобразования немислимо [2]. Модельный подход не отвечает вызову сложности. Но модель – один из инструментов схематизации наряду с чертежами, макетами и схемами. «Схема – знаковая форма, которая способна наглядно представить абстрактные представления высокого уровня. Схемы употребляются для организации познания сложных разновременных и разнопространственных процессов», «для любой схемы обязательно текстовое или словесное сопровождение», «эффективность схемы, как инструмента познания и руководства к деятельности, объясняется сочетанием в ней двух сред – пространственной и языковой» [3]. Возможно, что качественные изменения в познании, предсказанные В.В. Налимовым, могут состоять в расширении роли схем в научном понимании сложной реальности.

Как утверждает С. Калистратова: все ее работы – это визуализация тех или иных пространственных инвариантов. В которых есть все признаки схематизации, что позволяет их интерпретировать как схематизированные инструменты познания сложной реальности и руководства к индивидуальной и совместной деятельности в ней.

Библиографический список

1. Малинецкий Г.Г., Вольнов И.Н. Предвестники будущего. искусство, наука, science-art. Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. №1(2). 2019. С.276-300.
2. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. – СПб. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
3. Никитин В., Переслегин С., Парибок А. Инженерная онтология. Инженерия как странствие. уч. пособие. Екатеринбург.: издательский дом «Ажур». 2013. 230 с.

Зайцев Игорь Николаевич

кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: i.zaitsev@guap.ru

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация: статья показывает, каким образом развитие комфорта социальных медиа ведёт к дегуманизации цифровой среды.

Ключевые слова: Интернет, культурные войны, ложные новости.

Zaitsev Igor Nikolaevich

PhD (Philosophy)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

DEHUMANIZATION OF SOCIAL MEDIA

Abstract: The article shows how the development of the comfort of social media results in the dehumanization of the digital environment.

Keywords: Internet, culture war, fake news.

Социальные медиа суть социальные средства коммуникации; они рождены феноменом социальных сетей. Мы придерживаемся следующего определения социальной сети [1, с. 211] – это основанный на вэб технологиях сервис, позволяющий индивидууму: сконструировать публичный (или частично публичный) профиль внутри связанной системы; сформировать список других пользователей, с которыми поддерживаются отношения; просматривать и сопоставлять как свои, так и чужие списки контактов.

Несколько проще говоря, социальная сеть не просто средство коммуникации (имейл тоже средство коммуникации), это открытое пространство общения, организованное максимально удобным для человека образом.

История возникновения, развития и распространения Интернета известна хорошо и изложена во множестве научных публикаций. Мы отсылаем всех, кому нужны подробности, к достаточно свежей статье Дж. Ноксона «Эволюция Интернета: от военного эксперимента к технологии общего назначения» [2]. В данном тексте история представлена достаточно подробно с одной стороны, и весьма компактно с другой; также статья содержит отличный список литературы по вопросу.

Основные вехи развития Интернета: до коммерциализации Интернета поиск информации осуществлялся через каталогизацию; после коммерциализации на первый план вышли поисковые системы (Google etc); создание социальных сетей сделало поиск не нужным для большинства людей.

Социальная сеть создавалась для того, чтобы быть комфортной средой общения, следовательно, в неё заложены алгоритмы анализа поведения пользователя для адаптации под поведение и вкусы каждого. Чем более активно я общаюсь в социальной сети, тем более комфортна моя лента сообщений, обновлений, постов друзей и проч. Информационная среда показывает мне *только то, что мне понравится* с высокой степенью вероятности.

Так мы и оказываемся в «информационном пузыре».

В нём тепло и уютно, проблема лишь в том, что эта благодатная картина не отражает реальность в её многообразии. Что само по себе нехорошо, но может быть ещё не настоящая проблема. Настоящие проблемы начинаются в тот неизбежный момент, когда мы принимаем благодатность пузыря за *отражение реальности*, чем оно не является. Решения, принятые на основе заведомо искаженных представлений, не могут привести ни к чему хорошему.

Кроме того, одним из важных внутренних критериев успешности социальной сети является вовлечённость (engagement). Чем сильнее реакция (не важно, позитивная или негативная) на пост, тем шире алгоритмы сети будут распространять его. Этот механизм лежит в основе существования fake news и даёт новую жизнь феномену «культурных войн».

Позитивная сторона «информационного пузыря» – небывало высокий уровень комфорта пользователя и чувство вовлечённости в общение со сколь угодно удалённой географически аудиторией. Социальные сети важнейший механизм развития гражданского общества.

Негативная сторона: отрыв от реальности, живучесть фейковых новостей и обострение культурных войн. Информационный пузырь стремительно дегуманизируется.

Суть дегуманизации в технологическом переходе к широкому использованию искусственного интеллекта (ИИ). Раньше алгоритмы, управляющие показом постов в социальных сетях, были написаны человеком. Как следствие, человек был в силах скорректировать алгоритм, но на каком основании действует алгоритм ИИ человек не знает, следовательно, перестаёт его контролировать.

Возможно ли изменить ситуацию существенным образом? Иными словами, можно вернуть человеку контроль за его цифровой сферой? Поиски положительного ответа на вопрос идут по двум направлениям: 1) субъективный – выработка правил поведения человека (по аналогии с цифровой гигиеной) в цифровой среде, которая вернёт ему активную роль; 2) инструментальный – создание принципиально новых инструментов пользователя на основе ИИ, которые могли бы нивелировать действие алгоритмов социальных сетей, замыкающих нас в «пузыре».

Некоторые (например, конгрессмены США) ещё надеются урегулировать социальные сети методами закона, но этот подход выглядит самым бесперспективным.

Библиографический список

1. Boyd D. M., Ellison N. B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 13 (2007). – P. 210–230. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x.
2. Naughton J. The Evolution of the Internet: From Military Experiment to General Purpose Technology // *Journal of Cyber Policy*. – 1 (2016). – P. 5–28. DOI: 10.1080/23738871.2016.1157619.

Львов Александр Валерьевич

кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: av_lyvov@mail.ru

ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Аннотация. Посредством критического изложения некоторых культурологических идеи, рассматривается объект-ориентированный подход в исследовании культуры.

Ключевые слова: культура, сеть, актор, трансцендентализм.

Lyvov Alexander Valerevich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

NON-MATERIAL CULTURE DOES NOT EXIST

Abstract. Object-oriented approach in cultural research is viewed via some critically considered culturological concepts.

Keywords: culture, network, actor, transcendentalism.

Понимание культуры всегда было релятивистским, мы привыкли говорить о ней как о продукте разумности или социальности, или, по крайней мере, в связи с ними. Идея духовной культуры призвана для обозначения некоего доведка человеческого мира в системе изначального разделения культуры и природы. Один из родоначальников идеи Ф.В. Гумбольдт использовал понятие «дух человечества» для обозначения «этого пока ещё неизвестного нечто» [1, с. 343], которое «столь всеобщее, что может объять всего человека со всеми его силами и во всех его проявлениях» [1, с. 339], и обладатель которого «несет в себе наиболее возвышенную человечность» [1, с. 341].

В общем, утверждается, что культура отличается от природы своей двойственностью (например, материальная и духовная), в то время как природа по этим критериям едина (лишь материальна) и единственна. Единственность следует понимать как начало: забывая о том, что «природа» так же есть конструкт, мы возводим к ней историю человека и генеалогию культуры. При этом противопоставление природы и культуры необходимо для определения самой культуры и её специфической сущности. Этот ассиметричный дуализм становится поводом для более детального рассмотрения и последующей критики.

Теория духовной культуры, восходящая к традиции трансцендентальной мысли, предлагает нам мир идеальных сущностей («разум», «ценность», «общество» и т.п.), существование которых подтверждается фактом их определенной данности и некоторые из которых принимаются как необходимые. Ясность и отчетливость, умпостигаемость или попросту очевидность, с которой нам даны эти идеи, указывают на их неразрывную связь с самим познающим разумом, а потому знание всегда содержит некоторую толику «для-нас» с вытекающими отсюда релятивизмом понятия культуры и дуализмом «наук о природе и наук о культуре» (Г. Риккерт). Любое культурологическое рассмотрение артефактов влечет уточнение об их культурном происхождении (или контексте), в то же время, скажем, явления природы вообще исключаются из этого рассмотрения (культурная история климата, попытки которой были давно уже предприняты «новой исторической наукой» в лице Ф. Броделя и Э. Ле Руа Ладюри кажется незаслуженно забытой).

Следует, поэтому, поставить вопрос о статусе основных культурологических идей («разум», «ценность», «символ» и пр.) и тем самым упразднить фундаментальное противопоставление природы и культуры (как предлагает Ф. Дескола). Или хотя бы привести его к симметрии, рассмотрев и природу и культуру как сеть действующих одушевленных и неодушевленных акторов. Стараясь, таким образом, избежать

эссенциализма можно получить ряд динамических, процессуальных определений культуры, в которых культурные различия предстанут набором различительных практик.

Снять противопоставление природы и культуры – означает шагнуть в «неприрученное мышление», которое, как утверждает К. Леви-Стросс, не делает различий между животными и людьми, но не потому, что люди животны, а потому что животные человечесны! Миф же есть история демаркации культуры и природы, вынесения животности за границы человеческого мира. Но так ли отлично от этого направление европейской науки, утверждающей, что в культуре человек утрачивает/преодолевает животность? Урок «неприрученного мышления» состоит в действии множественности. Первое от чего должен избавиться культуролог, так это от привычки использовать слово «культура» в единственном числе. Однако за этим словоупотреблением стоит понимание культуры как множественности, т.е. как сети действий и становлений. Быть множественным значит не иметь формы, сущности, референта, структуры, ничего что несет в себе дух «чтойности».

История культурологии знает примеры подобных демаршей. Одним из лучших является идея «тотального социального факта» (М. Мосс, К. Леви-Стросс), которую от других редукционистских концепций отличает именно акцент на действии: «В сущности, это смесь. Души смешиваются с вещами, вещи – с душами» [1, с. 166]. Именно социальная антропология впервые дает нам картину такой «плоской онтологии» (М. Деланда, Л. Брайант), исключаяющей трансцендентализм любого вида. В свою очередь, теория медиа учит нас относиться к девайсам как объектам социокультурного анализа или субъектам социальной практики. Ни антропология, ни медиология не нуждаются в идее духовной культуры, попробуем и мы.

Библиографический список

1. Гумбольдт, Ф.В. О духе, присущем человеческому роду // Он же. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.

Малик Юрий Сергеевич

магистрант

Воронежский государственный университет

Email: malik304qwe@rambler.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о корреляции эстетических воззрений в философских учениях Канта, Гегеля и Шеллинга. Предпринимается попытка доказать тезис о том, что эстетический потенциал немецкой классической философии не смог себя реализовать, поскольку использовал только рациональные установки, подменяя понятия.

Ключевые слова: Кант, Гегель, Шеллинг, красота.

Malik Yuri Sergeevich

Graduate student

Voronezh State University

AESTHETIC VIEWS IN THE PARADIGM OF THE GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

Abstract. The article discusses the correlation of aesthetic views in the philosophical teachings of Kant, Hegel and Schelling. An attempt is made to prove the thesis that the aesthetic potential of German classical philosophy could not be realized, because it used only rational attitudes, replacing concepts.

Keywords: Kant, Hegel, Schelling, beauty.

Эстетические воззрения И. Канта, опирающиеся на базис критической направленности мысли, находят основания для развития их анализа о предмете эстетики, который процветал в XVIII веке. «Оставив область исследования структуры объективности искусства, закономерности которой она пыталась установить с всеобщей рационалистической точки зрения, эстетическая мысль обращается к анализу субъективной оценки самого искусства, и эта оценка выступает не как результат методической критики в соответствии с определенными принципами, а как непосредственный спонтанный акт духа.

Спор в немецкой эстетике касательно структурного принципа искусства выявил одну из ключевых проблем, а именно – проблему вкуса. Это ознаменовало присущую антитезу субъективного и всеобщего, а также выделение непосредственного восприятия и осмысления вкуса как такового. Примечательно, что «определив вкус как способность судить о предмете или представлении, <...> Кант называет предмет такого удовольствия прекрасным» [2, с. 277]. Также развитие проблемы вкуса привело к признанию того факта, что вкус базируется на чувстве непосредственного удовольствия, что не только ограничивается сферой чувственного, а также независимо от теоретического и практического содержания представления.

Основопологающим эстетическим фактором для Канта является чувство удовольствия, то и дело сопровождающее созерцание прекрасного. «Прежде всего следует признать, что Кант впервые на основе трансцендентального метода определяет смысл и проблематику подлинно философской эстетики. В самом деле, вопрос для него состоит не столько в определении общих норм, лежащих в основе создания искусства как эстетической объективности, или в описании с помощью психологического анализа эстетической субъективности, сколько в признании принципа, трансцендентального закона, который сделал бы эстетичность априорно возможной, определил бы ее сферу и частные особенности» [2, с. 185].

Примечательно, что Кант отличает теорию искусства от теории прекрасного. Искусство начинает определяться как реализация прекрасного в произведении, способная осуществлять себя в тех канонах чистой красоты, которые вкус смог опробовать на опыте.

В таком случае произведение искусства может быть «искусным», однако – бездушным творением. Подобная картина чаще всего происходит с декоративным искусством. В таком случае, Кант приходит к выводу, что произведение искусства должно стать эстетически самостоятельным, выгляда при этом как результат абсолютной спонтанности, словно творческая деятельность гения. «Таким образом, чистый эстетический образ не может быть создан в искусстве без всякой увязки с идеалом, и его ценность заключена не в статическом созерцании, а в многообразии и глубине воображения и мыслей, которые он вызывает» [1, с. 189]. Именно поэтому гению необходимо создавать привходящую красоту, которая будет нести в себе некий духовный смысл. Это ведет к тому, что процесс художественного творчества способен развиваться диалектически. «Но так как вкус есть в сущности способность суждения о чувственном воплощении нравственных идей, <...> из чего и из основываемой на этом большей восприимчивости к исходящему из этих идей чувству <...> выводится то удовольствие, которое вкус объявляет значимым для человечества вообще, а не только для личного чувства каждого, – то ясно, что истинной пропедевтикой к утверждению вкуса служит развитие нравственных идей и культура морального чувства; только в этом случае, когда чувственность приведена в согласие с этим чувством, настоящий вкус может принять определенную, неизменную форму» [3, с. 281].

Не случайно при этом, что попытка выявить для каждого из аспектов духовности характерное обоснование в виде общей тональности, удалось Гегелю, более чем кому-либо до него. Он смог выявить общие точки синтеза между каждым из представленных аспектов, при этом обособив каждый из них. Это привело не столько к идеализации каждого из них в отдельности, сколько к выявлению конкретной проблематики, которая выступает как при их отдельном рассмотрении, так и при общем взаимодействии.

Получается, что Гегель, «... обращаясь в эстетике к спекулятивной традиции, от которой перебрасывается мостик к единой философской эстетике античности неоплатонизмом, и обеспечивая, таким образом, духовную ценность искусства, развивает, сообразно со своими теоретическими посылками, принцип неоплатонизма, но не в первоначальной, догматической, а в диалектической форме. Это позволяет не только совместить в своих теоретических разработках результаты предшествующих эстетических исследований, как обращенных к объекту, к рассмотрению структуры произведения искусства <...>, так и занимавшихся природой эстетического субъекта <...>, но и установить внутреннюю проблематику художественной сферы, обосновать разнообразие бурно заявляющих о себе художественных направлений и критических тенденций и создать первый набросок истории искусства как истории культуры» [1, с. 217–218].

Если брать во внимание попытку нашего определения границ взаимодействия между философским и художественным познанием, то необходимо отметить, что Гегель, в наибольшей степени, смог провести, данные разграничения, уравнивая искусство (художественное) и философию в проявлениях абсолютного духа. Философия «...рассматривает определение, поскольку оно существенно; не абстрактное или недействительное – ее стихия содержание, а действительное, само-себя-полагающее и внутри-себя-живущее, наличное бытие в своем понятии» [4, с. 48-49].

Искусство же предстает как откровение абсолютного духа в форме интуиции как идеальности. Именно поэтому его нельзя определять как подражание природе; оно предстает перед нами как создание идеального мира, уходящего своими корнями в чувственное. Данное определение позволяет производить анализ структуры произведения искусства, что дает возможность выявить все моменты сюжета, от творческого начала, до личностных взвзесей во взаимодействии произведения и художника.

Развивая философию искусства, Шеллинг выступает с позиции принципиального схождения между философией и искусством. В контексте дискурса о реальным и идеальным, он приходит к выводу, что «в философии последняя противоположность знания растворяется в чистое тождество, и тем не менее в своей противоположности искусству философия остается все же лишь идеальной» [5, с. 8]. Подобное допущение приводит к тому, что в «... недрах искусства в научном смысле глубже философского понимания не может проникнуть никакое другое и что философ яснее видит саму сущность искусства, чем даже сам художник. Поскольку идеальное всегда есть высшее отражение реального, постольку в философе с необходимостью осуществляется высшее идеальное отражение того, что реально в художнике» [5, с. 8]. Это приводит Шеллинга к тому заключению, что искусство невозможно познать абсолютным образом иначе, чем через философию, и в тоже время, само искусство способно выступать как вид познания, что в каком-то смысле, в след за эстетической концепцией Гегеля вновь утверждает нас в уравнении искусства и философии.

Таким образом, развитие эстетических суждений Иммануила Канта позволяет выработать и систематизировать категориальный аппарат искусства, градируя прекрасное/возвышенное, этику/эстетику, разум/рассудок. Гегелевская разработка абсолютного духа вмещает в себя три элемента – религию, философию и искусство, что позволяет здраво оценить возможности художественного познания и восприятия в философском дискурсе. Однако при более детальном рассмотрении мы видим, что три проявления абсолютного Духа замыкаются на религии, что подчиняет искусство и философию, лишая их автономии.

В тоже время Шеллинг, продолжая развитие философии искусства, вслед за Гегелем разрабатывает категориальный аппарат и наукоучение о философии искусства как области философии в связке с изобразительным искусством, музыкой, театром, литературой мифотворчеством и т. д. Примечательно, что при этом Шеллинг разграничивает религии от искусства и философии. Однако, по мнению Шеллинга, получается, что искусство оказывается в зависимости у философии с одной стороны, другой – философия предстает как универсальный и наиболее точный инструмент для познания искусства. Так или иначе, но самостоятельность теряется.

В конечном итоге, данная теоретизация и эволюция вывели искусство в один ряд с философией и религией, однако последующие трансформации и рождение иррационализма позволили взглянуть иначе как на искусство, так на религию и философию. Разум, которым руководствовались все предшествующие мыслители, становился негласным диктатором в вопросах теоретизации эстетики – художник и его творческий потенциал не подвергался детальному рассмотрению. При всей внешней привлекательности, эстетический аппарат был соткан из искусственных конструкций, словно «постамент» в ожидании шедевра.

Библиографический список

1. Банфи А. Философия искусства / Антонио Банфи. – М.: Искусство, 1989. – 384 с.
2. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства / В. В. Бычков. – М.: Изд-во МБА, 2010. – 784 с.
3. Кант И. Критика способности суждения / Иммануил Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 512 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 704 с.
5. Шеллинг Ф. В. Й. фон. Философия искусства / Ф. В. Й. фон Шеллинг. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 524 с.

Минабутдинов Иван Владимирович

магистр

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Email: i.v.minabutdinov@gmail.com

ГЛОБАЛЬНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: КОНЦЕПЦИИ ИРВИНА ЯЛОМА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению экзистенциальной рефлексии в условиях всемирной интеграции. Осуществляется попытка представить экзистенциальную рефлексию в качестве способа осознания необходимости (или отсутствия необходимости) единения всего человечества. Пограничные ситуации представлены в качестве возможной причины возникновения рефлексии. Экзистенциальный конфликт рассматривается через четыре первичные проблемы: смерть, изоляцию, свободу и бессмысленность.

Ключевые слова: глобализация; человек; человечество; общество; экзистенциальная рефлексия; экзистенциальный конфликт.

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента (РФ МК-1740.2019.6)

Minabutdinov Ivan Vladimirovich

Master of philosophy

Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

GLOBAL COMPATIBILITY: IRVIN D. YALOM'S CONCEPTS

Abstract. The paper is devoted to the problem of existential reflection in the context of global integration. An attempt is being made to present existential reflection as a way of recognizing the need (or lack of need) for the unity of all humankind. Limit situations are presented as possible causes of reflection. The existential conflict is caused by four primary problems: death, isolation, freedom and meaninglessness.

Keywords: globalization; human; society; existential reflection; existential conflict.

В современной социальной философии существует ряд понятий для характеристики динамики социальности на рубеже XX–XXI вв.: «глобализация», «мондиализация», «гибридизация», «сетевое общество», «информационное общество» и т. п. Несмотря на их кажущееся несходство, в этих понятиях есть что-то общее, которое можно было обозначить как «двойная связь» объединения человечества. С одной стороны, динамика социальности указывает на пространственно-временное расширение социальных связей, поскольку феномен совместного существования людей выходит далеко за пределы территориальных границ национального государства. С другой стороны, изменение социальности включает в себя сужение социальных связей, когда сосуществование людей становится экзистенциальным феноменом, затрагивая обыденные и повседневные обстоятельства человеческого существования. Как справедливо замечает П. Осборн, «как таковая глобализация представляет собой новое опространствливание исторической темпоральности: отражение планетарной целостности как “земного шара” в неизбежно феноменологическом понятии “мира” ...» [1, с. 101-102]. «Двойная связь» глобализации и феноменологически понятия мира, планетарного и экзистенциального аспектов влечет за собой «двойную связь» выбора между этими аспектами интеграции: «То, что в семантике “глобализации” представляется в виде “неопределенности”, в социальном плане проявляется как напряжение и антагонизм, а в логическом – как имманентное или диалектическое противоречие между двумя ее основными сторонами: функциональным социальным процессом и его мирным присвоением» [2, с. 46]. Соответственно, главная задача в социально-философском плане состоит в разрешении этой неопределенности

между глобализацией и «миром»; в необходимости преодоления проблемы построения глобальной совместности всего мирового сообщества.

На наш взгляд, одним из вариантов достижения этой цели может стать экзистенциальная рефлексия человека в результате личного опыта существенных кризисных ситуаций. Экзистенциальные подходы своим основным предметом для изучения делают проблемы, связанные с внутренней жизнью человека, с его переживаниями. И главными становятся те, что происходят из конфронтации человека с данностями существования. По сути, основным методом понимания данностей существования человека как раз и является личная рефлексия индивида [3].

Причиной рефлексии могут являться так называемые «пограничные ситуации» [4], вынуждающие человека оказаться на границе между бытием и небытием. Когда индивид оказывается в пограничной ситуации, он становится свободен от всех условностей, которые раньше его сковывали, от общепринятых взглядов и внешних норм; человек впервые постигает себя в качестве экзистенции и через пограничные ситуации имеет возможность соприкоснуться с трансценденцией.

По мнению Ирвина Ялома, первичные проблемы (смерть, изоляция, свобода, бессмысленность) являются главными вопросами в жизни человека [5, с. 544-573]. Проблема жизни и смерти, одиночества, взаимоотношения с этим миром и окружающими людьми, проблема ответственности и свободы, проблема поиска смысла своего собственного существования – все они оказываются связаны с экзистенциальными кризисными ситуациями, которые затрагивают базисные основания существования индивида. Проблема глобальной совместности всего мирового сообщества возникает потому, что у каждого отдельного индивида, который является частью целого, протекает внутренняя эмоциональная борьба, затрагивающая существенную характеристику человека. Именно поэтому, как считает Ирвин Ялом, экзистенциальный конфликт (проблема сосуществования человека с самим собой или миром) является базовым конфликтом и возникает по причине столкновения человека с любой из конечных данностей существования.

Таким образом, экзистенциальные кризисные ситуации затрагивают самые базисные основания существования индивида и обращают его к различным проблемам, таким как: проблема жизни и смерти, проблема одиночества и взаимоотношений с этим миром и окружающими людьми, проблема ответственности, проблема свободы, наконец, проблема поиска своего собственного существования.

Можно сделать вывод, что перед тем, как человечество сможет преобразоваться в некое общее, единое, социально-активное движение, пройдет немало времени. Прежде, чем мысль о единстве будет преобразована в действующие организации и институты мирового уровня, эта идея должна пройти через всех живущих на Земле людей. Ирвин Ялом указывает на то, что посредством экзистенциальной рефлексии человек может достичь поставленной задачи. Предполагается, что экзистенциальная рефлексия позволит человеку разобраться со своими внутренними разногласиями и поможет ему сделать выбор между принятием всеобщего единения, или же поиска своего собственного пути в условиях всемирной глобализации. Вероятно, именно так будет решена проблема построения глобальной совместности.

Библиографический список

1. Осборн П. Постконцептуальное состояние, или Культурная логика высокого капитализма сегодня // Худож. журн. 2015. № 93. С. 96-111.
2. Nancy J.-L. The Creation of the World or Globalization. Albany, NY : State University of New York Press, 2007.
3. Психология : учебник / А.А. Крылов. – М. : Проспект, 2001. – 584 с.
4. Ясперс К.Т. Философия. Книга Вторая. Просветление экзистенции. – М.: Канон+, Реабилитация, 2012. – 448 с.
5. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. – М. : Класс, 2004. – 576 с.

Пазовский Аркадий Маратович,

кандидат социологических наук, доцент

Новосибирский государственный педагогический университет

Email: arkpaza@gmail.com

ОБРАЗ И ПОЧЕРК: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ И ИХ АНАЛИЗ

Аннотация. Рассматриваются проблемы идентификации почерка автора и героя фотодокументального изображения. В качестве методов, позволяющих раскрыть внутренний смысл документальной фотографии, идентифицировать выраженную в ней субъектность автора и героя, предложен подход с позиций структурно-семиотического и графологического анализа почерка фотографа и его «объективированного субъекта». Автор считает, что документальная фотография представляет собой сочетание эксплицитно выраженного почерка автора, и скрытого, но поддающегося формализации и анализу почерка героя, прочтение которых позволяет исследователю с высокой степенью достоверности интерпретировать фотографию как документ.

Ключевые слова: фотография, смысл.

Pazovskiy Arkady Maratovich

PhD (Sociology), Associate Professor

Novosibirsk State Pedagogical University

IMAGE AND HANDWRITING: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL IDENTIFICATIONS IN DOCUMENTARY PHOTOGRAPHY AND THEIR ANALYSIS

Abstract. The problems of identification of the author's and the model's handwriting in the photo-documentary image are considered. The approach using structural-semiotic and graphological analysis of the photographer's handwriting and their "objectified subject" is proposed as the methods revealing the inner meaning of documentary photography, identifying the subjectivity of the author and the model expressed in it. The author believes that documentary photography is a combination of explicit handwriting of the author, and hidden, but amenable to formalization and analysis of the handwriting of the model, the reading of which allows the researcher to interpret the photo as a document with a high degree of reliability.

Keywords: photography, meaning.

Как и любое творческое произведение, фотография, в том числе и документальная, являясь артефактом, по сути своей, дуальна.

С одной стороны, это факт объективной реальности, данный нам в ощущениях – тактильных, зрительных, эмоциональных. С этих позиций мы можем рассматривать документальную фотографию как своеобразный эвристический алгоритм, создающий эффект присутствия: субъект смотрящий, другой, ощущает себя соучастником и очевидцем отображенного на фотографии факта, события, явления, которые уже произошли, но без его участия, или, возможно, с его участием, но в другое время и в другом месте.

С другой стороны, документальная фотография несет в себе и явное, и скрытое отражение двух проявлений субъектности. Первое эксплицитно проявляется в публичности, отражающей творческие амбиции автора, обусловленные стремлением «захватить» впечатляющий, убедительный или эффектный момент, а также эстетические, идеологические, моральные, политические, социальные, профессио-

нальные установки и предпочтения фотографа, определяющие его индивидуальный авторский почерк.

Второе проявление субъектности в документальной фотографии – это не что иное, как имплицитное, неявное, состояние героя, обозначаемого в профессиональной терминологии фотографов объектом съемки. То есть в любом случае, фотограф относится к своему герою, как к объекту. В сущности, его не интересуют внутренние переживания субъекта, он стремится уловить и запечатлеть лишь внешние их проявления, потому что основная для него ценность и цель – это полученный результат.

Но так ли, как автор, сумевший поймать и зафиксировать миг душевного, психоэмоционального состояния своего «объективированного субъекта», видел, чувствовал себя герой фотографии в момент фотосъемки? Что двигало его состоянием в тот самый миг, когда сработал затвор фотокамеры? И отражает ли полученный в результате артефакт реальность субъективных переживаний героя? Отсюда вытекает и проблема восприятия фотоизображения, формирования смыслов в процессе его просмотров другим, сторонним, субъектом смотрящим, или, проще говоря, зрителем.

Механизм образования смысла в фотографии, рассматривая ее как символический феномен, анализирует французский философ-постструктуралист Р. Барт. Исследуя вопрос, чем фотография является «в себе», «благодаря какому существенному признаку выделяется из всей совокупности изображений» [1, с. 14], он приходит к выводу: «то, что фотография до бесконечности воспроизводит, имело место всего один раз; она до бесконечности повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном» [1, с. 16]. А следовательно, «фото также не может быть преобразовано (высказано) философски, оно целиком отягощено случайностью, чьей легкой и прозрачной оболочкой оно является» [1, с. 17]. В унисон рассуждает известный американский культуролог С. Сонтанг: «Подозрительная легкость, с какой делаются фотографии, – пишет она в эссе «Фотографические евангелия», – их гарантированная, пусть даже непредумышленная, убедительность указывают на весьма основную связь со знанием» [2, с. 152]. Ее соотечественник теоретик культуры, фотоаналитик и критик профессор А. Коулман определяет репрезентационную функцию фотографии как желание «представить сознанию в ясной и четкой форме» происходящие события [3]. Ближе к ответу на поставленный нами вопрос о формировании фотографии смыслов, рассуждает С. Пожарская, рассматривая проблему в ключе зрительского восприятия, которое, по ее мнению, зависит от индивидуального опыта. Но опыт дело наживное, считает она, а это значит, что на него можно влиять, точнее, воспитывать [4, с. 9]. Дополняет ее другой известный российский исследователь и фотограф А. Лапин. Он пишет, что при анализе фотографии главное – объективность. «В идеале говорить следует только о том, что существует реально на фотобумаге, а не в нашем сознании, памяти или кладовой личных ассоциаций». И только потом, во вторую очередь, необходимо рассмотреть, каким образом объективно существующее на фотобумаге отражается в сознании, какие оно способно или может вызвать (а у кого-то и не вызовет) ассоциации и переживания. Причем восприятие это будет в значительной степени зависеть от зрителя, от уровня его подготовленности» [5, с. 211].

На наш взгляд, документальную фотографию надо рассматривать как запечатленный миг экзистенции. И тогда, возможно, тезис Р. Барта о том, что фото «не может быть преобразовано (высказано) философски» можно будет вынести за скобки. Надо только понять, сумеет расшифровать экзистенциальные состояния, переживания автора и героя в момент съемки. И не этот ли подтекст вкладывал великий фотограф К. Брессон, советуя молодому тогда спецкору советской «Комсомольской правды», а ныне замечательному российскому фотодокументалисту Ю. Росту пересмотреть соседние негативы, ибо в них может быть нечто, что автор когда-то и сам не увидел [6].

С позиций философско-антропологического подхода документальную фотографию надо читать аналитически. И здесь нельзя не согласиться с А. Лапиным в том, что независимо от всех индивидуальных способностей зрителя, содержание реально существует, и искать его следует не в изображаемом, а в изображении [5, с. 212]. Одним из подходов к такому прочтению являются методы структурно-семиотического анализа фотографии, почерка ее автора и зафиксированного экзистенциального состояния героя.

Наряду с этим, мы рассматриваем документальную фотографию не только как изображение, но и как артефакт из истории, запечатлевший события и людей, позволяющий идентифицировать субъектность – изобразившего (автора) и изображенного (образ). В этом плане большое значение для исследователя представляет анализ уже не только само произведение, но и те надписи, подписи, символы, которые находим с обратной стороны или на самом изображении, сделанные автором или самим героем. Графологический анализ почерка позволяет получить дополнительную информацию о характере сделавшего его субъекта, его психоэмоциональном состоянии и экзистенциальных переживаниях в тот момент, когда был оставлен автограф.

Таким образом, анализ документальной фотографии мы рассматриваем как взаимодополняющий процесс исследования эксплицитного выраженного почерка автора, артефактом которого является само изображение и имплицитного почерка – автографа на фотографии. Объектом такого анализа являются антропологические характеристики субъект-субъектных противоречий или солидарности, зафиксированных в документальном фотоизображении, признаки их реального проявления. Предмет исследования – виды и формы самоидентификации в фотодокументальном произведении, зафиксированные в индивидуальном почерке автора и оставленном на фотографии автографе, поддающиеся формализации, позволяющей определить характер субъектности, явно и скрыто закодированный в произведении.

Библиографический список

1. Барт Р. Camera lucida. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. – 272 с.
2. Сонтаг С. О фотографии. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 272 с.
3. Коулман А. Документальная фотография, фотожурналистика и пресс-фотография сегодня. Вопросы и ответы. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/383.htm> (дата обращения: 01.09. 2019).
4. Пожарская С.Г. Фотомастер. – М.:Изд-во «Пента», 2001. – 336 с.
5. Лапин А. Фотография как... – М.: Издатель Л. Гусев, 2004. – 324 с.
6. Картье Брессон // Сайт Юрия Роста. URL: <https://yury-rost.ru/portrets/century/item134/> (дата обращения: 01.09. 2019).

Петрук Ирина Геннадьевна

аспирант

Дальневосточный федеральный университет

Email: irina_petruk91@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ИСКУССТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В работе обращается внимание на некоторые проблемы феноменологии искусства, которые возникли вслед за изменением самого общества в эпоху цифровых технологий. Это проблема конституирования смысла произведений искусства и проблема преобразования механизма этого конституирования.

Ключевые слова: феноменология, искусство.

Petruk Irina Gennadievna

Postgraduate student

Far Eastern Federal University

PROBLEMS OF PHENOMENOLOGY OF ART IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article is about some problems of phenomenology of art in information society. These problems originate from the changes in society itself in the era of digital technology. There are two main problems: the problem of constituting the meaning of artworks and problem of transforming the mechanism of constituting the meaning.

Keywords: phenomenology, art

В конце XX – начале XXI веков произошли глобальные изменения не только в сфере технологий, но в культурной сфере. Изменилась социокультурная парадигма, возникшая в это время новая переориентирована на ценности «информационного общества».

Такое понятие как «информационное общество» включает в себя определенное социально-экономическое устройство, а так же включает в свою структуру такую категорию как духовная жизнь человека. Причина выделения особого места духовной сферы в информационном обществе – ориентация такого общества на производство и потребление информационного продукта, что делает его ближе к культурному пространству.

Новая социокультурная парадигма информационного общества затронула и подвергла изменениям мировоззрение человека, было сформировано «информационно ориентированное мировоззрение» и, в соответствии с этим, изменилось восприятие этим человеком художественной культуры.

Современная художественная культура, культура информационного общества, где деятельность человека связана с производством, осмыслением, трансляцией и хранением информации, – направлена на преобразования реальности. Соответственно, постхудожественная коммуникация направлена так же на знаково-символическое преобразование произведений искусства. Именно этот вектор становится определяющим в современной художественной культуре.

Такое положение свидетельствует о том, что исследования современной художественной культуры вообще и искусства в частности не могут ограничиваться исключительно искусствоведческими методами, которые обычно не уделяют должного внимания постхудожественной коммуникации. При этом ведущие искусствоведческие исследования ими уже давно не ограничиваются, применяются семиотический, герменевтический, социологический, феноменологический и другие методы. Вопрос в том, как такие изменения отражаются на самих этих применяемых междисципли-

нарных методах, которые используются для исследований современной художественной культуры и искусства в частности?

Мы предлагаем рассмотреть некоторые подобные аспекты на примере феноменологии искусства. В наши дни феноменология искусства остается в целом сконцентрированной на проблемах, поставленных в прошлом столетии, в до информационной обществу, до цифровой революции (М. Мерло-Понти). Но феноменология – не догматика, и ее подходы требуют применения к новым социокультурным условиям в которых существуют феномены – произведения искусства. Феноменология меняется вместе с контекстом жизни общества и его членов. Какие аспекты феноменологии искусства и как изменяются, преобразуются в современном информационном обществе?

1. Конституирование смысла произведения искусства.

Объективная реальность сменилась на реальность виртуальную – искусственно созданную информационную среду, способную деформировать действительность. В результате чего мы имеем дело с набором бесконечно порождаемых ракурсов и интерпретаций, но не с реальностью как таковой.

В отношении произведений искусства произошедшее можно описать так – выйдя на лидирующую позицию, постхудожественная коммуникация лишила эти произведения одного определенного смысла или некоторого набора смыслов, отдав это место массе интерпретаций, которая увеличивается и изменяется под действием информационной среды. Более не существует какого-то абсолютного объективного взгляда на мир.

Результат применения феноменологического подхода к проблеме конституирования смысла произведений искусства в условиях информационного общества таков: любой смысл произведения конституируется с помощью интерпретаций и нет смысла самого по себе (нет способов отличить его от интерпретации), при этом конституированных смыслов может быть бесконечное множество, что порождает проблему их соотношения.

2. Механизмы конституирования смыслов произведений искусства.

В рамках феноменологии Гуссерль говорит о двух разновидностях интенциональности, которые позволяют конституировать реальности, «творить миры» – образное сознание и фантазия. Образное сознание – восприятие того, что изображено (например, на картине), чистая фантазия – не опосредуется никаким чувственным опытом.

Исторически искусствоведение имеет дело с образным сознанием. В случае образного сознания интенция образа выходит за пределы восприятия произведения искусства (например, картины) в качестве физического объекта. Для восприятия предоставлены цветовые пятна на поверхности холста (образ-вещь), на основе этих ощущений складывается целостный образ того, что изображено на картине (образ-объект), при этом еще существует «образ-сюжет», то есть то, на что указывает распознаваемый образ-объект.

В современном же информационном обществе произведение искусства стало возможно увидеть на другой, принципиально отличающейся технологической платформе – на экране электронных устройств, компьютере или телефоне. Таким образом, произведения искусства стали виртуальными. Как только они стали частью виртуальной среды, одновременно они стали восприниматься членами этой виртуальной среды. Они стали доступными для восприятия не реальным Я человека, а его через его репрезентацию, через «воображаемое эго», виртуализированное сознание, которое стало аналогом реального, причем это самосознание само стало частично творимым. Такое «воображаемое эго» переживается на расстоянии от реального Я человека, являясь его функционализацией и вымышленной модификацией. Механизмы непосредственного и опосредованного конституирования схожи, но будет ли схож результат такого конституирования? а если нет, то чем он будет отличаться?

Мы попытались рассмотреть проблему конституирования смысла произведения искусства и проблему механизма этого конституирования в информационном обществе. Это далеко не все проблемы, с которыми сталкивается феноменология искусства, но одни из наиболее важных и существенных. Несмотря на означенные трудности, представляется, что феноменология – перспективный метод исследования для искусствоведения в современном информационном обществе.

Во-первых, сущность феноменологической работы, как и сущность эстетического опыта, особенно в актуальной постхудожественной коммуникации, состоит в производстве новых смыслов, которые связаны с нашей чувственной вовлеченностью в мир или в произведение искусства.

Во-вторых, такой метод феноменологии как редукция работает с глубоким уровнем жизни сознания, к которому уже не принадлежит цельность самовосприятия, которая была характерна для человека доинформационного общества, и именно этому уровню соответствует образование новых смыслов. Сартр писал, что я не столько изобретаю себя, сколько провозглашаю себя «самим собой», самоотдельной самостью: мое Я, возникшее таким образом, отчасти имеет статус художественного творения и значит, должно восприниматься как таковое. Такая позиция отражает виртуализированное Я человека информационного общества, члена виртуальной среды, с которым может работать феноменология в рамках задач современного искусствоведения.

Библиографический список

1. Подшибякин, А.М. Специфика художественной культуры в контексте информационного общества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук (24.00.01) / Подшибякин Алексей Михайлович; Новгородский государственный университет. – Великий Новгород, 2004. – 20 с.
2. Фролов А.В. Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем / А.В. Фролов // Философия и общество. – 2019. – №1. – С. 18-38.
3. Ямпольская А.В. Искусство феноменологии / А.В. Ямпольская. – Москва: РИПОЛ Классик, 2018. – 342 с.

Рожкова Кристина Львовна

магистрантка

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: rzhkvkrstn@mail.ru

КОНЦЕПТ АУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОИЗВЕДЕНИЮ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ

Аннотация. В данной работе автор ставит перед собой задачу осветить и прояснить проблемные точки, возникающие в связи с исследованием концепта ауры в творчестве Вальтера Беньямина. В качестве одной из ключевых проблемных точек автор выделяет проблему определения ауры у Беньямина. Автор проводит анализ ключевых работ Беньямина, касающихся технически воспроизводимых видов искусства – кино и фотографии, что позволяет выделить некоторые характеристики ауры.

Ключевые слова: Беньямин, аура.

Rozhkova Kristina Lvovna

Graduate Student

St. Petersburg State University

THE CONCEPT OF AURA IN RELATION TO A WORK OF ART IN THE WORK OF WALTER BENJAMIN: PROBLEM POINTS

Abstract. The author aims to highlight and clarify the problem points, which have arisen in the studying of the concept of aura in Walter Benjamin's works. As one of the key problem points, the author addresses the problem of defining "aura" in Benjamin's works. The author analyzes the key works of Benjamin concerning technically reproducible art forms – cinema and photography, which make it possible to highlight some characteristics of the aura.

Keywords: benjamin, aura.

Вальтер Беньямин – яркая фигура в философии XX столетия. Он стоял у истоков изучения кинематографа, фотографии, средств массовой информации на раннем этапе их развития. Беньямин был одним из первых, кто со всей ясностью и прямотой поставил вопрос об отношении произведения искусства к технике, что нашло отражение в наиболее известном концепте Беньямина – концепте ауры. По Беньямину, аурой обладает лишь подлинное, оригинальное произведение искусства. В ходе технического воспроизведения, репродукции, копирования и тиражирования произведения его аура неизбежно разрушается, утрачивается, исчезает. Этот феномен Беньямин характеризовал как распад ауры (*der Verfall der Aura*).

Тема ауры в творчестве Беньямина уже исследовалась многими западными и отечественными культурологами, философами, искусствоведами. Тем не менее, на наш взгляд, в интерпретации этого понятия остается ряд проблемных точек, на которые мы намерены обратить внимание в данной работе.

Первая проблемная точка – это определение ауры. Беньямин, говоря об ауре произведения искусства, нигде не дает строгого определения этого понятия. Стоит согласиться с отечественным историком фотографии Владимиром Левашовым, который утверждает, что определено ответить на вопрос: «Что же такое беньяминовская аура?» невозможно, но все-таки «принято считать, что аура у Беньямина присуща рукотворным, уникальным произведениям искусства, а с появлением фотографии-репродукции стремительно разрушается» [1, с. 101]. Вместе с тем, Левашов отмечает важную деталь: аура связана с рукотворным характером произведения искусства, сохраняющего свою уникальность и неповторимость; произведение искусства, поставленное на конвейер и тиражируемое промышленным образом, ауры уже не обладает.

Обратимся, однако, к текстам самого Беньямина. В таких важных работах, как «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» и «Краткая история фотографии», содержится ряд сентенций, дающих ключ к ответу на вопрос, что Беньямин имел в виду, когда писал об ауре, и чем, по Беньямину, характеризуется произведение искусства, обладающее аурой, и почему эта аура разрушается.

В работе «Краткая история фотографии» Беньямин как будто бы дает определение ауре, несколько, правда, запутывая читателя тем, что делает это в поэтизированной форме. «Что такое, – спрашивает Беньямин, – собственно говоря, аура? Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был. Скользить взглядом во время летнего полуденного отдыха по линии горной гряды на горизонте или ветви, в тени которой расположился отдыхающий, пока мгновение или час сопричастны их явлению, – значит вдыхать ауру гор, этой ветви» [2, с. 73]. Посредством поэтических выражений и метафор Беньямин подводит читателя к пониманию ауры. Во-первых, становится ясным, что аура обязана своим возникновением структурам хронотопа, то есть некоторому пространственно-временному отношению. Во-вторых, нам открывается дополнительная характеристика ауры, а именно – недоступность, недостижимость, ведь как бы близко не было к нам уникальное произведение искусства, оно будет создавать то самое ощущение дали, недоступности.

Ощущение дали, возникающее от восприятия подлинного произведения искусства, обладающего аурой, противопоставлено желанию масс приблизить к себе произведение искусства. По сути, Беньямин пишет о возникшей ввиду технического прогресса возможности обладания произведением искусства в каждом доме в виде репродукции.

Таким образом, обладая некоторыми характеристиками ауры, такими как: руко-творность, подлинность, недоступность, ощущение дали, уникальность, мы можем каким-то образом определить ауру, однако, трудности остаются ввиду отсутствия строгого научного определения.

Вторая проблемная точка связана с тем, что остается не вполне ясным, какие типы объектов и явлений могут обладать аурой, а какие нет. Так, например, Беньямин говорит об ауре применительно к ранней фотографии, живописи, другим классическим формам искусства, что ожидаемо и привычно, но при этом аура присуща и природным объектам и представителю «восходящего социального класса» [3, с. 155]. Внимательно читая работы Беньямина («Московский дневник», «Я распаковываю свою библиотеку») мы обратили внимание на то, что аурой могут обладать также и детские игрушки, и собрания коллекционеров-собственников.

Третья проблемная точка, с которой мы сталкиваемся в рамках концепта ауры у Беньямина, это – проблема, связанная с характером фотографии и ее темпами развития, определившими XX век в целом. При определении ауры, возникает соблазн заключить следующее: аура исчезает с возникновением фотографии и точка. Однако это не так, именно ранняя фотография, по Беньямину, обладает аурой и связывает это Беньямин с объективными материальными основаниями: «слабая светочувствительность ранних пластинок требовала длительной выдержки при натуральных съемках» [3, с. 16] при этом модель долгое время вынуждена была быть неподвижной. Итогом такой съемки становилось то, что ранние фотографии оказывают «более глубокое и долгое воздействие, чем более поздние фотографии» [3, с. 16], а сама техника побуждала модель вживаться в каждый миг.

Важно и то, что с фотографией коренным образом меняется сам характер искусства и художественного произведения. Игорь Чубаров отмечает, что Беньямин был одним из первых, кто обратил внимание на «порожденные новыми средствами ре-продукции изменения в способах художественного производства и получения эстетического опыта [4, с. 234].

Несмотря на то, что ранние фотографии обладают, по Беньямину, той самой прелестью ауры, и сам Беньямин искренне восхищается ранней фотографией: «их окружала аура, среда, которая придавала их взгляду, проходящему сквозь нее, полноту и уверенность. И снова виден технический эквивалент этой особенности; он заключается

в абсолютной непрерывности перехода от самого яркого света до самой темной тени» [3, с. 20], именно фотография и задаваемый ей темп технического развития, разрушает произведение искусства и ту самую ауру, которая в ней, изначально содержалась. Таким образом, источником разрушения ауры становится, по сути, ее носитель.

По сути развитие технических возможностей, открытых фотографией, приводит к новому пониманию искусства, совершенно отличного от того понимания, что было до фотографии, настолько «с развитием репродукционной техники изменилось восприятие великих произведений искусства» [3, с. 31]. Живописцам больше нет смысла бороться за первенство в наиболее реалистичном изображении, ведь сделать это точнее фотографии невозможно.

На наш взгляд, именно фотография представляет собой наиболее репрезентативную область искусства, в которой в противоречивой форме фиксируется аура, так как: во-первых, ранняя фотография обладает аурой и наличие ауры у фотографии Беньямин объясняет материалистически; во-вторых, фотография задает темпы технического прогресса, разрушающего ауру; в-третьих, фотография меняет весь характер искусства, так как художникам уже нет нужды соревноваться в реалистичности изображения; в-четвертых, фотография и заданный ей темп технического прогресса имеет важную социальную функцию: фотография как способ репродукции изображения, дает возможность массам овладеть произведением искусства в непосредственной близости, несмотря на то, что это произведение искусство потеряло свою ауру из-за репродукции.

Таким образом, мы можем видеть, что аура опять проступает перед нами в проблемном поле: фотография, как репрезентативная область искусства, доказывает это нам снова и снова. По сути, на примере фотографии, мы можем заключить, что аура сама себя уничтожает.

С уничтожением, разрушением ауры связана четвертая проблемная точка, которая заключается в том, что аура произведения искусства в подлинном виде раскрывается лишь в ее разрушении, утрате.

О данной проблеме пишет Игорь Чубаров в статье «Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино»: «Пока же можно сказать, что Беньямин нигде не горевал и не ностальгировал об утрате ауры, полагая, что она раскрывается только в момент собственного исчезновения» [4, с. 235]. Для нас важен факт того, что для произведения искусства возникает необходимость в утрате ауры, так как именно в разрушении ауры раскрывается произведение искусства во всем его подлинном блеске.

Таким образом, мы приходим к выводу, что подлинным произведением искусства становится лишь то, которое прошло процедуру тиражирования, собственной репродукции, то есть утратило ауру. Об ауре можно заключить, что она существует в ожидании собственного уничтожения, которое становится возможным благодаря развитию технической мощи общества.

В заключение отметим то, что рассмотренные нами проблемные точки не направлены на отрицание данного концепта, а помогают раскрыть его в полной мере. В перспективе перед нами стоит цель восполнить пробел в разработке научного определения ауры и объяснить необходимость ее распада для становления произведения искусства подлинным, уникальным, то есть обладающим аурой.

Библиографический список

1. *Левашов В.* Читать и разгадывать: Вальтер Беньямин о фотографии. Краткая история фотографии.- Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 168 с.
2. *Беньямин В.* Краткая история фотографии.- Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 168 с.
3. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Краткая история фотографии.- Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 168 с.
4. *Чубаров И.* Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино; Логос. №1 (122). – 2018. – С. 233–260.

Тюгашев Евгений Александрович

доктор философских наук, доцент

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Email: filoso10@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО ЖИТЬ: ИДЕЯ ЭЛЕКТРОННОГО СУПЕРСЕРВИСА

Аннотация: Развивается идея создания на основе вики-технологии информационно-справочной веб-системы «Философия как искусство жить», работающей в режиме электронного суперсервиса. В данной веб-системе можно систематизировать типичные жизненные ситуации и известные философские методики (технологии) их решения.

Ключевые слова: вики, информационный сервис, электронная система.

Tyugashev Evgene Aleksandrovich

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Novosibirsk National Research State University

PHILOSOPHY AS THE ART OF LIVING: THE IDEA OF AN ELECTRONIC SUPERSERVICE

Abstract. A proposal for creating a wiki-based information and reference system "Philosophy as the art of living" functioning as an electronic superservice. This web service could be used to systematize typical life situations, relevant philosophical methods and their solutions.

Keywords: wiki, information service, electronic system

Сегодня утрачена перспектива масштабного, фронтального развития философии. Иногда представляются достаточными традиционные позиции и их трансформации, такие как, например, «практический материализм» [1, с. 120–122] «или историчный платонизм» [2, с. 8] Скучность известных философских решений контрастирует с рекомендуемой ЮНЕСКО [5] множественностью философских практик, ориентированных на различные категории населения – детей, пенсионеров, безработных, больных раком, заключенных и др. Возможно, наставления Эпикура приемлемы при почечнокаменной болезни, но больным раком нужна другая философия.

Как показывает мой опыт преподавания практико-ориентированного курса философии в Новосибирском государственном университете, студенческая аудитория с некоторым интересом воспринимала информацию о том, что многие учения исходят из потребности ответить на конкретные «вопросы жизни» и разрабатывали конкретный «праксис». В частности, Ф. Бэкон констатировал проблему бесплодности многих занятий и разрабатывал искусство добиваться успеха. Его советы особенно актуальны для людей молодого возраста. Таким образом, история философии может рассматриваться как источник полезных рекомендаций для использования в повседневной жизни.

Думается, на основе вики-технологии целесообразно создание информационно-справочной веб-системы «Философия как искусство жить», работающей в режиме электронного суперсервиса. В этой системе можно систематизировать типичные жизненные ситуации и известные философские методики (технологии) их решения.

Идея разработки такого суперсервиса, основывается, во-первых, на традиции практической философии, во-вторых, на признании факта субъектной детерминации философского мышления («психологии философов» [4]), в-третьих, на стратегии

производства субъектно-ориентированной философской продукции, адресно удовлетворяющей конкретную потребность.

Полезные в этом отношении сравнения приводит В.А. Соскин [3, с. 89]. Он сравнивает философскую продукцию с шерботом разного качества. Но ассортимент мудрости более разнообразен? И далее продолжает: «Может быть более оправдан “медицинский” подход, согласно которому философия – “по предмету” – это искусство аутентичного существования, а “по методу” – вид психотерапевтического врачевания?» [3, с. 89].

В любом случае философские потребности, прежде всего, должны быть выявлены. Это можно сделать на материале известных, влиятельных философских учений, диагностика которых позволит установить, какую психологию они выражают.

Не раз уже отмечалось, что направленность философского учения (позиционируемого, как правило, по личности автора или по решаемой проблеме) во многом определяется полом и возрастом автора, его темпераментом и акцентуацией, перинатальной матрицей, типом характера и многими другими типологическими признаками. Из этих признаков становятся ясными личная проблема автора и предложенное решение. Следовательно, необходим фронтальный анализ философских учений на основе известных психологических типологий.

Обращаясь к предлагаемой веб-системе, пользователь может пройти и психологическое и философское тестирования с целью самоидентификации и последующего нахождения рекомендаций, соответствующих проведенной диагностике. Достоверность диагностики и иллюстрация предлагаемых рекомендаций должна подкрепляться фрагментами литературных произведений и кинофильмов (в том числе мультипликационных).

Если клиент переживает, например, очередной возрастной кризис, то у него будет возможность пройти соответствующую данному кризису философскую переподготовку, а чуть позже – повышение философской квалификации. В частности, предлагаемое Ф. Бэконом искусство добиваться успеха еще не актуально для периода поздней юности, но требуется в следующем возрастном периоде – в ранней молодости. Не исключено, что в периоде поздней молодости для повышения квалификации окажется полезным искусство договариваться, разработанное Т. Гоббсом.

Очевидно, что наставления указанных британских мыслителей-эмпириков не универсальны, поскольку определяются их характерологическими особенностями как сенсориков. Следовательно, для клиентов с интуитивным типом мышления более понятными, вероятно, будут другие учения.

По моей оценке, накопленный массив философских учений способен удовлетворить пока незначительную часть матрицы разнообразных философских потребностей. В связи с этим открывается перспектива адресной разработки концепций в полном их объеме (от аксиологии и онтологии до методологии и праксиологии) применительно к четко локализованной ячейке матрицы. Решение такой задачи не по силам отдельным, даже «выдающимся» философам из-за их личностной ограниченности. Требуется массовое философское действие, в котором каждый профессиональный философ рефлексировал свой (или чужой – в порядке внешней рефлексии) жизненный опыт с учетом личностных типологических особенностей и концептуализирует его вплоть до описания опыта апробации в собственном праксисе.

Достоверность концептуализаций может быть верифицирована двояко. Во-первых, в форме реплик и обмена мнениями на форумах, как это принято на социальных сайтах. Во-вторых, построением в формате свободной энциклопедии со свободным редактированием размещаемого материала. Не исключено, что в порядке практически значимых дополнений будут внесены коррективы в классические философские решения.

Проектная разработка данной идеи требует междисциплинарных усилий. Это привлечение специалистов в области информационно-коммуникативных технологий, а также традиционный для отечественной науки союз философии и психологии,

впервые представленный в журнале «Вопросы философии и психологии» (1889–1918). Очевидно, что реализация идеи необходима в международном формате и займет не одно десятилетие. Но это позволит создать общую для мирового философского сообщества коммуникативную площадку, систематизировать на основе субъектно-ориентированного подхода философское знание и на долгое время обеспечит философам фронт общественно полезной работы.

Библиографический список

1. *Вэйпин С.* Марксистская философия в современном Китае. Состояние и тенденции исследований // Свободная мысль. – 2017. – № 4. – С. 117–130.
2. *Розов Н. С.* Ценностное обоснование гуманитарного образования в современном мире : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – Москва, 1993. – 38 с.
3. *Соскин В. А.* Истина и язык. Философский диалог русского и немецкого // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докл. – СПб.: ГУАП, 2018. – С. 85–89.
4. *Тюгашев Е. А.* Ницше о психологии философов // Инновационный университет: Философия – Наука – Управление. XX лет философскому факультету НГУ: Материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. – С. 141–144.
5. *La philosophie, une école de la liberté* / Ed. M. Goucha. – Paris : UNESCO, 2007. – 300 p.

Щепановская Сияна Витальевна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный институт культуры и искусств

Email: SiyanaSche@ya.ru

АЛЬТЕРНАТИВА МИФОТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОЛОС АРХАИЧЕСКОГО РАЗУМА

Аннотация. Что такое мифотворческая мысль, и как исследователи XX века подошли к культурному объекту, называемому «миф», с философских позиций? Что в развитии способов философского знания дало приближение к мифу, если продолжать мысли Ницше Ф.? Задачей данной статьи является попытка обнаружить миф в единице философской мысли, что побуждает искать ее особый ритм, мелодику и даже её музыку (как некое «целое» мысли). А также, вызвать желание искать – через открываемое архаическое измерение мысли – в нас настоящих нас прошлых, и задуматься над тем, что такое древнее «я» человека вообще.

Ключевые слова: миф, интернет.

Shchepanovskaya Siyana Vitalievna

Postgraduate Student

St. Petersburg State Institute of Culture and Arts

ALTERNATIVE OF MYTHCREATIVE THOUGHT TO INFORMATION SOCIETY AS A GLOBAL VOICE OF ANCIENT MIND

Abstract. The article tries to answer a question, what mythological thought is as a notion. How did researchers of the XX century approach to a cultural object, called "myth", from a philosophical perspective? What did an approximation to myth give in the development of the methods of philosophical knowledge, according to F. Nietzsche's thoughts? The objective of the article is an attempt to discover "myth" as a atom of philosophical thought, which encourages us to seek a special rhythm, melody, and even music of philosophical text (as an attempt of finding a "whole" of a thought). In addition to encourage for searching – through the opening of archaic dimension of thought – in present human beings an archaic form of thought, and reflect on what is the ancient "I" of humankind.

Keywords: myth, Internet.

У мифотворческой мысли в нынешнем мире много истоков и корней. Во-первых, это начавшийся с Шопенгауэра А. и Ницше Ф. неклассический период философствования, а именно, то его направление, которое открывает внутренний поэзис философии, ее мифическую в конце концов жажду: жажду трагедии или полного ничто воли – дионисийного состояния включения космического разума. "Космический" или "глобальный" называть этот голос, различие с точки зрения звучание, возможно, существенно, но невелико, когда дело касается силы архаического: мощный, «космический» масштаб мысли, глобальный голос человечества – всё это глубоко укоренено в архаическом переплетении с природой и ее ритмами человеческого сознания. Важно не то, делается мир по подобию "красоты" или "всеобщности", а больше то, что мир делается каким-то, и в таком состоянии обретает существование – становится реальным, населенным подтверждающими его людьми, и даже пригодным в последствии для озадачивания, озабочивания, творческих усилий в его рамках. Но когда мы говорим об архаике, о том, что в сознании скрыт потенциал творения мира, а не только поддержания какого-то существующего уже порядка, то мы вынуждены

замечать акт познания на пустых полях сознания (каким для нас и предстает "древнее" сознание).

Множество исследователей религии и мифов, этнологов и полевых исследователей, подтверждают своими исследованиями разницу установок, и проявляют «миры» разных культур, которые открываются ими при продолжительном пребывании в малых деревнях, в гостях у оставшихся ещё незатронутыми цивилизацией племен. То есть они входят в "плоть и кровь" той жизни, которой живут племена, и так узнают себя, теряя свою принадлежность лишь к одной системе ценностей и установок.

То, что начинает Ницше Ф., порицая Сократа и превознося трагедию [3, с. 59] – завершается идеалом мифа и всего архаического, ставшим «после» науки (когда она блокирует в себе поэзис). На миф Ницше Ф. смотрит созерцательно, весьма внимательно – а также, мечтательно (нельзя ведь отрицать, что стремление к архаике – это романтика и полет к идеальному), постепенно укрепляя новое уже более реалистичное виденье этого нового идеала, воистину мифического. Того, в чем можно не только выразить, но и одновременно направить мечту души, чтобы она не была затеряна в стремлениях разума к идеалу. Но разве не держится не только философия, но и наука, и весь этот веер и фейерверк слоев информации – на мечте, за которой можно пойти?

И разве философия принуждена следовать за научной мечтой (в чем кстати, она, когда мы ищем в прошлом себя настоящих – я имею в виду антропологию)? Это уж как хочется ее адепту. Посему – ничто не мешает поддаться этой мечте и входить в другие миры, наполненные иными мифами. Какой будет после этого человек? Либо архаический, либо растерянный, либо станет расти к нелегкому состоянию универсальности, в котором начинают быть важными совсем другие координаты. Возможно, что совсем даже не слова.

Но, что понимаем мы, в конце концов, за *информационным обществом* (термин, введенным М. Маклюэном), с высоты мифотворческой мечты? Технологическую реализацию связи информации, явное виденье связей между людьми – и тьму непонимания, направленную в эту сторону. Сеть – страшно ли это? Почему порицаемая сеть не становится превозносимой, не наделяется мечтой связи всех со всеми, в едином времени?

Ведь может оказаться, что страх удерживает нас от одухотворенного взгляда на связи, и мы теряем эту нить. Вырезаем себя из нее насильно, хотя нас в нее тянут, другие – которых мы любим... А все эти «сети» – они (или она, единая Сеть?), конечно, весьма покорны, и становятся тем, чем мы их видим. Они, подобно знаковому полю, означают что-то, что им приписывают. Но может быть, в том то и дело, что они никак не устроены? Что они – как язык: о грамматике мы договариваемся, чтобы понимать друг друга. Но когда нам «осточертевает», так экзистенциально начинает завывать тоской почерк обычной грамматики (и мы ищем за ней *бытие*), разве не должны мы разбить стекла, скрывающие от нас за языком – мир? И быть подобно средневековому автору, о котором пишет М. Маклюэн в «Галактике Гутенберга», где зѓкрпление слова за контекстом было невозможным предприятием [2, с. 159].

Но за стократ наскучившем мнением о тяготе и подмене в информационном обществе – жизни, хочется запустить процесс открытости ее будоражащей истине: мы все стали – и должны «обрести» себя – ближе друг другу бытийно, понять истину открытости миру другого не из капсул себя – но в контексте какой-то единой природы (одновременно, обладающей в себе символом, сознательности). Перед человеком встает задача обрести себя каком-то таком космическом – или глобальном – масштабе, как часть живого человечества. Значит, наш голос должен звучать *«глобально»*, чтобы быть актуальным, он не может быть только лишь национален – нам становится очевидна узость настаивания на всём национальном, хотя естественным образом оно на «политических» частях планеты ещё вспыхивает своими огнями пересмысления понятий «собственного» и своего в рамках «глобального» голоса.

Голос – это то, что звучит из самой глубины и доходит до самой ясно видной поверхности, то, что резонирует обратно в людей и снова заходит вглубь. А в глубине, в какой идеал, в какую мечту ему попасть, чтобы выйти оттуда не лживыми языками, а нелживым, космическим голосом?

Разве информационное общество не сразу многоязыковое? Почему мы в нем обязательно теряем, упрощаемся – и почему современная «нормальная наука» решила на этот счет испытывать чувство пренебрежительного пессимизма, и в лучшем случае, саркастического полу-вопросания, в котором ещё есть надежда на сомнение в собственной правоте относительно «падения» сети относительно Бога морали и природы? Скорее всего, мы не умеем еще одухотворенно относиться к интернету, как к божественному дару. Но человечество всегда пренебрежало мощи благодати, прямо и откровенно направленного на него... и раздающей ему дары.

Что рушит все запреты? Интернет! Бесплатно и гласно... В конце концов, у него есть свои плюсы, а также, возможно, свои идеалы. Идеал, если угодно, *довременных* Близицецов (подобно тому, как компьютерные коды состоят из двух символов – нулей и единиц 1:0, 0:1, 1:1, 0:0). Здесь можно даже пренебречь полом? Близицецы, которые играют в райском саду без денег – или же деньгами, и больше не видят в этом укора и колокола судебной тяжести. Тут снова приходит образ ницшевского грека, который знает трагедию, но нам еще нужно лишиться (Ницше бы сказал, *всего морального*) драматизма, в котором мы встречаем нелепицы судьбы, чтобы увидеть своими глазами трагедию, как видел ее грек: в фундаментальности той игры, которой играет сам этот несплошной, дискретно устроенный мир – со своими провалами, которые мы наделяем (не независимыми ещё от морального и ложного) знаками, не может понять грека, как сказал бы Ницше – а ведь греческая культура является источником символической праприроды, а значит, самых священных идеалов. Мир играет игрой – это не означает той непространственной плоскости смысла, что «всё есть игра». Шопенгауэр А. как бы вставал на путь «выздоровливающего», взяв будто на себя пессимизм всего европейского общества: обличив его, выразив, проявив до самой остроты переживания – и привел к пустоте, которая умеет рисовать красками, как Ницше Ф., Кьеркегор, Камю – своим поэтическим словом. В этом отношении, страсть как трагическое переживание – всё, что есть у нас в проведение в жизнь понимания *природы* слова, то есть его мифотворчества, а не только его положения в структуре (грамматического места) или его в качестве однолинейно-означающего знака.

Душа – монолог, в современности. Но появлялась она как диалог с Богом, на страницах бл. Августина, как яркий пример, в «Исповеди» мы слышим ее страх быть несоответствующей – поскольку, Бог знает всё про неё, он видит её ясно. Но где этот Бог, если каждый находится в своей капсуле интернет-пользователя? Нельзя не заметить, как с некой тщетностью (с который письменный текст уступает устному) человек делает в интернете попытки проявиться, как входит в прелесть или теряется в разнообразии *Других*, и люди часто проявляют волю, они не только над собой вершат бессознательный суд, но и способны творчески поступать в этом безграничном пространстве – там наметив личные границы узнаваемости.

Когда Кон Э. пишет книгу «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону чело- века», ему уже не мешает остроконечное его. Он видит, он слышит интимность сна и яви – новые для него двери коллективного [1, с. 49], стертые границы личного там, где, казалось, субъективизм еще неизбежен. Он проникает в суть аналогии. Он начинает понимать суть образности, не выхваченной, но переплетенной с действительностью. И это уже не сказки, и это уже не совсем наука. От науки тут – лишь проникновенный луч созерцательного внимания (одновременно, и проникающий в суть процесса, и оттолкнувший его истины победой творчества). Наверное, только он и объединяет просветленного последователя буддизма, выдающего ученого и человека народа племени руна-пума – тот самый проникающий свечением луч. Уж наверное,

в этой точке споры прекращаются, заменяя лик – Самостью (хотя бы Юнга К. [4, с. 307]), её зеркалом, в которой отражается чудесный, красочный, поражающий своей полнотой и закругленностью мир. «Змея, которая кусает свой хвост!» Кроме, как мифом, некоторые вещи не схватить. Их не то, что не понять, их бы уловить! Ведь хвост всегда сзади, а чувство мифа всегда со спины, оно распахнуто к абсолютно подрывающему всякий здравый смысл содержанию.

Информационное общество – это разрешенная и цензурированная сеть человечества, которая видна и привычна. Но редки мысли, схватывающие обратную сторону этой истины: невидимыми сетями пронизано человечество, мы всё друг о друге знаем и чувствуем, интуиция – только намек на ясновиденье, к которому человечество способно. Почему человечество? Поскольку все включены в него одинаково, именно поэтому психология так понятна как наука, но одновременно нелепа – ибо она опирается на универсальные смыслы, но одновременно она решается не кем-то одним, а «миром», которым один кивает другому, так открывая луч друг другу.

Глобальный голос – это пробивающийся свой родник в некоем пейзаже. Количество – это то, что переходит в качество – через боль отсутствующей уникальности. Это то, что ломаясь, создает самость, ядро, сжимающееся, ярчает, блекнет страх перед глобальностью – и в самом малом порой слышно больше голоса, мощи, чем в количестве. Само по себе количество – не трогает. Трогать начинает попадание, так формируется глобальный голос, ещё голый для обрастания красотой седовласой архаичности, но уже трогательный в своих малых ростках подлинной жизни. Он уже способен обратить на себя внимания – в законах леса только он и выживет.

Что необходимого в душе, и почему философы, в отличие от ученых, душу никогда не изгоняли? Она – жива, в ней уже есть что-то архаическое, она дика и имеет в своей открытости неприязнь к подделкам, она всегда имеет оружие детской слезы против сухих игр вне правды, где образы полностью оторваны от чувств, где и чувства, и образы попадают в руки мошенников... подменников, кто сам себя быстро подменяет, да медленное его не может погрузить, и он лишь способен всячески ускальзывать, уклоняясь в конечном счете от сути мира, в который он рано или поздно обратно попадет – да так был далек от себя, видно, что и забыл, кем был, когда вернулся. Платон, далекий от пафоса фундаментализма, пытался выразить простые, но неподвластные никаким границам вещи, но что-то давило на него, что не давало ему запеть как птица об этих высотах, которые он созерцал. Но, такого рода истины, которые открывает своим исследованием Э.Кон, хочется донести именно до научного сообщества, рассказать людям науки, потому что они внимательны, в них хотя бы есть вопрос и это подозрение, делающее прозрение – особым делом, а мудрость – ценностью, до которой можно дорасти, входя в утопический разговор об общечеловеческом критерии истины, выходящим за пределы лишь языковых игр.

Библиографический список

1. Кон Э. Как мыслят леса: антропология по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем, 2018 – 344 с.
2. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Академический проект, 2005. – 496 с.
3. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2012. – 416 с.
4. Юнг К. Г. Алхимия снов. Пер. Семиры. СПб.: Timothy, 1997 – 352 с.

Яковлева Елена Людвиговна

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент,
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Email: mifoigra@mail.ru.

ПРОБЛЕМАТИЗИРУЯ СЮРРЕАЛИСТИЧНОСТЬ МЕДИАОБРАЗА

Аннотация. В статье анализируются медиаобразы, оказавшиеся сюрреалистичными по своей природе. Конструируемые без прообраза, с минимальным участием дизайнеров посредством новых медиа, они задают главенствующий тон в социальном. Массовое сознание воспринимает их некритично, копируя и привнося черты сюрреальности в действительность. Благодаря внешним преобразованиям на основе сюрреалистичных медиаобразов массовое сознание создает иллюзию преодоления кризисов, продолжая свой путь.

Ключевые слова: образ, медиа.

Iakovleva Elena Ludvigovna

Doctor of Philosophy, PhD (Culturology), Associate Professor
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

SURREALISTIC MEDIA IMAGE AND ITS PROBLEMS

Abstract. The article analyzes media images that turned out to be surreal in nature. Constructed without a prototype, with minimal participation of the designer through new media, they set the dominant tone in the social. Mass consciousness perceives them uncritically, copying and bringing features of surrealism into reality. Thanks to external transformations based on surreal media images, mass consciousness creates the illusion of overcoming crises, continuing its movement.

Keywords: image, media.

Современная культура живет под знаком визуального поворота. Сегодня пространство социального оказывается заполненным многочисленными образами, создаваемыми посредством новых медиа. Обладая мощной силой воздействия, образы манипулируют массовым сознанием. Но все большая часть современных образов оказывается технологизированными конструктами. Перечисленное позволяет говорить о разворачивании сюрреалистичного сюжета в социальном, в котором проблематизируется бытие человека, подвергнувшегося атакам со стороны образов, пытающихся вытеснить реальность. Перечисленные обстоятельства заставляют осуществить деконструкцию медиаобраза с целью ограничения его тотального влияния.

Привлекательным образ делает то, что он оказывается пластической конструкцией, способной изменять свою конфигурацию и содержание в зависимости от дискурса, эстетических идеалов исторической эпохи, индивидуальных особенностей личности и коллективных представлений людей. В классической эстетике образ трактуется как результат абстрагирования и воображения, получающий в дальнейшем наглядное воплощение. Он является субъективной, духовно-психической манифестацией творца/личности, истоком которой оказывается объективная реальность. К числу специфических характеристик образа можно отнести его способность формировать новый пласт реальности, что сегодня принципиально важно. В современности этот пласт обладает сюрреалистичной природой, не воспринимаемой в качестве таковой массовым сознанием.

Дело в том, что в большей мере современные образы создаются новыми медиа, сближающими «удаленные друг от друга реальности» (П. Реверди) – действительную и виртуальную, в результате чего конечный результат совмещает в себе несоединимое, демонстрируя сюрреалистичное. При создании образа все меньшее участие принимает воображение: ему на смену приходят методы компьютерного моде-

лирования, способные быстро предоставить конструкторы и множество вариантов образа. Более того, все реже в качестве модели для образа выступают люди/предметы. Образ рождается из *Ничто* как «первичной сцены отсутствия» (Ж. Бодрийяр), постепенно превращаясь в *Нечто* благодаря комбинированию множества модулей в компьютерных программах. При создании образа особую роль играют игровые алгоритмы. У сюрреалистов игра осуществлялась с помощью автоматического письма, алеаторного метода и бриколажной техники. Сегодня данные методы практически полностью вытесняются: им на смену приходят алгоритмы компьютерных программ. Сконструированный с их помощью образ подвергается дигитализации, улучшающей каждый его элемент. Гиперэстетичное *Нечто*, являющее собой «неразличимость между искусством и реальностью» (Ж. Бодрийяр), вторгается в действительность и пытается вытеснить ее. Виртуальное замещает реальное, прозрачно свидетельствуя о сюрреалистичности ситуации.

Сконструированный образ, олицетворяющий продукт технокультуры/транскультуры, практически полностью изгоняет человеческое из процесса. Происходит *расчеловечивание* процесса создания медиаобраза, принимаемое сегодня за норму. Предпочтение отдается неживому, техническому, автоматическому. Сам образ, несмотря на свою гиперэстетичность, воплощает собой *смерть* (Автора/Смысла/Человека/социального). Созданный неживым из неодоухотворенного – *Ничто*, он нередко утрирует идею смерти своими декорациями (образы размещаются на фоне руин, разрушений, стихийных бедствий или их симулякров) или внешним видом, гиперэстетично преподносящим мертвое/неживое. Парадокс ситуации заключается в том, что благодаря новым медиа создается эффект одухотворения мертвого/неживого, что очередной раз подчеркивает сюрреалистичность ситуации. Создаваемая подреальность в виде смерти скрывает в себе иронию о бренности жизни, тщетности усилий по изменению имиджа, постепенном старении и разрушении всего сущего, не замечаемую массовым сознанием либо принимаемую за модную тенденцию.

Безусловно, в создании образа человек играет определенную роль, но она сужается до функциональной. Неслучайно индивида в эпоху технокультуры/транскультуры трудно назвать художником. Свой творческий потенциал он минимизирует, отдаваясь во власть технике, позволяющей конструировать сюрреалистичные пласты и встраивать их в действительность. На смену художникам приходят *дизайнеры*, моделирующие образы, пространства, жизнь. Их гиперэстетичные объекты не являются произведениями искусства. От самих дизайнеров требуются медианавыки и небольшие объемы знаний, а новые медиа обесценивают их субъективность, воображение, эстетический вкус и критическое мышление. Данное обстоятельство позволяет назвать дизайнеров *одномерными людьми* (Г. Маркузе), охваченными безудержным производством и неумеренным потреблением.

Технические функции новых медиа формируют образ, редактируют его, создавая необходимые эффекты, продуцируют множество версий и тиражируют со скоростью света. Благодаря цифровой обработке медиаобраз приобретает высокую четкостью изображения, что уничтожает в нем его иллюзорность. Необходимо подчеркнуть, иллюзорность сюрреалистичного образа теряется и при его распространении в социокультурном пространстве. Благодаря новым медиа конструируемый образ может одновременно совмещать разные (реальный, надреальный, подреальный) пласты бытия, между которыми стирается грань. Созданный пласт сверхреальности демонстрирует особую технологизированную красоту. Ее интерпретация массовым сознанием приводит к появлению множества субъективных реальностей, в которых допускаются искажения. В результате этого мы наблюдаем в социальном массовое шествие образов, демонстрирующих *конвульсивную красоту* (А. Бретон). Для последней характерны деформации в сторону красоты и отсутствие смыслов.

Подчеркнем, массовое сознание воспринимает медиаобразы не критично. Данный процесс основывается на чувственно-эмоциональной компоненте, приводящей к *рецептивной герменевтике* как интеллектуальной фазе, потенциал которой ис-

пользуется минимально. Неслучайно, постоянно соблазняясь медиаобразами и испытывая желание быть похожими на них, массовое сознание занимается копированием понравившегося сюрреалистичного. Созданный сюрреалистичный образ поддерживает «всевластие мечты» и «веру в высшую реальность» (А. Бретон), претендуя на собственное бытийствование в действительности. Сегодня именно медиаобразы выступают в качестве точки бифуркации, вследствие чего процесс конструирования моделей у дизайнеров получает дальнейшие импульсы, а массовое сознание получает возможность копировать их, нередко искажая интерпретацию. Сюрреалистичность ситуации заключается в том, что образы сегодня буквально поглощают личность путем тактик соблазнения и оболочения гиперэстетичностью. Копирование образа делает личность *репликой Другого*, нередко сверхреального, не существующего в бытии. Образ вытесняет индивида из его оболочки, освобождая от себя, ответственности и ценностей. Атакованное образами массовое сознание умудряется спрятаться за ними, продолжая свой путь в мироздании и не замечая сюрреалистичности многих черт. Тотальный захват социального постоянно обновляемыми медиаобразами позволяет говорить об игровой ситуации, в которой мы наблюдаем бесконечную игру с рождением и исчезновением образов, стирающих следы своего бытийствования и пропадающих в массовых архивах, большей частью не востребуемых. Данный сценарий развития оказывается довольно непредсказуемым, но приятным массовому сознанию.

В заключении подчеркнем следующие моменты. В современности создаваемые образы имеют сюрреалистичную природу, что оказывается возможным благодаря новым медиа. Высокотехнологическая обработка делает медиаобразы не только привлекательными для массового сознания, но и позволяет манипулировать им. Медиаобраз рождается из *Ничто*, у него нет прообраза, и человек играет при его создании минимальную роль. В современном образе оказывается размытой граница между реальностью и сверхреальностью, дизайном и искусством, культурой и технологиями. Перечисленное свидетельствует о сюрреалистичности ситуации, которая сегодня становится привычным явлением. Несмотря на свою сюрреалистичность, медиаобразы встраиваются в реальность, нивелируя в ней многие черты и даже вытесняя действительное. Данные аспекты оказываются незамеченными массовым сознанием, начинающим благодаря копированию приносить сюрреалистичность в повседневную жизнь, испытывая удовольствие.

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Исаев Борис Акимович

доктор социологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: isaevboris@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И ВЕРОЯТНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: Статья посвящена решению проблемы возникновения революций в постиндустриальном обществе. Автор утверждает, что социальная структура постиндустриального информационного общества не предполагает возможности революций, подобных революциям 19-20 вв., происходивших в индустриальных обществах.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информационное общество, революции, индустриальное общество.

Isaev Boris Akimovich

Doctor of Sociology, Professor

St.Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOCIAL STRUCTURE OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY AND PROBABILITY OF REVOLUTION

Abstract. The article is deals with the problem of revolutions in post-industrial society. The author argues that the social structure of post-industrial information society does not imply the probability of revolutions such as the revolutions of the 19th and 20th centuries that took place in industrial societies.

Keywords: post-industrial society, information society, revolutions, industrial society.

1. Социальная структура индустриального общества имеет довольно четко выраженную иерархию и представляет собой пирамиду, вершину которой занимает элита (1–3 %), опирающаяся на высший (4–7%) и средний (25–30%) классы. Основанием этой социальной пирамиды служит нижний или рабочий класс (60–70%), то есть люди физического труда.

В этой социальной пирамиде, очевидно, своим положением вполне довольны или просто довольны элита, высший и средний классы, составляющие в сумме 30–40% общества, а недоволен нижний класс, составляющий абсолютное большинство (более 60%) населения. Такое положение классов в социальной пирамиде и само пирамидально-иерархическое строение общества объективно создает возможности для начала и разворачивания революционного процесса, движущей силой которого может стать нижний или рабочий класс. Такое общество объективно готово к революции, не хватает только революционных организаций и вождей. При появлении субъективного фактора, то есть революционной партии, программы и лидера, особенно если этот фактор воздействует на подготовленную объективными условиями (голод, кризис, война и др.) почву, общество быстро революционизируется.

2. Социальная структура переходного к постиндустриальному общества представляет собой усеченный ромб, показывающий процессы увеличения численности среднего класса и сокращения численности нижнего класса. Вершину этого ромба занимает элита (1–3%), опирающаяся на высший (4–7%) и разросшийся средний (55–60%) классы. Внизу этого социального ромба располагается нижний или рабочий класс (30–40%). Изменения социальной структуры происходит за счет резкого увели-

чения среднего класса и его большей дифференциации и значительного уменьшения численности нижних слоев в процессе сокращения ручного труда, роста уровня образования и общей культуры. В этой социальной иерархии своим положением вполне довольны уже подавляющее большинство общества, а именно элита, высший и средний классы, составляющие вместе 60–70% общества, а недоволен нижний класс, составляющий теперь всего 40–30% общества. В этом обществе революционные ситуации возможны только при совпадении сразу многих условий (например, экономический и политический кризис, поражение в войне, голод и разруха), а победа революции представляется маловероятной.

Изменения социальной структуры происходит за счет перехода так называемых «белых воротничков» из нижнего класса в средний, дальнейшего роста образовательного и культурного уровня, увеличения доходов всех классов общества. Нижний или рабочий класс при этом качественно меняется. Если ранее его составляли представители коренного этноса, пришедшие из деревень в города, то теперь, в постиндустриальном обществе нижний класс общества составляют, в основном приезжающие на заработки в страну из колоний или развивающихся стран. Они могут быть недовольными своим положением, но их явно недостаточно, они не организованы в масштабе страны, за ними не пойдет большинство коренного населения, и совершить революцию они не могут. Все это ведет к дереволюционаризации постиндустриального общества, резкого сокращения вероятности революций в нем.

3. Социальная структура постиндустриального общества представляет собой ромб, который характеризует процессы дальнейшего сокращения ручного труда и, соответственно, доли рабочего класса, роста образовательного уровня работников и предпринимателей и роста доли среднего класса в социальной структуре. Вершину социального ромба занимает элита (1–3%) и высший класс (4–7%), среднюю наиболее широкую часть – средний класс (80–90%) и нижнюю часть – рабочий класс (6–7%).

В современной России, по данным Института социологии РАН, по семейным доходам, по возможностям потребления к среднему классу относятся порядка 60% населения [1]. Современное российское общество по его социальной структуре, другим социологическим показателям, можно отнести к переходному типу общества от индустриального к постиндустриальному. Это общество, где доминирует средний класс, не заинтересованный в новых революциях, может быть отнесено к типу обществ, миновавших или минующих эпоху революций.

В современной России неярко выражен объективный фактор революции, хотя определенное недовольство некоторых слоев населения существует и очень слабо действует субъективный фактор революции (есть слабо организованные протестные движения, нет революционной партии и программы, революционного лидера). Если оценить современное российское общество с точки зрения вероятности революции, то следует отметить, что оно не генерирует революционных процессов и находится на этапе постреволюционного исторического развития.

Окружение российского общества, то есть постсоветские и европейские страны, также пережившие революционный период, потеряли или существенно снизили свой революционный потенциал и влияют на российское общество антиреволюционно.

Библиографический список

1. Социолог Симон Кордонский: почему в России нет экономики, классов и коррупции // Интернет-газета Znak. URL: https://www.znak.com/2019-02-22/sociolog_simon_kordonskiy_pochemu_v_rossii_net_ekonomiki_klassov_i_korrupcii (дата обращения 01.09.2019).

Багнюк Виталий Евгеньевич

преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Email: Vit1945@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: статья посвящена обзору особенностей современной геополитики в условиях информационного общества. Анализируются отдельные характерные черты современной эпохи и их влияние на геополитическую теорию. Отдельно рассматривается эволюция геополитической мысли и современные направления в геополитике.

Ключевые слова: особенности современной геополитики, характерные черты информационного общества, направления современной геополитики.

Bagnjuk Vitaliy Evgenevich

Lecturer

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE FEATURES OF GEOPOLITICS OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the review of the features of modern geopolitics in the context of information society. Some characteristics of the modern era and their influence on geopolitical theory are analyzed. Separately, the evolution of geopolitical thought and modern trends in geopolitics are considered.

Keywords: features of modern geopolitics, characteristic features of the information society, directions of modern geopolitics.

Общая теория геополитики может быть разделена на классическую, индустриальную и современную, постиндустриальную геополитику.

Современная геополитика начинает формироваться во второй половине двадцатого века, когда в наиболее развитых странах мира происходит становление нового социально-экономического и политического строя, именуемого постиндустриальным или информационным обществом.

На формирование нового исторического типа общества оказала влияние информационная революция 70-80-х годов XX века. В результате создается новая информационно-коммуникационная среда, охватившая за несколько десятилетий весь мир. По отношению к теоретической и практической геополитике, отождествлявшей международные отношения с борьбой за господство над физической территорией и предполагавшей освоение человеком реальных физических пространств суши и моря это означало появление, нового типа пространства имеющего сетевую структуру, в которой разворачиваются геополитические конфликты.

Мы разделяем современную геополитическую теорию на два направления: критическую геополитику и неоклассическое направление.

Критическая геополитика, возникшая под влиянием критического подхода в социальных науках и постмодернистской философии, коренным образом меняет наши представления о геополитике и ее основных функциях.

Она подвергает серьезной критике классическую геополитику за поверхностный и редуцированный анализ международных отношений, оправдание милитаризма, экспансии, и крайнюю конфликтогенность многих геополитических концепций классического периода. Следствием этого становится пересмотр основных тезисов, образующих классическую геополитическую парадигму, которые основывались, на стремлении великих держав к гегемонии. Критическое направление геополитики развивает

новую методологию в геополитической теории, перенося в нее некоторые методы социальных наук. Представители нового направления, такие как Джон Агню и Джерард о'Тоал [4] утверждают, что география всегда представляет собой особый вид социально-исторического дискурса, зависящего от политики и идеологии. Данный подход переносится и в область геополитики. В результате происходит реконцептуализация геополитики как дискурсивной практики, с помощью которой политические элиты или государственные интеллектуалы разделяют мир на сферы влияния. В результате, с точки зрения критического подхода, современная геополитика должна изучать социальные факторы, влияющие на конструирование пространства. Тем самым предметом исследования критической геополитики становятся, в первую очередь, средства актуализации и использования пространства для реализации конкретной стратегии и достижения политических целей. Соответственно в центре изучения оказывается политический дискурс и коммуникация, что потребовало применения таких методов исследования как дискурс-анализ.

Фактически критическая геополитика является направлением, которое стремится, с одной стороны, проблематизировать классическую геополитическую аргументацию, а с другой, – провести деконструкцию основных эпистемологических утверждений и принципов классической геополитики. Тем самым критическая геополитика становится формой геополитики, дающей альтернативу доминирующим геополитическим подходам и направленную на деконструкцию определенных географических мифов и дискурсов, легитимирующих насилие и применение военной силы.

Неоклассическое направление в геополитической теории постиндустриального общества возникло во многом как реакция некоторых интеллектуальных кругов на критику традиционного концепта геополитики. Представители данного направления взяли за основу своих исследований классические геополитические работы, в первую очередь, англо-саксонских геополитиков, таких как Хелфорд Маккиндер и Альфред Мэхен и занялись развитием классического геополитического подхода с учетом изменяющихся международных реалий, утверждая при этом универсальность значения географического фактора в мировой политике.

В основу теории неоклассического подхода легло положение о том, что дискредитация геополитики во многом связана с неверным ее пониманием. Так, один из родоначальников неоклассического направления американский геополитик Маккабин Оуэнс утверждает, что геополитика является определенным нормативным аналитическим подходом, которые способен давать один из вариантов объяснения международных политических процессов [5]. По его мнению, геополитика является частью реалистической традиции в теории международных отношений и подразумевает описание пространственных факторов политики силы с учетом влияния изменений в технологиях и экономике. В целом же неоклассическое направление изначально во многом наследовало основные принципы классической геополитики.

Неоклассическое направление утверждает, что международный порядок создается теми, кто имеет власть и силу. При этом сила современного государства имеет определенное отношение к территории, контроль над которой дает возможность использовать ресурсы и реализовывать свой стратегический потенциал.

В современных работах по геополитике все больше внимания уделяется проблеме противостояния государства многочисленным сетевым негосударственным акторам. В результате ключевой темой становится проблема сохранения суверенитета государства.

Одновременно неоклассическое направление характеризуется отходом от идеи о прямом детерминирующем влиянии географического фактора на внешнюю политику, рассматривая геополитику как аналитическую дисциплину, призванную способствовать формированию государственной стратегии с учетом влияния, как географического положения, так и экономики, культуры и особенностей развития современных технологий. Да и сама идея гегемонии, которая в классической геополитике достижа-

лась, в основном, военными средствами, в современной геополитике постепенно заменяется на идею лидерства в самых разнообразных сферах [см.: 1; 2].

Соответственно современная геополитика не может больше ассоциироваться только с географическим детерминизмом и с сугубо территориальным концептом пространства. Однако, как показывает практика, современные геополитические процессы затрагивают также экономическое, культурное, информационное пространства. Появление таких научных направлений в геополитической теории как геоэкономика и геокультура является тому подтверждением.

Современная геополитика основывается на предположении, что география определяет возможности и пределы в международной политике: государства могут реализовать свои геополитические возможности, а могут стать жертвами своего геополитического положения. Следовательно, геополитика не статична, а вполне способна к динамическому развитию, отражая международные реалии и мировую структуру власти, возникающей в результате взаимного влияния географии, технологий и экономического развития.

Библиографический список

1. Исаев Б.А. Понятие и типология политических режимов. Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 88-97.
2. Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития российского государства. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т.1. № 2. С. 140-152.
3. Хелд. Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – XXIV, 576 с.
4. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11. No. 2
5. Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review, vol. 52, no. 4, Autumn 1999. URL: <http://www.nwc.navy.mil/press/review/1999/autumn/art3-a99.htm>

Быльева Дарья Сергеевна

кандидат политических наук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Email: bylieva_ds@spbstu.ru

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-КОНСОЛИДАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАУКИ И ФЛЕШМОВ

Аннотация: Развитие информационно-коммуникативных технологий породило новые феномены консолидации, такие как гражданская наука, флешмоб, "шеринг", свидетельствующие о больших потенциальных возможностях объединения людей для решения глобальных проблем современности.

Ключевые слова: волонтерство, объединение, проблемы.

Bylieva Daria Sergeevna

PhD (Political Science), Associate Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE POSSIBILITIES OF INTERNET CONSOLIDATION ON THE EXAMPLE OF CIVIL SCIENCE AND FLASHMOBES

Abstract. The development of information and communication technologies has given rise to new phenomena of consolidation, such as civil science, flash mob, "sharing", indicating great potential for bringing people together to solve global problems of our time.

Keywords: volunteering, unification, problems.

Информационно-коммуникативные технологии расширяют возможности человечества в решении многих задач, требующих приложения совместных усилий [1]. В последние годы большое развитие получила так называемая гражданская наука (citizen science), подразумевающая участие в научных исследованиях непрофессиональных участников. Помощь в сборе и обработке научной информации позволяет получить значительные результаты. Конечно, нельзя считать это явление полностью новым, уже в конце XIX века можно наблюдать участие непрофессионалов в исследованиях, самое длительным проектом можно назвать Рождественский подсчет птиц Национального Одюбоновского общества с 1900 года. А первым ученым, привлечшим армию добровольцев для круглосуточному измерению приливов в одно и то же время в течение двух недель в июне 1835 года был Уильям Уэвелл, сделавший серьезные открытия в области предсказания океанских приливов. Однако информационно-коммуникативные технологии облегчают не только передачу, но и обработку данных. Один из самых первых проектов виртуальной гражданской науки Galaxy Zoo, предлагал классифицировать форму галактик, которые можно увидеть на изображениях с телескопов. Количество людей, включенных в проекты насчитывает миллионы, только в проектах по биоразнообразию ежегодно участвует порядка двух миллионов человек [2], с помощью приложения eBird (разработанная Орнитологической лабораторией Корнелла) в среднем ежемесячно получает более 7,5 миллионов результатов наблюдения.

Чаще всего ученые предлагают волонтерам или собирать информацию в реальном мире (например, в России «Союз охраны птиц» предлагает желающим осенью птиц, летящих на зимовку "Всемирные Дни наблюдения птиц", весной фотографировать и записывать трели соловья "Соловьиные вечера", в крупных городах считают уток как показатель экологического благополучия мегаполисов) или помочь в распознавании фотографий, текстов и т.п. онлайн (самый крупный проект такого рода Zooniverse как для добровольцев, так и для ученых со всего мира, желающих открыть свой проект). Однако на сегодняшний день роль добровольцев в науке может

быть гораздо сложнее (например, в виртуальной гражданской науке моделирование gravitational lens [4], в реальном мире анализа образцов (monitoring a stream and benthic community [5]). Хотя исследования говорят о позитивном отношении и интересе к науке в России [6], [7]

Традиционно в проектах гражданской науки иницилирующая роль принадлежит ученым, которые должны предложить что-то достаточно интересное и впечатляющее, чтобы волонтеры откликнулись и приступили к активной деятельности. Учеными используется уже имеющаяся активность, если, например, ученые используют данные, выложенными в сети пользователями, например, определяя изменение уровня воды в исторической перспективе по роликам на Youtube [8] или оперативно по постам в Твиттер [9]. В последнем случае можно говорить об сетевом взаимодействии людей в сети, которые объединяются с помощью хештегов для информирования и помощи друг другу (которое автор относят к смартмобам [10, p. 102]), которая в дальнейшем поддерживается властями и учеными. Так, созданные пользователями теги #toonflood и #newcastleendofdays, информирующие об опасности и помогающие найти путь домой были подхвачены властями, а в дальнейшем была создан сайт для загрузки фото и сообщений с привязкой к локации. А также создана система, обрабатывающая поток данных из Твиттера для определения, когда начинается стихийное бедствие, запуска гидродинамической модели в соответствующей географической точке, и последующей проверки качества результатов. Теги, спонтанно создаваемые в ответ на какие-то острые события, помогающие людям сориентироваться в проблемной ситуации, не редкость в современном мире. Достаточно вспомнить тег #домой, появившиеся почти в социальных сетях и интерактивных картах сразу после теракта в Санкт-Петербурге (3 апреля 2017), направленный на помощь людям, которые не смогли попасть домой из-за закрытия метро. Через несколько часов были созданы списки станций метро, где автомобилисты отметили их маршруты, чтобы доставить людей домой. Еще позже коммерческие организации и администрация подключились к процессу (такси предлагается бесплатный транспорт, на заправках предлагается бесплатный бензин, кафе – бесплатный чай для тех, кто не мог уйти, бесплатный проезд по платным магистралям).

Огромный потенциал объединения людей с помощью хештегов (вроде #оссуру) особенно ярко проявился для организаций политических акций, когда протестные теги за короткий промежуток могли поднять на акции в физическом пространстве большое количество людей. Разнообразные флешмобы, провоцирующие людей на действия он или офф-лайн от откровенных рассказов до танцев на вокзалах, указывают на то, что возможная область применения данной технологий очень широкая.

Разнообразные интернет-площадки, направленные на то, чтобы делиться личными ресурсами (так называемые "шеринги" от английского #sharing англ. "делиться") В России существует сайт ДаруДар с полумиллионной численностью дарителей, используются сервисы для совместных поездок, для того, чтобы делиться вещами, продуктами, строительными материалами и т.д. или собственной жилплощадью во время отъезда.

Таким образом, на сегодняшний день можно увидеть, что с помощью информационно-коммуникативных технологий

– осуществляется объединение людей со схожими интересами/мотивами/планами для осуществления общих действий (флеш и смарт-мобы с помощью хештегов, иногда с уточнением геолокации);

– люди готовы делиться своими ресурсами даже на безвозмездной основе (шеринги);

– возможно объединение усилий людей для решения разнообразных задач, вплоть до осуществления экспериментов или осуществления сложных интеллектуальных действий (так называемая экстремальная гражданская наука, где волонтеры являются полноправными партнерами в исследовании [11]).

Глобальные проблемы, которые стоят сегодня перед человечеством, требуют от последнего небывалой консолидации в приложении совместных усилий. И рассмотренные тенденции позволяют увидеть в возможностях информационно-коммуникативных технологий потенциал для подобного объединения. В тоже время на сегодняшний день механизмы такого объединения неочевидны, технические проблемы переплетаются с психологическими. Можно отметить проблемы, связанные с эффективной мотивацией, социальным взаимодействием, сниженная ответственность поведения в сети, создание единого «информативного кода» (по определению О. Д. Шипуновой [12, р. 41]) и т.п. Хештеги как основа объединения социальных сетей, картах и других формах, также имеет недостатки вербального символа, то есть понятны только владеющим данным языком, кроме того одна и также идея может быть выражена с помощью разных слов и словосочетаний, что приводит к распылению сил.

Библиографический список

1. Башкарев, А.А., Евсеев В.В. Сетевые технологии и их влияние на параметры жизнедеятельности человека и общественной среды // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. 2018. С. 486–491.
2. Theobald E.J., Ettinger A.K., Burgess H.K., DeBey L.B., Schmidt N.R., Froehlich H.E., Wagner C., HilleRisLambers J., Tewksbury J., Harsch M.A., Parrish J.K. Global change and local solutions: Tapping the unrealized potential of citizen science for biodiversity research // *Biological Conservation*. 2015. (181). С. 236–244. DOI:10.1016/j.biocon.2014.10.021.
3. Küng R. SpaghettiLens: A software stack for modeling gravitational lenses by citizen scientists // *Astronomy and Computing*. 2018. (23). С. 115–123. DOI:10.1016/J.ASCOM.2018.02.007.
4. Küng R., Saha P., Ferreras I., Baeten E., Coles J., Cornen C., Macmillan C., Marshall P., More A., Oswald L., Verma A., Wilcox J.K. Models of gravitational lens candidates from Space Warps CFHTLS // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. 2018. № 3(474). С. 3700–3713. DOI:10.1093/mnras/stx3012.
5. Lowry C.S., Fienen M.N., Hall D.M., Stepenuck K.F. Growing Pains of Crowd-sourced Stream Stage Monitoring Using Mobile Phones: The Development of CrowdHydrology // *Frontiers in Earth Science*. 2019. (7). DOI:10.3389/feart.2019.00128.
6. Евсеева Л.И., Тараканова Т.С., Матвеевская А.С. Научная коммуникация в образовательном пространстве университетов // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 421–425.
7. Тростинская И.Р. Социальные сети как форма организации научной коммуникации // *Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация материалы международной научной конференции*. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 149–151.
8. Le Boursicaud R., Pénard L., Hauet A., Thollet F., Le Coz J. Gauging extreme floods on YouTube: application of LSPiV to home movies for the post-event determination of stream discharges // *Hydrological Processes*. 2016. № 1(30). С. 90–105. DOI:10.1002/hyp.10532.
9. Smith L., Liang Q., James P., Lin W. Assessing the utility of social media as a data source for flood risk management using a real-time modelling framework // *Journal of Flood Risk Management*. 2017. № 3(10). С. 370–380. DOI:10.1111/jfr3.12154.
10. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. № 4(8). С. 96–107. DOI:10.18721/JHSS.8409.
11. Stevens M., Vitos M., Altenbuchner J., Conquest G., Lewis J., Haklay M. Taking Participatory Citizen Science to Extremes // *IEEE Pervasive Computing*. 2014. № 2(13). С. 20–29. DOI:10.1109/MPRV.2014.37.
12. Шипунова О.Д. Инфосфера коммуникации в контексте современной науки // *Коммуникативные Стратегии Информационного Общества*. 2018. С. 40–42.

Васильев Максим Викторович

кандидат исторических наук

Псковский государственный университет, Псковское региональное отделение РАПН

Email: maksim_vasilev2009@mail.ru

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕОПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В тезисах рассматривается история развития информационной пропаганды и выявляются основные черты воздействия при помощи информационных технологий. Главным орудием достижения геополитических задач в современном мире становится информация, а в современной геополитике происходит неокolonиальный передел мирового пространства путём информационного воздействия на мировоззренческие ценности поколений и стимулирования внутренних противоречий.

Ключевые слова: геополитика, информационная пропаганда, информационная война, «мягкая сила».

Vasilev Maxim Viktorovich

PhD (History)

Pskov State University, Pskov Regional Branch of the Russian Association of Political Science

NEW PRINCIPLES OF GEOPOLITICS IN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. The paper discusses the history of the development of information propaganda and identifies the main features of its impact using information technology. In the modern world, the main tool in performing geopolitical tasks is information. In modern geopolitics, a neocolonial redistribution of world space takes place due to informational impact on the worldview values of generations and stimulation of internal contradictions.

Keywords: geopolitics, information propaganda, information war, "soft power".

Само понятие «геополитика» вошло в оборот более века назад, с течением времени было создано несколько крупных научных школ и концепций по этой проблематике. В классическом понимании геополитика подразумевается в виде борьбы мировых держав за стратегически значимые территории и ресурсы. Постоянный передел мира на зоны влияния и изменения политической карты – это и есть геополитика. В прошлом именно территория, была главным фактором могущества в мире, поэтому все державы стремились расширять свои владения до максимального предела. Каждая из держав это делала по-своему исходя из военных, технических, географических и политических возможностей. Войнами со своими соседями и захватом их территорий в прошлом занимались все государства. Западные державы стремились создать мощную колониальную систему, захватывая земли по всему миру, Россия на протяжении веков занималась внутренней колонизацией, осваивая огромные просторы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Когда границы расширяющихся держав и их интересы соприкасались друг с другом, геополитическая борьба между ними обострялась, использовались всевозможные методы воздействия на противника. Однако открытое противостояние в виде военных действий между крупными державами происходило редко, намного чаще в ход шли методы латентного воздействия: дипломатия, диверсии, дезинформация и стимулирование внутренних проблем конкурента. Россия столкнулась с этими методами сразу же, как только заявила о своих геополитических интересах в европейском регионе. Уже начиная с эпохи Ивана Грозного, который первым из русских правителей попытался получить удобный выход в Балтику, наша страна столкнулась не только с международной коалицией Запада, но и мощной информационной пропагандой. Летучие листки, активно распространяе-

мые в Польше и Прибалтике, в красках создавали образ ужасного русского царя и кровожадных русских варваров. Уже со второй половины XVI века Россия познакомилась с классической моделью геополитического противостояния держав моря и держав суши. Главной задачей морских держав всегда являлось не допустить сушу к выходу в моря. Смутное время в России с его иностранной интервенцией поляков и шведов, а также хорошо оплаченной Западом политической авантюрой самозванцев есть ни что иное, как яркий пример геополитической борьбы. В истории любого государства бывают свои трудные моменты, кризисы и гражданские конфликты, вызванные комплексом внутренних проблем, но как только в кризисную ситуацию начинают вмешиваться другие державы, моментально начинается геополитика. Итогом русской Смуты XVII века стало не только ослабление России, но и существенные территориальные потери, в том числе и прибалтийские северо-западные земли, которые отошли к Швеции. На протяжении следующего столетия Россия упорно стремилась получить выходы в моря, однако смогла сделать это лишь в XVIII веке, когда благодаря завоеваниям Петра I и Екатерины II мы получили Балтийское и Черное море, а Россия создала два военно-морских флота. Такое усиление русского мира не просто беспокоило Запад, но и угрожало его интересам. Геополитическое противостояние входило в новую фазу, начиналась большая игра, в которой наша страна имела свои блестящие успехи и тяжелейшие поражения. На протяжении веков оттачивались самые изысканные методы борьбы, придумывались новые комбинации и схемы воздействия.

С течением времени произошли кардинальные изменения в противостоянии мировых держав, современная геополитика перестала ассоциироваться исключительно с территориально-пространственными и силовыми методами воздействия. Не отказываясь от уже имеющихся механизмов, противоборствующие силы все чаще стали прибегать к так называемым методам мягкой силы – комплексному воздействию в сфере информационных технологий. В силу развития глобализационных процессов постиндустриального общества, возрастанию роли киберпространства понимание геополитики существенно расширилось, принципиально изменились взгляды на основы безопасности государства, национальные интересы и политические приоритеты. В современном мире территориальный фактор теряет свое значение и роль. Теперь даже небольшое государство, обладающее высоким уровнем технологий, может стать серьезным игроком на международной арене. По мере того как информация и технологии становились главнейшим фактором геополитической игры, все европейские державы отказывались от своих колониальных владений в мире, предоставляя народам внешне подобие свободы и независимости. Мы говорим внешние, потому что на смену грубому диктату пришли новые, более изощренные механизмы тайной манипуляции правительствами слабых стран и его гражданами. На смену армиям, завоевывающим и удерживающим свои колонии, пришли методы финансово-кредитной кабалы, искусственного сдерживания экономического и технологического развития стран, дипломатического давления, что, в конечном счете, привело к дистанционному управлению этими государствами. Прощая миллионные кредиты слабым государствам или обещая поддержку отдельным режимам, Запад фактически покушает суверенитет этих стран, в результате чего их представители голосуют в ООН так, как это выгодно заказчику, а армии НАТО могут свободно размещать свои базы по всему миру. Все это позволяет нам утверждать, что мы имеем дело с неоколониальным переделом мирового пространства. Изменившиеся реалии жизни позволяют углубить изучение геополитики, теперь анализ проводится на различных уровнях: международном, региональном и внутригосударственном, изучаются интересы не только отдельных государств, но и их коалиций. Глобальный мир вносит свои коррективы. В конце XX – начале XXI столетий были разработаны и неоднократно испытаны на практике принципиально новые методы оказания давления на другие страны. Использование киберпространства, международного терроризма и «цветных» революций стало нормой современного мира и одним из самых распро-

страненных орудий современной геополитики, а создание точек постоянной напряженности, «управляемого» хаоса в разных концах планеты – является излюбленным рычагом влияния Запада. Перечисленные риски и угрозы современного мира обществоведческой науке еще только предстоит осмыслить и системно проанализировать. И сделать это требуется как можно скорее. Русская обществоведческая мысль продолжает переживать концептуальный и смысловой кризис, вызванный распадом СССР, сменой политических и идеологических парадигм и культурной травмой 1990-х годов. В то время, когда отечественные обществоведы стояли на ментальном распутье и лишь примеряли для себя новые идейные парадигмы и обрисовывали пути развития, Западная научная мысль ушла далеко вперед и придумала целый комплекс нового информационного воздействия на своих противников. Это информационное оружие не просто может быть использовано против нас, оно уже давно применяется и разрушает Россию. Забыв или не изучив уроки истории, в прошлые десятилетия мы совершили серьезную ошибку, наивно полагая, что с распадом СССР отношение Западного мира к нам изменится принципиально. Стоит нам откатиться от своего уникального пути развития, который строил Советский Союз, западный мир нас примет с распростертыми объятьями и будет воспринимать в качестве равных партнеров. После целого ряда горьких разочарований постепенно стало наступать отрезвление и понимание реальной ситуации. Большая геополитическая борьба ведущих держав никогда не заканчивается, меняются только методы противостояния и расклад сил на международной арене. Проблема заключается в том, что наши геополитические конкуренты опережают нас на несколько шагов. Различные технологии «управляемого» хаоса, не просто четко сформулированы, но и апробированы в различных странах с разными культурами, менталитетом, конфессиональным и политическим аспектом, и, к сожалению, они показали свою эффективность. С каждым разом технология лишь оттачивается и становится изощреннее. Запад эти технологии применяет уже два десятка лет, а российская обществоведческая наука лишь недавно приступила к их осмыслению и детальному анализу с учетом глобального информационного пространства. А мер противодействия этим угрозам не выработано вообще. В сложившейся ситуации промедление может иметь очень серьезные последствия, связанные с вопросами национальной безопасности.

Осмысление многих вопросов, связанных с геополитическим противостоянием крупных держав, очень часто вызывает непонимание со стороны общественности. Современный человек, не смотря на достаточно высокий уровень своего образования, не готов серьезно и вдумчиво погрузиться в анализируемую проблематику, и очень часто ограничивается лишь поверхностным её восприятием, что приводит его к ошибочным выводам. Современные СМИ активно формируют псевдонаучные представления о так называемой «теории заговоров», сводя к ним практически все сложные политические комбинации. Хотя сами журналисты и авторы этой теории так и не смогли дать четкого и лаконичного ответа на вопрос, какой смысл они вкладывают в это понятие. Часто теория заговоров просто используется как шаблонное клеймо, преподносимое читателю с должной иронией и насмешкой. В такой ситуации хочется вспомнить, что в психологии коммуникации существует много методик переключения внимания собеседника и уведения его сознания от сути проблемы как раз через иронию, насмешку или искусственное доведение беседы до абсурда. «Теория заговора» очень выгодна как раз для тех сил, которые заинтересованы в сокрытии своих истинных целей и методик их достижения. Непонимающее истинной ситуации и вектора развития событий общество всегда намного удобнее для манипулирования.

Современному человеку пора пересмотреть свое отношение к понятию «заговор» и рационально относиться к нему когда речь идет о политике. Вся история человечества – это постоянная цепочка заговоров. Например, смена на престоле многих русских монархов эпохи дворцовых переворотов есть результат заговора элит и гвардии, за подготовкой любой революции, будь-то французской XVIII века или Февральской 1917 года также стоял заговор определенного круга лиц. Деятельность органи-

зованной преступности и международного терроризма, тайные договоренности между криминальными авторитетами и группировками боевиков, несомненно, являются заговором. И в этих случаях ни у кого не возникает иронии и или насмешки по поводу использования термина «заговор». Тайные договоренности вынашиваются заранее ограниченным кругом лиц, в конкретных кабинетах и с конкретными целями. Однако стоит нам лишь расширить географию анализа и вместо конкретных людей в схему теневого противостояния поставить отдельные государства, сразу появляется двусмысленная критика и непонимание. И несмотря на то, что тайны и заговоры являются повседневностью большой политики, нам говорят, что изучать это не стоит, так как проблематика выходит за рамки научной респектабельности, это пример плохо тона в науке. При подаче информации в таком ключе видится неприкрытое желание не только манипулировать сознанием масс, но дискредитировать узкий круг специалистов, способных грамотно перехватить угрозу, своевременно проанализировать её и доступным языком объяснить гражданам. В современном мире главным орудием достижения геополитических задач становится именно информация и кто ей сможет грамотно распорядиться и воспользоваться, тот и одержит победу.

К сожалению, в современном гуманитарном образовании высшая школа практически нигде не преподает студентам три основополагающих теории: теорию систем, теорию информации и теорию управления. Это очень плохо, так как даже поверхностное осмысление основных принципов этих теорий, позволяет нам понять, что наиболее значимыми в любой социальной системе являются каналы взаимосвязи между отдельными элементами. В случае потери элемента или целой социальной группы, в системе срабатывают принципы взаимозаменяемости, когда на место утерянного элемента встанут другие, а вот если каналы и механизмы взаимодействия между ними будут разорваны, система стоит на грани своей гибели. В силу того, что сильные державы никогда не перестают противостоять друг другу, всегда вынашиваются планы нанесения удара по самым слабым и болевым точкам противника. И если раньше в роли ударного кулака была армия, то теперь большую роль отводят информации, которая становится мощным оружием в умелых руках. Для того чтобы вытеснить своего конкурента или существенно ослабить его на геополитическом пространстве, необходимо разорвать его внутреннюю систему, создать точки напряженности внутри общества. Заставьте народ поверить в ложные ценности, выгодные государству конкуренту и такой народ сам уничтожит себя, нужно будет только немного подтолкнуть его к решительному шагу. Для этого создается специальный информационный контент, который способствует разрыву социальных связей страны, усиливает энтропийные процессы. Принцип разделяй и властвуй, сформулированный тысячелетия назад, по-прежнему остается актуальным, однако в наши дни приобретает новую форму. Бесспорно, для достижения этих целей требуются не только большие денежные средства, но и достаточное количество времени, когда выращиваются целые поколения с измененными мировоззренческими ценностями. В этом и заключается теория информации и управления в переложении ее на гуманитарный уровень понимания. Стимулируя внутренние противоречия, и поддерживая антигосударственные силы, нашим геополитическим конкурентам удалось добиться колоссального успеха в 1917 и 1991 годах, полностью изменив политическую карту мира и ход истории. Политические и экономические дивиденды, которые были получены Западом в результате распада Российской, а затем и Советской империй, колоссальны. И в этом нет никакой теории заговора, есть только большая геополитическая борьба.

Вашченко Александр Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Email: vashchenko2002@bk.ru

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В СТИЛЕ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Статья посвящена новым тенденциям в мировой политике. Проводится сравнительный анализ современной ситуации с периодом холодной войны 1946–1991 гг.

Ключевые слова: глобализация, биполярность, холодная война дипломатия.

Vaschenko Alexandr Vladimirovich

PhD (History), Associate Professor, Dean
Kuban State University

COLD WAR IN THE STYLE OF POSTMODERN

Abstract. The article covers new trends in the world politics. It compares the actual situation with the situation during the Cold War of 1946–1991.

Keywords: globalization, bipolarity, Cold war, diplomacy.

Мир переживает эпоху фундаментальных преобразований. Появляется ряд новых явлений, которые трансформируют идущие процессы, приводя к возникновению ситуаций, с которыми до этого ещё не сталкивались. Для выработки ответов аналитики пытаются найти аналогии в ближайшем историческом прошлом, сравнить, выявить новые тенденции и уже тогда искать ответ на возникшие проблемы. Наиболее употребляемая сегодня для сравнительного анализа историческая аналогия – это холодная война 1946–1991 годов [1].

Исходя из вышесказанного, формулируются следующие задачи:

1. Определить основные системные элементы холодной войны;
2. Выявить новые явления и тенденции;
3. Определить возможные решения, возникающих новых проблемных ситуаций.

Тезис 1. Противостояние Русского мира и Запада носит исторический характер и определяется фундаментальными расхождениями построения мира. Эти расхождения первоначально формировались в религиозной биполярности православие-католицизм, протестантизм, сектантство. Затем в идеологической либерализм – коммунизм. Геополитика и геоэкономика – составные части этого противостояния. Их влияние на религиозно-идеологическую составляющую было взаимным. Однако в разные периоды истории преобладание материального или духовного в конфликтующих системах было различным.

Тезис 2. Наличие биполярности. Даже если принять за основу факт о наличии нескольких центров силы в мире, то признак холодной войны – это процесс поляризации сил и формирование, в общем, биполярной системы. Отметим, что выбор и присоединение к тому или иному блоку может исходить на основе своих интересов, иногда далёких от идейных постулатов, которые формулируют основные игроки. Здесь возможны варианты и ситуативные союзы. Для сложных систем, например, «исламский мир», «Европейский Союз» это сложный выбор, который чреват расколом или длительными процедурами и действиями для выработки внутренней консолидированной позиции. Но и для многонациональных, многоконфессиональных государств актуальна проблема внутренней консолидации и единства. Воинственная риторика по отношению к «внешнему врагу» один из методов внутренней консолидации. Он активно применялся как в период холодной войны, так и сейчас.

Тезис 3. Материально-силовой фактор. Он присутствует в полном объёме, как и в период холодной войны. Информационная война, экономические санкции, прове-

дение специальных операций, «горячие конфликты» на периферии, гонка вооружений. Классические геополитические императивы (А. Мэхен, Х. Макиндер и др.) воспроизводятся с небольшими вариациями. Новое. Глобальная система разрушена и распалась на отдельные элементы. Отсутствуют или не действуют фундаментальные международные договоры в сфере безопасности. Новые виды вооружений нивелируют существующие системы безопасности. Они не в состоянии эффективно гарантировать безопасность. Они же превращают геополитические преимущества, например, фактор океанов, в зону повышенного риска. Существует, с одной стороны, хорошо структурированная система «G-7+NATO», с другой стороны она не имеет глобального охвата. В неё не входят КНР, Россия, Индия, Пакистан, Иран, Северная Корея. Каждая из этих стран может блокировать действия системы «G-7+NATO» или создать для её функционирования проблемы с непредсказуемыми последствиями. Есть регионы мира, в которых идут активные процессы структурирования и самоопределения – это Латинская Америка и Африка.

Тезис 4. В годы холодной войны оставались лакуны сотрудничества, в которых шла конкуренция с соблюдением правил. Это наука, культура, спорт. Сейчас эти лакуны стремительно исчезают, превращаясь в поле битвы. Существовали сферы международных отношений, например, финансовые институты, которые базировались на единых правилах, которые соблюдали все страны без исключений. Например, должник не мог получить новые финансовые ресурсы от международных институтов, не погасив долг. Теперь есть исключения, например, суверенный долг Украины. Эта тенденция крайне показательна, потому что финансовая система – это основа западной глобализации. И разрушая свою основу, они разрушают свою систему.

Тезис 5. Новые информационные технологии внесли коррективы в применение «мягкой силы». Функционирование «демократической системы» предполагает наличие оппозиции, как системной, так и внесистемной и создаёт для неё возможности апеллирования к внешним источникам права и ресурсов, находящимся вне границ национального суверенитета. Встроенность образования, науки и культуры в глобальные институты создаёт возможности для воздействия на эти сферы со стороны внешних игроков. Причём если раньше внешние центры работали в основном на столицы, либо крупные региональные центры, стараясь именно там создать напряжённость, которая затем распространялась на регионы, то теперь произошла существенная индивидуализация воздействия на конкретную личность, которая географически, территориально или функционально может находится где угодно, и быть кем угодно. Причём, объектом такого воздействия чаще всего становится молодёжь студенческого и даже школьного возраста. Данный феномен объясняется тем, что через мобильные устройства влияние стало практически индивидуально ориентированным, с учётом персональных особенностей объекта.

Тезис 6. «Новая дипломатия». Это отдельная тема, которую в рамках данной статьи можно только обозначить. Дискуссии по развитию и модернизации дипломатической службы не новы. В условиях развития глобализации постоянно возникают предложения, за которыми следуют практические шаги, привносящие новые черты в работу дипломатов. Дипломатия, как система решения международных вопросов, находится в постоянном динамическом развитии. В этой дискуссии существуют крайние позиции. Одна из них сводится к тому, что только профессиональные дипломаты в состоянии решить ту, или иную международную проблему, закрепить её в международно-правовом режиме в виде нормы, организовать систему контроля за её выполнением. Вторая крайняя точка зрения сводится к тому, что время «карьерных» дипломатов прошло, что в условиях глобального мира с его огромным количеством международных проектов, простые люди, участвующие в реализации этих проектов и несут на себе функцию дипломатов, то есть договариваются и решают конкретные проблемы. С точки зрения сторонников этой концепции, инженер крупного международного проекта, топ-менеджер транснациональной корпорации, журналист, футболист, деятель культуры или даже простой турист выполняют в глобальном мире

дипломатические функции. Примеров много: Р. Тиллерсон, Б. Джонсон [2], Жан-Ив Ле Дриан, З. Габриэль. Ещё во второй половине 90-х годов прошлого века, основоположник идеи «мягкой силы» Дж. Най говорил: «Что если раньше международные отношения были представлены фигурами солдата и дипломата, то теперь главными фигурами на международной арене являются турист и террорист». В конце XX – начале XXI века шло активное развитие системы продвижения своих интересов на международной арене, в которой дипломатия была одной из составляющих. В авангарде этих процессов шли американцы и европейцы, создававшие, хотя и похожие модели, но которые всё же имели ряд специфических черт. Общими тенденциями были: первое – использование государственными институтами негосударственных структур и наоборот. То есть приватизация государственных служб и использование их в интересах частных компаний, общественных организаций или даже отдельных физических лиц. Кстати подобная «приватизация» один из признаков «failed state». Второе это интернационализация («глобализация») интересов, когда интересы становятся мульти национальными с одной стороны, и элитаристскими с другой. Происходило общее размывание цели и задач дипломатических ведомств. Они утратили монополию на ведение международных дел. Лишь 30% осталось за классической дипломатией, 70 % заняли другие направления деятельности, в основном торговля, финансы, экология, «права человека» и т.д. В США и странах ЕС отдельные штаты, отдельные корпорации имели свои международные представительства в других странах, которые выполняли дипломатические функции. Некоторые страны ЕС (Германия и Франция) стали обмениваться дипломатическими сотрудниками для работы в диппредставительствах. Дипломатия данных акторов стала более «народной», а иногда и «базарной» по форме, по методам, по квалификации кадров. Во французском МИДе широко применялась система сбора информации через интернет, которая стала доминирующей, в ущерб другим источникам информации. Данный пример показывает возрастание роли СМИ, особенно электронных. Это отдельная большая проблема, которую в данном случае можно только обозначить. Информация лежит в основе процесса принятия решения. Качество информации, её достоверность влияет на адекватность принимаемого решения, то есть насколько это решение отражает реальность и реагирует на происходящие события. Электронные СМИ в силу своей специфики могут стать источником не только информации, но дезинформации, которую сложно проверить. Скорость распространения информационного продукта, в том числе и «некачественного» велика. Информация начинает дублироваться из множества источников, что ещё более затрудняет проверку, проведенные оперативного анализа и т.д. Более того преднамеренное искажение информации создаёт огромные возможности для проведения информационных операций для манипулирования большими массами людьми. Защитой от такого рода «фэйковой» информации, является сбор информации методами прямого включения, то есть непосредственного наблюдения визуально или с использованием технических средств, оперативной работы с информаторами, привлечением квалифицированного аналитического персонала. Данные процессы, которые в своей основе имеют объективный характер, на практике привели к смешению жанров и методов. И сегодня современная дипломатия, при общем снижении профессиональной квалификации сотрудников напоминает симбиоз форм и методов, заимствованных из науки, журналистики, рекламы, спецслужб, кино и телевидения. Это приводит к таким действиям, от которых, у кадровых дипломатов «волосы встают дыбом».

Тезис 7. Проблемы идеологии. Классическая холодная война второй половины XX века была по мнению большинства исследователей идеологическим противостоянием между либерализмом и коммунизмом, между Западом и Востоком. Сейчас с одной стороны мы имеем идеологический плюрализм. Идеологии, основанные на цивилизационных, религиозных, гендерных, экономико-финансовых ценностях различны. Но возможно зафиксировать тенденцию. Практически все применяют тезис постмодернизма, который можно сформулировать как «можно ВСЁ»!!!!Мы имеем

дело с «хайпом» («hype») во всех сферах от мировой политики, дипломатии, спорта, культуры до террористических актов. Шумиха, желание привлечь к себе внимание любыми средствами легко конвертируются в деньги. Но это тоже «HYIP» («High yield investment programs»), т.е. инвестиционные программы, приносящие высокий доход). И это общий принцип, если хотите общая идеология для всех элементов системы, для всех акторов процесса. Это общий принцип как для «верхов», так и для «низов». Он с одной стороны оптимизирует процесс, с точки зрения более эффективного достижения результат, но с другой радикализирует действия акторов любого уровня, нивелирует существовавшие правила игры. Сегодня есть одно правило: «нет никаких правил. Можно ВСЁ»!!!

Тезис 8. Единство и борьба противоположностей. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов Советский Союз отказался от доктрины Брежнева, предоставив свободу выбора своим бывшим союзникам по социалистическому лагерю. Итогом стал распад СЭВ, ОВД, а потом и СССР. Завершилась эпоха распространения коммунистической идеи, начавшаяся в 1917 году. Свобода (Либерализм) одержала верх над социальной Справедливостью (Коммунизм). Но потом стороны как бы поменялись местами. Ультра-либерализм стал навязываться как единственно возможное политическое устройство для всего мира. Причём, когда все, кто хотел вступить добровольно, сделали это, началось силовое принуждение «оставшихся». В это же время ряд мощных акторов стал демонстрировать гибкость подходов к формированию глобального пространства, заявляя, что у глобализации может быть много вариантов, что это процесс длительный и каждая цивилизация не должна унифицироваться по либеральным лекалам, а интегрироваться в мир, сохраняя свои специфические черты. И в этом проявилось новое, а именно сочетание и СВОБОДЫ и СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Всё хорошо, что хорошо кончается (вместо выводов). Проблемы войны и мира, стратегической стабильности и безопасности сложны, и далеки от своего разрешения. Существует разница, как в теоретических подходах, так в практических методах их разрешения. Но договариваться необходимо. Надеюсь, что компромисс возможен. Но для того чтобы он состоялся необходимо сохранить мир и не допустить войны! И тогда есть шанс, что всё закончится хорошо.

Над романом «Война и мир» Лев Николаевич Толстой работал с 1863 по 1869 год. По мере работы шли поиски названия произведения. Пробовались различные варианты: «Три поры», «1805 год» и последний вариант: «Всё хорошо, что хорошо кончается». Только за два года до окончания работы, в 1867 году возникло окончательное название романа: «Война и мир».

Примечания

1. Существует разные периодизации данного исторического явления. Автор привёл самую распространённую, от речи У. Черчилля в Фултоне, до распада СССР.

2. Б. Джонсон хотя и закончил Итон-колледж, который является кузницей британской дипломатии, но большую часть своей карьеры проработал журналистом.

Восканын Саркис Суренович

доктор политических наук, профессор

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Email: voskanyan2002@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Средства массовой коммуникации являются важными и значимыми субъектами общественных процессов. Они способны не только передавать информацию, но и производить ее, тем самым активно влияя на происходящие события различной направленности.

Ключевые слова: средства массовой информации, средства массовой коммуникации.

Voskanyan Sarkis Surenovich

Doctor of political sciences, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SOCIOPOLITICAL ASPECTS OF MASS MEDIA DEVELOPMENT

Abstract. Mass media are important and significant agents of social processes, able to not only transmit information, but also produce it, and thereby actively affect events of different orientation.

Keywords: mass media, communication.

Средства массовой информации (СМИ) – это сложная система источников сообщений и их получателей. За последние сто лет они совершили огромный шаг вперед. И процесс этот по-прежнему продолжается. Со временем СМИ настолько видоизменились, что понадобилось другое понятие для их характеристики. Во второй половине XX в. появился термин – «средства массовой коммуникации» (СМК), который более точно отражал новую реальность. Развитие чего-то, особенно быстрое, очень часто порождает вопросы о сути происходящего, положительных и отрицательных аспектах, перспективах. В этом плане СМК не стали исключением. Дискуссии на эту тему не прекращаются по настоящее время.

СМК, безусловно, являются одними из главных достижений научно-технического прогресса. СМК настолько проникли в повседневную жизнь рядового человека, что стали его неотъемлемой частью. Но к чему ведет данный процесс? С одной стороны – это ускорение передачи информации, усиление коммуникации между различными субъектами, развитие свободы слова и т.д., но, с другой – практически прямо противоположные тенденции: ограничение (попытки) коммуникации и передачи информации, контроль за пользователями и т.д.

Почему же это происходит? Во-первых, с помощью интернета и множества технических средств различные физические и юридические лица (в том числе государство) на законных и незаконных основаниях получили возможность добывать интересующую их информацию о тех или иных субъектах. И если в демократических странах государство (спецслужбы) интересуется в основном информация, связанная с национальной безопасностью, то в авторитарных – диапазон внимания властей намного шире. Страх перед шпионажем, недоверие к определенным субъектам (индивиду, группе, организации) вынуждает государство усиливать контроль за СМК, информацией и ее получателями. В тоже время, даже в странах развитой демократии нельзя быть полностью уверенным в благих намерениях властей. Так, к примеру, бывший сотрудник АНБ и ЦРУ Э. Сноуден утверждал, что американские спецслужбы

следили (различными способами) за большими массами своих граждан [1]. Здесь объективно возникает вопрос: неужели такое количество жителей США представляли угрозу национальной безопасности данной страны? Не слишком ли много в США потенциальных предателей родины? Может спецслужбы переусердствовали/перестраховались? Или у них (государства?) были (и) другие цели? Во-вторых, утечка в публичное пространство определенной информации о субъекте (индивиде, группе, организации) способна кардинально изменить его место в обществе, отношение к нему и т.д. Эти риски также вынуждают усиливать с одной стороны безопасность электронных-цифровых систем, а, с другой – контроль за информацией и ее пользователями.

Развитие СМК – это естественный процесс, который, по разным причинам, уже не остановить, в тоже время расширение и усложнение системы СМК уменьшает возможности государства эффективно ее контролировать, тем самым снижая безопасность государства и ее институтов со всеми вытекающими последствиями. СМК давно уже (еще на стадии СМИ) трансформировались из источника и объекта хранения и передачи информации в полноценного субъекта, производящего информацию и, следовательно, активно влияющего и даже управляющего различными процессами, включая самые сложные, неоднозначные. СМК превратились в фактически равноправного с самыми главными силами (лидеры, государства, международные организации, транснациональные корпорации) участника общественных процессов, в том числе на мировом уровне.

Система СМК и ее технологии все чаще используются в политической сфере. Так, например, участие в голосовании во время выборов «не выходя из дома» стали реальностью в ряде западных стран. Однако мирные выборы такого формата при соответствующей защищенности системы не представляют опасности обществу и государству. Наоборот, они экономят время избирателям, что в свою очередь способствует повышению явки на выборах.

Наибольшая угроза проистекает из возможности с помощью СМК мобилизовать, организовывать и управлять различными субъектами, особенно, массами. Вероятнее всего, самым наглядным примером, демонстрирующим потенциал СМК в этом плане, явилась «арабская весна», во время которой действия масс направлялись в том числе через социальные сети. Такие возможности СМК создают уже угрозы более высокого уровня, когда определенные субъекты, находящиеся на территории одной страны (в том числе за тысячи километров), могут активно вмешиваться в процессы различной направленности другого государства. При этом будучи анонимными, не спеша персонифицироваться, что еще больше способно усугубить проблему, так как тайный, невидимый враг в разы опаснее осязаемого. СМК стали настолько сильными субъектами, обладающими огромными ресурсами, влиянием, властью, что если раньше их роль возрастала в переломные периоды истории, то в настоящее время они сами способны создать такие периоды. Как не вспомнить здесь слова советского физика П. Капицы: «Средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения» [цит. по: 2, с. 605].

Так каковы же перспективы СМК и происходящих процессов, особенно их взаимоотношений с государством (властью)? Думаю, существующая тенденция сохранится: развитие СМК продолжится, предоставляя различным субъектам все больше возможностей для передачи, получения и хранения информации, а государство (возможно и отдельные индивиды, организации) не отступят от политики защиты своих интересов (информации), в том числе через усиление контроля за информацией и ее пользователями.

Библиографический список

1. Сноуден рассказал о слежке АНБ за личной жизнью рядовых американцев [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2015/04/06/nsa/>
2. *Душенко К.В.* Универсальный цитатник политика и журналиста: 6000 цитат о политике, правосудии и журналистике. Изд. 2-е, исправл. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 784 с.

Гурбатов Тимур Алиевич

бакалавр политологии

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 21 ВЕКЕ

Аннотация: в статье анализируется функционирование политических институтов и партийно-политической системы России в постсоветское время, в первую очередь, в период перехода к постиндустриальному, информационному обществу.

Ключевые слова: политические институты, партийно-политическая система, функции и функционирование государства и политических партий, изменения политической среды, избирательной и партийной системы.

Gurbatov Timur Alievich

Bachelor of political science

St.Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE FUNCTIONING OF POLITICAL INSTITUTIONS AND PARTY-POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA IN THE 21 CENTURY

Abstract. The article analyses the functioning of political institutions and party-political system in Russia in the post-Soviet era, primarily during the period of the transition to post-industrial, information society.

Keywords: political institutions, party-political system, functions and functioning of the State and political parties Wednesday to change the political, electoral and party system.

Представляя, с одной стороны, формально закрепленные нормы организации политической жизни, а с другой – комплекс функционирующих на этой основе учреждений и служб, формирующих структуру и характеризующих состояние политической системы общества, политический институт на практике реализует модель отношений по поводу власти, организации и управления коллективностями и обществом в целом [1].

Центральным политическим институтом принято считать государство, которое в свою очередь состоит из множества политических институтов – структурных (президентство, парламентаризм, политические партии, политическое объединения, избирательные блоки и т. п.) и нормативных (конституции, законы, уставы и т.п.).

В 21 веке наибольшие изменения претерпел такой политический институт РФ, как избирательная система. Для полноценного развития данного института необходимы дальнейшие изменения в работе Центральной избирательной комиссии (ЦИК), в частности вовлечение в ее работу представителей различных политических сил [2].

Функционирование политических институтов в России, как и весь российский политический процесс, имеет свою специфику, что обусловлено характерными чертами партий, партийной и всей политической системы нашей страны. Российские политические институты формировались и развивались своим собственным путем, и сегодня представляют собой то, что мы и называем российскими партиями, российской партийно-политической системой 21 века [3].

Российскую партийно-политическую систему можно считать уникальным примером, где при формальном соответствии образцам партийных систем демократических стран ее функциональный механизм и эффективность существенно изменились, и наделены чертами, свойственными только для той территории, на которой они были сформированы.

Выбор политической элитой данной партийно-политической системы – осознанная необходимость институционализации запросов, возникающих в гражданском обществе.

Когда гражданское общество находится в стадии формирования и необходимость структурного оформления общественных интересов четко не выражена, нормальной политической практикой можно считать ситуацию, когда властные структуры самостоятельно определяют вектор развития партийно-политической системы [4].

Институциональную эффективность можно обозначить как способность партийной системы, во-первых, создавать условия для периодической смены политических элит у власти, во-вторых, обеспечивать свободную и честную конкуренцию за обладание властью на основании процедуры независимых выборов, в-третьих, формировать и поддерживать доверие к избранным органам государственной власти [5].

С другой стороны, в сохранении неэффективных институтов могут быть заинтересованы политические лидеры и отдельные группы, входящие в состав политической элиты, преследующие узкогрупповые интересы. Применительно к партийной и избирательной системам постоянное внесение изменений в законодательство может быть интерпретировано как неэффективное использование государством общественного капитала.

Партийно-политическая система структурирует партийное пространство и снижает степень политической неопределенности, делает процесс принятия решений более эффективным. Моноцентричный и мажоритарный формат партийной системы неизбежно ведет к утрате ее нормативных функций, а именно, способности блокировать неудачные и поддерживать удачные политические и социально-экономические решения, сохранять конкурентность политической среды и в соответствии законом гарантировать смену политики и политических сил у власти. Но существует и обратная сторона, когда мажоритарная партийная система может стать механизмом, который обеспечивает максимизацию политической прибыли отдельных политических акторов и гарантирует воспроизводство политического режима. В данном случае на первый план выступает прагматическая институциональная эффективность моноцентричной и мажоритарной партийной системы [6].

Специфика российского электорального пространства на сегодняшний день становится одним из основных факторов формирования моноцентричности и мажоритарности партийной системы. Создание выгодных политической элите институциональных условий функционирования электорального пространства обеспечивает необходимую конструкцию партийной системы. Используя возможности институциональной инженерии, политическая элита получает возможность сформировать стабильную прогосударственную партийную систему.

Формирование политических институтов в современной России предшествовало адаптации в электоральном пространстве демократических ценностей. Их укоренение происходило не в результате борьбы общества за свои политические права, а «сверху» в интересах и при активном влиянии политической элиты. Элитарность сферы политики породила со стороны населения недоверие к политическим институтам, не позволила развиваться в обществе идее представительства. Доверие населения к политическим партиям либерального толка на переходном этапе оказалось исчерпанным вследствие того, что политические и социально-экономические реформы, связанные с ними, принесли скорее негативные, чем позитивные результаты. В массовом политическом сознании сформировалось этатистское представление о демократии. Формирование моноцентричной, мажоритарной партийной системы стало ответом политической элиты на запрос большей части россиян на наведение порядка в партийном пространстве, реальной стала тенденция к сокращению партийного плюрализма.

Существует реальная тенденция сужения рамок партийной системы в нашей стране и приведения ее к общему знаменателю, то есть такому ее формату, который исключал бы всякую возможность возникновения нестабильности в высших партийных кругах и был бы полностью подконтролен государственной власти [7]. Результатом институциональных изменений стало бы формирование моноцентричной мажоритарной партийной системы, которая по итогам двух последних электоральных циклов приобрела свои очертания.

На сегодняшний день вертикаль власти пронизывает всю политическую систему России. Переход от «бесформенного плюрализма» к мажоритарной и моноцентричной партийной системе требовал от власти применения средств политической и институциональной инженерии наряду с усилиями по монополизации электорального пространства. Доминирование «Единой России», как проекта политической элиты, является основополагающим фактором развития партийной системы в целом. Это объясняется отсутствием политической силы, которая могла бы предложить альтернативы, составить конкуренцию власти в партийном пространстве. «Единая Россия» после парламентских выборов 2007 года, окончательно закрепив за собой положение доминирующей партии, обрела монополию в партийной системе. Другие партии подключаются к моноцентричной партийной системе в качестве спутников партии власти. Логика формирования в России партийно-политической системы требовала от политической элиты не только создания доминирующей партии власти, но и партий, которые бы выполняли функцию ее альтернативы.

Библиографический список

1. Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // *Общественные науки и современность*. 2006. №1. С.46–58.
2. Макаренко Б. И. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 1. С. 42–65.
3. Исаев Б.А. Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 1998. 380 с.
4. Исаев Б.А. Понятие и типология политических режимов // *Социально-гуманитарные знания*. 2009. – № 3. – С. 88–97.
5. Лебедев В.А. Конституционный идеал и политическая реальность: парадоксы российской многопартийности // *Конституционное и муниципальное право*. – 2013. – № 8. – С. 23-27.
6. Исаев Б.А. Практическая партология. Генезис партий и партийно-политических систем. – СПб.: Петрополис, 2010. – 516 с.
7. Исаев Б.А. Теория политической системы // *Социально-гуманитарные знания*. – 2007. – № 4. – С. 57-69.

Гуторов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: gut-50@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКА: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Аннотация. Предпринята попытка интерпретации основных тенденций эволюции современных научных и философских дискуссий, которые в последние два десятилетия с неослабевающей интенсивностью ведутся в западной аналитической литературе по общим проблемам образования и образовательной политики. Приоритет отдается анализу современных теорий образования и их взаимосвязи с античной традицией, по-прежнему оказывающей воздействие на современные концепции демократии и гражданства.

Ключевые слова: Античность, философия политики.

Тезисы подготовлены при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

Gutorov Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Philosophy, Professor

St. Petersburg State University

EDUCATION AND POLITICS: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ANALYSIS

Abstract. The article attempts to interpret the main trends in the evolution of modern scientific and philosophical discussions that are held with unabated intensity in Western analytical literature on general issues of education and educational policy for the past two decades. The priority is given to the analysis of modern theories of education and their interrelations with the ancient tradition, which still affects the modern concepts of democracy and citizenship.

Keywords: Antiquity, philosophy of politics.

В речи, произнесенной в 1954 г. в Американской ассоциации политической науки, Ханна Арендт вполне справедливо отмечала, что «большая часть аутентичной современной философии содержится в интерпретациях великих текстов прошлого» [1, р. 431]. В определенном смысле можно утверждать, что и сегодня в области философии образования, несмотря на огромное количество гипотез и теорий, классическая образовательная традиция, зародившаяся в Древней Греции, является тем «интеллектуальным ядром», которое лежит в основе большинства современных интерпретаций. Потерян счет трудам, посвященным феномену античного (раннеполисного, эллинистического и римского). Новейшие работы свидетельствуют о том, что и в наши дни споры, например, о роли Сократа и Платона в формировании современной модели образования являются столь же острыми и бескомпромиссными, как и в начале XX века [2; ср: 3]. Не случайно французский философ Ж. Рансьер, развивая аристотелевское представление о человеке как «существе политическом», рассматривает «учащегося в качестве политического субъекта, чья [уже] существующая эмансипация нуждается только в верификации» [4, р. 13]. И сам философ, и его многочисленные комментаторы постоянно подчеркивают, что демократическая концепция образования вполне естественно включает в себя эгалитарную составляющую [5, р. 76-81]

В современном общественном сознании и практике существует достаточно большое свидетельств постоянного воздействия исходных моментов античного образования по принципу «обратной связи» практически на все аспекты современного философского образовательного дискурса. Осознание того, что образование является постоянным спутником жизни цивилизованных людей, сегодня является важным источником для философской рефлексии. «Длящееся всю жизнь образование (lifelong education), – отмечает М. Папастефану, – является предварительным условием любой философии, которая заслуживает такого названия» [6, p.131].

Дилеммы современной концепции демократического образования в теоретическом плане прекрасно разясняются в книге Дж. Сартори «К пересмотру теории демократии» (1987): «... Демократия в социальном смысле выстраивается на основе сети небольших сообществ и основывается на жизнеспособной энергии групп, вовлеченных в активное участие. Однако все это остается на уровне повседневного попустительства до тех пор, пока данное положение дел не гарантировано «суверенной демократией», которая совершенно отчетливо не является прямой демократией» [7, p. 283; ср.: 8, p. 112-113]. Иными словами, демократия, будучи на политическом уровне формой государства (на данный момент одной из самых распространенных и популярных), в конечном итоге не может избежать дилеммы, которую Сартори формулирует следующим образом: «...Как только мы имеем государство, которое отлично от общества и стремится к господству над ним..., власть народа может быть только властью, взятой от государства» [7, p. 291].

В современной теории демократии школьные и университетские коллективы рассматриваются как определенные социальные группы, имеющие свою собственную «долю участия» в универсальном пространстве политики: в зависимости от исходных социальных параметров он могут играть роль «политических акторов», обладающих той или иной степенью самостоятельности или же находиться в полном подчинении у внешних сил и структур, уподобляясь тем монархическим подданным или же демократическим пассивным избирателям [8, p. 112-114]. Тем самым в сфере образования постоянно воспроизводятся все процессы, определяемые, характерные для дихотомии *Государство/Гражданское общество*. Все современные образовательные теории так или иначе вовлечены в разрешение этой сложной дилеммы, основой которой является постоянное переосмысление идеи свободы как основы человеческой деятельности. «В свободном обществе, – отмечает Р.М. Унгер, – индивид обладает образовательным ресурсом, равно как и экономическими и политическими возможностями преодолеть границу между видами деятельности, принимающими на веру привычную среду, и теми ее разновидностями, которые ставят последнюю под вопрос. Он образован таким способом, который позволяет разуму как воображению возвыситься над разумом как машиной. Он обучается философии как деятельному акту в том смысле, что он осознает в каждом проекте источник определенного великого или малого преобразования. Общественные и культурные практики увеличивают возможности утверждения превосходства разума как воображения над разумом как формулярным аппаратом» [9, p. 295].

Так или иначе, в современной политической теории «греческий субстрат» постоянно и в различных вариациях, продолжает, как и прежде, существовать влиять практически на все дискуссии о «моделях образования». Об этом свидетельствует и тот простой факт, что в любой национальной традиции современной либеральной мысли концепты гражданского и политического образования тесно переплетаются с более сублимированными формами образования – морального, философского, эстетического и др. [см.: 10, p. 14, 20, 83, 87, 94, 144, 149, 189-191].

Библиографический список

1. Keedus L. The Crisis of German Historicism. The Early Political Thought of Hannah Arendt and Leo Strauss. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. – 222 p.
2. Magrini J. M. Plato's Socrates, Philosophy and Education. Springer. 2018. – 121 p.

3. Shook J.R. Dewey's Social Philosophy. Democracy as Education. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2014. -189 p.
4. Lewis T. E. The Aesthetics of Education: Theatre, Curiosity, and Politics in the Work of Jacques Rancière and Paulo Freire. N.Y.; L.: Continuum. 2012. – 192 p.
5. Rancière J. Democracies against Democracy. Interview with Eric Hazan // Agamben G., Badiou A., Bensaid D., Brown W., Nancy J.-L., Rancière J., Ross K., Žižek S. Democracy in What State? N.Y.: Columbia University Press. 2011. – pp. 76-81.
6. Papastephanou M. Method, Philosophy of Education and the Sphere of the Practico-Inert // What Do Philosophers of Education Do? Ed. by C. Ruitenberg. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010. – pp. 131-149.
7. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc. 1987. – 542 p.
8. Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. L.: Methuen & Co Ltd. 1962. – 333 p.
9. Unger R.M. The Religion of the Future. Cambridge, Massachusetts; L.: Harvard University Press. 2014. – 468 p.
10. The Intellectual Legacy of Michael Oakeshott. Ed. by C. Abel, T. Fuller. Exeter: Imprint Academic. 2005. 327 p.

Игнатьева Ирина Федоровна

доктор философских наук, профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Email: iifed@mail.ru

ГЕОЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Геоэкономика становится все более значимым элементом информационного общества. Она является составной частью геополитики как науки, субдисциплиной геополитики. Геоэкономика выступает также новым элементом реальных геополитических отношений. Геоэкономика является значимым фактором современных геополитических прокси-конфликтов.

Ключевые слова: геоэкономика, геополитика.

Ignatieva Irina Fedorovna

Doctor of Philosophy, Professor

The Herzen State Pedagogical University of Russia

GEOECONOMICS AS A NEW ELEMENT OF INFORMATION SOCIETY GEOPOLITICS

Abstract. Geo-Economics is becoming an increasingly important element of information society. It is an integral part of geopolitics as a science, a subdiscipline of geopolitics. Geo-Economics is also a new element of real geopolitical relations. Geo-Economics is a significant factor in modern geopolitical proxy conflicts.

Keywords: geoeconomics, geopolitics.

В информационном обществе геоэкономика выступает новым элементом геополитики как в смысле реальной политической деятельности, так и в смысле элемента научного знания.

Как структурный элемент научного знания геоэкономика является структурным элементом, субдисциплиной геополитики. Рассмотрим место геоэкономики в структуре современной геополитики. Современное информационное общество существенно изменило характер и место науки геополитики [6, с. 57-69; 7, с. 88-97] и геоэкономики как ее составляющей. На сегодняшний день она претендует на более серьезное значение, чем просто элемент, раздел какой либо науки. Геоэкономика занимает особое место среди современных междисциплинарных научных направлений глобального охвата. Так геоэкономика часто рассматривается как элемент науки географии. Лексикон географов обогатился в конце XX века такими понятиями, как «единое экономическое пространство», «геоэкономическая стратегия» и другими, которые безусловно указывают на связь географических пространств и действие экономических закономерностей в рамках политики. В некоторых работах геоэкономика понимается в качестве географической субдисциплины [1, с.4].

Среди экономистов также есть сторонники геоэкономики, хотя по этому поводу в экономической науке идут горячие споры. Г.Д. Гловели рассматривает геоэкономiku как раздел экономики, как метод исследования экономических процессов [3].

На наш взгляд, главным качеством геоэкономики является то, что она является субдисциплиной геополитики. является структурным элементом геополитической науки. Экономисты и географы, исследуя геоэкономические процессы с позиции своих наук, по существу, вторгаются в область старейшей науки геополитики, поскольку касаются геополитической стратегии государства.

Поскольку геоэкономика позиционирует себя как особая научная дисциплина, отношения геополитики и геоэкономики не являются однозначными. Отдельные авторы

практически заменяют данной дисциплиной науку геополитику. Как отмечает И.П. Черная: «В современных условиях в понимании предмета и границ геоэкономики нет единства мнений. Существуют три основные точки зрения, получившие развитие в различных национальных школах геоэкономики. Сторонники первой рассматривают геоэкономiku как раздел геополитики. Представители второй считают, что геоэкономика выросла из геополитики и теперь ее полностью заменяет. Исследователи, принадлежащие к третьей группе, создают концепции на основе синтеза геополитики и геоэкономики, например теорию геоэкономической политики» [8].

Геоэкономика является составной частью геополитики как науки и современным состоянием геополитики как процесса. Еще классики геоэкономического подхода (Ф. Бродель, Ж. Аттали, Э. Лютвак и др.) констатировали, что экономический фактор становится доминирующим, и мировые центры силы будут определяться в зависимости от расположения основных экономических центров. С их точки зрения на смену геополитике приходит ее разновидность – геоэкономика.

Существует реальное геоэкономическое пространство, в котором имеются свои субъекты и акторы. В этом пространстве живут и взаимодействуют реальные государства и другие субъекты геополитики, разворачиваются процессы, возникают и разрешаются конфликты.

Геоэкономическое пространство формируется как глобальное, в котором осуществляется функционирование глобальной экономической системы и его основных сфер: ресурсной, производственно-технологической [4, с. 22-25; 5, с.75-80], финансовой, информационной и других. Основой геоэкономики как процесса внутри геополитики является экономическая глобализация, которая есть показатель связи, а не разрыва.

Конфликты геоэкономического пространства не совпадают с конфликтами геополитическими и политическими и имеют явную тенденцию к нивелированию. Они менее явны и существенно зависят от интеграционных тенденций глобализации. Так Украина продолжает покупать наш газ, не смотря на конфликтные политические отношения с Россией.

В классической геополитике доминирует военно-политический конфликт, в современной геополитике на первый план выходит конфликт экономический, хотя и не всегда присутствующий на поверхности. За геополитическими конфликтами зачастую скрываются экономические причины и экономические конфликты. Ю. Ригер (Германия), один из лидеров «Нордической лиги» и «Нордического союза» говорит «об опасности ведения боевых действий в Афганистане, которые чреваты началом полномасштабного религиозного конфликта между мусульманами и христианами по всему миру. Он указывает на то, что фигура Усамы бен Ладена представляет собой лишь повод, в действительности речь идет о строительстве нефтяной магистрали через территорию Афганистана, которая предоставит нефть и газ кавказских республик в полное распоряжение американцев» [2].

Современные геополитические конфликты зачастую предполагают латентность экономических причин конфликта, маскировку геоэкономического конфликта, скрытость его сторон. Скрытость и замена конфликтующих сторон проявляется в термине «прокси-конфликт». Слово «проху» в переводе с английского имеет коннотацию, связанную с процессом замещения, представительства чьих-то полномочий другими лицами. В целом, прокси-конфликт можно понимать как косвенный конфликт, представленный скрытыми или другими силами, то есть реально сторонами конфликта и его причинами являются одни силы и факторы, а на поверхности явлений действуют другие [См. 9]. Геополитическая и геоэкономическая составляющие таких конфликтов тесно переплетены, однако геоэкономический конфликт является частью базового – геополитического.

Таким образом, геоэкономика есть часть геополитики как в смысле структуры науки, так и в смысле протекания геополитического процесса.

Библиографический список

1. Борисова П. С. Эстония в европейском геоэкономическом пространстве. Автореф. Дисс...канд. географ. наук. СПб, 2005.- 29 с.
2. Геополитика // ИнфоПедия. URL: <https://infopedia.su/17x20cb.html> (дата обращения 20.01.2018)
3. Гловели Г. Д. Геополитическая экономия как традиция российской экономической мысли. Автореф. дисс. доктора экон. наук. М., 2009 .- 27 с.
4. Игнатъева И.Ф. Технические артефакты в памяти социума. Автореферат диссертации ... доктора филос. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 1995.- 33 с.
5. Игнатъева И.Ф. Философия техники: Учеб. пособие для студентов техн. спец. / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ, 2003.- 113 с.
6. Исаев Б.А. Понятие и типология политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. – С. 88-97
7. Исаев Б.А. Теория политической системы // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4.- С. 57-69
8. Черная И. П. Геоэкономика: Учебное пособие. – М.: Дашков и К°, 2012. – 248 с.
9. The 8 Proxy Wars Going On in Syria Right Now // THE BLOG 09/24/2014 10:21 am ET Updated Nov 24, 2014. URL: https://www.huffingtonpost.com/asad-abukhalil/syria-proxy-wars_b_5874488.html (дата обращения: 01.07.2018).

Имкина Елизавета Сергеевна

магистр

Email: betty-im@yandex.ru

Кузьмина Виолетта Михайловна

кандидат исторических наук, доцент

Email: kuzmina-violetta@yandex.ru

Юго-Западный государственный университет

ЭТАПЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ РОССИИ В МИРОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается путь России в процессе постепенной вовлеченности страны в мировую интеграцию. Данный процесс был разбит на 4 этапа, каждый из которых был подробно рассмотрен и изучен.

Ключевые слова: интеграция, стратегические взаимоотношения.

Imkina Elizaveta Sergeevna

Master

Kuzmina Violetta Mikhailovna

PhD (History), Associate Professor

Southwest State University

STAGES OF RUSSIA'S INVOLVEMENT IN WORLD INTEGRATION PROCESSES

Abstract. The article discusses the way of Russia in the process of gradual involvement of the country in world integration. This process was divided into 4 stages; each of them was examined and studied in detail.

Keywords: integration, strategic relationships.

Российская Федерация является ключевым участником международного диалога. Поэтому развитие международной интеграции имеет непосредственно важную роль во внешней политике страны. Как для государства-продолжателя СССР, вовлеченность в интеграционные процессы началась в 1991 году после распада социалистического блока.

В целом можно поэтапно рассмотреть весь путь России в процессах международной интеграции [1].

I этап с 1917 г. по 1945 г. В течение данного периода произошли громкие и знаковые события в истории государства – Революция 1917 года, затем Гражданская война, которая закончилась образованием Союза Советских Социалистических Республик в 1921 году.

Данный период характеризует непростую ситуацию в стране, так как она находилась в полной экономической и политической изоляции вплоть до Второй мировой войны, все внешние связи СССР были прерваны. Советское государство на данном этапе научилось полностью обеспечивать свой народ необходимыми ресурсами и товарами посредством коллективизации и индустриализации. В ходе построения государства «нового типа» власть не видит необходимости в построении экономического сотрудничества.

II этап с 1945 г. по 1985 г. Началом следующего этап вовлеченности страны в интеграционные процессы принято считать победу СССР в Второй Мировой войне. Страна стала сверхдержавой наряду с США. СССР на правах страны-победительницы стал постоянным членом Совета безопасности ООН с правом вето. С 1973 г. СССР вступил в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, главными целями которой является контроль за вооружением, защита прав человека, усилия по предотвращению конфликтных ситуаций в мире и в Европе.

III этап с 1985 г. по 1991 г. Данный этап можно охарактеризовать как постепенное ослабление СССР, спад внутреннего развития страны и внешнеполитического влияния, что привело к распаду Советского государства.

IV этап с 1991 г. по настоящее время. В 1991 году было основано Содружество Независимых Государств, целью которого являлось создать интегрированного экономического и политического объединения. После этого события был дан толчок к росту вовлеченности России в международные интеграционные процессы. Уже в 1992 году Россия подписала «Ташкентский пакт» – Организация Договора о коллективной безопасности. В этом же году Россия вступила в Международный валютный фонд, где прошла непростой путь от заемщика до кредитора.

В 1996 году Россия вступила в Совет Европы, а 1997 году стала членом группы «Большая восьмерка». С целью укрепления азиатско-тихоокеанского сообщества и сотрудничества в рамках региональной торговли в 1998 году Россия вступила в АТЭС. А в 1999 году был подписан договор между Россией и Беларусью о создании Союзного государства.

С 2001 года было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) с целью формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Однако оно было упразднено в связи с созданием в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Далее России стремительно «втягивалась» в интеграционные процессы. С 2001 г. она является страной-участницей Шанхайской Организации сотрудничества. Также отметим, что одним из важных векторов сотрудничества для России является группа стран БРИКС. Впервые официально было объявлено об данном объединении на первом съезде БРИКС в 2009 г. В 2012 Россия вступила в Всемирную торговую организацию, переговоры о вступлении в которую велись 18 лет, начиная с 1993 года.

На данный момент Россия состоит в более 40 интеграционных блоках. Полный перечень организаций по группам можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1

Участие России в интеграционных объединениях
и международных организациях [2]

Членство России в международных организациях	
Организации ООН	Генеральная Ассамблея ООН и Совет Безопасности, Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Экономическая комиссия ООН для Европы, Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международная организация труда (МОТ), Международная морская организация (ИМО), Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО), Всемирная туристская организация, ЮНВТО
Членство России в других объединениях	АТЭС, СНГ, ЕАЭС, МВФ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, ВТО, Совет Европы, Банк Международных расчетов, ЧЭС, ММО, СГБМ, МОК, МЭК, ИСО, G20, ГКМЧП, ВОИС, IRENA, Союзное государство, ОБСЕ, Всемирный почтовый союз, СЕАП, Международное движение Красного Креста, Международная гидрографическая организация, Международная ассоциация развития, Международная организация мобильной спутниковой связи, Всемирная таможенная организация
Россия как наблюдатель	Международная организация по миграции, Европейская организация ядерных исследований, Организация исламского сотрудничества, ЛАИ.

Таким образом, отметим, что развитие государства не обходится без расширения не только двусторонних, но и многосторонних связей. Вовлеченность в интеграционные процессы является неотъемлемой частью развития внешней политики страны. И, как можно увидеть, Россия отлично справляется с задачей расширения партнерских и стратегических взаимоотношений.

Библиографический список

1. *Ерохин, В.* Международное предпринимательство // Adhdportal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.adhdportal.com/book_3858.html.
2. *The World Factbook: Russia* // Central Intelligence Agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.htm>.

Костирев Андрей Геннадиевич

кандидат политических наук, доцент

Национальный университет «Черниговский коллегиум» имени Т. Г. Шевченко

Email: akostyrev@ukr.net

«ПОСТПОЛИТИКА» В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния развернутых в Интернете социальных сетей на политические процессы. Показано, что в сетевом обществе политические акторы должны играть по новым правилам. Раскрыта проблема использования ценностной коммуникации как наиболее эффективного средства сетевой игры.

Ключевые слова: интернет, коммуникации.

Kostyrev Andrey Gennadievich

PhD (Political Sciences), Associate Professor

The National University "Chernihiv Collegium" named after T. G. Shevchenko

‘POST-POLICY’ IN THE NETWORK SOCIETY

Abstract. The author analyses the influence of social media on political processes. He argues that in a network society political actors must play according to the new rules. The paper discloses the problem of using value communication as the most effective means of network games.

Keywords: Internet, communication.

Появление в конце XX века нового канала коммуникации – Интернета – сначала воспринималось лишь как очередной этап развития общества массовой информации со всеми его преимуществами и недостатками. Но технологические и социальные процессы, которые получили развитие за почти два десятилетия XXI века и связаны с развертыванием в Интернет-пространстве такого сегмента как онлайн сети, которые часто называют социальными медиа, заставили наиболее продвинутых аналитиков изменить эту точку зрения. В сетевом обществе, человек перестает быть марионеткой традиционных масс-медиа, в первую очередь подвластного правительствам и олигархам телевидения. Такие интерактивные социальные медиа как Facebook и Twitter стали влиятельными факторами общественно-политической жизни во всем мире.

Анализ фактов показывает, что Интернет сообщает импульс для замены устаревших структур общественной иерархии, в том числе политических, новыми формами социальной организации. Кардинальные изменения в информационном пространстве, вызванные развитием социальных медиа, в значительной степени реформируют систему распределения власти, которую уже окрестили постполитической. Новая коммуникационная реальность поставила перед политическими акторами проблему использования наиболее эффективных методов сетевой игры. Ресурсом, за который ведется эта игра, выступает социальный капитал.

Мультимодальность коммуникации в онлайн сетях открывает их большой социально-конструктивистский потенциал, потому что она обеспечивает эффективность процесса организации социального взаимодействия, сочетая преимущества закрытых и открытых сетей. Facebook и Twitter предоставляют пользователям возможность, используя разветвленные цепочки взаимосвязанных ячеек («друзья друзей» и т. п.), быстро выйти за пределы зон «коммуникационного ядра» и «важных связей», чтобы получить необходимую социальную поддержку по линиям «слабых связей». Общественно-политическая поддержка активизируется также благодаря использованию сценариев интерактивных реалити-шоу и различных флеш-мобов. При этом происходит постепенное стирание граней между виртуальным и реальным миром,

деятельностью акторов в онлайн и офлайн социальных сетях. Эту тенденцию подтвердили и президентские выборы 2019 году в Украине.

Интернет предоставляет возможность определенному коммуникационному ядру широко популяризировать свои ценности, привлекать все больше новых сторонников, что приводит к ускоренному в геометрической прогрессии расширению социальной сети. Но для политического лидера эффективность сети зависит не только от количества участников, но и от качественных характеристик ее коммуникационного поля. Чем больше общих ценностей разделяют социальные акторы, тем сильнее коммуникационные связи между ними. Производная величина от количества и силы коммуникационных связей определяет уровень ценностного притяжения узла социальной сети. Для обозначения этой величины мы ввели дефиницию «валюэнтность». Узлы с наибольшей валюэнтностью представляют собой хабы социальной сети, связанные со сравнительно большим количеством других узлов и образуют более сильные коммуникационные связи. В результате они получают больший социальный капитал, потому что их коммуникационное поле не только расширяется, но и увеличивает свою мощь.

На первом этапе социального взаимодействия, когда коммуникация формирует сеть, эффективность ее развития зависит от валюэнтности социальных акторов, то есть от того, насколько они представляются способными воспринимать, агрегировать и артикулировать актуальные общественные ценности, вызывая доверие граждан. На втором этапе – «игре на сети» – важным фактором выступает адекватная реакция политиков на те ценностные запросы, которые поступают от общества через созданную многослойную мультисеть по «петле обратной связи», и поддержание благодаря этому баланса центристских и центробежных сил в коммуникационном поле между ядром, локальными (региональными) и безмасштабными (глобальными) сетями. Этого не удалось достичь П. Порошенко, потому что его действия, отраженные в предвыборном лозунге: «Армия. Язык. Вера», не соответствовали ценностным запросам абсолютного большинства украинцев.

Вообще, официальный истеблишмент, как показывает практика, в сетевых играх обычно оказывается в роли лузера. И поэтому он прибегает к таким деконструктивным действиям как «охота на ведьм», которыми представляются валюэнтные узлы сети, и тромбирование каналов сетевой коммуникации. При этом свое пренебрежение демократическими принципами государственные чиновники, как правило, пытаются оправдать пресловутыми ссылками на необходимость обеспечения национальной безопасности. Очевидно, что, с одной стороны, именно развитие коммуникационных возможностей социальных медиа способствует формированию нового демократического порядка. А с другой, только демократическое гражданское общество может обеспечить свободную сетевую коммуникацию в ее ценностном смысле.

Кравченко Владимир Иосифович

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: harisma52@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Проводится мысль о том, что политическая культура – сложное и, вместе с тем, важное социальное явление, которое должно стать объектом научного анализа. Целью такого подхода является обоснование существенных критериев формирования политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, социальный идеал, демократическая система.

Кравченко Vladimir Iosifovich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

POLITICAL CULTURE AND SPECIFIC OF ITS TRANSFORMATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. Political culture is a complex and at the same time important social phenomenon, which should become the object of scientific analysis. Argumenting essential criteria of political culture formation is the purpose of such approach

Keywords: political culture, social ideal, democratic system.

Показателем культуры служит утвердившееся в обыденном сознании человека чувство долга и ответственности. «Там, где оно исчезает, там начинается одичание нравов. И тогда, сколько бы ни усиливалось в обществе умственное развитие, как бы ни совершенствовались внешние условия цивилизации, – культурное состояние такого общества жалкое и опасное» [2, с. 63-64]. Человек, согласно теории американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы [1, р. 13], выступает носителем трех взаимосвязанных типов политической культуры: патриархальной, подданнической и активистской. Такое деление политической культуры, на наш взгляд, весьма условно как по форме проявления, так и по содержанию, поскольку люди сами творят обстоятельства (в том числе и политические) в такой же мере, в какой обстоятельства творят самих людей, и в этом, прежде всего, проявляется «политическая культура» человека» [4]. Научный анализ такого сложного социального явления, как политическая культура, предполагает необходимость выделения и обоснования тех объективных критериев, которым она должна соответствовать для выполнения своей роли в общественной жизни. Наиболее существенные критерии политической культуры могут быть обозначены четырьмя позициями.

1. Степень адекватности ее содержания реальным политическим процессам, происходящим в обществе. Данный критерий имеет весьма актуальное значение для современной России [3].

2. Политическая культура – понятие историческое. Ее содержание должно, естественно, меняться в зависимости от эпохи, в которой находится общество.

3. Важным критерием в оценке политической культуры является ее моральная составляющая. «Отсутствие нравственности в политической культуре проявляется в пошлых и неумных шоу на эстрадах, где позволено глумление над историей народа,

историческими личностями, что является не чем иным, как навязыванием «определенной» идеологии» [5, с. 9].

4. Центральным элементом современной политической культуры должно быть научно обоснованное понятие социального идеала. Следует признать, что если идеал коммунистического общества прежнее партийное руководство (КПСС) не смогло реализовать ни теоретически, ни практически (и совсем не потому, что он плохой, утопичный и т.д., а потому, что он был превращен в статичную неразвивающуюся модель), то в настоящее время, в условиях информационного общества, нельзя рассчитывать на позитивные результаты в перспективе, не имея социальной цели и вытекающих из нее конкретных задач по ее реализации. Исходя из особенностей современной информационной эпохи, содержание современного идеала можно было бы определить как общество «социальной справедливости» [5.].

Указанные критерии политической культуры, никоим образом не исчерпывают содержание её самой, однако взятые в своем системном единстве, они позволяют не только обосновать ее сущность применительно к современному обществу, выявить роль, которую она должна играть в социальном управлении и развитии, но и определить эффективные формы ее реализации.

Как указывалось выше, Г. Алмонд и С. Верба выделили три «чистых» типа культуры. Но соглашаясь в целом с таким «триединством», следует признать, что существующие политические культуры сегодня являются смешанными, сочетая в себе различные идеальные типы, и в чистом виде элементы триады не проявляются. Сопоставляя наиболее распространенные в современном мире системы политического управления, мы можем прийти к выводу, что для авторитаризма наиболее подходит подданныческий тип политической культуры с элементами патриархального, а для демократической системы правления – тип гражданской культуры, отдельно выделенный Г. Алмондом и С. Вербой, синтезирующий некоторые подданныческие установки и высокий уровень политического участия.

Таким образом, напрашивается очевидный вывод, что наиболее эффективной будет та система политического управления, основные положения которой согласуются с соответствующим демократическим типом политической культуры. Однако, в современном калейдоскопе событий, серьезные проблемы появляются, когда политико-правовые институты системы политического управления входят в противоречия с устоявшимися стереотипами поведения, воспроизводящимися господствующим в обществе типом политической культуры. Подобное положение возникает при смене систем политического управления. Данная ситуация характерна для любого государства. В качестве примера можно назвать «перманентно-майдановское» движение на Украине, когда текущая гражданская война «окрашивает» политическую культуру в разные политические цвета радуги. Прошедшая выборная компания в России явилась свидетельством того, что кризис существующей системы политического управления (появление которого было обусловлено сочетанием разнородных факторов) привел к необходимости проведения серьезных политических реформ, результаты которых должны кардинально изменить политическую культуру общества и государства. Кроме того, сегодня очевидным является тот факт, что существующая система управления, построенная на принципах партнерского взаимодействия управляющих и управляемых, требует активного и осознанного политического участия граждан. Ускорить данный процесс посредством проведения последовательной политики, возможно, на наш взгляд, за счет «культивирования» местного самоуправления, организации всевозможных гражданских форумов, и т.д.

Эффективность демократической системы политического управления обуславливается не только институциональными политическими реформами, но, прежде всего, формированием демократической, гражданской политической культуры, становление которой следует поддерживать как один из основных приоритетов государственной политики.

Библиографический список

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture; Political Attitudes and Democracy in Five Countries Princeton, 1963. – 576 p.
2. Вопросы жизни. Сборник статей. – М.: Синод.Тип, 1904. – 70 с.
3. Глитикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С.4-6.
4. Кравченко В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия и развития. Монография. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – 272 с.
5. Федосеев А.А. Теоретико-практические аспекты Российской политической культуры // Материалы научно-практической конференции «Политическая культура современного российского общества: состояние и перспективы». – Санкт-Петербург, 2002. – 46 с.

Кузьмина Виолетта Михайловна

кандидат исторических наук, доцент

Email: kuzmina-violetta@yandex.ru

Молодова Александра Сергеевна

студентка

Email: aleksa.molodova@yandex.ru

Юго-Западный государственный университет

ОЦЕНКА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Развитие военно-технического сотрудничества России со странами Ближнего Востока традиционно включает в себе ключевой аспект в отношении расширения стратегического и геополитического положения России в ближневосточном регионе. Кроме ближневосточного региона, Россия развивает стратегически влиятельное сотрудничество в военно-технической сфере со странами Европы, традиционно основными из которых – Франция, Великобритания, Испания, Италия и Германия.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, экспортно-импортные операции, Ближний Восток, продукция военного назначения, международный рынок вооружений, военные расходы.

Kuzmina Violetta Mikhailovna

PhD (History), Associate Professor

Molodova Alexandra Sergeevna

Student

Southwest State University

ASSESSMENT OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE COUNTRIES OF EUROPE AND THE MIDDLE EAST

Abstract. The development of military-technical cooperation between Russia and the countries of the Middle East traditionally implies a key aspect of the expansion of Russia's strategic and geopolitical position in the Middle East region. In addition to the Middle East region, Russia is developing strategically influential military-technical cooperation with some European countries; traditionally the main ones are France, Great Britain, Spain, Italy and Germany.

Keywords: military-technical cooperation, export-import operations, the Middle East, military products, the international arms market, military spending.

Государства Ближнего Востока представляют собой один из самых милитаризованных регионов мира и являются крупнейшими потребителями российской ПВН на протяжении многих десятилетий, среди которых выделяются Египет, Ирак, Сирию и Иран. В 2018 году при общей сумме в 15 млрд. долл. на страны Ближнего Востока приходится 48% поставок вооружений из России – они оказались на первом месте после стран Азии (45%) [1].

Египет является одним из влиятельных и стратегических российских партнеров в военной промышленности, их сближение может изменить геополитическую обстановку в ближневосточном регионе. На Международном военно-техническом форуме «Egypt Defence Expo» (EDEX-2018) было представлено около 300 образцов современного российского вооружения в связи с тем, что Египет не присоединился к анти-российским санкциям.

Стратегия ВТС России и ОАЭ заключается в поставках российской военной техники и совместном создании военных предприятий. На IDEX-2019 более 50 оборонных предприятий продемонстрировали различные разработки и технологии. По результатам IDEX-2019 Вооруженные Силы ОАЭ заключили с Россией контракты приблизительно на 7,4 млрд. долл.

Страны Ближнего Востока и Северной Африки зависят от импорта вооружений, в результате возможности развития военной промышленности ближневосточного региона существенно ограничены. Для обеспечения «военной независимости», Израиль и Турция развивают военную сферу деятельности. В Израиле базируются 3 из 100 влиятельных военных компаний в мире, в Турции находятся 2 военных предприятия. В 2016 году Саудовская Аравия объявила о реализации плана долгосрочного экономического развития «Видение-2030», главной перспективой которого является увеличение военных заказов у отечественных производителей с 2 до 50% [2].

Специалисты СИПРИ определили уровень среднемирового показателя по военным расходам в самых милитаризованных странах Ближнего Востока и Северной Африки, составляющий 6% [3].

По материалам СИПРИ, средний показатель мировых военных расходов составляет 2,16%, который незначительно превосходит страны Центральной Европы (2,44%) и в большей степени выражен у стран Ближнего Востока (4,07%). Ближневосточный регион является перспективным направлением, реализующий тенденцию развития импортного потенциала стран.

Не менее важными стратегическими партнерами в военно-технической сфере являются страны Европы. Несмотря на негативность последних событий – аннексия Крыма, события в Керченском проливе, постоянные санкции США в сторону России, Россия развивает военно-техническое сотрудничество с европейскими регионами. В 2017-2018 г. лидерами по поставкам военной продукции становятся Франция (5,6%), Великобритания (4,7%) и Германия (4,5%), что представляет 21,7% мировых поставок ПВН (табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие экспортеры вооружений стран Европы
и распределение их поставок по регионам в 2017 г., % [4]

Импортер	Экспортер					
	Россия	Франция	Германия	Испания	Италия	Великобритания
Африка	12,0	9,2	8,9	2,6	10,0	1,4
Америка	6,1	11,0	16,0	11,0	11,0	8,9
Азия и Океания	68,0	29,0	24,0	41,0	21,0	28,0
Юго- Восточная Азия	13,0	5,8	6,7	11,0	7,1	10,0
Европа	5,9	13,0	28,0	3,0	20,0	6,0
Ближний и Средний Восток	8,1	38,0	23,0	43,0	38,0	56,0

Ближневосточный регион импортирует вооружения со стороны Великобритании (56%), Испании (43%), Франции и Италии (38%). Тенденция обусловлена конкурирующим фактором на международном рынке вооружений и желанием закрепить позицию стран Европы на нем, в связи с тем, что страны фактически обладают малочис-

ленным количеством военных ресурсов для широкого снабжения стран Ближнего Востока военной продукцией.

Франция является одним из ведущих партнеров и влиятельных конкурентов России в военно-технической сфере. В 2017 году французский экспорт вооружений составлял 38% в страны Ближнего и Среднего Востока. С 2012-2017 гг. Франция заключила крупные контракты на поставку вооружений и военной техники, включая 5 фрегатов для Египта, 36 боевых самолетов «Rafale» для Индии и по 24 «Rafale» для Египта и Катара [5].

На международной оборонной выставке IDEX-2016 министр обороны Италии Роберт Пинотти заявил, что на ее долю приходится 2,7% совокупного мирового экспорта, и, что Италия экспортировала вооружение больше, чем в 59 государств, занимая 4-е место в списке крупнейших получателей после США, Франции и Германии.

Традиционным партнером России, который на протяжении долгого времени закупал советскую технику, была Германия. Германия поставляет 28% экспорта в другие государства Европы и 23% в государства Ближнего и Среднего Востока.

Библиографический список

1. Матвейчев, О.А. Большая актуальная политическая энциклопедия: учеб. пособие / О.А. Матвейчев; под общ. ред. А.В. Белякова. – М.: Эксмо, 2009. – 412 с.
2. Григорьев, В.С. Развитие военной судебной системы в советский период: монография / В.С. Григорьев. – Изд-во: Новосибирский военный ин-т внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева, 2014. – 103 с.
3. Кошелев, С.М. Международное военное сотрудничество как фактор укрепления системы военной безопасности Российской Федерации / С.М. Кошелев // Военно-техническое сотрудничество. – 2012. – №1. – С. 433-436.
4. Ремарчук, В. Н. ОДКБ как фактор стабильности на постсоветском пространстве / В. Н. Ремарчук // Военный академический журнал. – 2017. – №1(13). – С. 67-76.
5. Рыбакова, М. А. В интересах правового обеспечения военной безопасности и обороны страны / М.А. Рыбакова // Военный академический журнал. – 2018. – №1(17). – С. 88-92.

Лойко Александр Иванович

доктор философских наук, профессор

Белорусский национальный технический университет

Email: alexander.loiko@tut.by

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПАРАДИГМА ИНДУСТРИИ 4.0

Аннотация. Рассмотрено влияние практической реализации парадигмы индустрии 4.0 на перспективы глобализации. Выделены признаки кризиса экономической парадигмы глобализации, обусловленные четвертой промышленной революцией. Показано что экономический базис социальной динамики формирует симптомы новой холодной войны. Экономическая адаптация становится основной стратегией сторонников глобализации. Формируется евразийская навигация экономических интересов и платформ диалога.

Ключевые слова: четвёртая промышленная революция, промышленный интернет.

Loiko Alexander Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor

Belarusian National Technical University

PERSPECTIVES OF GLOBALIZATION: PARADIGM INDUSTRY 4.0

Abstract. The impact of the practical implementation of the industry 4.0 paradigm on the prospects for globalization is considered. The signs of the crisis of the economic paradigm of globalization, due to the fourth industrial revolution, are highlighted. It is shown that the economic basis of social dynamics forms the symptoms of the new Cold War. Economic adaptation is becoming the main strategy of globalization supporters. Eurasian navigation of economic interests and dialogue platforms is being formed.

Keywords: fourth industrial revolution, industrial Internet.

Парадигма четвертой промышленной революции (индустрии 4.0) была актуализирована на международной ярмарке в Ганновере в 2011 г. Парадигма 4.0 начинала формироваться в рамках стратегического плана развития промышленности ФРГ. Этот план предполагает создание новой бизнес – модели организации производства [4]. Первоначально это был один из проектов Hi-Tech стратегии ФРГ до 2020 г. Затем в актуализации тематики индустрии 4.0 сыграл роль К. Шваб. Поскольку он является одним из организаторов форума в Давосе, то его доклад и последовавшие публикации усилили интерес специалистов к парадигме индустрии 4.0.

Эта парадигма предполагает придание всем элементам производства функций искусственного интеллекта. Закладывается участие умных вещей в собственном конструировании, производстве и ремонте. Индустрия услуг трансформировалась в сетевую структуру искусственного интеллекта, оперирующую большими данными. Созданы электронные торговые системы, получили развитие технологии блокчейна.

На фоне сокращения участия человека в производственных процессах (взаимодействиях между вещами) интенсивно создаются институты и инфраструктура дополненной реальности и протоколов ее общения с девайсами. Промышленный Интернет означает интеграцию в сетевом пространстве CPS на основе единой платформы [2]. Условием этой унификации является совместимость платформ и языков, на которых общаются корпоративные структуры. Основной структурной единицей промышленного интернета станет умное предприятие. Таковым по статусу предприятие может стать, если оно соответствует критериям функциональной совместимости, информационной прозрачности, технического сопровождения, способности технологических процессов (киберфизических систем) самостоятельно принимать решения.

Разработана методология управления промышленными предприятиями. Она сформирована программными пакетами ERP, BRM, RCM II, TRM, Lean. Создан инструментарий управления бизнесом в новых условиях, который включает методы управления по целям, систему управления эффективностью продаж, непрерывное обслуживание оборудования, планирование производственных ресурсов, управление жизненным циклом изделия. Используется бизнес – аналитика и Data science.

Если по итогам реализации парадигмы 4.0 промышленный интернет сделает рентабельным и прибыльным бизнес в границах США и Европейского Союза, то тогда закончится эпоха аутсорсинга. Развивающиеся экономики, которые имели перспективы быстрого экономического роста в условиях глобализации, могут лишиться этой основы.

Основной тезис настоящей работы состоит в утверждении, что причиной кризиса экономической парадигмы глобализации является активная реализация в США и Европейском Союзе парадигмы индустрии 4.0. Больше всего сторонников этой парадигмы в США. Они пересматривают действовавшие до сих пор механизмы глобализации и международной безопасности. Они руководствуются принципом сделки. Они оказывают давление на экономики развивающихся государств с целью возврата ТНК в экономическое пространство Запада. Это давление распространяется и на энергетические компании, поскольку модернизирующаяся индустриальная деятельность продолжает базироваться на нефти, природном газе, ядерной энергетике.

Производителям в США гарантируют поддержку в виде налоговых льгот, протекционизма. Создан механизм давления на компании, которые производят продукцию в КНР. Нормой стали торговые войны.

В обновленном виде экономическая парадигма глобализации включает критерий адаптации транснациональных производителей к протекционизму. Издержки от него будут оправданными, если производства будут рентабельными. Формируется новая архитектура глобализации. Приоритет отдается конвергенции экономических и культурных факторов в пределах пространства определенной группы стран. Евразийский регион не является исключением [3].

Формируется совместимость России и КНР в вопросах логистики «Пояс – Путь». КНР достигла высокого уровня в области коммерческого Hi – Tech. Россия имеет высокий уровень индустрии 4.0 в военно-промышленном комплексе, а также на предприятиях, функционирующих с участием европейских компаний.

В современном виде Новый шелковый путь – это интегрированная логистика автомобильного, воздушного, морского, железнодорожного транспорта [1]. Большие объемы инвестиций выделяются на модернизацию дорог, Северного морского пути, дальневосточных портов, аэропортов. Реализуется программа инвестиций в инфраструктуру и коммуникации Большой Евразии. Элементом этой инфраструктуры стали индустриальные парки. Площадкой для их строительства стала Беларусь. Индустриальный парк «Великий Камень» стал частью столичного мегаполиса. Он расположен рядом с международным аэропортом «Минск 2».

Библиографический список

1. *Галась П.В., Котова А.К. Лойко А.И. Петрова Ю.В.* Топонимика международной логистики в начале XXI столетия и ее отображения в пространстве евразийского региона / Ценности евразийской культуры: духовность, традиции, экономические приоритеты сотрудничества. EXPO-2017 ASTANA. Минск, 2017. – С. 231–238.
2. *Данилин И.В.* Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т.17. №3. – С. 555–567.
3. *Лойко А.И.* Синергетика социального пространства: евразийский регион. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 147 с.
4. *Тарасов И.В.* Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегия бизнеса. 2018. № 6. – С. 57–63.

Мальцев Константин Геннадьевич

доктор философских наук, профессор

Email: maltsevaannav@mail.ru

Ломako Леонид Леонидович

старший преподаватель

Email: parmenid@bk.ru

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ИМПЕРСКОГО ПОРЯДКА

Аннотация. Перманентная война есть конститутивный элемент нового имперского мирового порядка; по названию и по форме это – антитеррористическая война, в которой участвуют имперский центр и периферия. Антитеррористическая война – важнейший способ самолегитимации нового мирового порядка, – полагается «справедливой войной»; актуализация этого концепта предполагает полицейский характер имперского порядка.

Ключевые слова: империя, антитеррористическая война, легитимация, полиция, чрезвычайное положение.

Maltsev Konstantin Gennadievich

Doctor of Philosophy, Professor

Lomako Leonid Leonidovich

Senior Lecturer

Belgorod State Technological University named after V.G. Shouhov

ANTI-TERRORIST WAR AS A CONSTITUTIVE ELEMENT OF THE POST-MODERN IMPERIAL ORDER

Abstract. Permanent war is a constitutive element of the new imperial world order. According to its name and form, it is an anti – terrorist war in which the imperial center and periphery participate. Anti-terrorist war – the most important way to self-legitimize the new world order – is supposed to be a "just war". The actualization of this concept assumes the police character of the imperial order.

Keywords: Empire, anti-terrorist war, legitimization, police, state of emergency.

Идея о том, что война стала нормальным состоянием мира (как бы ее ни определять: как антитеррористическую, гибридную, полицейскую операцию и как угодно еще), по-прежнему вызывает моральное негодование, но все меньше приводится «научных» аргументов, опровергающих это положение (если иметь в виду только современные работы, то первыми этот тезис сформулировали М. Хардт и А. Негри). То, что война – это не просто норма, но конститутивный элемент имперского порядка, также заявлено в книге названных авторов, – утверждение, практически «неудобное», но сохраняющее свое значение даже после критики, которой оно подверглось с самых разных, противоположных и иногда неожиданных, сторон. Для нас представляет особенный интерес форма войны как конститутивного элемента имперского порядка, именно – антитеррористическая война, тем более, что, если судить по заявлениям официальных лиц во всем остальном несогласных и противостоящих формально суверенных национальных государств, в этом вопросе (борьба с терроризмом) они видимо согласны и готовы к совместным действиям. Кажется, что субъектами, противостоящими универсальному (или международному) терроризму, являются множество суверенных наций-государств, рассматривающих (мы для удобства опускаем вопрос, кто и почему уполномочен высказывать официальную позицию, хотя

вопрос этот в последнее время тоже становится актуальным: например, после известных событий в Венесуэле, когда действующему и формально легитимному президенту можно просто отказать в признании со стороны «мирового сообщества») терроризм как одну из главных угроз. Однако, вопрос со «сторонами» в антитеррористической войне, равно как и вопрос о том, что есть «предмет», из-за которого воюют, кажется, даже не поставлен; вместо этого мы видим (по крайней мере, в публичном пространстве) все то же моральное негодование и едва ли не намеренное уклонение от самого, обозначенного нами, вопроса. Нам представляется, что книга М. Хардта и А. Негри способна отчасти «прояснить» ситуацию.

Империя есть «мировой порядок», и «порядок этот выражен в виде правовой структуры» [1, с. 19]; он возник на основе глобального рынка в связи с неспособностью национальных государств обеспечить его функционирование, «даже наиболее сильные национальные государства не могут далее признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ» [1, с. 11]; кризис «старого порядка» национальных суверенитетов был, если верить Хардту – Негри, перманентным, со времени его установления после Вестфальского мирного договора 1648 года [1, с.20]. Но это не означает «элиминирование» суверенитета («ослабление суверенитета национальных государств вовсе не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок» [1, с. 11]; основная гипотеза состоит в том, «что суверенитет принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является тем, что мы называем Империей» [1, с. 11–12]; «переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрализованный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибкими идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменами посредством модулирования командных сетей» [1, с. 12]. Для нас особенно важным является утверждение, что Империя универсальна не только в пространстве и времени, но «владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой. Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти» [1, с. 14]. «Понятие Империи соединило правовые категории с универсальными этическими ценностями, определив их существование в качестве органического целого. Этот союз постоянно присутствовал в понятии Империи, несмотря на все превратности истории» [1, с. 25]. Главное, для авторов, конечно, то, что «всякая правовая система представляет собой своего рода кристаллизацию определенной совокупности ценностей, поскольку мораль является составной частью субстанции, лежащей в основе любой системы права, но особенность Империи состоит в том, что она доводит совпадение и универсальный характер этического и юридического принципа до предела: Империя – это мир и гарантии справедливости для всех народов. Идея Империи предстает в образе глобального оркестра под управлением одного дирижера как единая власть, которая сохраняет социальный мир и производит этические истины» [1, с. 25]. Для этого власть наделена силой, чтобы вести «справедливые войны»: «на границах – против варваров, и внутри – против бунтовщиков» [1, с. 25]. Итак, ценностная легитимация имперского порядка не просто предполагает, но обявляет взять на вооружение концепцию «справедливой войны»; авторы отмечают возрождение интереса к ней [1, с. 26–27] в наше время.

Две характеристики справедливой войны, «с одной стороны, война низводится до статуса простой полицейской акции, с другой стороны, происходит сакрализация новой власти, которая может посредством войны легитимно исполнять этически обоснованные функции» [1, с. 27], – развиваются еще дальше: «Сегодняшнее понятие справедливой войны отмечено несколькими поистине принципиальными новшествами» [1, с. 27]. Во-первых, она «перестает быть практикой защиты или сопротивления» [1, с. 27], хотя бы только на словах, но «становится деятельностью, которая оправдана сама по себе» [1, с. 27], во-вторых же, она становится постоянным, «нормальным» состоянием: чрезвычайное положение и связанные с ним процедуры есть нормальное состояние империи; Хардт – Негри даже пишут о характерной для Империи «парадигмы легитимации, основанной на постоянном чрезвычайном положении и полицейских мерах» [1, с. 49]. Империя универсальна; «в переходе от современности к постсовременности и от империализма к Империи различие между внутренним и внешним постепенно уменьшается» [1, с. 178]. Снятие границы между «публичным и частным» [1, с. 179], определяющей для классического либерального понимания политики, и «суверенных границ» национальных государств вместе с претензией Империи на установление не просто политического, но морально-политического порядка лежит в основании «права на вмешательство» (которое уже нельзя определять понятием «интервенции»): «право на вмешательство» рассматривается как одно из «базовых» в новом имперском праве. Требование «справедливости», исходящее от наднациональных институтов разного уровня и профиля («эти организации стремятся выделить всеобщие потребности и защитить права человека. В их риторике и действиях враг сначала определяется как нужда, недостаток, лишения (и своей деятельностью они стремятся защитить людей от чрезмерных страданий), а затем признается, что враг – это грех» [1, с. 47]) универсализируется как «право» империи вмешиваться везде, где обнаружится угроза новому имперскому порядку, таким образом, что «моральное вмешательство становится передовым отрядом сил имперской интервенции» [1, с. 47]; «моральное вмешательство часто служит первым актом, готовящим сцену для военной интервенции» [1, с. 48]. Это есть один из «аспектов» ставшей перманентной «справедливой войны»: «Справедливая война находит эффективное подкрепление со стороны «моральной полиции» подобно тому, как ответственность имперского права и его легитимное функционирование поддерживаются необходимым и постоянным применением полицейской власти» [1, с. 48]. А поскольку «любой мятеж, любое восстание, врывающееся в порядок имперской системы, вызывает потрясение всей системы в целом» [1, с. 69], что предполагается «сетевой» природой имперского порядка, то «в наши дни американским идеологам все сложнее назвать одного, главного врага; скорее, кажется, что многочисленные и неуловимые враги находятся повсюду» [1, с. 181], и, как мы сказали (вслед за Хардтом-Негри), их вместе квалифицируют как террористов. Антитеррористическая война есть современное название справедливой войны как постоянного состояния имперского порядка, одновременно способ его функционирования и легитимации.

Библиографический список

1. Хардт, М., Негри, А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Миронова Светлана Владимировна

магистрант

Email: s.mironova97@mail.ru

Фролов Александр Альбертович

кандидат политических наук

Email: a.a.froloff@gmail.com

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: форма реализации политического протеста зависит от тех условий и факторов, которые характеризуют существующую политическую и социальную системы. В настоящее время, в частности, быстрое развитие интернет – технологий способствует формированию «новых» видов протестов и изменяет направленность и характер самих протестных акций.

Ключевые слова: протест, социальные сети.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Mironova Svetlana Vladimirovna

Graduate Student

Frolov Alexandr Albertovich

PhD (Political Sciences)

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

TRANSFORMATION OF FORMS OF POLITICAL PROTEST IN DIGITAL CONDITIONS: REGIONAL ASPECT

Abstract. The form of realization of political protest depends on the conditions and factors that characterize the existing political and social systems. At present, the rapid development of Internet technologies, in particular, contributes to the formation of “new” types of protests and changes the direction and nature of protest rallies themselves.

Keywords: protest social networks.

Политический протест, как одна из форм гражданской активности, отражающая негативное восприятие населением сложившихся в обществе и государстве ситуаций, конкретных действий властей или должностных лиц, имеет своей целью решение значимых проблем общества, путём привлечения внимания к ним властных структур, средств массовой информации и граждан.

Реализация протеста – ключевая и решающая стадия, непосредственно определяющая его результаты и влияющая на дальнейший ход осуществления политики. Говоря о способах выражения негативных настроений, можно отметить их зависимость от складывающихся в обществе условий и факторов. В современной России к таковым относятся, с одной стороны, приверженность населения к традиционным – формально закрепленным формам протестов, с другой, активное и быстрое развитие информационно-коммуникационного пространства, значительно упрощающее функции и роль участника протестной акции и способствующее вовлечению большего количества граждан в протестную повестку.

В научном дискурсе способы реализации протестных настроений, то есть формы протестов, для удобства их изучения, систематизируют, выделяя конвенциональные и неконвенциональные модели поведения. Первые – проводимые с соблюдением

установленного закона, процедуры согласования; вторые – незаконные, отвергаемые большей частью общества по моральным, религиозным или другим соображениям. К «традиционным» формам протеста принято относить публичные акции, организованные в соответствии с федеральным и региональным законодательством [1], к которым относятся: собрания – коллективное обсуждение общественно значимых вопросов гражданами в специально отведённых для этого местах; митинг – акция в целях обсуждения преимущественно общественно – политических вопросов, предполагающая массовое присутствие граждан; демонстрация – публичное выражение мнения граждан с использованием во время передвижения средств наглядной агитации; шествие – прохождение граждан по заранее спланированному маршруту; пикетирование – публичное выражение мнения без передвижения, проводимое путём размещения у пикетируемого объекта гражданина или группы граждан.

Наравне с рассмотренными формами протеста благодаря развитию технических средств, на данный момент возникают и развиваются ранее неизвестные. Первую группу «новых» форм составляют спекулярные. К ним относятся флэш-мобы, хэппенинги, перформансы, отличной чертой которых является их ограниченный субъектный состав. Они ориентированы на довольно узкие круги общественности, в частности, на молодёжь и студенчество.

Вторую группу «новых» форм, составляет «виртуальный» протест. Социальные сети, мессенджеры и СМИ начинают исполнять роль мобилизации населения, быстрого распространения информации о целях и ходе мероприятия, его планирования. Основными преимуществами интернет влияния являются: быстрота распространения данных, широкая распространённость среди населения, практически неограниченная география взаимодействия, возможность получения быстрой «обратной связи». Социальные сети, такие, как Facebook, Twitter, ВКонтакте и Instagram результативно могут исполнять роль каналов вовлечения граждан в протестную деятельность, используя различные механизмы PR-технологий.

С целью определения трансформации региональной протестной активности в 2016–2018 гг. в Ярославской области, было проведено исследование методом экспертного опроса. Для получения информации по рассматриваемой теме, было выбрано 7 экспертов – представителей власти, общественных организаций, СМИ и научной сферы Ярославской области. Все эксперты компетентны в предложенной проблеме в силу их прямого участия или организации протестных акций, освещения их и исследования протестной активности в регионе.

Все эксперты однозначно ответили, что протестные акции могут стать одним из инструментов решения общественно-значимых проблем, вопросов. Подобная форма активности привлекает внимание, как общественности, так и отдельных структур органов государственной и муниципальной власти. При этом эксперты, представляющие группу «государственной власти», в отличие от экспертов «СМИ» и экспертов «научно-общественной» сферы, чаще отмечали существование иных результативных механизмов решения «резонансных вопросов», основанных на конструктивном диалоге, к которым относили: круглые столы, переговоры, обращения в органы государственной власти, сборы подписей.

Значительное внимание представители экспертного сообщества уделяли критериям результативности протеста, называя активнее в социальных сетях, проявляемую в качестве ведения постоянной и непрерывной информационной кампании наиболее эффективной, в настоящий момент, формой. Представляется, что по соотношению эффективности и минимизации нежелательных последствий оптимальным вариантом является информационная кампания в социальных сетях (удачные примеры – протесты против отмены речного трамвая, объединения театров, ресторана-дебаркадера и др. в городе Ярославле).

Отвечая на вопрос о трансформации форм протестной активности, эксперты говорили об изменениях, как со стороны власти, так и со стороны участников – общественности. Со стороны власти отмечаются: отказы в согласовании протестных акций,

что позволяет сдерживать развитие протестной активности; разворачивается нормо-творческая деятельность, направленная на ограничение интернет – протеста. Со стороны общества: снижение доверия в эффективности протестных акций, что влечёт уменьшение интереса к активному участию в публичных протестных мероприятиях; переход протеста в интернет – пространство, в частности активность в социальных сетях и мессенджерах.

Таким образом, отметим, что при существующем разнообразии способов реализации протестных настроений, в зависимости от внешних факторов и создаваемых условий постоянно появляются новые формы протестов, отражающие как психологическое отношение граждан к политической системе или отдельным институтам, так и технологическое совершенствование информационно – коммуникационных технологий, упрощающих возможность влияния на власть отдельных индивидов или их групп.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/4ceedc6beeab98acfcfe6b042e41a8319e1c922/ (дата обращения 10.10.2019).

Нестерова Ирина Евгеньевна

кандидат политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: ira.irenanest@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ АФРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Аннотация. Пространство Африканского континента можно по праву считать местом диверсификации различных промышленно-технологических процессов. В этой связи африканские государства крайне заинтересованы в поиске новых партнеров, которые смогли бы через устойчивые механизмы сотрудничества удовлетворить их растущие торгово-экономические, промышленные, инновационные и другие потребности. Однако, вместе с тем, обозначилась и конкурентная борьба за Африку между ряда ключевых геополитических игроков, в числе которых есть и Россия.

Ключевые слова: Африка, сотрудничество.

Nesterova Irina Evgenievna

PhD (Political Science), Senior Lecturer

Saint Petersburg State University

THE MAIN TENDENCIES OF RUSSIA'S COOPERATION WITH THE STATES OF AFRICA IN THE MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM OF COORDINATES

Abstract. The African continent can be considered a place of diversification of various industrial and technological processes. In this regard, African states have a strong interest in finding new partners that can, through sustainable mechanisms of cooperation, meet their growing trade, economic, industrial, innovative and other needs. At the same time, however, there exists a competitive struggle for Africa among some key geopolitical players, including Russia.

Keywords: Africa, cooperation.

Государства Африканского континента традиционно всегда представляли интерес для России по вопросам сотрудничества в различных сферах. Кроме того, африканское турне в марте 2018 года Главы МИД России С. Лавров ознаменовало собой так называемое российское «возвращение в Африку».

Потенциал торгово-экономических связей и инвестиционных проектов со странами Африканского континента оценивается крайне высоко. Крупный российский бизнес рассматривает Африку как перспективный объект для инвестиций. Доказательством тому служит тот факт, что с 2017 года на регулярной основе проходит бизнес-диалог «Россия – Африка» в дни проведения Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). Также, в ходе Российской энергетической недели в 2018 году был организован первый Российско-Африканский энергетический круглый стол. А в октябре 2019 в г. Сочи анонсировано проведение первого экономического форума «Россия – Африка». Подобные форматы сотрудничества закладывают основу для продолжения и укрепления диалога между странами на высоком уровне и создают условия для последующих крупных деловых мероприятий.

В фокусе внимания российской дипломатии – весь континент. Однако есть страны Африки, с которыми сотрудничество развивается особенно активно.

Торговля России со странами Африки в последние годы демонстрирует положительную динамику. Товарооборот между Россией и Африкой в 2017 г. составил 17,4 млрд долларов, а в 2018 г. – уже 20,4 млрд долларов [1]. Торгово-экономические отношения

наиболее развиты у России со странами Северной Африки, но, вместе с тем, в последние годы нарастает объем товарооборота и со странами, расположенными к югу от Сахары.

Помимо этого, в последние годы Россия заключила с целым рядом африканских государств новые соглашения о военно-техническом сотрудничестве, взаимодействии в сфере безопасности и борьбы с терроризмом.

Также государства Африки крайне заинтересованы в сотрудничестве с внешнеполитическими партнерами, которые готовы предоставить новые технологии, с последующим их внедрением на континенте, содействуя тем самым промышленному и человеческому развитию. И у России, несомненно, есть в арсенале разработки, которыми она готова делиться с африканскими партнерами (технологии в сфере «мирного атома», медицины).

В не меньшей степени Россия стремится выстраивать активное взаимодействие с африканскими государствами и в многостороннем формате. В первую очередь, речь идет об укреплении взаимодействия с Африканским союзом и региональными интеграционными объединениями континента.

Таким образом, становится очевидно, что потребности Африки в сфере развития человеческого капитала, создания новой инфраструктуры, развития промышленности настолько велики, что неизбежно требуется привлечение новых внешнеполитических партнеров. Однако, вместе с тем, многие эксперты солидарны во мнении, что сейчас разворачивается новая «схватка за Африку», основными участниками которой являются США, Китай, ЕС (как блок государств, так и страны по отдельности). В качестве игроков второго эшелона можно рассматривать Бразилию, Индию, Турцию, Иран, Южную Корею, страны Залива [2].

Библиографический список

1. *Кадомцев А.* Укрепление России и Китая в Африке все больше тревожит Запад (Часть 2). Журнал «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/22021> (дата обращения 01.09.2019).
2. *Кулькова О.* Что Россия может предложить Африке? Материалы Российского Совета по международным делам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/что-rossiya-mozhet-predlozhit-afrike/> (дата обращения 01.09.2019).

Нефедов Сергей Александрович

доктор политических наук, научный сотрудник

Email: offiziell@yandex.ru

Куцаенко Екатерина Игоревна

старший преподаватель

Email: kutsaenkoei@gmail.com

Пятигорский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация. В исследовании анализируются информационные привилегии политической элиты. Приоритетный доступ к медиапространству – это один из признаков, отличающий элиту от масс. Однако современное информационное общество предоставляет массам возможности оспорить эти привилегии, в частности, через широкое использование социальных медиа.

Ключевые слова: элита, привилегии, информация.

Nefedov Sergey Alexandrovich

PhD (Politics), Research Fellow,

Kutsaenko Ekaterina Igorevna

Senior Lecturer

Pyatigorsk State University

INFORMATION PRIVILEGES OF THE POLITICAL ELITE

Abstract. The study analyzes the informational privileges of the political elite. Priority access to the media is one of the features that distinguishes the elite from the masses. The modern information society, however, provides the masses with the opportunity to challenge these privileges, in particular through the widespread use of social media.

Keywords: elite, privileges, information.

Важнейшим признаком политической элиты выступает наличие у нее различного рода привилегий, преимуществ, которыми она обладает в отличие от масс. Одно из центральных мест среди привилегий занимают информационные привилегии. Элита в отличие от масс имеет доступ к медиaproстранству [3, p. 11–13]. Круг общения обычных людей, как правило, ограничен членами семьи, друзьями и коллегами. Хотя они могут использовать новостные медиа, они в целом не влияют на новостной контент, не оказываются в центре новостных репортажей. Наоборот, политическая элита имеет разносторонний доступ к медиaproстранству. Приоритетный доступ к медиaproстранству получают те представители элиты, которые обладают формальной политической властью – президенты, премьер-министры, лидеры партий и т.д. [2, p. 89-123] Хотя, как показывают некоторые исследования, массмедиа часто предпочитают харизматичных, коммуникативных и привлекательных личностей [4], главным фактором доступа к медиaproстранству остается все же институциональный статус, которым обладает только элита [5, p. 7–44].

Массмедиа выполняют для политической элиты две базовые функции – информационную и инструментальную [1]. Массмедиа служат для элиты источником информации, являющейся, в свою очередь, ключевым активом для сохранения ее положения и выполнения ее функций. Массмедиа предоставляют информацию, но вместе с тем они выступают для элиты своеобразным средством или пространством, через которое она приобретает доступ к массам. Элита нуждается в поддержке масс, поэтому стремится обеспечить себе исключительный доступ к массмедиа, являющимся одним из самых действенных средств обретения такой поддержки. Элита всегда активно действует в медиaproстранстве, пытаясь, плотно сотрудничая

с журналистами и редакторами, максимизировать позитивные и минимизировать негативные составляющие своего образа.

Элита пользуется информационными привилегиями для решения различных задач. Во-первых, чтобы обеспечить себе известность. По крайней мере те, кто получил должность выборным путем или был назначен на должность избранным лицом, проявляют желание быть известным обществу и, следовательно, постоянно упоминаться в новостных сообщениях. Именно поэтому обретение доступа к медиaproстранству является одной из ключевых целей определенной части представителей политической элиты, которые готовы даже конкурировать друг с другом за медийное внимание. Во-вторых, элита использует медиaproстранство для продвижения своих собственных историй, которые заполняют содержание новостных лент. В итоге проблемы преподносятся и объясняются медиа с предпочтительной для элиты стороны. Политические курсы, выгодные элите, представляются массам как единственно возможные или самые верные.

Становление и развитие информационного общества оказывают значительное влияние на политическую сферу, одну из важнейших сфер жизнедеятельности современного общества. Тотальная информатизация этой сферы трансформирует политические технологии, политические процессы и институты, которые обретают под ее воздействием новые формы. Все эти явления охватывают, бесспорно, и политическую элиту, вынужденную адаптироваться к новым обстоятельствам, к открывшимся вместе с ними возможностям и возникшим препятствиям. В частности, развитие социальных медиа угрожает ее информационным привилегиям. Элита сталкивается с тем, что ей необходимо защищать свои привилегии от притязаний, исходящих от масс, получивших новое средство для выражения своих политических мнений и артикуляции своих интересов.

Библиографический список

1. Aelst P.V., Walgrave S. Information and Arena: The Dual Function of the News Media for Political Elites // How Political Actors Use the Media: A Functional Analysis of the Media's Role in Politics / Ed. by P.V. Aelst, S. Walgrave. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1–20.
2. Bennett W.L. News: The Politics of Illusion. Chicago: The University of Chicago Press, 2016. 304 p.
3. Dijk T.A.V. Power and the News Media // Political Communication in Action: States, Institutions, Movements, Audiences / Ed. by D.L. Paletz. Cresskill: Hampton Press, 1996. P. 9–36.
4. Schaffner B.F., Sellers P.J. Introduction // Winning with Words: The Origin and Impact of Political Framing / Ed. by B.F. Schaffner, P.J. Sellers. Abingdon: Routledge, 2010. P. 1–8.
5. Wolfsfeld G. Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication. Abingdon: Routledge, 2011. 160 p.

Плющ Александр Николаевич

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины

Email: plyushch11@mail.ru

ЗАДАНИЕ СМЫСЛА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ «УМНОЙ» СИЛЫ

Аннотация. Мышление рассмотрено и как инструмент познания Мира, и как инструмент коммуникации, в котором заложена логика взаимодействия с другими субъектами. Оно разворачивается на основе понятий, задающих сложность организации семантического пространства, предусматривая модель самоорганизации его авторов. Если применение «мягкой силы» нацелено на позиционирование ее субъекта в семантическом пространстве, то использование «умной силы» предполагает форматирование этого пространства, у которого может быть один автор, группа или коллективный автор, конструируемый в ходе совместной жизнедеятельности.

Ключевые слова: «мягкая сила», информационная война.

Plyushch Aleksandr Nikolaevich

Doctor of Psychology, Leading Researcher

Institute for Social and Political Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine

CREATING POLITICS CONCEPTS AS A TOOL OF "SMART" POWER

Abstract. Thinking is considered both as a tool of the World cognition and as a tool of communication, in which the logic of interaction with other subjects is embedded. It is developed on the basis of concepts which define the complexity of the organization of semantic space, providing a model for the self-organization of its authors. If the use of "soft power" is aimed at positioning of its subject in the semantic space, the use of "smart power" involves formatting this space, which can have one author, group or collective author, constructed in the course of joint life activities.

Keywords: soft power, information war.

В информационном обществе социальная власть базируется не столько на обладании материальной или силовой мощью, сколько на особом доступе к коммуникативным ресурсам любого производства смыслов, благодаря чему можно контролировать сознание массовой аудитории, определяя ее желания и поступки [1; 7]. Исторический опыт свидетельствует, что «затратные» социальные технологии, основанные на давлении, принуждении, вызывают энергию социального протеста, напряженности, сопротивления управленческому прессингу, что в свою очередь требует все новых и новых ресурсов для наращивания энергетики управления. Рано или поздно такие технологии ведут к социальным конфликтам и кризисам, истощению ресурсов, социальной нестабильности. Применение информационных технологий свидетельствует о смене приоритетов в методах и формах воздействия на общество, в решении задач управления им. Информационное влияние рассматривается как продвижение дискурса субъекта влияния и включает в себя непосредственное влияние информации, опосредованное влияние автора, индуктивное влияние дискурса [7]. В данном случае под дискурсом понимается конституирующая сила, создающая определенное видение (социальной) реальности [1].

В настоящее время отмечается нарастающая неопределённость развития сложного организованного мира. Стратегическое поражение социальной системы может

произойти вследствие внутренних системных причин, неспособности этой системы решать проблемы нарастающей сложности из-за несовершенств используемого ею проекта, который перестал соответствовать вызовам времени (и/или имеет конструктивные недостатки, проявившиеся в новых условиях). Стандартный путь развивающихся стран связан с копированием промышленных технологий и социальных институтов развитых стран как фрагментов успешных реализованных социальных проектов. Вместе с тем это часто приводит к имитации систем управления и к деятельности социальных структур, исполняющих волю доминанта, которая ведет к закреплению отставания в уровне развития [2].

В информационном обществе развертывается конкуренция между привлекательными социальными проектами (точнее, их авторами). Предложив привлекательный, «совершенный» проект, незачем внедрять его силой – другие субъекты самостоятельно начнут организовывать свою жизнь в соответствии с этим проектом и продвигать его в коммуникациях. Граждане многих стран сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса, соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны [4].

На этом основана концепция «мягкой силы», реализация которой нацелена на борьбу за умы представителей других стран и культур [3]. «Мягкая сила» подразумевает продвижение национальных интересов под видом образовательного, культурного, неполитического сотрудничества. Этот термин можно определить как способ делать свои решения, политику, образ жизни, ценности и цели привлекательными для иной аудитории. Арсенал «мягкой власти» включает в себя средства и методы воздействия, в основе которых лежит коммуникация, а главным орудием является информация. Важнейший принцип «мягкой власти» по Дж. С. Наю – убеждение цивилизаций-мишеней в превосходстве американской модели жизнеустройства [4]. «Мягкая сила» заключена в организации коммуникации, когда подача информация в основном включает в себя внешне привлекательные стороны жизнедеятельности общества и его культуры. Чтобы разглядеть неафишируемые стороны, необходимо уже качество мышления потребителя информации.

Если «мягкая сила» – это опосредованное влияние через создание привлекательного образа, транслируемого в ходе коммуникации, то «умная сила» рассматривается как программирование инструмента мышления, позволяющего потребителю перенимать особенности дискурса автора транслируемой информации. Как утверждают конструктивисты, сам факт наименования вещи или явления является одновременно фактом классификации (категоризации, отнесения к категории), т. е. язык как средство классификации выступает инструментом контроля над тем, как общество воспринимает действительность. Так формулируется «власть языка» – его способность навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира («кто называет вещи, тот овладевает ими») [1]. Задавая смысл социальных понятий (коммунизм, демократия, евроинтеграция), которые описывают привлекательные состояния общества, могущие служить аттракторами процесса их развития, можно программировать цели жизнедеятельности субъектов общества.

Мышление является не только инструментом познания Мира, но и инструментом коммуникации в котором заложена модель самоорганизации ее коллективного субъекта. Нарастание сложности мышления (холистическое, бинарное, синергетическое) происходит за счет нарастания сложности организации его автора, который проходит стадии автономного субъекта, группового участника коммуникации, субъекта жизнедеятельности общества [5]. В ходе совместной деятельности происходит нарастание сложности мышления коллективного субъекта на основе одной из моделей самоорганизации (субъект-объектной, субъект-субъектной, метасубъекта). Индивидуальные субъекты, в процессе жизнедеятельности осваивают мышление коллективных субъектов (метасубъектов) в деятельности которых принимают участие, а так же перенимают их модели самоорганизации, лежащие в основе нарастания сложности мышления.

Сложность мышления, организация коллективного автора, способ его самоорганизации являются взаимообусловленными феноменами. В рамках холистического мышления в качестве автора самоорганизации коллективного субъекта выступает единичный субъект. Использование бинарного мышления предусматривает, что автором самоорганизации является привилегированная группа *избранных*, которая организывает конкуренцию среди индивидуальных субъектов за право попасть в эту группу («*индивидуальная самоорганизация*»). При применении синергетического мышления автором самоорганизации являются равноправные коллективные субъекты («*коллективная самоорганизация*»).

За понятиями, которые рассматриваются как ментальные модели фрагментов социальной действительности, скрываются их авторы. Конструируя модели фрагментов социального мира, эти авторы предполагают возможность построения коллективного субъекта, который в рамках совместной жизнедеятельности будет разделять смысл этих понятий. Понятия, являясь конструктами формируемой картины мира, вместе с тем предполагают логику взаимодействия с другими субъектами, предоставляя возможность позиционирования их автора в семантическом пространстве, форматирование которого обусловлено моделью самоорганизации коллективного субъекта и обусловленным им типом мышления.

Например, предлагая бинарный тип мышления (в основе которого оперирование дихотомиями, такими как «субъект – объект») в качестве нормативного, группе *избранных* можно не беспокоиться за организацию социального устройства. Все устремления индивидуальных субъектов будут направлены на то, чтобы подняться к вершинам социальной пирамиды (попасть в ряды *избранных* «субъектов»), а не на совершенствование форм организации общества. Тогда как использование синергетического типа мышления несет экзистенциальную угрозу для группы *избранных*, поскольку внедрение *коллективной самоорганизации*, предполагающей равноправное участие коллективных субъектов в проектировании совместного будущего, ограничит возможности этой группы по единоличному управлению [6].

Политологические понятия (такие как «демократия», «права человека», «свобода» и др.) превратились в политический инструмент, который ряд стран пытается навязать другим, при этом взяв на себя еще и роль оценщика («субъекта»): соответствует ли та или иная страна «демократическим» нормам или нет. Приватизировав права на «правильное» понимание «демократии», эти страны формируют пространство взаимодействия, в котором они как «демократические» страны будут занимать привилегированное положение, а все остальные ставятся в подчиненное им положение. Непродуктивность попыток выстроить «демократию» по устаревшим западным «лекалам» сегодня стает все более очевидной, тем не менее, именно «западные стандарты демократии» по-прежнему служат критериями оценки постсоветских (и не только) стран.

Мышление разворачивается на основе понятий, задающих сложность организации семантического пространства, обусловленной моделью самоорганизации его авторов. Если применение «мягкой силы» нацелено на позиционирование ее субъекта в семантическом пространстве, то использование «умной силы» предполагает форматирование этого пространства, у которого может быть один автор, группа или коллективный автор, конструируемый в ходе совместной жизнедеятельности. Применительно к глобализации это означает, что ее проект может предлагать один автор, это может быть проект *избранных* или в этом проекте на равноправных условиях могут участвовать цивилизации, имеющие перспективный опыт сотрудничества различных стран в ее составе.

Библиографический список

1. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникация. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

2. *Малинецкий Г. Г.* Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социс. – 2015. – № 4. – С. 152–161.
3. *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения 14.10.2019)
4. *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006. – 397с.
5. *Плющ А.Н.* Конструируемый текст идентичности // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 28-39.
6. *Плющ А.Н.* Многоликая демократия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 2 (24). – С. 70-89.
7. *Плющ А.Н.* Социально-психологические механизмы информационного влияния. – Нежин: «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2017. – 244 с.

Пономарева Наталья Сергеевна

студентка

Башкирский государственный университет

Email: natalya17017@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ИНДИИ И ПАКИСТАНА. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Аннотация. Современная геополитическая обстановка находится в напряжённом состоянии. Любое обострение политических конфликтов приводит к шаткому состоянию международной мирной обстановки. Поэтому изучение генезиса современных международных геополитических конфликтов всегда останется актуальным вопросом науки. В данной статье рассматривается эволюция индийско-пакистанского конфликта и его современное состояние. Рассмотрены возможные пути урегулирования напряженности.

Ключевые слова. Геополитический конфликт, индийско-пакистанский конфликт, современная геополитическая обстановка, генезис конфликта, эволюция конфликта.

Ponomareva Natalya Sergeevna

Student

Bashkir State University

GEOPOLITICAL CONFLICT OF INDIA AND PAKISTAN. PAST, PRESENT AND FUTURE

Abstract. The current geopolitical situation is in a tense state. Any aggravation of political conflicts leads to a precarious state of international peace. Therefore, the study of the genesis of modern international geopolitical conflicts will always remain an urgent issue of science. This article discusses the evolution of the Indian-Pakistani conflict and its current state. Possible ways to resolve tensions are considered.

Keywords. Geopolitical conflict, the Indian-Pakistani conflict, the current geopolitical situation, the genesis of the conflict, the evolution of the conflict.

В условиях глобализации конфликты создают серьёзную угрозу мировому сообществу в связи с возможностью их расширения. Опасностью экологических и военных катастроф, высокой вероятностью массовых миграций населения, способных дестабилизировать ситуацию в сопредельных государствах [3]. Поэтому очень важно изучать природу современных конфликтов.

Геополитическая обстановка в Азии всегда волновала великие политические умы мирового сообщества. Существующие международные конфликты в любой момент может пошатнуть столь хрупкий всеобщий мир [2]. Крупнейшим государством Южной Азии является Индия. Отношения с соседями у данного государства весьма напряженные. Самым принципиальным противником Индии в геополитическом отношении является Пакистан.

Предыстория данного конфликта состоит в том, что до 1947 года Индия и Пакистан были колониями Британской империи. После народных волнений Великобритания ускорила процесс раздела колонии и разделила Индию и Пакистан по тому принципу, что в Пакистан вошли территории с мусульманским населением, а в Индию – с индуистским.

В штате Джамму и Кашмир (индийское название княжества) исторически преобладало мусульманское население, но правительство полностью состояло из индусов. Это противоречие и послужило источником конфликта, который продолжается до настоящего времени. Махараджа (Великий князь) Кашмира Хари Сингх решил заявить о независимости территории. Вскоре после данного заявления, 21 октября 1947 года,

началось вторжение полувоенных формирований (состоящих из племён пуштунов и дариев) Пакистана в Кашмир. Чтобы защитить свою территорию от вооружённого захвата территории Кашмира, Хари Сингх обратился за помощью к индийскому правительству. Индия, в свою очередь, поставила условие, которое состояло в том, что помощь будет оказана лишь в том случае, если Кашмир станет частью Индии. У Махараджа не было выбора, и ему пришлось согласиться. 27 октября 1947 года княжество было присоединено к Индии. Индийские войска были направлены на защиту Кашмира.

В 1984 году начался вооружённый конфликт на леднике Сиачен. Потери были огромные с обеих противоборствовавших сторон. Главным образом данные потери объяснялись не военными действиями противников, а тяжёлыми климатическими условиями. И только в 2003 году на Сиачене вступил в силу договор о прекращении огня.

В начале XXI века конфликт обострился посредством террористической деятельности Пакистана. В 2001 году в Кашмире случилась серия терактов. Так же подверглось террористической атаке здание индийского парламента в Нью-Дели. Индийские дипломаты обвинили Пакистан в спонсировании боевиков и пособничестве терроризму. В мае 2002 года настал пик военной напряжённости – Индия и Пакистан сконцентрировали свои войска у границ, но войны удалось избежать.

В 2015 году началась новая волна нападений боевиков, которые поддерживают Пакистан, на индийских военных. В период с июня по сентябрь 2016 года в ходе таких нападений погибло 100 военнослужащих Индии. Чтобы прекратить гибель своих солдат и остановить террористов, Индия решила уничтожить вражескую группировку на территории пакистанской части Кашмира. Пакистан расценил действия Индии как акт беспричинной агрессии.

В настоящее время конфликт продолжает обостряться. 14 февраля 2019 года индийской части Кашмира был совершён теракт, в результате погибли 45 сотрудников Сил центрального резерва полиции Индии. Реакция Индии последовала незамедлительно – Индия нанесла авиаудар по лагерю террористов группировки «Джаиш-е-Мухаммад». Повторился сценарий 2015 года – Пакистан снова обвинил Индию в разжигании конфликта.

За весь период существования конфликта было предложено множество проектов и путей его разрешения. Но при этом нужно учитывать сложившиеся обстоятельства. В геополитическом отношении Джамму и Кашмир состоит из двух частей – пакистанской и индийской. Даже гипотетическая идея присоединения данной территории к одной из противоборствующих сторон выглядит не совсем корректно, так как более чем 70 лет мусульманская и индусская части Кашмира интегрировались в разные государства.

Более реалистичной идеей следует считать предложение по установлению совместной ответственности и контроля Индии и Пакистана путем создания доминимума [5]. Ещё одной популярной идеей, особенно в конце 1940-х – 1950-х гг., было проведение плебисцита (референдума). Но результаты и последствия данного предложения могут быть непредсказуемы, поэтому многие специалисты относятся отрицательно к этой идее.

Также существуют иные пути решения проблемы. Как один из множества вариантов рассматривается возможность передачи всей территории под опеку ООН (Организации Объединённых наций) сроком на 20-25 лет, после чего предполагается предоставление населению Кашмира права на самоопределение [4].

Большая часть специалистов считают самым оптимальным вариантом – закрепление «status quo» за Кашмиром и признание Линии контроля государственной границей [1]. Главное здесь в том, что хотя ни одна из сторон ничего не получит, но и ничего не потеряет. Это важно для обеих частей Кашмира, которые за долгие годы конфронтации интегрировались в другие государства. Особенно выгодно это для Пакистана, поскольку он избежит от изнуряющего соперничества с сильным в экономическом отношении соседом.

Из всех рассмотренных вариантов урегулирования напряженности в данном регионе наиболее подходящим для современного этапа развития конфликта следует считать последний. Это максимально справедливый и менее опасный в плане последствий вариант решения проблемы в условиях сложившейся ситуации вхождения разных частей княжества в разные государства и адаптации их к экономическим и социальным условиям жизни той страны, к которой они отошли. Данное решение лишь юридически оформит то, что и так существует много лет и не потребует разрушения исторически сложившихся структур.

Библиографический список

1. Барышников, Д.Н. Конфликты и мировая политика: учебное пособие / Д.Н. Барышников. – М.: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 384 с.
2. Закиров, И. В. Геополитические и географические факторы развития внешне-экономических связей России и Китая / И.В. Закиров, Р.А. Хамидуллин // Байкал – Родина – Планета: матер. IV всеросс. науч.-прак. конф. с междунар. учас. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2018. – С. 21-23.
3. Закиров, И.В. Политическая география и геополитика: методические указания к практическим и семинарским занятиям для студентов направления подготовки бакалавриата 05.03.02 «География» / И.В. Закиров. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 40 с.
4. Мелехина, Н.В. Пути и перспективы решения Кашмирской проблемы / И.В. Мелехина // Восток. – 2008. – № 3. – С. 82-94.
5. Москаленко, В. Кашмирскую проблему все же придется когда-то решать / В. Москаленко // Независимая газета. – 2002. – 2 июля. – С. 7.

Сидоренко Василий Павлович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: svp-52@mail.ru

**ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА НКВД
В ОБОРОНЕ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА
(К 75-ЛЕТИЮ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ГОРОДА)**

Аннотация. В статье раскрываются основные направления служебно-боевой деятельности войск НКВД и органов внутренних дел по обеспечению безопасности блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: внутренняя оборона города, войска НКВД, дивизия, диверсанты, Дорога жизни, заградительные линии, Ленинградский фронт, милиция, народное ополчение, обязательная эвакуация, полк, преступность, прифронтовой порядок, тыл фронта.

Sidorenko Vasily Pavlovich

Doctor of Historical Sciences, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

**INTERNAL TROOPS OF THE NKVD IN THE DEFENSE
OF THE BESIEGED LENINGRAD (TO THE 75TH ANNIVERSARY
OF LIFTING THE BLOCKADE OF THE CITY)**

Abstract. The article defines key directions of service and fighting troops activities of NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs) and internal affairs agencies to ensure safety of besieged Leningrad.

Keywords: internal defense of the city (Leningrad), NKVD troops, division, infiltrators, The Road of Life, barrier lines, the Leningrad front, police , citizen militia, regiment, compulsory evacuation, criminality, front rear.

В начале войны на Ленинградском фронте сложилась крайне сложная обстановка. Войсковые части НКВД вместо выполнения служебных задач по своему предназначению почти повсеместно привлекались к ведению оборонительных боев. На Ленинградском фронте действовали: 1-я, 5-я, 20-я, 21-я, 22-я стрелковые дивизии; 23-я дивизия по охране железных дорог, 1-я бригада по охране промышленных предприятий, 41-я конвойная бригада; 3-й и 13-й мотострелковый полк, 286-й и 288-й стрелковые полки, 4-й инженерно-противохимический полк, 1 и 2-й артиллерийские полки; подразделения, сформированные на базе Военно-политического и Ленинградского военного училища войск НКВД и др.

В Ленинградской битве во взаимодействии с частями Красной армии и Военно-морского флота самоотверженно действовали 6 дивизий, 2 бригады, 7 полков, 2 военных училища и другие подразделения войск Наркомата внутренних дел (НКВД).

Для оперативного управления войсками было создано Управление войск НКВД г. Ленинграда (начальник – комбриг Л.П. Курлыкин). В состав Управления входили 1, 20 и 21 дивизии (до передачи их в Красную Армию), 4-й инженерно-противохимический, 225-й конвойный полки, 152-й полк и шесть батальонов по охране особо важных предприятий промышленности, Военно-политическое училище войск НКВД им. К.Е. Ворошилова, окружная школа младшего начсостава и другие подразделения [2].

Начальником охраны тыла Северного фронта (с 23 августа 1941 г. – Ленинградского) был назначен генерал-лейтенант Г.А. Степанов. В его оперативное подчинение в июне 1941 г. были переданы: 14 пограничных отрядов – 17082 чел.; Резервный

пограничный полк – 2153 чел.; 2 резервных погранбатальона – 1322 чел.; Мотострелковая дивизия оперативных войск – 5915 чел.; дивизия по охране железнодорожных сооружений – 11164 чел.; дивизия по охране промышленных предприятий – 9590 чел.; бригада конвойных войск – 3509 чел. Всего было передано 50735 военнослужащих войск НКВД [8].

Для предупреждения возможных диверсий врага в тылу фронта войскам НКВД по охране тыла ставилась задача по созданию на южных и юго-восточных окраинах города трех заградительных линий. Охрана первой линии возлагалась на пограничные войска, второй линии – на ленинградскую милицию, а третьей – на начальника тыла Ленинградского фронта.

На подступах к городу было создано 4 комендатуры и 26 застав. 286 полк НКВД выполнял патрульную службу по 12 маршрутам и охранял 9 крупных мостов в Ленинграде. Личный состав 13 полка войск НКВД обеспечивал охрану Смольного, облгорисполкома, УНКВД, УНКГБ. 4-й инженерно-противохимический полк НКВД предназначался для ликвидации последствий налетов авиации противника и артобстрелов блокадного города. Охрану более 50-ти важных объектов города обеспечивали 6 полков и 2 отдельных батальона. С 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1942 г. личным составом войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта было задержано 269 агентов и диверсантов врага, а также задержано 16 парашютистов и 22 немецких летчика со сбитых самолетов [8].

В конце августа 1941 г. Военный совет фронта поставил перед 21-й дивизией НКВД (командир – полковник М.Д. Папченко) ответственную задачу по защите города с юго-запада и юга. В начале сентября дивизия заняла боевые позиции от Финского залива до Пулковских высот. На рассвете 14 сентября противник перешел в атаку вдоль насыпи Балтийской железной дороги. Танковые подразделения врага и пехота были встречены мощным огнем и вынуждены были отойти, потеряв при этом 8 танков и немало убитых солдат. 16 сентября после часовой артподготовки враг вновь предпринял атаку. Главным удар он нанес левее Балтийской железной дороги. 17 сентября на фронте от Финского залива до Пулковских высот бои достигли самого высокого накала. Четыре вражеские дивизии предприняли отчаянную попытку прорвать оборону на этом рубеже, но получили жестокий отпор. В контратаку на Старо-Паново была брошена группа из резерва начальника войск НКВД генерала Г.А. Степанова. Бойцы достигли вражеских окопов и навязали гитлеровцам рукопашную схватку. Однако овладеть Старо-Паново не хватило сил, но выходы из Урицка были надежно прикрыты. Последующие попытки врага атаковать боевые позиции дивизии успеха не имели. Враг был остановлен и перешел к обороне. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в числе особенно отличившихся в отражении удара врага в районе Лигово и Пулково первой называл 21-ю стрелковую дивизию НКВД. Дивизия была удостоена ордена Красного Знамени и почётного наименования «Ленинградская», а 482 воина награждены боевыми наградами [2]. 26 августа 1941 г. звание Героя Советского Союза было присвоено трем отличившимся воинам 21-й дивизии НКВД – командиру артиллерийской батареи младшему лейтенанту А. Дивочкину, санитару-фельдшеру А. Кокорину и старшему политруку Н. Руденко.

На подступах к Ленинграду начала свой боевой путь 1-я стрелковая дивизия войск НКВД под командованием полковника С.И. Донского. 30 августа полки дивизии были срочно переброшены из посёлка Васкелово, где проходило их формирование, в район ст. Мга с задачей задержать продвижение противника. Уже на следующий день дивизия вступила в бой с противником. Части дивизии во взаимодействии с отдельной горнострелковой бригадой 5 и 6 сентября упорно защищали рубежи Келколово, Лобаново, Мустолово, Городки, Марьино, Шлиссельбург. Однако остановить превосходящие силы противника они не смогли. Переправившись 7–8 сентября на правый берег Невы, они заняли оборону от платформы Теплобетон до Нового Кошкина, а также в Шлиссельбургской крепости. Во взаимодействии с 115-й стрелковой дивизией личный состав 1 дивизии НКВД сорвал намерения противника форси-

ровать Неву и соединиться с финскими войсками. За 6 дней боев пограничники и воины внутренних войск освободили от врага населенные пункты Петрушино, Лобаново, Келколлово и овладели северо-западной окраиной поселка Мга. Провал захватнических планов фашистов имел огромное значение для дальнейшей обороны Ленинграда. Важнейшее стратегическое значение имела оборона Шлиссельбургской крепости (с 1944 г. Петрокрепость). В течение 500 дней небольшой гарнизон бойцов 1-й дивизии войск НКВД и моряков 409-й морской батареи Балтийского флота обороняли крепость от немецких войск. Защитники Шлиссельбургской крепости смогли остановить наступление противника и не допустили его на территорию острова.

Несмотря на сопротивление советских войск, вражеским войскам 8 сентября ценой больших потерь удалось захватить Шлиссельбург. Однако подразделения 1-й дивизии продолжали удерживать плацдарм на левом берегу Невы. Командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков поставил командиру дивизии задачу отбить Шлиссельбург. Однако провести форсирование Невы под мощным огнём противника и без поддержки своей артиллерии оказалось очень сложно. С большими потерями смог пробиться лишь один батальон [4]. Г.К. Жуков на рапорте командира дивизии С.И. Донского о причинах неудачной атаки наложил резолюцию: «Тов. Донсков, Шлиссельбург не взят по вашей вине. Вы заслуживаете трибунала, но Военный Совет даёт вам возможность исправиться на полку. Посмотрим, справитесь ли с полком. Жуков». Спустя многие годы, реально оценивая исход этой операции, Г.К. Жуков признался, что задача была «чрезвычайно тяжелая, можно сказать, непосильная» [6]. Усиленная другими подразделениями, особенно морскими, дивизия смогла переправиться на левый берег Невы и занять прочную оборону. Был сорван план фашистских войск по захвату правого берега Невы, что позволило бы им замкнуть кольцо блокады Ленинграда и перерезать «Дорогу жизни». Советские войска смогли отстоять выход к Ладожскому озеру. Высокая оценка стойкости отважных воинов была дана командованием Ленинградского фронта. За доблесть и мужество дивизии было вручено Красное Знамя.

В боях под Ленинградом самоотверженно действовали курсанты Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД. Два батальона этого училища были срочно выброшены под Кингисепп и ст. Волосово. Курсанты сходу вступали в бой и ценой больших потерь сумели задержать продвижение противника [3]. В начале октября 1941 г. в батальоне майора Н.А. Шорина после 50-дневных боев в строю осталось всего 72 курсанта. Высокую оценку самоотверженным действиям курсантов дал А.А. Кузнецов: «Подвиг курсантов-чекистов трудно переоценить. Задержав продвижение немцев на Кингисеппском шоссе, они дали возможность отходящим частям Красной Армии перегруппировать свои силы и подготовиться к обороне...» [5].

В районе Невской Дубровки мужественно сражалась 20-я стрелковая дивизия НКВД (командир – полковник А.П. Иванов). С началом военных действий с фашистами отдельная 56-я бригада войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности была развернута в 20-ю стрелковую дивизию войск НКВД. До сентября 1941 г. отдельные полки этой дивизии участвовали в боях под Тихвином, десантом высаживались в районе Стрельны и Нового Петергофа. 24 октября дивизия перешла в оперативное подчинение Невской оперативной группы № 1 (НОГ–1). Она действовала в составе 8-й и 23-й армий. Знаменитый «Невский пятачок» обильно полит кровью её бойцов и командиров. Дивизия потеряла в боях более 50 % личного состава, но сохранила высокий боевой дух.

В числе защитников Ленинграда были воины 22 дивизии войск НКВД. В сражениях на Северо-Западном направлении они показали себя как настоящие патриоты своей Родины. После ожесточенных боев в Прибалтике дивизия понесла значительные потери. Оставшаяся часть военнослужащих была направлена в Ленинград и вместе с частями НКВД мужественно защищала блокадный город от фашистов [2].

Самоотверженно сражались с врагом бойцы 2-й дивизии НКВД по охране железных дорог (с февраля 1942 г. – 23-я). В защите Ленинграда участвовали 7 её бронепоездов.

За два года войны дивизия провела 549 боев, истребила более 33 тыс. фашистов, сбита 23 самолёта, уничтожила 8 миномётных батарей, 15 орудий. В период охраны железных дорог на Ленинградском фронте служебные наряды предотвратили 80 крушений поездов, обнаружили 140 неисправных путей, обезвредили 85 шпионов и диверсантов [6].

Постановлением ГКО № 2100 от 26 июля 1942 г. из внутренних войск в Красную армию передавались 1, 20, 21 дивизии и Отдельная бригада пограничных войск. 1-я дивизия войск НКВД была удостоена почётно наименования 46-й Лужской ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии. Боевой путь дивизия закончила в Восточной Пруссии; 20 дивизия войск НКВД стала 92 дивизией Красной Армии, в дальнейшем была удостоена почетного наименования «Краковская»; 21-я дивизия была переименована в 109 стрелковую дивизию. В соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования 1 августа 1942 г. указанные соединения вошли в подчинение командующего Ленинградского фронта [8].

Ответственные задачи по обеспечению функционирования военно-автомобильной дороги (ВАД-102) «Дороги жизни» выполняли сотрудники милиции и войска НКВД. В первые месяцы функционирования Ледовой дороги было установлено 60 постов регулирования движения, а с 19 декабря их численность увеличилась до 75. Посты регулирования обслуживали сотрудники органов внутренних дел. Отряд милиции возглавлял начальник Госавтоинспекции И. Дмитриев [2]. Значителен вклад в оборону Ленинграда воинов-водителей 13 мотострелкового полка НКВД, которые по Ледовой дороге смогли доставить в блокадный город 674 тонны продовольствия и вывезти 30 тыс. жителей [5].

Большое значение в борьбе с фашистами на Ленинградском фронте имело снайперское движение, развернутое в частях НКВД. Важно отметить, что в числе первых Героев Советского Союза были снайперы 1 сд НКВД И.Д. Вежливцев и П.И. Голиченков. За период обороны блокадного города меткими стрелками было уничтожено 16968 чел. солдат и офицеров противника [1].

В памяти народа навсегда останутся подвиги тех, кто отстаивал свободу и независимость нашей Родины. В честь отважных воинов войск НКВД, мужественно и самоотверженно защищавших ленинградскую землю в годы Великой Отечественной войны, в Ленинграде и Ленинградской области сооружено более 20 памятников и обелисков, установлено около 10 мемориальных досок, названо 8 улиц [7].

Библиографический список

1. Белозеров Б.П. Фронт и тыл: проблемы безопасности. 1941-1945 гг. (Историко-правовой анализ на материалах органов правопорядка Северо-Запада). СПб.: СПбУ МВД России, 1999. 318 с.
2. Белозеров Б.П., Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД СССР в Ленинградской битве. СПб.: «Полтораки», 2014. 264 с.
3. Белозеров Б.П., Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД Северо-Запада России в годы суровых испытаний. СПб.: СПбУ МВД России, 2006. 217 с.
4. Блокада расскрещенная. / Состав. В.И. Демидов. СПб.: «Бояныч», 1995. 256 с.
5. Внутренние войска: время, события, люди. М.: ООО «Юлис», 2008. 480 с.
6. Ленинград город-фронт. К 70-летию Ленинградской битвы. / Сост. и отв. ред. Б.П. Белозеров, В.П. Сидоренко. СПб.: «Полтораки», 2014. 304 с.
7. Марценюк Ю.А., Беркутов А.С., Климов А.А., Сидоренко В.П., Штутман С.М. и др. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). Военно-исторический труд. М.: «Новости», 2011. 495 с.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38652. Оп. 1. Д. 8; Ф. 32880. Оп. 1. Д. 5; Ф. 38650. Оп. 1. Д. 618.
9. Скворцов В.Н., Тарасов М.Я., Фролов М.И. Ленинградский военный округ. Ленинградский фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. 308 с.

Сирота Наум Михайлович

доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: sirotanm@mail.ru

МОДЕЛИ МИРОПОРЯДКА И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ

Аннотация. Рассматривается дискурс по вопросу о содержании понятий «мировой порядок» и «мировое устройство». Показана предпочтительность полицентрического миропорядка по сравнению с биполярным для национальных интересов России.

Ключевые слова: мировой порядок, новая биполярность.

Sirota Naum Mikhailovich

Doctor of Political Sciences, Professor

St.Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

**MODELS OF WORLD ORDER
AND NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA**

Abstract. The discourse on the content of the concepts of "world order" and "world device" is considered. It is shown that the polycentric world order is preferable to the bipolar one for the national interests of Russia.

Keywords: world order, new bipolarity

Словосочетание «мировой порядок» появилось в Древнем Риме. В поэме Вергилия (70-19 гг. до н.э.) «Энеида», написанной в период наивысшего расцвета Римской империи, оно выражало идею распространения цивилизации на варварскую периферию путём создания гарнизонов на завоёванной территории. Однако этот проект остался нереализованным в связи с истощением сил, а затем и крахом Римской империи.

Интерес к идее установления мирового порядка проявлялся и в дальнейшем, но сам термин был введен в научный оборот известным английским политологом Х.Буллом в первом издании его ставшей классической работы «Анархическое общество: исследование порядка в мировой политике»(1977 г.) В СССР понятие «мировой порядок» ввел в научный оборот основатель Советской ассоциации политической науки (САПН) Г.Х.Шахназаров в работе «Грядущий миропорядок (1988 г.)».

В настоящее время проблематика мирового порядка занимает одно из важных мест в теории международных отношений. Между тем до сих пор нет ясности в содержании ключевой дефиниции актуальной проблематики «мировой порядок». Нередко она употребляется аксиоматически, без разъяснения вкладываемого смысла.

Понятие «мировой порядок» стоит в одном смысловом ряду с понятиями «порядок», «порядок социальный», «порядок политический» и является видовым по отношению к последнему. В существующих словарях в качестве базовых характеристик этого состояния отмечают отлаженность, организованность и соответствие определённым правилам. Проблематика порядка как такового и его основных разновидностей сравнительно мало исследована, и уровень её разработанности не отвечает потребностям глобализирующегося мира.

Согласно условно расширительной интерпретации феномена «мировой порядок», представленной, в частности, в работах отечественных учёных Э.Я. Баталова, Ю.П. Давыдова, А.И. Никитина, – это принципы, нормы и институты, регулирующие поведение международных акторов (государственных и негосударственных) и обеспечивающие относительно устойчивое состояние международных отношений[1, с. 8: 2, с. 39; 3, с. 32–33].

Существует и иной подход к феномену мирового порядка, ограничивающий его межгосударственными отношениями. По мнению сторонников такого подхода бри-

танских ученых Х.Булла и Л.Миллера, субъектами мирового порядка выступают только и исключительно государства[4, Р.16; 5, Р.29-32].

С учётом накопленного объёма знаний о феномене мирового порядка и исходя главным образом из нормативной и институциональной парадигм международно-политической науки, мировой порядок можно определить как совокупности принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы.

Различают Вестфальский, Венский (в чистом виде в 1815-1825 годах, а с учетом попыток его восстановить – до создания Германской империи в 1871 году); Версальский(1918-1938) и Ялтинско-Потсдамский (1945-1991) миропорядки. Первый из перечисленных в строгом смысле миропорядком не был, поскольку Вестфальские мирные договоры(1648 г.), положившие конец Тридцатилетней войне в Западной Европе, лишь установили границы национальных государств и закрепили принцип национально-государственного суверенитета в качестве доминирующего в международных отношениях.

Нынешнее состояние международной среды сочетает элементы порядка, хаотизации и турбулентности. Его, на наш взгляд, следует рассматривать как неустойчивое мироустройство, являющееся результатом тектонических сдвигов в мировой политике и способное эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости. Нередкое использование применительно к нему термина «мировой порядок» представляется некорректным, основывающимся на преувеличении степени стабильности международной среды.

Формирование миропорядка на основе полицентризма – наиболее вероятный вариант эволюции функционирующего мироустройства. Нельзя сбрасывать со счетов и вероятность хаотизации на мировой арене и возникновения «нового международного беспорядка». Нет ясности в вопросе о путях и способах предотвращения такого сценария мирового развития.

В дискурсе по проблематике будущего миропорядка предлагаются различные варианты новой биполярности: 1. США vs Китай; 2. Китай, Россия, антизападные режимы vs Запад во главе со США; 3. Китай, Россия, антизападные режимы vs авторитарного государственно-монополистического капитализма; 4. Страны Севера («золотой миллиард») против обездоленного Юга [6. с.12-13; 7. с.236-237].

При любых вариантах «новой биполярности» Россия оказывается на вторых ролях и в сложном положении. Проблематичны возможности лавирования между «полюсами» и резоны для конъюнктурной поддержки одного против другого. «Привязка» к Китаю и совместное с ним позиционирование в противостоянии с Западом чреваты дальнейшим технико-экономическим отставанием и втягиванием в опасную конфронтацию с непредсказуемыми последствиями.

Исходя из российских интересов, наиболее предпочтительным представляется становление сбалансированной модели полицентризма, в котором России с большой вероятностью было бы гарантировано место в кругу «избранных» и возможность играть весомую роль в международных делах. Открывалась бы перспектива масштабного сотрудничества на пространстве «Лиссабон-Владивосток» с переходом страны на курс форсированной социально-экономической модернизации при взаимодействии с США, Китаем, Индией и другими государствами.

Библиографический список

1. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). – М.: РОССПЭН, 2005. – 375 с.
2. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. – М.: Наука, 2002. – 287 с.

3. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы //Полис (Политические исследования). – 2018. – №6. – С.32-46.
4. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. Third ed. Columbia Univ. Press, 2002. – 368 p.
5. Miller L.H. Global Order. Values and Power in International Politics. 3rd ed. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview. 1994 – 226 p.
6. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – №5. – С. 7-23.
7. Мир 2035. Глобальный прогноз. / под ред. акад.А.А.Дынкина / ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН. – М.: Магистр, 2017. – 352 с.

Скорнякова Светлана Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Email: salagot@yandex.ru

СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье анализируются новые технологии влияния на геополитическую сферу – социальные сети, которые стали одним из важнейших информационных ресурсов реализации геополитической стратегии различных стран. Именно они стали эффективными каналами распространения так называемой «мягкой силы» – технологии влияния на сознание и поведение людей с помощью «власти информации и образов».

Ключевые слова: «мягкая сила», пропаганда, социальные сети, информационное воздействие.

Skornyakova Svetlana Sergeevna

PhD (History), Associate Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

NETWORK RESOURCES OF “SOFT POWER” IN THE GEOPOLITICAL SPHERE

Abstract. The work draws attention to the fact that in the modern information society, information channels and social networks are important ways of influencing people's consciousness and achieving goals in the international arena. Soft power is a necessary component of modern politics, and in Russia it is necessary to create a network information project to broadcast soft power to the audience of other countries.

Keywords: “soft power”, propaganda, social networks, informational impact.

На современном этапе «мягкая сила», т.е. возможность достигать целей на международной арене не путем принуждения, а с помощью убеждения и привлечения симпатий других участников, является условием успеха любой державы, является условием успеха любой державы, претендующей на определенный статус в геополитической или региональной сфере. Социальные сети стали эффективными каналами распространения так называемой «мягкой силы» – технологии влияния на общественное сознание. Опираясь на новые коммуникационные и компьютерные технологии, сети позволяют с большой скоростью распространять и перерабатывать информацию, коренным образом изменяя традиционные институты, организации и практики современного общества.

Россия, обладая значительными ресурсами реализации «мягкой силы» на международной арене, пока еще отстает от своих партнеров. В настоящее время использование культурного потенциала страны в качестве инструментария имиджевой стратегии сведено к минимуму [1].

Показательным примером несостоятельности российской стратегии «мягкой силы» стал политический кризис на Украине и его последствия. А. Кортунов, генеральный директор одного из влиятельнейших российских центров публичной дипломатии – Российского совета по международным делам, пишет, что «потребуется новые, эффективные и малобюджетные механизмы использования российской «мягкой силы», которые работали бы в крайне неблагоприятной внешней среде» [2].

При этом нельзя сказать, что у нас нет положительного опыта. СССР, правопреемницей которого стала РФ, имел достаточно мощные и эффективные институты «мягкой силы» еще до появления в США данной концепции. В силу ряда факторов

на протяжении двух десятилетий после распада Советского Союза этот опыт, однако, не был задействован. Только в 2012 г. термин «мягкая сила» вошел в политический лексикон первых лиц государства, когда на Совещании послов и постоянных представителей России президент России Владимир Путин, пожалуй, впервые обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу». Это подразумевает «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере». Президент признал, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто стреляет и постоянно наносит ракетные удары тут и там, они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию. Вот в чем мы виноваты». [3, с. 15].

Информационное воздействие стало одним из средств обеспечения геополитического баланса в мире. Е.Пономарева, доктор политических наук, отмечает, что «мягкая сила» является сегодня необходимым компонентом политики и заключается в способности влиять на оценки и поведение людей в разных регионах мира при помощи активов, которые продуцируют привлекательность страны проводника «мягкой силы». По сути, меняется и «модель глобального управления», приобретающая более гибкий и согласованный с другими участниками международного общения характер.

Таким образом, необходимо включить в задачи геополитической стратегии России создание сетевого информационного проекта, с помощью которого Россия могла бы транслировать свою «мягкую силу» на аудиторию зарубежных стран.

Библиографический список

1. Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения 01.09.2019).
2. Кортунов А. Семь шагов за горизонт кризиса // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Sem-shagov-za-gorizont-krizisa-17300> (дата обращения 01.09.2019).
3. Пономарева Е.Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. - №3(15). – 2016. – С. 9-18.

Соколов Александр Владимирович

доктор политических наук, доцент

Email: alex8119@mail.ru

Беляков Алексей Александрович

магистрант

Email: belyakov.aleksey920@gmail.com

Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Цифровизация общества, развитие сети Интернет, способов формирования виртуальных сообществ и их мобилизации ставят перед исследователями общественно-политических процессов задачу применения и адаптации существующих методик и методов анализа к виртуализированным процессам. В данной работе рассматривается ряд методов, которые могут быть использованы в политическом анализе виртуальных общественных процессов.

Ключевые слова: ситуационный анализ, методы многомерного шкалирования, контент-анализ, интент-анализ, нарративный анализ, дискурс-анализ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации»

Sokolov Aleksander Vladimirovich

Doctor of Political Sciences, Associate Professor

Belyakov Aleksey Aleksandrovich

Graduate Student

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

USAGE OF METHODS OF POLITICAL ANALYSIS IN THE EPOCH OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Abstract. The digitalization of society, the development of the Internet, the ways of forming virtual communities and their mobilization set for researchers studying socio-political processes the objective of applying and adapting existing techniques and methods of analysis for dealing with virtualized processes. This paper discusses a number of methods that can be used in the political analysis of virtual social processes.

Keywords: situational analysis, multidimensional scaling methods, contentanalysis, intent analysis, narrative analysis, discourse analysis

Современная общественно-политическая ситуация имеет свойство быстрого изменения под влиянием новых стандартов распространения информации и возникновения реакции на нее. Для того, чтобы успевать за этим процессом, а также иметь возможность оценивать риски и строить стратегии разрешения кризисов, применяются методы, которые позволяют не только количественно описать специфику протекающих в обществе политических процессов, но и дают возможность выстраивать предположения об устойчивости или неустойчивости политического развития, а также дают представление о факторах, способствующих или препятствующих возникновению и развитию протестной активности [5, с. 30]. К подобным методам можно отнести индексный анализ, пользующийся огромным популярностью как у независимых исследователей, так и у крупных государственных и частных социологических агентств. В настоящее время к общепризнанным индексам, на которые чаще всего ссылаются исследователи можно отнести: индекс человеческого развития, индекс политики Теда Роберта Гурра, индекс демократизации Тату Ванханена; индекс глоба-

лизации от «Foreign Affairs» & А. Т. Kearney и индекс трансформации Бертельсманна [8, с. 187]. Несмотря на то, что каждый из выше представленных индексов имеет уникальные особенности, учитывают разные показатели и систему подсчетов, большинство из них имеют схожие черты. Так, большинство из них строятся на основе метода экспертных оценок, статистических методов, методов анализа ситуации, методов сбора данных и анализа текста [7, с. 109].

Например, к наиболее распространенному типу анализа ситуации относят ситуационный анализ, который, по мнению А.С. Ахроменко, является незаменимым при разработке стратегий политических акторов, создании прогнозов их поведения в конкретных политических условиях [2, с.125]. Основываясь на методологии системного подхода, ситуационный анализ позволяет выделить границы ситуации, а также выделить ее из общего политического процесса [3, с. 194]. Один из подходов к онлайн-анализу предлагает С.Г. Ушкин. Его позиция заключается в том, что механизмы макретинового анализа явно или косвенно присутствуют во всех социальных сетях [6, с. 115]. Другим подходом к анализу виртуальных сообществ является сетевой анализ. Общеизвестным считается факт, что онлайн-взаимодействия зачастую имеют сетевую организацию, а электронная коммуникация может быть представлена как сеть отправителей и получателей информации [1]. Рассматривая возможность оценки взаимодействия пользователей в социальных сетях, специалист по современной технике медиакommunikаций Берни Хоган отмечает, что пользователи подобных ресурсов стимулированы создавать особые связи. Развитие ИКТ позволило проводить крупномасштабный сетевой анализ, показывающий особенности и сферы взаимодействия десятков и сотен тысяч пользователей социальных сетей. Несмотря на широкие возможности сетевого анализа он, в большей степени, дает представление о характеристике генеральной совокупности пользователей социальных сетей. Для более глубокого анализа качественных показателей протестной активности в социальных сетях также могут быть использованы такие методы как анализ тональности текста, выраженной в отношении автора к определенному предмету оценки [4, с. 264]. Помимо этого, в рамках политического анализа принято применять такие подходы как контент-анализ, интент-анализ, нарративный анализ, дискурс-анализ. Совокупность данных методов, примененная в рамках одной методики, может дать более полное представление о протекании протестной акции или кампании, о качественных данных ее аудитории и ключевым темам дискурса.

В случае, если необходимо перевести качественные показатели в количественное выражение зачастую используются методы многомерного шкалирования. Как отмечает А.Ю. Трусова, в многомерном шкалировании роль источника информации играют эксперты, субъективно воспринимающие и оценивающие качественные показатели [5, с. 95]. Такая оценка позволяет перевести такие качественные показатели как «уровень вовлечения», «уровень активности», «влияние на вовлечение» и т.д. в формате количественных показателей, расставляя коэффициенты.

Дополняют методики оценки качественных показателей методики анализа количественных показателей, к которым относятся данные статистики, временные характеристики, количество пользователей и их реакций (лайки, репосты, комментарии и т.д.). Так, на основе статистических показаний строятся многие международные индексы. Помимо этого, к анализу количественных показателей прибегают современные системы анализа социальных систем. Работа данных систем строится на основе обработки большого массива открытых данных из социальных сетей. Подобные сервисы предлагают пользователям оценить популярность тех или иных постов по количеству реакций, оценить их эффективность по суммарной и средней результативности постов, анализировать одновременно несколько страниц и публикаций из разных социальных сетей и сравнивать их показатели, составлять автоматические отчеты.

Несмотря на то, что во многом описанные выше методы в значительной мере упрощают процесс исследования, они не могут справиться с задачей, которая лежит на самом исследователе – интерпретацией данных. Именно поэтому в настоящее

время результаты использования различных методов являются не готовым аналитическим отчетом или научным исследованием, а лишь позволяют выявить специфические черты и характеристики, собрать и систематизировать качественные и количественные показатели, на основе совокупности которых проводится интерпретация, делаются выводы, формируются рекомендации и составляется стратегия.

Библиографический список

1. Analysing Social Networks Via the Internet // University of Toronto. URL: http://individual.utoronto.ca/berniehogan/Hogan_SAGE_Internetworks_RC1.pdf (дата обращения: 11.05.2019).
2. Ахременко, А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
3. Смирнова О.С., Петров А.И., Бабийчук Г.А. Основные методы анализа, используемые при исследовании социальных сетей // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. № 3. С. 262–269.
4. Соколов А.В., Палатников Д.Е. Протестная активность: опыт индексного анализа // социальные и гуманитарные знания. 2018. №1(13). – С. 29–37.
5. Трусова А.Ю. Многомерное шкалирование структуры общества // Вестник СамГУ. 2008. № 66. С. 91–98.
6. Ушкин С. Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг. 2014. № 6 (124). С. 112–118.
7. Фролов А.А. Методика индексного исследования гражданской активности для регионов Российской Федерации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 184– 193.
8. Ярославцева А.О. Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 103–114.

Сомин Игорь Дмитриевич

магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: igor_somin@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ И ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Предметом исследования является трансформация образа империи в XX-XXI веках. В работе раскрывается образ империи, сформировавшийся к настоящему времени, и выделяются его основные критерии и атрибуты, рассматриваются разнообразие имперские практики и техники власти сквозь призму радикально левого и правого философских дискурсов.

Ключевые слова: империя, глобализация, геополитика.

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов».

Somin Igor Dmitrievich

Graduate student

Saint Petersburg State University

EMPIRE TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF MODERNITY AND DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article examines the image of the empire and its transformation in the XX-XXI centuries. The work reveals the image of the empire that has formed in today's world. The author identified the main criteria and attributes of the empire, considering the variety of imperial practices and techniques of power through the prism of radical left and right philosophical discourses.

Keywords: empire, globalization, geopolitics.

Современные глобальные процессы вызывают множество проблем, которые связаны с размыванием как государственных, так и культурных границ, стиранием оппозиции «свой – чужой», выключением человека из большого количества процессов. Следовательно, должен существовать проект, представивший мир, как целое, которое бы формировалось из различных культурных, экономических элементов, допускающая плюрализм систем, в том числе и культурных.

Таким проектом может выступать «империя» – метафора, сохраняющая значимость и по сей день. Многие мыслители отмечают этот факт, так, например, С. Хантингтон в своем тексте «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» обращает внимание читателя на то, что к концу XX века политическая экспансия запада, направленная на периферию, носит имперский и наступательный характер, предлагая остальным, по большому счету, такие основания, как общая культура, язык и религия [1]. Поэтому, на наш взгляд, уместно обратиться к феномену империи, как наиболее кристаллизованному проявлению властных отношений во всех сферах (не случайно слово Империя происходит от латинского слова *imperium*, что в переводе означает власть). Следует сконцентрироваться на образе империи и его трансформации в XX-XXI веках. Так как в сплаве с современностью истории различных государств, являвшихся империями в определенный момент своей истории открывают перед нами широчайшее поле для анализа, ведь одной из главных проблем любой империи становилась проблема управления огромной территорией с помощью различных властных практик.

Рассматривая феномен империи и его основания, можно выделить власть, имперское время и пространство. Следует сделать акцент на двух последних, так как именно они зачастую фундируют «тело» империи, выступая «священным», делая власть сакральной [2]. Применяя фукольдьянский подход, следует провести аналитику имперской имагологии, выраженной в дискурсивных, символических, дисциплинарных практиках власти, имперских мифологиях. Можно рассмотреть разные проявления знаков империи, ведь империя – это во многом политический конструкт, чье существование реализуется благодаря знакам и образам, которые конституируют ее величие. Главной проблемой здесь становятся вопросы власти, ее генезиса, легитимации. Несомненно, можно установить, что эти имперские стратегии необходимы для создания связей между различными группами людей (от элит до низов) и идентификации «своего» в пространстве империи. Отдельно следует изучить рецепции образа империи в современной культуре, чтобы отследить присущие ему коннотации. Одной из негативных коннотаций, очевидно, выступает феномен империализма, безусловно, связанный с аналитикой новоевропейской субъективности, с точки зрения которой начинают понимать империю в XX веке.

Накопившиеся общемировые проблемы толкают нас к активному изучению имперского дискурса, с целью найти необходимые ответы в ситуации «смерти национального государства». Поиск новых символов, ориентиров, и духовных основ, которые сплачивают общество, противопоставит крайнему радикализму, вызванному сложнейшими процессами интеграции и глобализации, ведь империя, выступая как гетерогенное пространство, сочетала в своем коллективном теле разные культуры. Поскольку идея империи в наши дни все еще влияет на современного человека, она требует философского подхода. Для этого следует изучить ретроспективу и перспективу образа империи в философском дискурсе на примере Френсиса Паркера Йоки [3] и Майкла Хардта и Антонио Негри [4] (радикально правый и левый фланги). Однако, современный философ Славой Жижек в своей работе «О насилии», заявил, что мы живем в мире постполитической биополитики [5], которая преодолела старую идеологическую борьбу. Поэтому новым полем для исследования для нас могут выступить анализируемые Кастельсом [6] социальные сети, новые формы коммуникации, медиа.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?// Полис. – 1994. – No 1. – С. 33–48.
2. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. – 144 с.
3. Улик Варандж (Френсис Паркер Йоки). Imperium. Философия истории и политики. СПб. Русский мир, 2017. – 542 с.
4. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. – 440 с.
5. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
6. Кастельс, М. Власть коммуникации М.: ВШЭ, 2016. – 564 с.

Стерликова Арина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Email: arinast@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ:
НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛОВ И КИНО**

Аннотация. В статье затрагивается проблема степени влияния СМИ на формирование исторических образов в общественном сознании через кино и сериалы в современной России.

Ключевые слова: пропаганда, информационное воздействие, общественное мнение, социологический опрос, исторический образ, Николай II, Ленин, Сталин, СМИ, федеральные каналы.

Sterlikova Arina Anatolevna

PhD (History), Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

**INFLUENCE OF RUSSIAN MEDIA ON THE FORMATION
OF HISTORICAL IMAGES IN PUBLIC CONSCIOUSNESS:
ON THE EXAMPLE OF TELEVISION SERIES AND MOVIES**

Abstract. The paper addresses the issue of the degree of the media influence on the formation of historical images in public representation through films and series in modern Russia.

Keywords: propaganda, informational impact, historical image, opinion poll, public opinion, Nikolai II, Lenin, Stalin, mass media, federal channels

В современной России все чаще появляются фильмы и сериалы, посвященные историческим персонажам: Иване Грозному, Борису Годунову, Екатерине II, Ленину, Троцкому, Колчаку и др. С одной стороны, это, хорошо, так как растет интерес к своему прошлому, история популяризируется. Но, с другой стороны, возникает вопрос, какова цель современного российского исторического кино – донести до зрителя реалии эпохи, пусть и художественно оформленные или нечто другое? Используется ли кино и сериалы в современной России для пропаганды определенных идей, ведь СМИ оказать влияние на формирование определенных представлений в обществе, в том числе и на формирование исторических образов. И существуют ли какие-либо тенденции, тренды в современном историческом кинопроизводстве.

Обратимся к сериалам, снятым федеральными каналами в России за последние несколько лет. В 2018–2019 гг. канал Россия представил сериал о царе Борисе Годунове, которого на протяжении почти трех веков общественное мнение в России считало повинным в убийстве сына Ивана Грозного – царевича Дмитрия. С одной стороны, сериал популяризировал личность Бориса Годунова, сняв с него это тяжелое обвинение. Но с другой стороны, весьма неоднозначно представлена другая фигура – Федора (Филарета) Романова. Романов был одним из видных деятелей смуты, многие историки (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Р.Г. Скрынников [4]) полагали, что он мог стоять за появлением первого самозванца. Служил Филарет и у Лжедмитрия II в Тушине, получив чин патриарха. В сериале Романов представлен почти святым: радел только за народ русский. Не имеем ли мы тут попытку некоего «обеления» персонажа, который был отцом первого русского царя из рода Романовых? Это представляется неким трендом современной идеологии.

Тренд «Романовы» в русской истории продолжают два главных федеральных канала, выпустивших в 2015 г. сериалы про Екатерину II – Великая (1 канал) и Екатери-

на (Россия). Безусловно, Екатерина являлась выдающейся личностью, оказавшей огромную роль на ход истории России. Но, почему, не Петр I Великий? Возможно, на одновременный запуск сериалов именно о Екатерине Великой на двух федеральных каналах оказали влияние политические события 2014 года. Однако по опросам Левада-центра рейтинг Екатерины II не изменился за последнее десятилетие (10–11%) [2].

Тренд «Романовы» оказал влияние и на восприятие фигуры Николая II. Негативная информация о Николае II встречается редко, программы на телевидении, кино («Матильда») и сериалы стимулировали интерес к его персоне, к истории царской семьи. По опросам ВЦИОМ в 2018 г. последний русский царь оказался на первом месте в рейтинге симпатий россиян среди деятелей начала XX века [3]. На втором месте оказался Иосиф Сталин, а на третьем – Владимир Ленин.

К 100летию Октябрьской революции в 2017 году было представлено два сериала на главных федеральных каналах: Троцкий (1 канал) и Демон революции (канала Россия). В обоих телеработах используется миф о том, что партия большевиков брала деньги на революцию от немецкого правительства. В научном сообществе эта версия является не доказанной. Неудивительно, что возрос процент населения, которое считает, что революция финансировалась немцами Генштабом. Согласно опросу ВЦИОМ, проводимому в 2018 г. 35% опрошенных ответило, что главной причиной Гражданской войны стало иностранное вмешательство [1]. Представляется, что это – не что иное, как искажение представления об одном из важнейших событий XX века, причем искажение намеренное.

Всё чаще россияне стали позитивно говорить об Иосифе Сталине. Например, в 2008 году только 28% отмечали, что испытывают симпатию к персоне Сталина, а в 2017 году таких было уже 52%, в 2018 – 51% сказали, что испытывают симпатию к Сталину. Во многом это связано с воспроизводством исторической памяти о победе в Великой Отечественной войне под предводительством генералиссимуса [3].

Что касается 3-ей позиции Ленина в рейтинге 2018 г., то следует отметить, что за все эти годы отношение к Ленину достаточно устойчивое. Доля негативно оценивающих его деятельность колеблется в районе 32–29% [3]. Однако, то, что он уступает в рейтинге Николаю II и И. Сталину заставляет задуматься о том, не повлияла ли на это пропаганда на телевидении. В апреле 2017 г. по данным ВЦИОМ 63% россиян высказалось за перезахоронение Ленина.

Сами специалисты пециалисты ВЦИОМ отмечают наличие различий в отношении к ряду политических деятелей прошлого молодежи и представителей более старших возрастных групп. Так, в ходе исследования в молодежной группе от 18 до 24 лет 49% опрошенных сказали, что испытывают симпатии ко Льву Троцкому. В старших возрастных группах (старше 35 лет) этот показатель составляет порядка 16–17%. [3]. Это может быть связано с сериалом «Троцкий», хотя молодежь не смотрит сериалы по ТВ.

Таким образом, прослеживается очевидная тенденция – использовать отечественные исторические фильмы и сериалы для пропаганды определенных идей (в год 100-летия Октябрьской революции это отчетливо прослеживалось). Например, скандал вокруг фильма режиссера С. Учителя «Матильда», который хотели запретить многие политики из-за того, что в нем показан не совсем канонический образ последнего русского царя.

Библиографический список

1. Выдающиеся люди // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushiesya-lyudi/> (дата обращения 15.10.2019)
2. Гражданская война в России: 100 лет спустя // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180> (дата обращения 15.10.2019)
3. Как Николай II победил во ВЦИОМ: «58% женщин относятся к нему с симпатией» // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2438626.html> (дата обращения 15.10.2019).
4. *Скрынников, Р. Г. Смутное время в России Вторжение Лжедмитрия I // Три Лжедмитрия. – 2-е изд. – М.: ООО "Издательство АСТ, 2003.*

Тяпин Игорь Никифорович

доктор философских наук, профессор
Вологодский государственный университет
Email: i.n.tyapin@mail.ru

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Аннотация. Стабильное ухудшение геополитического положения постсоветской России обусловлено игнорированием внешних угроз, отказом от стратегических планов и концептуальных разработок отечественной мысли, боязнью оперирования фактором «Русского мира». Необходимость геополитического восстановления России для эффективного противостояния давлению субъектов глобализма и сохранения территориальной целостности предполагает реализацию идеократической модели и последовательное решение задач интеграции части постсоветского пространства.

Ключевые слова: геополитическая стратегия, Русский мир, геополитическое восстановление.

Tyapin Igor Nikiforovich

Doctor of Philosophy, Professor
Vologda State University

**GEOPOLITICAL PROBLEMS OF POST-SOVIET RUSSIA:
PAST, PRESENT, FUTURE**

Abstract. The stable deterioration of the geopolitical situation of post-soviet Russia is due to the ignoring of external threats, the rejection of strategic plans and conceptual developments of domestic thought, the fear of operating the factor of the «Russian world». The need for geopolitical reconstruction of Russia to confront effectively the pressure of subjects of globalism and the preservation of territorial integrity implies the implementation of the ideocratic model and the satisfactory solution to the problems of integration of the post-soviet space.

Keywords: geopolitical strategy, Russian world, geopolitical recovery.

Времена СССР стали периодом наивысшего геополитического подъема Российской цивилизации. Российская Федерация унаследовала как геополитический статус Советского Союза, так и проблемы, возникшие в связи с его распадом. Единственно адекватной стратегией геополитики России времен Б. Н. Ельцина могло бы стать создание конфедеративного образования, состоявшего из трех славянских республик и Казахстана, при поддержке русскоязычных этнокультурных сообществ в Закавказье и Средней Азии и сохранении отдельных очагов военно-политического присутствия в странах Восточной Европы. Затягивание вывода войск из Германии и Прибалтики, активное вмешательство в югославский конфликт могли бы остановить расширение НАТО на восток. Однако реальностью стали соглашательская позиция безвозмездной сдачи всех «баз» и «активов» (исключение – Приднестровье, из-за вопиющего этноцида и гуманитарной катастрофы), отказ от поддержки соотечественников в бывших советских республиках и тех режимов в мире, которые выступали естественными союзниками (Ф. Кастро, В. Мечьяр, С. Милошевич и др.).

С конца 1990-х гг. по настоящее время российская геополитика представляет собой отказ от крайнего капитулянтства в пользу пассивной обороны в статусе сырьевой страны, стремящейся при этом сохранить территориальную целостность и определенную военную мощь. Соответственно вся внешняя политика РФ базируется на отказе от долгосрочных планов и прогнозов, тактических компромиссах и попытках подкупа врагов (при игнорировании подлинных друзей). Многочисленные события

и процессы, демонстрирующие неэффективность данной модели и утопизм надежд на разногласия между США и Китаем, США и ЕС, внутри ЕС, никак не повлияли на ее корректировку. При этом имеющая длительную историю, традиции и наработки геополитическая мысль России (Д.А. Милютин, Р.А. Фадеев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий, А.С. Панарин, А.Г. Дугин и др.) выработала идеал, фундаментальным принципом которого выступает активная защита своего геополитического пространства от давления атлантистской цивилизации ради реализации модели справедливого социального устройства, национального освобождения и нравственного преобразования человечества [3].

Первое десятилетие XXI в. (период «стабильности») ознаменовалось для России такими геополитическими просчетами, как отказ от реальной интеграции с Беларусией (к которой население обеих стран психологически было готово), игнорирование украинской опасности, наконец, экономическая и политическая поддержка шовинистического режима Н. Назарбаева, целенаправленно проводящего политику «казахизации» – смены этнической карты (так, если в 1989 г. представители восточнославянских народов вместе составляли 44,4 % населения КазССР, а казахи – 39,7 % , то ныне русские, украинцы и белорусы – 21 %, при 68 % казахов [2]) и постепенного вытеснения русского языка и культуры. Единственным позитивным исключением стала защита Южной Осетии от грузинской агрессии в 2008 г. в силу реальных перспектив «взрыва» Северного Кавказа.

Закономерным итогом «страусиной позиции» для Российской Федерации сегодня стало беспрецедентное политическое и экономическое давление, инструментом которого является теория и практика репрессивных социальных проектов и гибридных войн, нацеленных на разрушение или переформатирование наций, государств, образованных не по проекту США и американских сателлитов. В рамках «стратегии анаконды» Запад целенаправленно создает на всем пространстве окраин Хартленда открыто враждебные России режимы, внешней лояльности которых уже невозможно добиться никакими подачками. При этом российская власть игнорирует возможности нанесения контрударов, что наглядно продемонстрировали события второго «майдана» на Украине: в ситуации, когда при умном и энергичном использовании не только военных, но и морально-идеологических аргументов, контроль над всем востоком и югом этой страны, от Одессы до Харькова, сам «шел в руки», Кремль (понимая весь ужас последствий нахождения флота стран НАТО в Севастополе и Керчи) решил лишь на присоединение Крыма. Локальный крымский успех при окончательной потере Украины, планомерно превращающейся в плацдарм будущего масштабного военного удара, – едва ли не пиррова победа.

Как известно, российская геополитика оперирует понятием «Русский мир», обозначающим культурно-историческую общность, выходящую за рамки национальных государств и политических систем, основанную на отличной от других системе ценностей и интересов. Однако для сохранения пространства Русского мира не делается ничего. Напротив, раздача паспортов РФ населению «очагов напряженности», в незначительной степени сглаживающая проблему демографического кризиса в самой России, сводит на нет всякую возможность сохранения хоть какого-то влияния и контроля на постсоветском пространстве уже в среднесрочной перспективе. Неуклонное «шагреновое усыхание» Русского мира происходит из-за почти полного игнорирования его геополитического потенциала. Между тем, по С.Н. Бабурину, пространство Русского мира определяется как почти вся территория бывшего СССР, а также Сербия и Черногория (несмотря на произошедшую в этих странах смену элит), а его политическим ядром выступает союзное государство России и Белоруссии, превращенное из аморфного образования в дееспособный политический субъект, представленный в Совете Безопасности ООН, в великую державу, отвергающую глобалистическую унификацию. Проект империи Русского мира означает не только сильную, но и справедливую власть, при которой каждому человеку гарантируются все возможности для достойной жизни [1, с. 20].

В настоящее время назревающими геополитическими проблемами, которые непременно «прорвут» в случае российского бездействия в ближайшие 5–10 лет, выступают: 1) «ползучая украинизация» Белоруссии (постепенное стирание памяти о советском периоде, западнизация элиты, конструирование мифологической идентичности), ведущая к местной «цветной революции» и базам НАТО под Смоленском; 2) завершение дерусификации Казахстана под флагом идеологии, состоящей из смеси исламского фундаментализма, ордынства и глобализма, вкупе с территориальными претензиями при опоре на натовские «штыки»; 3) усиление миграционной активности Китая в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; 4) полная потеря контроля над Закавказьем (и последующей дестабилизации Кавказа) после организованной глобалистскими органами смены власти в Абхазии и Армении.

Таким образом, следующая «пятилетка» (2020–2024 гг.) станет последней возможностью для России спасти остатки геополитического потенциала и сохраниться в качестве единого государства. Для этого необходимы внятная геополитическая идеология и вытекающие из нее конкретные направления и практические меры.

Идеологически геополитическое восстановление должно опираться на тезис о том, что расширение Российского государства объективно отвечало интересам безопасности проживавших на евразийских пространствах этносов. Его территориальный рост был обусловлен потребностями организации системы стабильной и безопасной хозяйственной деятельности, включения в мировые производственно-экономические связи. В целом он также отвечал потребностям духовного развития входивших в него народов через приобщение их к мировым ценностям посредством великой русской культуры.

России необходимы меры по реальной интеграции части постсоветского пространства. Здесь все еще вероятным (требующим только политической воли) шагом могло бы стать образование полноценной конфедерации в составе Российской Федерации, Белоруссии и Новороссии (пусть и в пределах ДНР и ЛНР). Важно использование различных форм контроля над пространством бывшего СССР, внятное дипломатическое признание или присоединение к РФ пророссийских автономий (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия), реальная поддержка еще сохраняющихся русских диаспор. Реализация этих мероприятий тормозится не отсутствием условий, а нежеланием российского управленческого сообщества делать решительные шаги, влекущие за собой и смену общей модели устройства в пользу социального демократического государства, экономической самодостаточности, культурной оригинальности, научного подъема.

Библиографический список

1. Бабурин С.Н. Возвращение русского консерватизма. – Москва: И-т русской цивилизации, 2012. – 832 с.
2. Население Казахстана // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 01.09.2019).
3. Тяпин И.Н. Философия и стратегия российской геополитики: история и современность // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 5. – С. 98–113.

Франц Валерия Андреевна

кандидат политических наук, доцент

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Email: val-franc@yandex.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В данной работе конструируются теоретико-методологические основания изучения культуры политического протеста как ресурса «мягкой силы» государства, а также оценки активного и пассивного «мягкого влияния» одних государств на другие посредством данного источника soft power. Культура политического протеста рассматривается в контексте конструктивистского структурализма, что предполагает выявление базовых когнитивно-оценочных кодов, формирующихся и транслирующихся в рамках различных политических культур, в том числе в контексте протеста. Акцент делается на распространении протестных настроений в среде молодежи.

Ключевые слова: «мягкая сила», протест.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код "soft power" как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

Frants Valeriya Andreevna

PhD (Political Sciences), Associate Professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

SOFT POWER OF THE CULTURE OF POLITICAL PROTEST: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY

Abstract. The paper considers the development of the theoretical and methodological basis for the study of the culture of political protest as a source of soft power of the state, as well as the assessment of active and passive "soft influence" of some states on others through this source of soft power. The culture of political protest is considered in the context of constructivist structuralism, which involves the identification of basic cognitive-evaluative codes that are formed and transmitted within various political cultures, including in the context of protest. The emphasis is on the spread of protest moods among young people.

Keywords: "soft power", protest.

В настоящее время в России отмечается очевидный рост протестных настроений и протестной активности граждан. При этом также растет уровень политического сознания и участия людей, уровень политической культуры.

Рост политической культуры и активности в России до сих пор происходит в немалой степени под влиянием (намеренным и ненамеренным) примера государств Западной Европы, а также США. В этом смысле можно говорить о культуре политического протеста как ресурсе soft power, или «мягкой силы», этих государств. Вместе с тем, через призму soft power вопросы политического протеста, в целом достаточно глубоко изученные, академической наукой рассматривались недостаточно.

Основной целью данной статьи является представление авторского теоретико-методологического подхода к анализу и оценке культуры политического протеста конкретного государства как источника soft power, а также характера и степени ее влияния на различные социальные группы в других государствах. Перспективой исследования является разработка алгоритма оценки «мягкой силы» культуры полити-

ческого протеста государства, а также эмпирического социологического измерения ее влияния на общественность других государств.

Концепция *soft power* была создана и популяризирована Дж. Наем в начале 1990-х годов. Най рассматривает мягкую силу как «способность получить желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [11, с. 20] Ученый утверждает, что основными источниками такого притяжения являются привлекательная культура страны, ее политические идеи, внешняя и внутренняя политика [12]. Данная трехэлементная система по сей день является наиболее популярной и распространенной. Говоря о привлекательных политических идеях и ценностях, мы хотели бы подчеркнуть особое место политического протеста и культуры его реализации, поскольку для широкой общественности именно он зачастую является наиболее прямым, доступным и эффективным способом выражения и защиты своих интересов.

Мы опираемся на классификацию *soft power* Дж. Наем на активную и пассивную, уделяя значительное внимание изучению последней. Кроме того, вслед за Е. Локком [8], У. Вьясом [4], А. Паталахом [13] и др. мы придерживаемся реалистической парадигмы, рассматривая «мягкую силу» культуры политического протеста конкретного государства в конкурентной среде.

В докладе речь пойдет о молодежном протесте, который, очевидно, имеет свою специфику, определяющуюся как социальным положением молодежи, так и ее психологическими особенностями. Кроме того, мы делаем акцент, в первую очередь, на распространении протестных настроений и соответствующей политической культуре.

Рассматривать «мягкое влияние» мы намерены через призму концепции «когнитивного кода». Данный термин употребляется нами в контексте теории «конструктивистского структурализма». Согласно данному подходу, «предметом социальных наук выступают социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени, а не гипотетическая социальная тотальность или поведенческие акты. При этом за объективированными социальными практиками скрываются исторически изменчивые символические структуры, имеющие в себе механизм трансформации символического содержания на язык повседневности и наоборот.

Из вышесказанного вытекает, что в конструктивистском структурализме индивидуальная или групповая политическая позиция определяется, прежде всего, когнитивно-оценочными кодами (схемами классификаций), формирующими понимание смысла политических действий. Посредством таких схем акторы классифицируют сами себя и позволяют квалифицировать [2]. При анализе «мягкого» влияния культуры политического протеста одного государства на другое нас будут интересовать, в первую очередь, те символические структуры, которые наиболее интенсивно усваиваются общественностью.

Описанные когнитивно-оценочные коды формируются в контексте властных отношений, которые мы склонны понимать в духе Х. Арендт как средство всеобщей взаимосвязи при достижении коллективной цели, обеспечивающее выполнение взаимных обязательств [1]. Именно из данного определения вытекает сформулированная российскими учеными М.В.Ильным и А.Ю.Мельвилем [7] классификация аспектов публичной власти, включающая директивный, функциональный и коммуникативный аспекты. Мы считаем принципиально важным, в какой из трех вышеуказанных парадигм существует общественное мнение того или иного государства и, соответственно, по преимуществу реализуется политический протест. На наш взгляд, о высоком уровне политической культуры государства говорит отношение к власти представителей государственных органов, а также широкой общественности преимущественно в контексте директивного и коммуникативного подходов.

Политический протест можно определить как вид политического участия, выражающийся в открытой демонстрации отрицательного отношения к политической системе в целом или ее отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям. Он может принимать и пассивные формы, крайней среди которых является

политический абсентеизм. Причинами протестного поведения могут быть: кризис традиционных норм, ценностей политической культуры, делегитимация политического режима, депривация индивидуума или целых социальных групп и др.

Культуру политического протеста можно определить как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, моделей поведения, касающихся характера, способов и форм проявления неприятия действующей власти в целом, господствующего политического курса, конкретных решений и действий политических властей разного уровня и т.п. Объем понятия «культура политического протеста» включает также культуру отношения и реагирования на протест официальной властью и широкой общественностью. Из данного определения, на наш взгляд, вытекает применимость в качестве теоретико-методологического базиса к анализу культуры политического протеста и ее «мягкой силы» структуралистской концепции «когнитивного кода».

Помимо формируемого когнитивного кода, при анализе «мягкого влияния» культуры политического протеста, мы намерены рассматривать такие аспекты конкретных политических практик, как пространство реализации (классификации и подходы Г.Г. Почепцова [14], А.В. Скиперских [15]), а также формы реализации в соответствии с классификацией Л. Милбрайта [10] – конвенциональные/неконвенциональные, активны/пассивные, индивидуальные/коллективные, в соответствии со степенью активности и т.п.

Подводя итог, можно сказать, что алгоритм оценки «мягкой силы» культуры политического протеста конкретного государства в отношении иного государства-реципиента может включать следующие шаги. Выявление базовых символических когнитивных кодов протестной культуры государства или его отдельных социальных групп; определение характера и степени влияния данных символических структур, или кодов, на общественность в государстве-реципиенте; установление основных конкурирующих (представленных в других государствах) ценностно-символических структур и анализ тенденций их влияния в государстве-реципиенте; выявление базовой парадигмы восприятия власти в воздействующем государстве, а также государстве-реципиенте, и трансформаций данной парадигмы в государстве-реципиенте под внешним воздействием; определение привлекательных для общественности государства-реципиента форм и пространств (включая виртуальные среды) реализации протестных настроений, а также характера и степени их заимствования; выявление основных каналов получения информации о культуре протеста и конкретных протестных практиках государства-источника «мягкой силы» общественностью государства-реципиента.

Библиографический список

1. Арентт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. – СПб.: Алетея, 2000. – 437 с.
2. Бурдые П. *Начала. Choses dites*. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
3. Бурдые П. *Социология политики*. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Vyas U. *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. – London: Routledge, 2010. – 204 p.
5. Гидденс Э. *Политика, управление и государство // Рубеж (альманах социальных исследований)*. – 1992. – № 3. – С. 78 – 107.
6. Завершинский К.Ф. *Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // ПОЛИС. Политические исследования*. – 2002. – № 3. – С. 19 – 30.
7. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. *Власть*. // *Полис. Политические исследования*. – 1997. – № 6. – С. 146 – 164.
8. Lock E. *Soft power and strategy: developing a “strategic” conception of power // Parmar I., Cox M. / Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives*. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2010. – 236 p.

9. Луман Н. Власть. – М.: Практис, 2001 – 256 с.
10. Milbrath L. Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics. Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – 223 p.
11. Nye J. (Jr.) Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – С. 153–171.
12. Nye J. (Jr.) The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.
13. Patalakh. A. Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research // CIRR. – 2016. – № 22(76). – С. 85–112.
14. Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Издательство: Европа, 2005. – 513 с.
15. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. – 2014. –№ 1 (47). С.108–113.

Научное издание

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

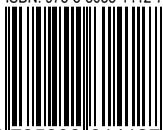
21–24 ноября 2019 г.

Санкт-Петербург, ГУАП/Saint Petersburg, SUAI

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ЧАСТЬ 1

ISBN: 978-5-8088-1412-7

9 785808 814127

Публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. Н. Караваевой*

Сдано в набор 08.11.2019. Подписано к печати 14.11.2019. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 14,9. Тираж 200 экз. Заказ № 486.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67